

ШАРЛЬ ПЕРРО

Сергей
Бойко

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

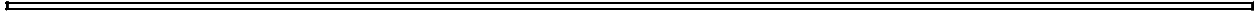
В книге представлена первая на русском языке биография великого французского сказочника Шарля Перро (1628–1703), автора «Золушки» и «Кота в сапогах», «Красной Шапочки» и «Синей Бороды» — сказок, которые каждому из нас знакомы с детства. При жизни он был известен прежде всего как автор напыщенных поэм и трактатов, а также как сановник, ведавший официальным прославлением в произведениях литературы и искусства короля Людовика XIV, и академик (а одно время даже председатель) Французской академии. Однако подлинное бессмертие в веках принесли ему восемь небольших сказок, опубликованных им от имени сына Пьера в сборнике «Сказки матушки Гусыни» в 1696 году.

-
- [С. П. Бойко](#)
    -
    - [ОТ АВТОРА](#)
    - [Часть первая](#)
      - [1628 год](#)
      - [1629–1635 годы](#)
      - [1636–1638 годы](#)
      - [1638–1639 годы](#)
      - [1640–1642 годы](#)
    - [Часть вторая](#)
      - [1643 год](#)
      - [1644 год](#)
      - [1645–1647 годы](#)
      - [1648 год](#)
      - [1649](#)
      - [1650–1652 годы](#)
      - [1653 год](#)
      - [1654–1656 годы](#)
    - [Часть третья](#)
      - [1657 год](#)
      - [1658 год](#)
      - [1659 год](#)
      - [1660 год](#)

- [1661–1662 годы](#)
- [1663 год](#)
- [1664 год](#)
- [1665 год](#)
- [1666 год](#)
- [1667–1668 годы](#)
- [1669 год](#)
- [1670](#)
- [Часть четвертая](#)
  - [1671 год](#)
  - [1672 год](#)
  - [1673–1675 годы](#)
  - [1676–1677 годы](#)
  - [1678 год](#)
  - [1679–1681 годы](#)
  - [1682 год](#)
  - [1683 год](#)
  - [1684](#)
- [Часть пятая](#)
  - [1685 год](#)
  - [1686 год](#)
  - [1687 год](#)
  - [1688–1689 годы](#)
  - [1690–1691 годы](#)
  - [1692 год](#)
  - [1693 год](#)
  - [1694 год](#)
  - [1695 год](#)
  - [1696 год](#)
  - [1697 год](#)
  - [1698 год](#)
  - [1699 год](#)
  - [1700 год](#)
  - [1701–1702 годы](#)
  - [1703 год — последний](#)
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШАРЛЯ ПЕРРО](#)
- [КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)

С. П. Бойко Шарль Перро

Посвящается светлой памяти МАРКА СОРИАНО, профессора Парижского университета, который вдохновил меня на написание этой книги и долгие годы помогал в воссоздании живого образа великого французского сказочника.

Шарль Перро — генеральный контролер построек. 1665.

ОТ АВТОРА

В 1905 году французский историк Э. Лависс заметил: «Мы лучше знаем французское общество в Средние века, римское общество, общество Древнего Египта, чем французское общество XVII века, пребывающее во мраке за декорацией Версаля».

Это парадоксальное утверждение верно и сегодня. Целые библиотеки исторических сочинений написаны о «великом, блистательном веке» Франции, однако при его изучении мы то и дело наталкиваемся на «белые пятна». В тени остаются не только важные исторические события, но и люди, игравшие заметную роль в государственной, общественной, культурной жизни страны.

Одной из таких фигур является Шарль Перро — вельможа, ученый, писатель, сказочник... Кажется поразительным, но до сих пор он остается совершенно незнаком русской исторической и филологической науке.

Жан де Лабрюйер в книге «Характеры» писал: «Время от времени на земле рождаются необыкновенные, замечательные люди, чья добродетель сверкает, чьи высокие достоинства отбрасывают яркий сноп лучей...» При этом он имел в виду блистательную плеяду классиков Франции XVII века: Корнеля, Расина, Мольера, Лафонтена, Буало.

Но чаще рождаются, добавим мы, люди, казалось бы, самые обыкновенные, которых никто не принимает всерьез и которые живут невидимками в своем времени. И случается так, что проходит время и яркие звезды, сиявшие на небосклоне их века, тускнеют. Произведения прежних властителей дум уже не вызывают никакого ответного чувства у потомков, и только громкое их имя еще долго, как эхо, звенит в глубинах истории. А казавшийся незаметным автор, непонятый современниками и не оцененный ими, продвигаясь во времени, вдруг становится звездой первой величины в непостижимом для его воображения будущем.

Таков Шарль Перро.

Даже в XIX веке на своей родине он все еще не был оценен по заслугам. Александр Дюма в книге «Людовик XIV и его век» не нашел строчки для того, чтобы хотя бы вспомнить о его существовании. Оноре де Бальзак, написав о Мольере и Лафонтене, не удосужился хотя бы в перечне известных людей семнадцатого столетия вспомнить о их современнике Шарле Перро. В академических трудах о культуре Франции XVII века многие страницы посвящены Пьеру Корнелю, Жану Расину, Николя Буало,

Жану Лафонтену, Жану Батисту Мольеру, а имя Шарля Перро встречается лишь в перечислении «других» современников.

Понадобилось 300 лет, чтобы время, этот самый строгий критик и судья, расставило свои акценты и Шарль Перро, как метеор, вынырнул из глубин памяти на небосклон мировой литературы. Чистые, ясные, как жемчужины, волшебные сказки, написанные им вместе с сыном Пьером, оказались близки и понятны нам.

Но если во Франции о Шарле Перро вышли многие и многие книги, если в ряде европейских стран опубликованы монографии о великом сказочнике, то в России эта фигура все еще плотно закутана в черный плащ неизвестности. Нет, конечно, сказки Шарля Перро знают и читают, но все остальное его творчество, как и сложный жизненный путь, остается тайной.

В своем рассказе о жизни великого сына Франции я руководствовался словами знаменитого ректора Лионского университета Поля Таверне, который в своей книге «Краткие разговоры о разных, до наук и до любопытства касающихся весьма курьезных вещах, в вопросах и ответах представленные» (издана в Париже в 1597 году, переведена на русский язык в 1751 году) писал:

«Надобно всю жизнь человеческую за лестницу о пяти ступенях почитать: первая ступень — младенчество, вторая — детство (сейчас мы бы, пожалуй, сказали: юность. — С. Б.), третья — мужество, или возмужалость, четвертая — совершенные лета (зрелость) и пятая ступень — старость. Во всякой ступени по 14 лет, а пять по 14 — это 70 лет, которые от Царя и Пророка на обыкновенную жизнь всякому человеку определены».

Этой «лестнице о пяти ступенях» в точности соответствуют этапы жизни нашего героя. Каждая из ступеней дает название каждой из частей книги.

Часть первая

МЛАДЕНЧЕСТВО (1628–1642)

1628 год

Пакетт Леклерк восхищенно смотрела на двух маленьких существ, лежавших около нее на широкой деревянной кровати, и говорила мужу:

— Смотри, Пьер, какие голубые глазки у Франсуа, какой аккуратный носик, а улыбка-то, улыбка какая добрая...

— Франсуа, Франсуа... — шутливо поворчал муж, — только о нем и говоришь. А все потому, что он старше.

— Тоже скажешь, старше! — смутилась жена. — Оба в один день родились!

— Нет уж, Пакетт, не отказывайся, ты смотришь только на Франсуа, ласкаешь первым Франсуа, кормишь первым Франсуа, а бедный Шарль терпеливо ждет, когда его братец насытится. А разве он хуже? Смотри, какой ум читается на его лобике... Наверно, он будет если и не адвокатом, то, по крайней мере, судьей!

Женщина с мягкой и доброй улыбкой поправила одеяльца на обоих новорожденных.

— Не знаю, Пьер, что тебе взбрело в голову. Мне кажется, я люблю их обоих.

Их разговор продолжался бы и дольше, если бы у Шарля не раскрылись шелковые пеленки. Франсуа, словно почувствовав это, залился горьким плачем.

Мать любовно запеленала Шарля, успокоила Франсуа и, вызвав служанку, передала ей детей, а сама легла спать. Отец вышел из ее спальни и тихо закрыл дверь.

Так начался еще один день двух братьев-близнецов, появившихся на свет в Париже 12 января 1628 года. Одному из них суждено было уйти в иной мир, прожив всего несколько месяцев. Зато другому судьба уготовила долгую жизнь, полную тревог, радостей, потерь, достижений, взлетов, падений и наконец бессмертия.

Как дают имена? Говорят, что имя человека во многом определяет его характер, склонности и привычки и даже его судьбу.

Появление близнецов было чрезвычайным событием в семье Перро, и имена поэтому нужны были особые.

Давно замечено, что имена, которые дают близнецам, чаще всего дополняют друг друга или по крайней мере очень близки. Например, Одиль и Сесиль, Эдмон и Раймон, Роза и Маргарита, Пьер и Поль.

Биограф Шарля Перро профессор Парижского университета Марк Сориано долго не мог понять, что же объединило имена Франсуа и Шарль. Наконец ему открылась логика отца, Пьера Перро, крупного буржуа, который боготворил своих детей. Он дал сыновьям имена двух французских королей, которые наследовали друг другу: за Франсуа (Франциском) II (1559–1560) правил Шарль (Карл) IX (1560–1574). Не говорит ли это о том, что Пьер Перро ждал от своих близнецов великого будущего?

Обряд крещения проходил очень торжественно. Старший брат близнецов Пьер и двое его друзей заткнули за воротник длинные белые полотенца и, придерживая их за концы, растянули перед собой во всю длину: одним полотенцем полагалось накрыть купель со святой водой, другим — купель пустую, третьим — чашу с солью. Повитуха, принимавшая Шарля во время родов, держала крестильный чепчик, который следовало надеть на младенца после крещения. Новорожденные, лежащие у матери на руках, были закутаны в теплые одеяльца. Процессия двинулась к часовне. Впереди шли двое друзей семьи с горящими свечами. Ветра почти не было, и пламя свечей слабо колебалось.

Вся часовня была затянута тканями, пол вокруг купели застлан алым шелком. Сбоку стоял стол, на котором расстелили беличье одеяло, прикрыв его тонкой простыней. Сверху положили шелковые подушечки. С полдюжины жаровен едва прогревали холодное помещение.

Пакетт принялась распеленывать Франсуа. Уже в пятый раз участвовала она в этой церемонии, но каждый раз волновалась. И ей было очень приятно услышать чей-то мужской голос: «Какой красивый мальчик!» И женский: «Ах, просто прелесть!» Она на всю жизнь запомнила эти слова, тем более что потом, когда она протянула священнику другого младенца, те же голоса произнесли совсем другие фразы: «А этот похуже!» — «Да он весь в сыпи!»

Она бы не придала никакого значения сказанному, однако через несколько месяцев один из близнецов умер. Так и остались в ее памяти впечатления посторонних людей, глядевших на ее малышей: Франсуа —

изящный, беленький, красивый, а Шарль — едва ли не урод...

От купели близнецов принимал Пьер — их старший брат. А кто еще участвовал в церемонии? И кто вообще мог позаботиться об этих двух маленьких и беззащитных существах? Таких людей было немало.

Семья Перро к тому времени состояла из шести человек. Отец, Пьер Перро, родился в городе Турне и происходил из семьи буржуа. Двумя поколениями раньше его предки были торговцами. Пьер Перро уже отошел от этой профессии. Он получил хорошее образование и стал преуспевающим адвокатом парижского парламента. Мать — урожденная Пакетт Леклерк — происходила из дворянского сословия и была весьма богата. Уроженка провинции Иль-де-Франс, она любила повторять, что родилась на острове: ведь Иль-де-Франс в переводе — остров Франции. Пять речек окружают земли провинции: Сена, Марна, Уаза, Эн и Урк. «И заметьте, — добавляла она, — столица провинции Иль-де-Франс — не какой-нибудь городишко, а Париж!»

Пакетт Леклерк была прихожанкой той же церкви Сент-Этьен дю Монт, куда ходил и Пьер Перро, и их взоры впервые встретились здесь. Была ли любовь? Возможно. Но главной причиной их брака, несомненно, стал материальный расчет: Пакетт Леклерк принесла мужу большое приданое и укрепила состояние будущей семьи.

Через год после свадьбы, в 1609 году, родился первенец Жан, будущий адвокат.

2 апреля 1611 года родился Пьер Перро, будущий генеральный сборщик финансов Парижа.

25 сентября 1613 года родился Клод Перро, будущий медик и архитектор, автор проекта всемирно известной галереи Лувра.

7 июня 1624 года родился Николя Перро, будущий доктор Сорбонны.

Этой семье предстояло сыграть значительную роль в жизни Франции. Славу ей принес Шарль.

Франсуа же не суждено было принять эстафету у старших братьев. В июле 1628 года он умер.

Когда гробик с тельцем Франсуа выносили из дома, маленький Шарль вдруг зарыдал во весь голос. В этой суматохе, вызванной смертью одного из близнецов, его плач был так некстати: он отвлекал и раздражал. Кормилица Розалина расскажет потом, что мальчик еще долго после ухода взрослых не мог успокоиться и плакал так горько, будто понимал, что потерял брата.

Надо полагать, все так и было. Современная наука подтверждает, что разделение близнецов всегда жестоко влияет на них. В отрочестве это, как правило, менее болезненно, в детстве — почти смертельно. Смерть же одного из близнецов ощущается другим как невозполнимая утрата. Профессор Марк Сориано приводит примеры, когда оставшиеся в живых близняшки слабели и едва не умирали от горя. И лишь появление младшей сестры или младшего брата — маленького живого существа, о котором нужно было заботиться и которого нужно было опекать, — могло исцелить их.

Семьдесят лет спустя Шарль Перро начнет свои «Мемуары» словами: «Я родился 12 января 1628 года вместе с братом-близнецом, который родился за несколько часов до меня и умер спустя шесть месяцев». Всю жизнь он нес в себе это трагическое воспоминание и считал смерть брата важным событием своей жизни, именно с нее начав свои воспоминания...

Быть может, это чужие воспоминания — воспоминания родителей и братьев, которые часто рассказывали Шарлю о его брате? Возможно. Однако психоаналитическая практика иногда регистрирует поразительные случаи воспоминаний — особенно при эмоциональных потрясениях, когда вспоминается даже первый год жизни. Быть может, в «Мемуарах» Перро приводит те самые воспоминания, которые отложились у него с необычайной точностью?

Ему просто-напросто не хватало брата, словно у него осталась одна нога, или одна рука, или один глаз.

Те, у кого были близнецы, знают, что малыши, просыпаясь в разных кроватках, смотрят первым делом не на мать и не на кормилицу, а друг на друга. Если брат еще спит — малыш тихо играет. А если тот выпростал ножки из-под одеяла и болтает ими — тоже начинает баловаться.

Те, у кого были близнецы, знают, что братья или сестры не хотят ничем отличаться друг от друга, ибо они — нерасторжимое целое. Они одинаково одеваются, у них одни и те же вкусы: очень часто парни любят одну девушку, а сестры-близнецы влюбляются в одного юношу.

Из истории медицины известно, что у близнецов одинаковая температура тела и абсолютно идентичный состав крови. Часто (не всегда, но часто), если приходится удалять аппендикс одному, то буквально через несколько часов аналогичная операция требуется другому.

Встречаются и вовсе поразительные случаи. Когда братья-близнецы,

вынужденные расстаться, встретились через 39 лет, оказалось, что у обоих во время обучения были трудности с грамматикой и математикой, что в одном возрасте они прибавили в весе и на одинаковое число килограммов, что оба женаты во второй раз, оба в одном и том же месяце сломали правую ногу, у обоих по трое детей — два мальчика и одна девочка. И когда они, наконец, встретились, то почувствовали необыкновенный прилив сил и хорошего настроения.

У Шарля все было труднее: оставшись в одиночестве, он испытывал неуверенность, словно остался без опоры, и потому, наверное, начал разговаривать и ходить значительно позже своих сверстников. Отец и мать думали даже, что он не вполне нормален, и, может быть, еще и от этого постоянно вспоминали Франсуа, который, по их мнению, вырос бы не в пример удачливее младшего брата-близнеца. Они считали, что малыш еще ничего не понимает, и потому повторяли то и дело имя Франсуа, а Шарль все слышал, все понимал, и его крохотное сердце сжималось от неизбывной тоски по любимому брату, а еще больше — от собственной неуклюжести, особенно из-за постоянных — и, увы, не в его пользу — сравнений с умершим братом.

Впоследствии слуги часто говорили «мадам», что Шарль плачет, забившись в уголок, или вздыхает, как взрослый, и Пакетт Леклерк призывала к себе сына и успокаивала его. Прижавшись к ее груди, он затихал, но ненадолго — стоило ей отстранить его, как она снова видела глаза, полные слез. Может быть, чуткий мальчик чувствовал, что, когда мама прикасалась к нему своими мягкими нежными руками, она видела перед собой не его, а умершего Франсуа? Ведь у них у обоих черты и линии лица были те же, что у нее: густые брови, добрые глаза, широкий лоб, темные пышные волосы, маленький сжатый рот, волевой подбородок! Иногда мать выдавала себя, когда, отчаявшись успокоить Шарля, говорила:

— Как тебе не стыдно плакать! Ты вон живой и здоровый, а мой маленький Франсуа... — и теперь уже она заливалась слезами, а он, прижавшись к ней, пытался ее успокоить, и душа его наполнялась страданием и болью утраты.

А отец в этом случае выражался определеннее:

— Конечно, Франсуа не был бы таким плаксой, как ты!

Пройдет много лет, и Шарль Перро почти в каждой своей сказке поселит близнецов, и всегда страдать будет младший, а старший окажется в более выигрышном положении.

Не от этого ли Шарль Перро вспоминал свое детство как постоянную муку?

1629–1635 годы

А в остальном его ничем не отличали от других. Красиво одевали, возили в карете. Ему дарили игрушки, он ел за общим столом то же, что и родители и братья.

С четырех или пяти лет его любимой игрушкой стал «Замок». Это была точная копия средневековой крепости, высотой в рост мальчика, если считать шпили башен.

Чаще товарищем его детских игр становился Николя, который был старше Шарля всего на четыре года. Но Шарль был не прочь поиграть и с другими братьями, особенно с Пьером, которого очень любил. Он подходил к Пьеру, дергал его за чулки и, глядя едва ли не в потолок, просил: «Играть!»

Нечасто, но старший брат соглашался — ибо и сам любил эту игру — и снимал с замка крышу со шпильями. Взору братьев открывалась внутренность замка: залы, коридоры, комнаты, переходы, лестницы и всюду — крохотная мебель и люди в той одежде, какая у кого должна быть: прислуга ли, хозяева или гости. Головы куколок были вылеплены из воска, а все тельца были деревянными, как и стены и перекрытия замка.

Игра заключалась в том, чтобы «оживить» игрушку. Хозяин-рыцарь — чаще всего им был Шарль — останавливался на коне перед подъемным мостом вместе с небольшим отрядом и трубил в рог. Это особенно хорошо получалось у Шарля. Для этого у него была игрушечная труба, и он громко и долго в нее дудел. Управляющий замка — лучше всего, если это был Пьер, — открывал ворота, опускал мост и встречал хозяина. И замок оживал: рыцарь входил в просторную прихожую, снимал доспехи; разоружались и его воины. Они пришли с победой, но устали и проголодались и сразу же спешили к столу. Управляющий «разжигал» камин, его слуги накрывали крохотный стол, приходили музыканты, и начинался праздник.

На первых порах Шарль играл только одну роль — рыцаря — хозяина замка, а все другие роли — управляющего, слуг, воинов, менестрелей и даже дам — играл Пьер. Если у него было хорошее настроение, он с удовольствием исполнял роль менестрелей: пел старинные французские песни, читал стихи и даже рассказывал сказки. Но по мере того как Шарль подрастал, роль менестрелей он стал брать на себя и вдохновенно повторял то, что когда-то слышал от Пьера, либо то, что узнал сам. Пьер поощрял эту самостоятельность младшего брата, ибо у адвоката должен быть хорошо

подвешен язык, а Шарля конечно же готовили продолжать традиции отца.

Однажды Шарль спросил у брата:

— Пьер, а как придумали игры?

Старший брат не нашелся сразу, что ответить, а потом вспомнил, что вычитал у Геродота:

— О, братик, это интересная история! Как-то царь Аллиат напал на страну Лидию и окружил ее столицу. Людям нечего было есть, и они стали придумывать средство против голода — и каждый придумывал свое особое. Тогда, говорят, и были изобретены игры в мяч, в куб, в кости и другие.

Мальчик принял это объяснение и только когда вырос, узнал, что игры и игрушки появились у людей задолго до Геродота.

Лет с семи он освоил и сарбакан — прицельную стрельбу по кольцу, подвешенному на шелковой нитке к потолку. Он выдувал из трубки маленькие шарики, большой запас которых имелся у него в коробке, и всякий раз, когда шарик, пролетев через кольцо, не разбивался о стену, поднимал его и снова стрелял.

Под Новый год Шарль с братьями любил ходить по бульварам, где шла оживленная торговля игрушками. Братья набирали целую корзину и в новогоднюю ночь устраивали игры.

Игрушки вводили маленького Перро в оглушительный и непонятный мир взрослых. Он узнавал, что лошадей запрягают в карету, что кучеру положено сидеть на козлах, что за городом в лесах бегают хищные звери: медведи и волки, а в жарких странах водятся львы и крокодилы. Кубики учили его строить дом, куклы рассказывали о том, как одеваются мужчины и дамы.

Любил Шарль игру в бильбоке, в настольный бильярд и рано освоил карты — самую популярную игру того времени. Позднее, во времена Фронды, когда ему будет уже 20 лет, он вспомнит и пращу, с помощью которой малышом бросал камешки. Эта игра называлась «фронда».

Иногда Шарль шел на кухню, где у огромного очага сидели домочадцы и обсуждали итоги дня. Он забирался поближе к очагу и был рад, если какая-нибудь из служанок сажала его на колени и прижимала к себе. Шарль ждал самого интересного: когда начнется сказка.

Но начиналась она далеко не всегда. Чаще домочадцы обменивались новостями или рассказывали разные истории.

Зато когда за окном лил дождь или завывала буря, а у огня было тепло и покойно — именно тогда и приходила в гости сказка. Звучала она и в долгие зимние вечера... И часто именно здесь, у очага, Шарль отходил

душой, и улыбка трогала его губы. Может быть, именно потому так глубоко и вошла в его сердце и навсегда поселилась в нем сказка?

И в самом деле, разве можно было без улыбки слушать такую вот, например, сказку:

«Раз в деревне подняли крик: „Глядите, глядите, лиса уносит петуха. Это петух Жана Лартинга!“

— Лиса, — сказал петух, которого лиса держала в пасти, — а ты бы ответила: „Канальи, вам какое дело?“

Едва лиса приоткрыла пасть, как петух улетел обратно к хозяину.

— Эх! — промолвила лиса, ужасно сконфуженная тем, что так осрамилась, — лучше бы мне без хвоста остаться!

В эту самую минуту кто-то из крестьян нанес лисе сильный удар топором и начисто, до самого зада, отрубил ей хвост.

— Ну и места! — закричала лиса, удирая со всех ног. — Здесь даже шуток не понимают!»

Чудо волшебных сказок Шарль стал понимать уже лет с четырех и был счастлив, если кто-нибудь начинал рассказывать про прекрасную Жанетон или про Жемчужинку, или про Людоэна-замарашку. А как он любил сказку про дочь испанского короля, про золотого драгуна, жениха-жабу!

Сколько чудесных сказок услышал он здесь, в Париже, и позднее в селе Вири, где жил с родителями и братьями. Он полюбил фольклор на всю жизнь. И любовь эта через много-много лет выплеснется в его сыне Пьере, записавшем народные сказки. А отец прочтет их и ахнет от восхищения. И допишет, доработает их, создав книгу, пережившую века.

*

Мир взрослых был огромен и непонятен.

С младенчества Шарль с родителями и братьями в положенные часы стоял на молитве перед изваянием Божьей Матери и совершал поклоны, осеняя себя крестным знамением — слева направо. Он смотрел на фитилек, который плавал в заполненной маслом лампаде. От слабого и беспокойного мерцания изваяние Божьей Матери словно двигалось... Он рано стал ощущать, что Бог рядом с ним, что он слышит его, а когда тени сгущались и фитилек подрагивал особенно резко — он был почти уверен, что Божья Мать там, в углу; ему даже виделась тень ее — она мирно и покойно смотрит на него и желает ему добра... Никогда, даже самым маленьким, он не боялся Бога и никогда не думал, что Бог может сделать ему плохо. Нет,

он всегда ждал от него защиты и получал ее, когда ему удавалось слиться с ним во время молитвы.

— Прежде всего мы должны научиться укреплять наше сердце в послушании Господу, — учил отец. — С этого нам надо начинать. А чтобы добиться чего-то, нам надо заставить слушаться наши ноги, руки, глаза. Тебе говорят старшие: «Стой!» — и ты должен остановиться. Тебе говорят: «Помоги!» — и ты должен помочь старику, как и тебе помогут в старости.

Но Шарль не знал еще и не мог понять, если бы ему стали об этом рассказывать, что в его стране люди по-разному молятся доброму Богу. Одни ходят к мессе — их называют католиками, другие принимают причастие — это протестанты гугеноты. У католиков церкви расположены почти на каждом шагу, а гугеноту нужно пройти или проскакать на коне двадцать миль, чтобы попасть к богослужению: так мало протестантских молелен; католики одеваются пестро, а протестанты строги в одежде: простой белый воротник украшает их темное платье.

Эти отличия в богослужении, одежде, обрядах не наносили никакого вреда Франции, а тем более Богу, но их возвели в принцип, сделали предметом ожесточенных споров. Протестантов превратили во врагов, и родину Шарля вот уже целое столетие разрывали религиозные войны. Тысячные войска представителей двух разных конфессий встречались на поле боя, и француз убивал француз только за то, что тот католик или гугенот. А во время Варфоломеевской ночи, о которой еще узнает Шарль, когда вырастет, были зарезаны, сожжены заживо, замучены десятки тысяч парижан-протестантов.

Когда Шарль еще только входил в этот мир, в январе 1628 года, религиозная война была в самом разгаре. По указанию кардинала Ришелье королевские войска осадили крепость Ла-Рошель, оплот протестантов.

На краю разверстого неба и моря серели бастиины огромной крепости, над которой тысячами летали стаи ворон, ибо в крепости начался голод и люди умирали даже на улицах. Шарль Перро вырастет и узнает: когда он еще лежал в пеленках и жив был Франсуа, пятьсот мужчин и женщин, особенно отчаявшихся и голодных, вышли из крепости и пошли просить хлеба у королевской армии. Они были такие же французы, как и солдаты, окружившие крепость. Единственная вина их состояла в том, что они были протестантами. Но король, как человек «истинной веры», не мог ответить добром на просьбу иноверцев. Он отдал приказ раздеть мужчин донага, а на женщинах оставить одни рубахи и повелел солдатам взять кнуты и гнать несчастных, как стадо, обратно к крепости. Но там не хотели впускать их: и самим было есть нечего. Три дня, холодных январских дня, стояли они в

таком положении под стенами Ла-Рошели, умирая от холода и голода, питаясь только теми воронами, которых удавалось поймать прямо на трупах. И когда, наконец, протестанты сжалились над единоверцами, в город вошла уже какая-то сотня человек, обмороженных, умирающих...

Такова была религиозная атмосфера, в которую входил младенец.

И он вынужден был принять ее такой, какая она есть. Уже позже, когда вырастет, он узнает, что семья его исповедовала учение Янсена, голландского проповедника, и что янсенисты были близки к протестантам.

*

В то время Франция, измученная религиозными войнами, обессиленная сражениями против англичан и испанцев, только начинала вставать на ноги. В Париже, в Лувре, хозяйничал человек, который начал выстраивать здание независимой, богатой и единой Франции, такой, о которой сотни лет мечтали французы и очертания которой наконец-то стали вырисовываться. Этим человеком был кардинал Ришелье. Придет время, и Шарль Перро предстанет перед ним и начнет у него свою службу.

Уже родился и живет девять лет на свете мальчик по имени Жан Батист и по фамилии Кольбер — будущий всемогущий министр финансов, при котором в течение двадцати лет Шарль будет влиятельной фигурой в Лувре и Версале.

Шарль только издал первый крик, а его будущие соратники или враги уже давно живут на свете: Шаплону — 33 года, Корнелю — 22, Мадлен де Сюдери — 21, Ротру — 19.

Шарлю было шесть лет, когда кардинал Ришелье основал Французскую академию, членом которой он станет через 43 года.

Он живет, осваивает мир и не знает, что скоро издадут свой первый крик люди, которым суждено будет стать его врагами на всю жизнь, — поэт Николя Буало и драматург Жан Расин.

Малышу было всего два года, когда в городе Бордо сожгли заживо 120 человек. Все они якобы были колдунами, наводившими на город грозы, бури, ненастья, голод и болезни. Наука во Франции была еще в зачаточном состоянии, и Перро придется приложить много сил к ее развитию, и он станет тем человеком, который наконец запретит казни колдунов, ибо причина мора и ненастья — в другом.

Шарлю было три года, когда в Париже снова началась эпидемия чумы. Страшной незваной гостьей она придет при его жизни еще три раза: когда ему будет 10 лет, 34 года и 40 лет. Тогда, в самый первый раз, малыш не мог понять того волнения, которое охватило его семью. Все куда-то бежали, суетились, кричали, слуги вытаскивали на улицу вещи, а вскоре няня вынесла и его, одетого для дальней дороги. В нескольких каретах с обозом повозок семья Перро поспешила в село Вири. По узкой немощеной дороге, ломая ступицы колес, переворачиваясь и поднимаясь, навстречу им или обгоняя их, ехали другие обозы: знать, придворные, чиновники, буржуа бежали из Парижа в свои старые замшелые замки, в загородные дома, в поместья.

В своих арендных договорах богатые землевладельцы заранее обговаривали свое возвращение: «В случае заразы каковой, не приведи Господь, — говорилось в одном из договоров, — они (арендаторы. — С. Б.) обязуются предоставить мне (хозяину. — С. Б.) комнату в доме... и я смогу поставить в конюшню своих лошадей для приезда и отъезда, а они обязуются предоставить кровать для меня».

Когда в Париже начиналась чума, покидали столицу и король со всеми придворными, члены парламента, мэр, священнослужители. Убегали все чиновники и законники, и тяжбы решать было некому.

Тысячи домов стояли покинутые, с забитыми крест-накрест окнами, а дома, где лежали больные, были помечены красными крестами.

Город замирал: улицы закрывались для движения, по ним ездила лишь служба, доставляющая продовольствие. Всюду — на улицах и площадях — горели костры.

...Уже в зрелом возрасте, попав однажды в зачумленный Париж, Перро ехал в закрытой карете сквозь едкий дым костров. Жгли можжевельник: считалось, что сильный запах этого кустарника прогоняет заразу. На площадях были устроены лазареты. За стенами палаток лежали зараженные чумой люди. Закутанные до глаз слуги проносили в крытых носилках своих хозяев, которые по той или иной причине не смогли выехать из города или, как и он, Перро, прибыли по неотложному делу. Среди больных ходил священник. Его колокольчик возвещал таинство причастия. Священник с незакрытым повязкой ртом говорил умирающим утешительные слова, и Перро видел в глазах людей надежду.

Париж мертв: никаких дел, никаких религиозных служб, за

исключением, может быть, какой-нибудь случайной мессы, которую священник служит на перекрестке и за которой заточенные в домах наблюдают из окон...

Десятилетним мальчиком в Вири за одним из ужинов он услышал, что их король, как и они, тоже покинул Париж, а вот отец нынешнего короля когда-то оставался в столице и вел себя очень смело: позволял зачумленным дотрагиваться до себя и даже сам целовал нарывы и язвы больных, обещая им выздоровление. Шарль посмотрел тогда на шишку на лбу Николя, подошел и поцеловал ее. Николя в ответ стукнул его, а родители и старшие братья засмеялись.

Этим смелым королем был Генрих IV.

От братьев Шарль еще в детстве услышал, что великий Генрих был первым из королей Франции, который произнес замечательные слова:

«Из долгих смут мое королевство вышло с новыми надеждами на разум, и эти надежды я буду поддерживать, а не пресекать. Границы моего королевства открыты, крепости полуразрушены, флот в плохом состоянии, многие провинции превращены войной в пустыню. Дабы народ мой мог есть досыта и рожать детей, я должен вложить меч в ножны».

Этот король был зарезан за 18 лет до рождения Шарля.

За обеденным столом в те времена трапезничали долго и основательно, и еда сопровождалась разговорами. Однажды Шарль услышал подробности этого злодеяния.

— Людовик XIII был еще ребенком, — рассказывал Жан, самый старший из братьев. — Когда он узнал, что его обожаемого, любимого отца хотят убить, и больше всего этого хочет его мать (она стояла во главе заговора), сын несколько раз пытался предостеречь отца. Однажды, гуляя по Лувру, отец с сыном зашли в потайную комнату, где стояли — словно живые латники — доспехи короля. Они казались Людовику огромными: железные ноги были выше его. И он тихо сказал:

— Всемиловитейший отец, вам бы следовало носить их днем и ночью.

Генрих серьезно ответил:

— Я вижу, что ты, к сожалению, уже не ребенок.

Через несколько дней он был зарезан ножом — ударом в грудь, которая так и не была прикрыта броней.

— Его убила его мать? — спросил с удивлением Николя.

— Нет, его зарезал чужой человек, — серьезно, как взрослому, ответил Жан.

— А сын простился с отцом? — опять спросил Николя.

— Его подвели к комнате, где лежал труп отца, — терпеливо разъяснял Жан. — И тут ребенок сделал то, чего от несмышленища никто не ожидал: на пороге комнаты, где лежал прах отца, он опустился на колени и на коленях совершил весь путь до него и поцеловал пол у его ложа.

После этого рассказа Шарль еще больше полюбил своего короля. Четверть века он прожил при Людовике XIII, и во время того памятного обеда в Вири король был еще в полном здравии.

*

...Чуму они пережидали в Вири, селении под Парижем, где у Пакетт Леклерк был большой крепкий дом. Многие счастливые месяцы жизни Перро прошли здесь на фоне чудесного пейзажа.

Много лет спустя, когда уже был продан родной дом, Шарль не раз вспоминал, как прекрасен был край его детства — как легки были голубоватые дали, нежен зеленый пух лесов, серебром звенели жаворонки в синем небе, тихо несли свои прозрачные воды реки. А каким пестрым ковром весной расцветали луга! А сверху надо всем этим краем клубились и таяли в светлом небе белые облака.

Парк был огромный. Аллеи его казались бесконечными. Деревья с густой кроной давали обильную тень. А сколько было цветов: и сиреневых, и нежно-розовых, и желтых, и ярко-красных!

Но особенно поражало его обилие воды. Он глядел на фонтаны: ни один не походил на другой! Подходил к бордюрам бассейнов («Они глубоки, не упади!» — предупреждали братья). Каскады воды, падающие среди гротов и утесов, неизменно вызывали его восхищение.

Малышу парк казался бесконечным. С утра и до вечера он бегал по аллеям и видел все новые и новые картины. И, конечно, ему еще было невдомек, что он видит лишь малую толику того прекрасного мира, в котором ему посчастливится жить долгие годы.

Спустя несколько дней брат взял его с собой на прогулку. Держа Пьера за палец, Шарль стал подниматься на взгорье. И хотя шли они по ухоженной аллее, путь казался ему трудным, бесконечным. Но когда поднялись на взгорье, он увидел Его...

Это был первый замок, который он видел в своей жизни. Стены были почему-то красного цвета, и это угнетало Шарля. Замок (это он потом понял из разговоров взрослых) был очень старый. Кирпич стал крошиться, в расщелинах между кирпичами рос зеленый мох. Когда-то крепкие

дубовые ворота дали трещину.

Перед замком мальчик увидел глубокую длинную яму. Она вся поросла кустарником и крапивой. Ему пояснили, что сюда когда-то заливалась вода, чтобы враги не могли взобраться на стены. А еще позже он узнал, что мост, по которому они шли к воротам замка, поднимается на цепях.

Замок так поразил и увлек Шарля, что позднее, в 1657 году, он воспел его в стихах вместе с братом Пьером...

Здесь же, на взгорье, в отдалении от старого замка, стояла деревянная церковь. Когда они, помолившись, переступили ее порог, малыш поразился богатому убранству церкви, которая снаружи казалась некрасивой.

Родители разрешали ему водиться с деревенскими детьми, и у него скоро появились друзья, босоногие и простоволосые, оборванные и полуголые. От них пахло потом, травами и дымом. Они учили его ловить и жарить птиц. Вместе с ними он подсушивал хлеб на горячих камнях и ел его с чесноком. А когда он подрос, они научили его пить вино.

Отец Шарля не препятствовал этому общению. Хотя он и был адвокатом парламента и стоял достаточно высоко на социальной лестнице. Но что он мог поделаться? Запереть сына в доме и не выпускать из парка? Да разве сам он в детстве не водился с простонародьем? Разве он не бегал босиком? Не нырял в речку? Да и чему плохому могли научить его сына крестьянские дети? Пить вино? Так оно в ту пору лилось, как вода! А главное, деревенские дети и деревенский воздух, чистая родниковая вода могли дать его сыну только здоровье, как одарили они здоровьем его самого и его старших сыновей.

А сам Шарль признается потом, что здоровая крестьянская жизнь и чудесная природа помогли ему открыть в себе те поэтические струны, которые зазвенели потом в его стихах, поэмах, сказках. Здесь, в Вири, он впервые различил неистощимое разнообразие луговых трав, впервые заметил венчики на цветах и чудесную пыльцу на самом их доньшке, разглядел мягчайший пушок на брюшке утенка, переливы солнечных лучей на крылышках стрекозы. Здесь, в Вири, он ощущал почти ослепляющее счастье жизни, приходившее в те минуты, когда он ложился навзничь на луг, смотрел в небо и угадывал в форме облаков таинственные фигуры, надеясь узреть Господа Бога в глубине сверкающей лазури.

*

Лет с шести мать стала учить сына чтению. Сначала они знакомились

с алфавитом — для этого брали кубики с наклеенными на них бумажками. Потом из кубиков стали складывать слова.

Мать и отец давно заметили, что младший их сын, мягко говоря, не удался. Он медлил с ответами на самые простые вопросы, туго соображал, если его о чем-то просили, невнимательно слушал. В игре с кубиками его тугоумие проявилось в полной мере. Шарль никак не мог понять, чего от него хотят, и соединял любые кубики — кроме тех, которые нужно.

Иногда, в редкие часы, когда дома был отец, он также включался в учение. Но терпения у него было еще меньше, чем у матери, и все кончалось тем, что он больно шлепал сына, стучал кулаком, обзывал его тупицей и убегал, а Шарль заливался слезами.

Он хотел сделать то, о чем просили отец и мать, но какие-то посторонние мысли сбивали его, и он никак не мог понять, почему надо складывать именно эти кубики, а не те и какая от этого будет польза.

Мать была терпеливее, но и ей приходилось шлепать Шарля, чтобы вернуть его с небес на землю.

— Да что с тобой? — сердилась мать. — О чем ты все время думаешь?

А он, если бы даже и захотел, ничего не смог бы объяснить ей. Сам, не замечая того, он все время помнил о брате-близнеце, который должен был быть рядом, но которого нет и которого он, конечно, никогда не встретит. И оттого слезы наполняли его глаза.

Как раз в это время, когда Шарлю исполнилось шесть лет, в 1634 году, в Италии вышла в свет книга сказок Джамбаттисты Базиле, опубликованная после его смерти. Это событие он сумеет оценить лишь через много-много лет, когда сам станет сказочником.

А что тогда? Читал ли он сказки?

Специальной детской литературы в то время еще не было, и дети читали те книжки, которые продавались для взрослых в специальных книжных лавках и на базаре — «вразнос». Тут и купили ему сказку «Гризельда» — книжечку, напечатанную на синей бумаге. Он помнил ее всю жизнь — недаром на этот сюжет он напишет свою первую сказку, когда станет сказочником.

Нельзя сказать, что «Гризельда» и другие подобные ей книжки были именно сказками. Некоторые из них вообще не содержали ничего сказочного, но все они погружали читателя в атмосферу магии.

Именно в этих книжках Шарль впервые встретился с волшебными вещами: в «Фортунатусе» были яблоки, от которых, если их съешь, вырастают рога, и другие, от которых они исчезают. В книге «Дети Фортунатуса» имелся кошелек, который никогда не пустует. Кроме того, в

этих тоненьких книжках присутствовали чудесные фонтаны, молодильные яблоки и другие волшебные вещи.

Дети и в те далекие годы тянулись к чудесному: мир открывался для них загадочным и таинственным. Впечатлительная детская душа Шарля на всю жизнь сохранила этот интерес к чудесному, волшебному. Придет пора — и он сам начнет писать сказки, и книги Джамбаттисты Базиле «Сказка сказок» и Джан Франческо Страпаролы «Приятные ночи» помогут ему войти в волшебную страну.

1636–1638 годы

Осенью 1636 года отец отвел Шарля в коллеж Бовэ — он находился недалеко от Сорбонны. Отец был высок ростом, при быстрой ходьбе подавался вперед всем своим плохо гнущимся станом и руки при этом держал за спиной. Шарль едва поспевал за ним.

У порога мальчик остановился и сколько ни уговаривал его отец, не хотел идти туда, куда уже не раз заходил со старшим братом. Но тогда он знал, что Николя будет рядом, что он не бросит его, а сейчас все по-другому: отец оставит его в классе одного...

Отец все же затащил сына в классную комнату и усадил за стол.

— Папа, не уходи! — прошептал мальчик, и глаза его были полны слез.

— Я сейчас приду, — пообещал отец. — Я только переговорю с учителем!

Двое мальчишек, находившихся в классе, были так же перепуганы, как и Шарль, однако не до такой степени, чтобы не увидеть плачущего мальчишки.

— Плакса! — прошипел один из них.

В ответ Шарль втянул голову в плечи и сжался в комок: испугался, что его поколотят. Но мальчишкам было не до драки.

Когда отец вернулся, Шарль уже не плакал. Он только крепко стиснул зубы.

— Ну, успокоился, Шарль? — улыбнулся отец.

Мальчик ничего не ответил. Он считал, что отец поступает жестоко, бросая его одного. Шарль даже не поднял глаз и не кивнул отцу на прощание, а только еще крепче сжал зубы и уцепился пальцами за крышку стола.

Отец провел рукой по волосам сына и долго — так казалось Шарлю —

шел через класс, а потом обернулся, махнул рукой и вышел, а вскоре вошли еще несколько родителей с детьми. Класс наполнялся.

А потом, когда классная комната уже была полна, вошел учитель — высокий, худой, в черной шапочке поверх седого парика и в черном камзоле. Поздоровался, сел, оглядел класс.

— Давайте знакомиться, — весело сказал он. — Меня зовут Жан Гриншер. Я буду вас учить читать и писать по-латыни, познакомлю с самыми обычными вещами, и вы увидите, что они не так уж и обычны. А теперь назовите свои имена.

Он поднимал одного за другим мальчишек, и те — кто робко, кто посмелее — называли себя. Когда очередь дошла до Шарля, тот продолжал сидеть как приклеенный.

— Ну что же, мальчик, — ласково улыбнулся ему учитель, — встань и назови свое имя.

Шарль едва смог пересилить себя и подняться, а вот голос ему совсем отказал и губы стали как каменные. С большим трудом учитель выяснил его имя, а вот фамилию, сколько ни бился, так и не смог узнать. Тогда учитель подошел к мальчику, вынул из его сумки тетрадку и прочел надписанную отцом фамилию.

— Перро? — удивился учитель. — У меня учились Перро Жан, Пьер и Клод. Николя и сейчас учится. Это твои братья? Так ведь?

Шарль кивнул головой.

— Так это же лучшие ученики коллежа! Ты должен учиться как они!

Мальчик молчал.

После урока чужие мальчишки окружили его и стали шипеть и шепелявить, передразнивая его ответы. И мальчик опять заплакал.

Так началась его учеба в коллеже. Ему было тогда восемь с половиной лет...

*

В коллеже было четыре факультета: искусств, медицины, права и теологии. Николя учился на последнем, Шарль на первом — факультете искусств. В коллеж принимали с девяти лет, Шарля отдали на полгода раньше. Родители надеялись, что он за эти лишние шесть месяцев лучше освоится.

Коллеж находился на улице Сен-Жан де Бове. В момент поступления туда Шарля им руководил Жан Гриншер, королевский профессор латыни.

Один из лучших преподавателей Парижа, он стремился проводить реформы, желая улучшить дисциплину и учебу одновременно, чтобы не дать детским умам оказаться в коварных сетях иезуитского ордена, который все шире распространял свое влияние.

Жан Гриншер был поклонником гениального чешского педагога Яна Амоса Каменского, книги которого — «Открытая дверь языков» и «Преддверие» — всегда лежали на его учительском столе. Эти учебники латинского языка он считал лучшими.

Латынь в ту пору была языком ученых и вообще образованных людей. Ею пользовались и в чтении, и в переписке, а часто и в разговоре. Без латыни человек не мог шагнуть в мир знаний, ибо на этом мертвом языке были написаны главные книги — как научные, так и художественные. Поэтому на Жане Гриншере лежала самая трудная миссия — научить детей свободно читать, писать и говорить на латинском языке. Самым главным нововведением, подхваченным им, было то, что он предпочитал грамматики, написанные на французском языке, а не на латыни.

На занятия профессор приходил всегда безукоризненно одетым: на его камзоле черного шелка лежал, почти покрывая плечи, широкий белый отложной воротник. Штаны его были ниже колен затянуты черным шнурком, концы которого свисали на синие, зеленые или красные чулки. Сапоги были всегда хорошо начищены. Такой же чистоты в одежде он требовал от учеников. Конечно, он понимал, что на первой же перемене дети станут бегать, тискать друг друга, падать и придут на второй урок помятыми, а иногда и выпачкавшись. Он сам был таким же в детстве. Но в коллеж тем не менее все должны были приходить опрятными.

Шарлю сшили несколько разных по цвету камзольчиков с небольшими округленными отложными воротничками, штаны с завязками под коленями, разноцветные чулки, несколько пар туфель. Круглую шапочку Шарль надевал уже при выходе, и длинные, до плеч волосы ниспадали из-под нее широким «водопадом».

Жан Гриншер заметил Шарля Перро, пожалел и взял под свою защиту. Он только не мог понять, как у бойких бедовых братьев мог вырасти такой тихоня и плакса.

*

Первые годы учебы в коллеже стали для Шарля настоящей пыткой. Он боялся учителей так же, как и отца и мать, которые учили с ним уроки по

вечерам. При этом они постоянно кричали на него и шлепали за то, что он не может выполнить самое простое задание. «Мать потрудились научить меня читать... Мой отец брал на себя труд заставлять меня повторять уроки по вечерам после ужина», — вспоминает он в «Мемуарах». И если бы не эта помощь отца и братьев, очень скоро его выгнали бы из коллежа как неспособного. С большим трудом, через слезы и муки, родные добивались от Шарля, чтобы он выучил задание, и на уроке он автоматически отвечал возбужденное накануне. Позднее, когда он добился некоторых успехов в латыни, отец стал требовать от него — как и от Николя — повторять основную суть урока на латинском языке.

«Этот метод, — вспоминал Шарль, — очень хорош для развития тех, кто учится, для проникновения в сущность авторов, которых они заучивают наизусть».

С Николя отец «расправлялся» быстро, зато с Шарлем ему приходилось изрядно поработать, чтобы тот наконец преодолел свою робость и сносно изложил материал.

— Не знаю, Пакетт, — жаловался он жене после этих занятий, — что будет делать Шарль в старших классах? Он не осилит программу!

— Все в руках Божьих, — часто отвечала жена, не поднимая глаз от вязания. При этом — не часто, но бывало — у нее опять вырывалась все та же крамольная фраза: «Ах, если бы был жив Франсуа...»

*

Жан Гриншер учил детей видеть и понимать окружающий мир. Он рассказывал им о небе, об огне, о воздухе, об облаках, о земле и богатствах ее недр.

С восхищением он рассказывал ученикам о великих ученых и писателях Древней Греции и Древнего Рима, которые «открыли для нас мир», и читал по-латыни отрывки из произведений Аристотеля, Вергилия, Цицерона, Ювенала, Плутарха. А Гомера не читал, а пел по обычаю древних рапсодов (странствующих певцов). Некоторые мальчишки в перерыве передразнивали, как он «воет на Луну». И в самом деле, было необычно слушать, как учитель делает ударения на каждой стопе гекзаметра и размахивает в лад руками. Шарль в эти минуты не замечал «чужачеств» старика. Холод наслаждения пробегал по его телу. Божественные гекзаметры переливались и шумели, как волны: он видел прощание Андромахи и Гектора, представлял Одиссея, тоскующего по

своей Итаке, и сердце его щемила сладкая боль по Элладе — родине богов, родине всех, кто любит красоту. Слезы дрожали в голосе учителя, слезы текли по желтым щекам его, слезы текли по нежным щекам Шарля.

И не ведал он в эти счастливые минуты, что через несколько десятков лет он обрушится в статьяx, стихах и книгах против тех, кто считает древних авторов непревзойденными, и докажет, что современные ему авторы по таланту не уступают древним.

Но пока что он восхищается ими. Только восхищение это кончается, как только его поднимает Жан Гриншер и просит повторить один из отрывков. В лучшем случае Шарль что-то проямлит, а чаще промолчит или заплачет.

Так, в постоянных упреках учителя, насмешках учеников, окриках родных и постоянных вечерних зубрежках Шарль закончил первый, а затем и второй классы. Летом он уезжал в Вири, где на время заканчивались его муки. Он снова мог бегать по аллеям парка, гонять по лугу с мальчишками, ловить птиц и бабочек, играть в мяч и в карты, ходить в ночное, сидеть у костра и, конечно, слушать сказки.

*

Мальчик растет и не знает, что трагедия истории уже выстраивает действующих лиц сценария, в котором предстоит принять участие и ему, Шарлю Перро.

Какое ему дело до того, что Пьер Корнель создает свою знаменитую трагедию «Сид»? Но придет время, и Шарль Перро обрушится на ее создателя за приверженность к классицизму, и их борьба будет знамением эпохи. Не знает мальчик, что Рене Декарт выпускает книгу «Рассуждение о методе». Перро подхватит смелый лозунг Декарта о завоевании природы человеком и вслед за ним начнет борьбу с традициями средневековой схоластики и теологии. Когда Шарль только переходил во второй класс коллежа, группа академиков («бессмертных») начала работу над составлением «Всеобщего словаря французского языка». Эта работа будет завершена через 56 лет под руководством Шарля Перро!

Мальчик не ведает, что в ответ на новую систему налогообложения крестьяне поднимаются на очередное восстание — одно из многих, которыми полна история его родины.

Несчастливая Франция! Она давно измучена крестьянскими мятежами, религиозными войнами, а Тридцатилетняя война и вовсе поставила страну

на грань катастрофы. Повзрослев, Шарль узнает, что Франция была не готова к этой войне. А пока что он прислушивается к разговорам взрослых и узнает, что французских солдат бьют на всех границах: немцы вторглись в Бургундию, испанцы — в Пикардию и Гиень. Он услышал разговор отца с Жаном и понял, что у короля нет денег на войну, а в деревне уже нет мужиков, которые могут стать солдатами.

— У мула уже нет сил! — подвел итог отец.

Шарль спросил потом Жана: при чем тут мул, если воюют люди? Жан взъерошил ему волосы и ответил, что «мулом» кардинал Ришелье называет народ.

Потом он не раз слышал это слово. Им пугали дворянских детей. Шарль уловил из разговоров взрослых, что «мулы» взбесились и из города лучше не показывать нос.

Он все время думал о Вири, но братья не упоминали никогда об этом селе, но упоминали совсем иные названия: Гасконь, Гиень, Перигор, Креси, Лангедок и многие другие. Речь шла о провинциях Франции, окруженных реками Гароной и Луарой, — это почти треть Франции, — где развернулось тогда мощное восстание «кроканов» — самое крупное из всех крестьянских восстаний, когда-либо имевших место во Франции. Братья осуждали крестьян, взявшихся за оружие, но обвиняли и солдат, которые безжалостно обирали крестьян вслед за хозяином. Как ни странно, но восьмилетний мальчик понял этот разговор взрослых. Семья Перро имела достаток, поэтому на их столе нередко лежал хлеб по-королевски: это когда в тесто добавляли молоко! За обедом, а нередко и за ужином у них было мясо разных видов, соусы, приправы, не говоря уже о разнообразии супов. Мальчиков (Николя и Шарля) часто баловали на последнюю перемену различным вареньем, глазурью, мускатными орехами, верденским драже, сахаром, пропитанным мускусом и амброй, шоколадом сухим и жидким.

Но Шарль знал, что такое бедность. Однажды в Вири его маленький деревенский друг пригласил его в свой дом попить воды. Перед огромным очагом сидела хозяйка, над кучей пылающего хвороста висел чугунный котел, в котором варилась похлебка с чесноком и репой. Однообразным движением сморщенных пальцев старуха вытягивала из кудели и сучила нить, то поднимая, то опуская быстро вращающееся веретено. Где-то пел сверчок, скреблась мышь, трещали сучья в очаге.

Маленький хозяин деревянным черпаком набрал воды и напоил Шарля, но старуха не отпустила их. Она вынула из котла дымящуюся репу, проколола острой деревянной палочкой, очистила ножом и дала Шарлю. Тот увидел, каким жадным взглядом его маленький друг смотрел на репу, и

на улице отдал ему половину.

— И это ваш обед? — спросил тогда Шарль.

Малыш утвердительно кивнул, проглатывая очередной кусок.

И оба тут же забыли про свой разговор и снова пустились в луг играть и бегать...

Теперь Шарль вспомнил и другие крестьянские дома, куда он нередко забегал с товарищами своих игр, и понял вдруг то, на что ни разу не обратил внимания: ни в одном из этих домов не было хлеба!

И он испугался: а что, если и в Вири крестьяне схватят вилы и колья и никогда больше не пустят его играть в цветущих лугах? И поклялся, что будет кормить своих друзей и хлебом, и сладостями.

1638–1639 годы

В самом начале третьего года обучения Шарля в коллеже случилось событие, в корне изменившее всю его жизнь. На пятый день занятия были прерваны: у короля родился долгожданный наследник — сын Луи Дьедонне, дофин Франции, будущий король Людовик XIV. В жизни Шарля Перро он сыграет очень большую роль.

Последние недели перед родами королева жила в замке Сен-Жермен, в павильоне Генриха IV. Окна ее комнаты выходили на реку Сену. К несчастью, мост Нельи был сорван, и потому сообщение между Сен-Жерменом и Парижем было затруднено. Через реку устроили паром, но он перевозил очень медленно и далеко не всех желающих, а вестей из Сен-Жермена ждали с нетерпением. Поэтому на левом берегу реки поставили часовых, которые, сменяясь каждые два часа, неотрывно смотрели на окна королевской спальни и постоянно передавали известия на противоположный берег.

Им приказано было показывать знаками, что именно происходит в замке и разрешилась ли королева: если она родит дочь, они должны были встать по стойке смирно, сложив крест-накрест руки; если же на свет появится дофин, — подняв шляпы, кричать от радости.

В воскресенье 5 сентября, около пяти часов утра, госпожа Филандр уведомила короля, который не спал всю ночь, что его присутствие необходимо. Людовик тотчас явился к королеве вместе с братом Гастоном, принцессой Конде, графиней Суассон и герцогиней Вандомской. Кроме того, в комнате роженицы находились госпожа Лансак, нянька будущего новорожденного, статс-дамы, госпожи де Сенесей и де Флотт, придворные

дамы, две камер-юнгферы, имена которых не сохранились, будущая мамка и акушерка госпожа Перонн.

В прилежащей к павильону комнате, рядом с той, в которой находилась королева, был для этого случая устроен алтарь, перед которым епископы по совершении литургии должны были читать молитвы до тех пор, пока королева не разрешится от бремени.

С другой стороны, в большом кабинете королевы, также смежном с той комнатой, где она находилась, были собраны главнейшие придворные чины.

Людовик XIII с большим беспокойством прохаживался из одной комнаты в другую. Наконец утром, в одиннадцать с половиной часов, акушерка возвестила, что королева разрешилась:

— Радуйтесь, государь, теперь престол Франции не перейдет в женский род. Королеве Бог дал дофина.

Людовик взял младенца из рук акушерки и голенького показал в окно, крича: «Сын, господа, сын!»

Тотчас по установленным знакам раздались радостные восклицания, которые перешли за Сену и по живым телеграфам, расставленным по дороге, в один миг достигли Парижа.

Потом Людовик, внеся дофина обратно в комнату королевы, приказал епископу Меозскому, своему старшему придворному священнику, немедленно окрестить новорожденного малым крещением в присутствии всех принцев, принцесс, герцогов, герцогинь, государственного канцлера и всей придворной свиты. Сам он отправился в часовню старого замка, где совершено было с большим торжеством благодарственное молебствие. Затем король написал длинное письмо к собранию парижского магистрата и приказал тотчас отослать его со своей печатью.

В доме Перро, как и во всех парижских домах, начались суматоха, беготня, волнения. Фасад дома был иллюминирован большими факелами из воска, вставленными в огромные канделябры. Кроме того, окна были украшены разноцветными бумажными фонарями — их делали в доме все, и даже Шарль смастерил один фонарик, который было разрешено повесить на окно. На дворянских домах помимо этих украшений вывесили транспаранты, на которых были нарисованы гербы или девизы. Транспарант висел и на доме Перро: он восхвалял день, когда родился дофин.

Конечно, весь Париж вышел на улицы. Шарль крепко держался за руку Клода, который в этот раз взял на себя обязанность следить за ним. Дворяне в самых роскошных одеждах, буржуа, торговцы, ремесленники,

простой люд — все перемешались на улицах и обнимались, невзирая на сословные различия. Шарль с любопытством рассматривал транспаранты на домах простонародья: сколько на них было серьезных, смешных и злых девизов! Большой дворцовый колокол, не умолкая, звонил весь этот и следующий дни. То же происходило и на Самаритянской колокольне. Колокола эти обычно молчали и звонили только в том случае, когда появлялся на свет королевский сын, а также в день рождения короля и в час его кончины. Со стороны Бастилии в течение двух дней звучали выстрелы из всех орудий.

Десятилетний Шарль еще никогда не видел Париж таким многолюдным, праздничным и веселым. Повсюду были выставлены бочки с вином, и виночерпии наливали его всем желающим. Тут же продавали жареное и вареное мясо, яйца, зелень и, конечно, разнообразные сладости.

От пыли, копоти и грязи белые парики отца и Жана стали серыми, вся одежда запылилась, а туфли были вымазаны в грязи. Но только после полудня семья Перро заявила домой пообедать, отдохнуть, чтобы вечером снова выйти на улицы и увидеть грандиозный фейерверк на площади городской ратуши.

По всем улицам были расставлены столы. Дождавшись своей очереди, за один из них села ужинать и семья Перро. Все, кроме Николя и Шарля, поднимали бокалы за здоровье короля, королевы и дофина. Шум был такой, что никто не слышал даже собственного голоса, но всем было понятно, о чем говорят.

В эти дни все были сыты. Помимо общих столов, за которыми можно было бесплатно поесть и выпить, бедняки и нищие наполняли свои корзины и кувшины вином и хлебом, которые щедро подавали в домах священнослужителей.

Отец, Клод и Шарль отправились гулять по Парижу. Им встретилась торжественная колесница, запряженная шестеркой лошадей. На помосте ее сидели музыканты и играли самые веселые пьесы.

В саду отеля английского посланника Шарль любовался блистательным фейерверком. Потом они увидели тысячи факелов: так иллюминировали свои дома иезуиты — «всегда преисполненные хвастовства», как заметил отец. 7 сентября в их квартале был произведен богатый фейерверк, который зажег огненный дельфин.

Любители театра могли ночью 6 и 7 сентября увидеть при свете тысяч факелов балет и комедию.

Все эти дни мальчики не ходил в коллеж, ибо празднества продолжались. Отец с матерью теперь решили гулять одни, братья тоже

разделились: каждому хотелось увидеть что-то особое, чтобы потом обменяться новостями. Шарль вновь гулял с Клодом. Казалось, людей на улицах прибавилось, ибо они едва могли проложить себе путь в толпе. Рядом шли люди разных сословий и старались перекричать друг друга. Из множества разговоров Шарля поразили два. Согласно утверждению одного расфуфыренного дворянина, дофин родился сразу с двумя передними зубами и кормилицы отказываются от него, ибо он их кусает и у них от страха пропадает молоко. Позже Шарль узнал, что это правда. Второй разговор вели два старика, чьи парики свидетельствовали о их благородном происхождении. Один из них сообщил, что в Париж прибыл известный астролог по имени Кампанелла и составил гороскоп дофина. Старик достал из кармана потертого камзола листок бумаги и прочел гороскоп: «Этот младенец будет горд и расточителен, как Генрих IV. Он будет иметь много забот и труда во время своего царствования. Царствование его будет продолжительно и в некоторой степени счастливо, но кончина его будет несчастна и повлечет за собой большие беспорядки в религии и государстве».

*

Восьмого сентября занятия возобновились — и именно этот день стал переломным в жизни Шарля Перро. Как оказалось, Провидению было угодно, чтобы в его судьбе приняли участие не только будущие великие политики, священнослужители, деятели культуры, но и самый обычный мальчик по имени Борэн.

Этот одноклассник Шарля, так же как и он, был робок, боялся учителей, когда его спрашивали, часто отвечал невпопад, нередко отказывался отвечать, и его больше других били линейкой по пальцам. Даже к Шарлю ребята испытывали больше уважения — может быть, из-за старших братьев, которые часто приходили забирать его из коллежа. Борэна же они не признавали ни в какую, никогда не принимали в свои игры и смеялись над ним еще и потому, что он был толстым прыщавым коротышкой со шмыгающим, вечно мокрым носом. Шарлю не раз доводилось видеть, как одноклассники отвешивают ему тумачи и подзатыльники.

Но то, что он увидел сегодня, входя в ворота коллежа, потрясло его. Трое мальчишек опрокинули Борэна в грязь (ночью прошел дождь), перепачкали его костюм, но не успокоились на этом. Двое держали его за

руки, а третий макал его лицом прямо в лужу, так что Борэн не мог даже кричать.

Издав какой-то гортанный звук — потом ему сказали, что он заревел, как бык, — Шарль неожиданно для самого себя бросился к обидчикам. Одному двинул ногой под ребро, другого — того, что держал голову Борэна, — стал бить кулаками, а потом вцепился ему в волосы. Третий убежал сам, боясь наказания. Двое из обидчиков Борэна принадлежали к очень знатным фамилиям, они не привыкли получать сдачи и потому растерялись, не зная, как им быть.

— Иди домой, — тихо и спокойно сказал Шарль мальчику, — и приходи в чистой одежде. Я все объясню учителю и назову имена твоих обидчиков... — и уже в спину удаляющемуся Борэну крикнул: — Когда вернешься, садись со мной рядом!

Здесь, на этом грязном школьном дворе, он встретил наконец человека, который по-настоящему нуждался в нем. Нуждался так, как, наверное, нуждался бы в нем его умерший брат-близнец. С Шарлем произошло что-то необыкновенное. В него словно вставили недостающий стержень, под ногами, казалось, появилась прочная опора. Как будто лопнул страшный нарыв, который годами грыз и мучил его.

Уже на первом уроке произошло нечто неожиданное, из ряда вон выходящее. Когда учитель раскрыл книгу Плутарха и спросил учеников, кто ему повторит прежний урок, первым поднял руку Шарль. Выйдя прямо к доске и глядя на ребят строгим и спокойным взглядом, он стал по-латыни без запинки пересказывать Плутарха...

В этот день он впервые получил высший балл. И с этого мгновения никогда больше не получал средних оценок — только высшие!

*

Так началась их дружба с Борэном. С этого дня они почти не расставались. Вместе сидели на занятиях, вместе шли в коллеж и из коллежа, вместе учили уроки, вместе обсуждали прочитанное. Эта дружба чудесным образом исцелила их обоих: Борэна — от косноязычия, Шарля — от его вечной робости при ответах. Теперь, отвечая какую-нибудь тему на уроке, он стоял прямо (а раньше сутулился, как бы прижимаясь к земле), глаза его смотрели прямо в глаза учителю (а раньше он не поднимал глаз, словно ища чего-то на полу), голос звенел, а не дрожал, как раньше. Более того, он начал отстаивать свое мнение и даже спорить с учителями на

уроке!

— Что с тобой случилось? — спросил Шарля учитель Жан Гриншер после одного из первых его блестящих ответов.

— Я выздоровел! — с горящими глазами отвечал мальчик, сам удивляясь той фразе, которую произнес.

— Значит, ты болел? А я и не знал!

— Я и сам не знал...

— Вот оно что! А я все думал: Перро, и такой болван!

И при этих словах учителя класс тоже словно очнулся, и начался хохот. Смеялись все ученики, смеялся Борэн, смеялся и сам Шарль, смеялся и Жан Гриншер. И этот смех сразу стер все годы стыда, позора и унижения и стал границей, за которой для Шарля начинался новый мир — мир, в котором он почти всегда был первым.

...Очень тяжело переносят люди нервные болезни. Тот, кто не болел психическим или нервным расстройством, не знает, что это тяжелее физического недуга, страшнее зубной боли, ужаснее сломанной ноги. Тяжелым прессом давит болезнь на человека, и некуда ему деться от мучающей его тоски. Она скручивает в рог, придавливает, как тяжелый камень, в груди стоит все время противный холодок, и душа стынет от страха. Этот страх непонятен, непостижим. Человек не знает, что за ним последует, и тратит все силы на преодоление этого страха.

Для окружающих и родных этот недуг непонятен. Человек с виду ничем не болен: у него не болит голова, нет насморка и температуры. Даже мать часто не понимает болезнь своего ребенка, а чужие считают его либо симулянтом, либо идиотом.

Но нет счастливее человека, который вдруг освобождается от своего недуга. У нервнобольного, особенно психастеника, каким был Шарль Перро, выздоровление может наступить вмиг: бывает, всего одно слово размыкает цепь болезни, и она спадает, как тяжелые доспехи, и сразу становится удивительно легко и свободно.

Это и случилось с Шарлем Перро. Он преодолел-таки «заклятие Франсуа».

1640–1642 годы

За шесть лет до рождения Шарля Перро, 5 сентября 1622 года, Арман Жан дю Плесси получил от папы Григория XV красную шапку и принял титул кардинала Ришелье, став главой французской церкви.

Через три месяца после этого события он уже приобрел доверие короля и начал свой путь к овладению могуществом, которое делало Людовика XIII одновременно и таким маленьким, и таким великим. Кардинал (а с 1624 года и первый министр короля) был человеком необыкновенных способностей, великого дарования, могучей душевной силы, но вместе с тем властным, хитрым, изворотливым.

В течение двадцати лет Ришелье был фактически повелителем Франции и за это время сумел настолько поднять престиж своей страны, что Людовик XIV, вступив на престол, получил в свои руки могучее централизованное государство.

Однако Франция этого не оценила. Жестокая политика кардинала, выжимавшего из народа, в том числе и из состоятельных горожан, все соки и всеми силами увеличивавшего государственную казну (а равно и свою собственную), вызывала общую ненависть. Не перечесать эпиграмм, сочиненных против кардинала. Впрочем, он был к ним совершенно равнодушен.

Одну из таких эпиграмм написал с братом Клодом и Борэном юный Шарль Перро. Как оказалось, к тринадцати годам он уже сложился как вполне подготовленный сочинитель. Его первая сказка или «антисказка», — как определил первые пробы пера Шарля Перро Марк Сориано, — называлась «Любовь линейки и компаса» и была посвящена кардиналу Ришелье.

Братья вместе с Борэном сочинили эту небольшую поэму шутя, как бы между делом, в перерыве между ученическими занятиями Шарля.

Живой, красивый, полный огня и кипящей отваги.
Совсем свободный, я держу курс в долину Парнаса
И музу смеющуюся я веду за руку
Туда, где поклонялись когда-то греки и римляне,
Чтобы рассказать о Ришелье,
Который хлопочет о целом мире
И достигает в свои дни обильных чудес,
И будущая эпоха от них придет в изумление...

Неприкрытая лесть, казалось бы, звучит с первых строк этой поэмы. Однако эта лесть обманчива. Достаточно заметить, что сказка написана в стиле бурлеска, который вскоре, во времена Фронды, станет языком бунтарей.

Клод задумал эту сказку как памфлет против Ришелье, но Шарль решил внести в нее элемент каламбура, и в такой завуалированной форме удар по Ришелье стал еще более сильным.

Авторы, правда, пытаются оправдать форму бурлеска, предупреждая, что рассказ их в какие-то моменты будет шутливым, ибо они подражают Солнцу, которое то и дело закрывается тучами. Они вспоминают, что в этих тучах летал когда-то Дедал:

Он опирался на эти весла перистые,
Когда летал по воздушным волнам пенистым...

Он наблюдал за любимым сыном Икаром, который резвился в тучах. Дедал очень любит своего сына Икара и печалится, когда он погибает...

А дальше авторы затрагивают запрещенную тему: они пишут, что король (имеется в виду Людовик XIII) тоже любит своего сына (будущего Людовика XIV), подобно тому как Дедал любил Икара, хотя знает или догадывается о страшной тайне; его наследник (инфант) на самом деле — сын кардинала Ришелье. Клод и Шарль обыгрывают эту тему, используя античные примеры:

В своей похотливой ярости
Кардинал не ищет тех, кто повинен в кровосмешении:
Королевская кровать вечно вызывает к себе упреки.
Когда-то Артизан знаменитый
Представил свою сестру, великолепную Пердиксу,
И вместе со своими лекциями
Пердикс оставил ей грудных детей.

Далее авторы восхваляют любимого короля, сравнивая его с Солнцем:

Его искусные руки, умное руководство страной,
Изобретательный ум, порождающий все новые идеи,
Которым и Дедал бы позавидовал...

У короля есть много помощников, но главные из них — пила, компас и линейка... Трудно сказать, кого подражали братья, называя эти вещи,

ибо у каждой из них есть черты, присущие одному человеку — кардиналу Ришелье:

Пила изгибается в форме дуги,
Издает звук непрерывный,
Природный, острый, кусающийся
И показывающий длинный ряд зубов,
Обрекающий деревья на казнь
И способный прорезать даже сердцевину в мраморе.
Ее брат Компас насажен на стержень,
Снабженный единственно
Ногами и разумом и возможностью двигаться.
Он вращается и указывает путь.
Он бы мог помочь Дедалу в поисках заблудившегося Икара.
И еще есть один хороший слуга — Линейка.
Прямая, полная величия,
Несгибаемая и всегда правдивая,
Она всегда одинаковая,
Бродит между двух богов —
От Числа до Числа.

Все эти верные слуги, говорилось в «антисказке» братьев Перро, служат королю. А он ходит, как Солнце, но всегда рядом с ним его тень!

...Вся семья слушала сказку, которую читал Шарль, и все от души смеялись. Шутка вышла отличная. Впрочем, нам сегодня трудно уловить весь сарказм поэмы, которая в свое время имела большой успех. Нужно очень хорошо знать все нюансы французской жизни того времени, чтобы за аллегорией разглядеть реальность.

Французы ненавидели кардинала, ибо его политика была жестокой, она ограничивала права народа, приводила к обнищанию не только крестьянство, но и средний класс. Зато история рассудила по-иному: кардинал Ришелье прежде всего и больше всего заботился о благе страны, а ее интересы и сиюминутные интересы народа часто не совпадают.

*

Однажды во время одной из прогулок по улицам Парижа

тринадцатилетний Шарль увидел «поезд кардинала». Тот сидел в огромных крытых носилках квадратной формы: из-за болезни он не мог передвигаться ни верхом, ни в карете. Брат Пьер объяснил Шарлю, что в этой своего рода странствующей комнате помещаются кровать, стол и стульчик для пажа, чтобы он мог записывать за кардиналом или вслух читать ему.

Сооружение это, покрытое пурпурным узорчатым шелком, несли восемнадцать человек, сменявшие друг друга через каждое лье. Их отобрали среди гвардейцев, и они несли эту почетную службу не иначе как с непокрытой головой — будь то в жару или в дождь. Герцог Ангулемский, маршалы де Шомберг и д'Эстре, Фабер и прочие высокопоставленные лица следовали верхом по обе стороны носилок. В этой угодливой свите можно было заметить кардиналов де Лавалета и Мазарини, а также Шавиньи и маршала де Витри — последний старался избежать Бастилии, которая, по слухам, грозила ему.

За носилками следовали две кареты, предназначенные для секретарей кардинала, его медиков и духовника, восемь экипажей для свиты и двадцать четыре мула с поклажей. На очень близком расстоянии от носилок шли двести пеших мушкетеров, взвод телохранителей на великолепных конях и отряд легкой конницы, сплошь состоявший из дворян. Они ехали позади и впереди кортежа.

Из-за больших размеров носилок не раз приходилось расширять дорогу и ломать дома в городах и селах, ибо иначе носилки не проходили. «Поэтому, — отмечали некоторые мемуаристы того времени, — кардинал казался завоевателем, входившим в город через пробитую брешь».

*

...В декабре 1642 года, незадолго до своей смерти, когда болезнь его вступила в последнюю стадию и никакой надежды на выздоровление не оставалось, Ришелье сказал подошедшему к его постели королю: «Государь, я знаю, что мне пришла пора отправиться в бессрочный отпуск, но я умираю с той радостной мыслью, что всю жизнь свою посвятил благу Отечества; что возвысил королевство Вашего Величества на ту степень славы, на которой оно теперь находится; что все враги ваши уничтожены мной».

Эти слова заслуживают тем более внимания, что они правдивы.

Говоря словами одного из современников, постоянные смуты,

тревожившие более двух столетий Францию, прекратились в правление Ришелье. Гизы, которые простирали руку к скипетру Генриха III, принцы Конде, занесшие ногу на первую ступень трона Генриха IV, Гастон, примеривший на своей голове корону Людовика XIII, обратились почти в ничто. Все, что вступало в борьбу с железной волей кардинала, разбивалось, как хрупкое стекло. В продолжение его правления беспрестанно составлялись заговоры против его жизни, в которых иногда участвовал сам король, но кардинал всегда торжествовал над своими врагами. Но вот что примечательно — все эти враги, над которыми он торжествовал, были не только его врагами, но и врагами королевства. Все эти вельможи, которых он истреблял, принцы крови, которых он изгонял, все эти незаконнорожденные дети королей, которых он заключал в тюрьму, призывали во Францию иноплемеников. Средства, с помощью которых кардинал боролся со своими врагами, были, конечно, коварны и жестоки, но зато результат был велик. Монтескье подвел итог его жизни, сказав, что кардинал Ришелье заставил своего государя играть вторую роль в своей монархии, но первую — в Европе; он унизил короля, но возвеличил его царствование; он укротил бунты так, что потомки тех, которые составляли Лигу, могли составить только Фронду.

Мощное единство страны казалось еще внушительнее в сопоставлении с бедствиями, постигшими соседние государства: восстания в Англии, а также в Испании и Португалии только подчеркивали спокойствие, которым наслаждалась Франция.

Шесть грозных армий, опиравшихся на свое победоносное оружие, служили оплотом королевству. Те, что были расположены на севере и действовали вкупе со Швецией, разгромили имперские войска. Те, что находились в Италии, принимали в Пьемонте ключи городов, защищенных принцем Тома, а те, что стояли вдоль Пиреней, сдерживали восставшую Каталонию и нетерпеливо взирали на город Перпиньян, который им не разрешали взять.

И вот теперь он был при последнем издыхании. Арман Жан дю Плесси, кардинал Ришелье умер 4 декабря 1642 года на пятьдесят восьмом году жизни в своем новом дворце в Нарбонне почти на глазах самого короля, который, казалось, ничему во все продолжение своего царствования не радовался так, как этой смерти. Перед кончиной кардинал попросил короля обратить внимание на людей, весьма способных и отлично сведущих в делах, а именно на Нойе, Шавиньи и кардинала Мазарини. Король выполнил его просьбу, и со временем первым министром Франции стал кардинал Мазарини. Очень скоро он вызвал к себе ту же ненависть,

какую вызывал его предшественник. Но, главное, он продолжал прогрессивную политику Ришелье, и Франция могла быть благодарна судьбе еще за одного государственного деятеля, который все свои силы отдавал процветанию государства, не забывая, впрочем, — и здесь он мало отличался от Ришелье, — о своих собственных интересах.

Часть вторая

ЮНОСТЬ

(1643–1656)

1643 год

Людовик XIII был несказанно рад смерти человека, который так много лет своей железной рукой лишал его свободы действий. Между прочим, король был неплохим музыкантом. Он попросил Мирона, своего казначея и по совместительству поэта, сочинить стихи на смерть кардинала.

Мирон отлично понял, какого рода стихи ждет от него король, и принес ему следующее рондо:

Его уж больше нет; убрался кардинал!
Конечно, дом его в нем много потерял;
Но многие от всей души возвеселились,
Что от него навек уже освободились.

Всю жизнь свою родство свое обогащал,
Он хищность, брак, обман на то употреблял,
Но время то прошло. Его уж больше нет.

Без страха быть в тюрьме пусть всякий рассуждает —
В свинцовом гробе тот уж крепко почивает,
Кто горестью других себя здесь утешал;
И бронзовый король, когда он проезжал
Через мост, как бы сказал, глядя на всех, в ответ;
«Я с вами радуюсь: его уж больше нет!»

А между тем пошатнулось здоровье самого короля. Казалось, умерший Ришелье, который всю жизнь господствовал над Людовиком, зовет его за собой в могилу.

3 апреля король встал с постели и пожелал погулять в галерее. Сувре, его первый камердинер, и адъютант Шаро вели его под руки, между тем как дежурный камер-лакей Дюбуа нес сзади стул, на который почти через

каждые десять шагов король садился. Это была последняя прогулка Людовика XIII.

20 апреля он так плохо себя почувствовал, что в присутствии герцога Орлеанского, принца Конде и всех должностных лиц двора объявил королеву Анну регентшей. Королева стояла у кровати своего супруга и во время его речи не переставала плакать.

21-го числа король провел ночь еще хуже. Многие придворные приходили осведомиться о его здоровье, и когда Дюбуа, камер-лакей, по просьбе короля дал ему зеркало, тот взглянул на себя с некоторым ужасом и воскликнул: «Господи Боже мой, как я похудел!» Потом, протянув руку к Понти, сказал: «Посмотри, Понти, вот рука, державшая скипетр, вот рука короля Франции! Не правда ли, что ее можно назвать рукой самой смерти?»

В этот день состоялся обряд крещения дофина, имевшего от роду четыре с половиной года. Король просил, чтобы ему дали имя Людовик, и назначил ему крестным отцом и крестной матерью кардинала Мазарини и принцессу Шарлотту-Маргариту Монморанси, мать великого Конде. Церемония происходила в часовне старого Сен-Жерменского замка, в присутствии королевы. Юный принц облачился в великолепное одеяние, которое ему прислал в подарок папа Урбан. Когда после обряда крещения маленького дофина привели к королю, последний, несмотря на свою слабость, взял его на руки, посадил на свою постель и, как бы желая удостовериться, исполнено ли его желание, спросил малютку:

— Как зовут тебя, дитя мое?

— Людовик XIV, — отвечал бойко дофин.

— Нет еще, сын мой, нет еще, — сказал Людовик XIII. — Но молись Богу, чтобы это скорее случилось.

Через три недели Людовик XIII умер.

На смерть его, между прочим, была написана злая эпитафия, которая заканчивалась такими словами:

В нем было много доблестей лакейских,
Но королевских — ни одной.

На престол взошел Людовик XIV, которому шел пятый год. Регентшей при нем была его мать Анна Австрийская, но всеми делами в королевстве вершил ее любовник, первый министр, кардинал Мазарини.

Шарлю Перро было в то время четырнадцать с половиной лет. Пройдет время — и он будет представлен королю, чтобы долгих двадцать

лет жить его жизнью...

Шарля Перро воспитывали в почитании короля, и он с самого детства с высочайшим трепетом произносил королевское имя и был непомерно счастлив, когда ему удавалось увидеть карету короля.

Когда Людовик XIII умер, Шарль, как и его братья, носил на груди траур и вместе со всеми ликовал, когда королем был провозглашен Людовик XIV. Он не воспринимал его как ребенка. Шарль на всю жизнь сохранил почтительное отношение к монарху — почти как к божеству. Первая встреча с королем лицом к лицу стала для него незабываемой, а служение королю — счастьем.

*

Министром-регентом при малолетнем монархе был кардинал Мазарини, которому шел в то время сорок первый год. Расскажем немного об этом человеке.

Еще в молодости в родной Италии Мазарини проявил себя на службе Господу таким рвением, такой преданностью вышестоящим начальникам, что они не могли на него нахвалиться. Кардинал Бентивольо, к которому он поступил на службу в двадцать лет, сумел по достоинству оценить его. Проводя его к кардиналу Барберино, он сказал тому:

— Милостивый государь, я многим обязан вашей знаменитой фамилии, но я полагаю совершенно расплатиться с вами, если отдам вам этого молодого человека, который здесь со мной.

Барберино с удивлением посмотрел на того, кого таким лестным образом ему рекомендовали.

— Благодарю вас за подарок, — сказал он кардиналу Бентивольо. — Могу ли спросить, как зовут этого человека, которого вы оставляете мне с такой хорошей рекомендацией?

— Джулио Мазарини, — ответил Бентивольо.

— Но если он такой, как вы мне говорите, то зачем же вы оставляете его у меня?

— Лишь потому, что я недостойн держать его у себя.

— Ну, хорошо, — отвечал кардинал. — Я принимаю его от вас. Но на что, скажите мне, он способен?

— На все, милостивый государь!

...Так началось восхождение Мазарини.

Он ловко выполнил несколько важных поручений и заслужил такое

доверие, что когда в 1629 году Людовик XIII силой оружия принудил герцога Савойского отделиться от испанцев, заключить мир поручили Мазарини.

Новые обязанности, возложенные на молодого дипломата, доставили ему случай ко многим связям. В 1630 году он приехал в город Лион, был представлен Людовику XIII и затем более двух часов разговаривал с кардиналом Ришелье.

Последний остался настолько доволен этим разговором, что, выйдя из комнаты, сказал:

— Я говорил с самым великим государственным мужем, какого когда-либо встречал.

Понятно, что Ришелье, имея о Мазарини такое хорошее мнение, желал его к себе привязать. Мазарини вернулся в Италию совершенно преданным интересам Франции.

В 1634 году Ришелье дал Мазарини титул авиньонского вице-легата, то есть титул высшего дипломата, представителя папы Римского, направляемого в иностранное государство с особой миссией. В 1639 году хитрый итальянец был послан в Савойю в звании чрезвычайного посланника. Наконец, 16 декабря 1641 года, Мазарини возвели в сан кардинала и на следующий год, 25 февраля 1641 года, Людовик XIII собственноручно возложил на его голову кардинальскую шапку. А в 1643 году сделал его своим первым министром.

*

Шарлю Перро не суждено будет встретиться с Мазарини. Когда он вырастет и войдет в Лувр, Людовик XIV будет уже полновластным королем Франции и сможет произнести свою крылатую фразу: «Государство — это я!» Однако долгие годы Шарль будет следить за событиями, в которых главную роль играл именно этот талантливый итальянец.

А пока Шарль учится.

Много лет спустя в «Мемуарах» он вспоминал об этом периоде своей жизни:

«...Я всегда был одним из лучших в классе, за исключением самых первых лет... Особые успехи были у меня в философии: мне часто достаточно было обратить внимание на то, что говорил учитель, как я уже это знал и мне не надо было потом это читать и учить.

Я так любил диспуты, что дни учебы доставляли мне такое же

удовольствие, как и выходные. Моя склонность к дискутированию позволяла мне с необычайной свободой разговаривать с преподавателем, на что не решался никто другой из учеников».

Удивительная метаморфоза в сравнении с первыми годами учебы в коллеже!

Искусству диспута его учил отец, считавший, что будущий адвокат должен уметь отстаивать свое мнение. Шарль хорошо запомнил один из первых уроков, которые преподавал ему отец в присутствии брата Пьера. Шарль тогда жарко отстаивал какую-то свою мысль и при этом сильно покраснел. Отец повысил голос и сказал:

— Ты знаешь, почему ты так смело отстаиваешь свое мнение?

— Почему? — удивился Шарль.

— Потому что это мнение — твое. А своих «детей» мы всегда крепко любим.

— А может быть, он просто уверен? — заметил Пьер.

— Никакой другой причины нет! Если ты сам пришел к какому-то мнению, то уже не признаешь другого. Это хорошо, когда ты прав.

— А если Шарль поймет, что он неправ? — Пьер смотрел на отца, а Шарль слушал обоих. — Тогда что делать — стоять на своем или уступить?

Отец отвечал не ему, а Шарлю:

— Когда споришь, умей прислушиваться не только к себе, но и к словам противника, и если уловишь в его аргументах истину, уступи ей. Не будь подобен таким ученикам, которые, с малолетства привыкши, готовы до смерти отстаивать свою точку зрения. Они никому не уступят, какими бы глупыми и неверными не были их аргументы.

— Я могу сдать? В классе? Да меня же засмеют! — удивился Шарль.

— Никогда! — ответил отец. — Вот если ты пойдешь против истины — вот тогда тебя действительно засмеют.

— И ты уподобишься сварливой жене! — засмеялся Пьер.

— Какой жене? — не понял Шарль.

— Это старинная притча. У одного мужа была злая, сварливая жена, которая спорила по любому поводу. Мужу однажды это надоело, и он схватил ее за волосы, притащил к реке и бросил в воду. Потом одумался и пошел ее искать. Знакомый человек, повстречавшийся ему, засмеялся: «Что же ты ищешь ее вверх по реке? Тебе надо искать вниз по течению». — «Я знаю, что я делаю, — отвечал муж. — Жена всегда все делала наперекор и до последнего дыхания будет противиться течению реки!»

И все трое засмеялись. Юный Шарль хорошо запомнил этот урок. Позже он снова встретится с этой притчей, когда будет переводить басни

Фаэрна.

Теперь на диспутах он отстаивал только истину, ибо сначала выяснял ее.

Философию преподавал высокий рыжий учитель, у которого была странная привычка засовывать правую руку под левую подмышку. Один из первых диспутов, который провел пятнадцатилетний Шарль, посвящался вопросу: «Надобно ли оружие с науками соединять?» Он был особенно памятен для Шарля, ибо был с блеском выигран им.

— Надобно ли солдату ученому быть? — бросил в класс учитель свой вопрос.

— Конечно, нет! — воскликнул с места рыжий Жан, сын мельника.

— Изволь доказать! — подошел к нему учитель.

— Шпагой служащий воин, — громко начал Жан, — от наук храбрее и умелее не делается. Напротив того, учением испорченный, он в несносное ребячество впадает.

— Так, ну а ты что скажешь, Луи? — Учитель протянул левую руку в сторону другого мальчика.

— Святой Апостол Павел, — неторопливо заговорил угрюмый Луи, медленно поднявшись из-за стола, — не желал в церкви своей таких магистров иметь, которые бы светскими науками за облака залетали. А солдаты ученые о поэзии да о птичках думать будут вместо того, чтобы оружием овладевать.

— Это бред! — крикнул с места Шарль, а Борэн поддержал его кивком головы.

— Подожди, Перро, — остановил его учитель, — еще не все против науки высказались! — Но так как все молчали, учитель задал наводящий вопрос: — По крайней мере не могут ли науки шпагой служащему мужества придать?

Нехотя, медленно поднялся толстяк Поль, сунул огрызок яблока в карман и проговорил, растягивая слова:

— Никак не могут! Чем ученее человек, тем он боязливее, а значит, более склонен к миру будет. Один полк неученых, только храбрых солдат может такой город взять, в котором 40 или 50 тысяч робких философов будет.

— Так, интересно! — улыбался учитель. — Нет ли у кого на это примеров?

Черный, как грек, Фанфан вскочил со стула:

— Есть примеры! Как скоро греки и римляне научились красно и приятно говорить, с тех пор всякую добродетель полюбили, а храбрость

забросили. Славнейший из римлян полководец Мариус солдат своих не из школ, а из деревень, потом еще мастеровых людей из лавок брал. Римские императоры Ликий и Валентиниан науки в своем государстве страшнее всякого яда почитали. Хотя древние готы ничего другого не знали, как жечь да рубить, однако, ученых греков победивши, школы нарочно для того им оставили, чтобы греки, расхрабрившись, самих готов не одолели.

— Чепуха все это! — вскочил Шарль, который больше не мог молчать. — Оружие без науки не только бесполезно, но и страшно: всё намерение неученых военных только к разорению сел и городов, к погублению рода человеческого клонится. Неученый солдат больше зверю, чем человеку, подобен.

— И у тебя есть примеры, чтобы военные люди учены были? — спросил учитель.

— Конечно, есть! Аристотель учил Александра Великого, который у сего философа много умного перенял. Юлий Цезарь образован был и, красноречием своих солдат к боям ободряя, много побед одержал! А к строению мостов на реках и к осаде городов Цезарь привлекал хороших математиков и инженеров, которые при его войске жили. — Шарль смело посмотрел в глаза учителю и закончил: — Счастливы те народы, у которых философы — цари, а цари — философы, как наш Людовик!

После такой заключительной фразы никто уже не хотел спорить, и учитель похвалил Шарля.

Но, как и все в классе, Шарль был не только учеником, но и обычным мальчишкой. Когда объявляли перемену, он наперегонки с ребятами (всегда рядом был Борэн) бежал к ограде двора и старался с первого маха преодолеть ее. В младших классах это не удавалось, а теперь, длинноногий и ловкий, он в два приема вскарабкивался на стену и прыгал вниз, на улицу, чтобы через мгновение снова оказаться во дворе коллежа. Самый шик был в том, чтобы не коснуться стены и вернуться в класс таким же чистым, каким и был. И все же падений избежать не удавалось, и костюм Шарля к концу дня был сильно помят и иногда испачкан.

В классной комнате находился большой камин, который жарко топили в холодные зимние дни. Летом же его огромную «пасть» закрывали зеленые колючие ветви. Любимой летней забавой ребят было спрятаться в глубь камина и во время урока, раздвигая ветви, строить друзьям рожи. Учителя долго не понимали причины неудержимого смеха питомцев, пока ленивый Поль не попался с поличным: он так громко чихнул в камине, что не оставалось сомнения в том, что там кто-то прячется. С тех пор эта забава закончилась, ибо, обнаружив отсутствие кого-нибудь из учеников, учитель

приказывал двум мальчикам вытащить колючие ветви, чтобы обнаружить «пропажу».

С годами Шарль и Борэн все углубленнее изучали окружающий мир. В первых классах Жан Гриншер на латинском языке кратко рассказывал ребятам о небе, огне, воздухе, воде, земле и прочем. Теперь те же понятия изучались более углубленно. Хотя нам сегодня, с высоты XXI столетия, странными бы показались вопросы, которые задавались ученикам:

- Холоден воздух или тепл?
- Сух ли воздух или сыр?
- Почему воздух не гниет?
- Земля тяжелее или вода?
- Земля воды или вода земли студенее?
- Много ли на свете ветров?

В XVII веке люди еще очень мало знали о законах природы. Мир только стоял у порога научной революции.

Многие ученики не знали правильных ответов на вопросы мироздания.

— Двигается Земля или не движется? — спрашивал по-латыни учитель. И ученик на латинском же языке отвечал:

— Движимой ей быть не можно. Если бы эта непостижимой тяжести машина движение имела, то от ужасной силы сего движения в прах бы рассыпалась.

— Есть другие мнения? — спрашивал Жан Гриншер и обводил глазами класс.

Вставал Борэн и отвечал:

— Некоторые ученые люди доказывают, что все планеты около Солнца движутся и Земля — тоже. Солнцу в Земле никакой нужды нет, а Земля без него пробыть не может, принуждена тепла искать. Не огонь в поварне перед воткнутым на вертел мясом оборачивается, а мясо на вертеле у огня кругом вертят.

— И ты кому веришь? — спрашивает учитель.

— Примеру о вертеле, — искренне признался Борэн.

— А прежде всего самому надо много читать и составить свое представление о мире! — назидательно заметил Жан Гриншер и тут же преподнес им один из уроков познания:

— Знайте, ребята, учиться тоже надо уметь. Ну-ка ответьте мне на вопрос: от всякой науки понемногу лучше знать или одному чему-нибудь основательно учиться лучше?

Шарль и Борэн переглянулись, перебросились словами, и Шарль

поднял руку.

— Лучше как можно больше знать, — громко сказал он, — а потому разных наук надо касаться.

— А у кого другое мнение? — спросил учитель.

Другого мнения не было. Шарль хорошо сформулировал ответ, к тому же к его мнению уже прислушивались.

— А здесь ты, Шарль, не прав, — посадил его движением руки учитель и пошел вдоль столов. — Кто от всего понемногу знает, тот, можно сказать, не знает ничего. Потому умные люди советуют: лучше одному чему-нибудь учиться, нежели от всего помаленьку знать.

— А разве нельзя постепенно, сначала одну, потом другую, потом третью науку освоить?

— Можно, — согласился учитель, — но для этого человеку надо триста или четыреста лет на земле жить. А вот ту науку, которой вы свою жизнь посвятить хотите, в самом деле надо по частям изучать, чтобы до самой глубины добраться. Посему-то Платон к метафизике, Сократ к нравоведению, Демокрит к физике, а главный механик Архимед к математике прилепились. А кто все части сразу одной науки изучить желает, что целый у лошади хвост одним разом вырвать хочет, чего никогда не сделает. А если будет по одному волосу рвать, то через несколько часов и весь хвост выщипать может. — Учитель обвел глазами класс: все ли внимательно его слушали, и хитро, прищурившись, спросил напоследок:

— Ну-ка, а кто мне скажет: беречь или наживать труднее?

— Конечно, наживать! — наперебой отвечали ребята, дети в основном богатых родителей.

— А что же человеку к сбережению легче, а к приобретению тяжелее всего? — спросил учитель и, видя растерянные глаза учеников, ответил, высоко подняв указательный палец: — Наука!

А еще Шарль увлекся поэзией — делом, которое займет большое место в его творчестве. Он начинает осваивать рифмы.

«Сочинять стихи мне нравилось больше, чем писать прозу, — признавался он в „Мемуарах“, — и иногда они мне так удавались, что учителя спрашивали, кто их написал». И в другом месте: «Я замечал, что те из моих товарищей, которые хорошо слагали стихи, продолжали этим заниматься. Этот талант — от природы, и проявляется он с детства». Он читает «Размышления» Декарта. Позже он познакомится с другими сочинениями великого Декарта: «Речью о методе», а также тремя маленькими исследованиями — «Диоптрикой», «Метеорами» и «Геометрией», о которых так часто говорилось в их доме.

Во время одного из перерывов внимание Шарля привлек толстый фолиант, который принес в класс юный граф де Костер. Переплет книги был из желтого сафьяна, на нем блестел ярко начищенный герб Франции. А когда невзрачный мальчишка, обладатель книги, раскрыл ее, все увидели титульный лист, на котором золотыми буквами было выведено заглавие: «Роспись всех знатных родов Франции». Шарлю удалось полистать книгу, и он испытал болезненное чувство ущербности: «Почему его фамилии нет в этой книге?»

Дома Шарль спросил у отца, почему они не дворяне.

— А ты хотел бы быть дворянином?

— Очень!

— А почему?

— Я был бы тогда Шарль де Перро, и меня бы все уважали!

— А ты думаешь, меня меньше уважают, хотя я не дворянин?

— Да, меньше! Ведь твоей фамилии нет в «Росписи всех знатных родов Франции»!

— Тогда послушай. Однажды я защищал в суде одного дворянина, которому бедность мешала иметь слугу. Но он так кичился своим дворянским званием, что никак не хотел засыпать без слуги. Знаешь, за что он был арестован?

— За что?

— За то, что поздним вечером, и в хорошую погоду, и в дождь, и в снег, он, вооруженный, подстерегал случайного прохожего и под дулом пистолета вел его к себе домой. Там он отдавал перепуганной жертве три приказа: «Стащи сапоги!», «Постели постель!», «Убейся вон!».

— Его осудили?

— Нет, я спас его от тюрьмы. Построил же я защиту именно на том, что он не ремесленник, не торговец, а дворянин и поступал в соответствии со своим званием. Разве ты хочешь быть нищим, но чванливым дворянином?

Но шли годы, а мечта о дворянском звании у Шарля не исчезала, а только росла.

1644 год

Перро мог бы блестяще окончить коллеж. Однако это учебное

заведение ему пришлось бросить. Почему? Об этом он сам подробно напишет в своих «Мемуарах»:

«Поскольку я был самым юным и в то же время одним из самых сильных учеников в классе, учитель очень хотел, чтобы по истечении двух лет учебы я защитил диссертацию; но отец и мать посчитали это ненужным из-за расходов, необходимых для этой церемонии, самых бесполезных по их мнению, какие можно сделать. Учитель был настолько расстроен, что заставлял меня молчать, когда я хотел спорить с теми, кто собирался защитить диссертации. Я осмелился сказать ему, что мои аргументы лучше, чем у других, что они новы, а их — затерты и стары. Я добавил, что не буду извиняться перед ними за подобную манеру говорить, потому что я знаю только то, чему научил меня он. Он вторично приказал мне молчать, на что, поднимаясь с места, я ему ответил, что раз мне не дают отвечать, что раз никто больше не будет спорить со мной, а мне запрещено дискутировать с остальными, то мне нечего больше делать в классе. Говоря это, я поклонился учителю, всем ученикам и вышел из класса. Один из моих друзей, Борэн, который меня очень любил и который все время был рядом со мной, потому что весь класс обрушился на него неизвестно за что, тоже вышел и пошел со мной. Мы пошли в Люксембургский сад, где, размышляя о только что совершенном нами поступке, решили не возвращаться больше в класс, а учиться самостоятельно.

Эта выходка имела счастливое завершение, ибо если бы мы заканчивали учебу обычным путем, мы бы, очевидно, ничего не делали. Мы выполняли свое решение, и в течение трех или четырех последующих лет Борэн почти ежедневно приходил ко мне домой с 8 до 11 часов утра и с 3 до 5 вечера. Если я и знаю что-нибудь, то именно благодаря этим годам самостоятельных занятий. Мы прочли почти всю Библию, „Историю Франции“, много переводили, читали Вергилия, Горация, Корнеля и большую часть других классических авторов, отрывки из произведений которых у меня сохранились до сих пор. Очень полезным был наш метод работы с этими фрагментами. Один из нас читал главу и после прочтения диктовал по-французски резюме, которое каждый из нас записывал. Так мы одновременно учились переводить и делать выписки. Летом, после 5 часов, мы ходили гулять в Люксембургский сад. Так как Борэн был прилежнее меня, он и после возвращения домой еще читал и потом пересказывал мне».

Кто надоумил подростков выбрать такой путь? Педагогика XVII века, во всяком случае, не предусматривала метода самостоятельной работы. Профессор Марк Сориано считает, что этот метод Шарль Перро почерпнул

из трудов некоторых сторонников янсенизма. Конечно, такое образование полезнее школьной зубрежки: Шарль и Борэн вместо избранных кусков из классиков читали целые тексты, причем читали бегло, что позволяло им быстрее усваивать материал. Но очевидны и минусы: они читали быстро, не обращая внимания на детали, тонкости лексики и синтаксиса, поскольку не было учителя, который мог бы направить их в учебе. Они также не пытались связать смысл прочитанного с контекстом истории. Но это общий недостаток преподавания мертвых языков в то время. Двум молодым людям не удавалось уйти от эстетической точки зрения, которую им привили, и они переписывали самые красивые, а не самые значительные ответы.

Избранные ими тексты представляют несомненный интерес. Нет ни одного греческого автора. Напротив, мы находим Вергилия, Тацита и «большинство других авторов-классиков» эпохи Августа.

Интересное новшество: два студента начинают изучать национальную историю, этого не предусматривала программа коллежа.

Шарль еще юн, но другие, взрослые участники драмы, в которой предстоит участвовать и Перро, занимают положенные им места. Государственным секретарем военных дел становится Мишель Летелье. Его шурин Сен-Пуанж возглавил одно из бюро госсекретариата, а ведь он кузен отца Жана Батиста Кольбера, и это позволяет последнему стать служащим этого министерства.

Так же юны, как и Шарль, его будущие соперники по борьбе «древних» и «новых»: Жану Расину всего пять лет; Николя Буало — восемь.

Творческий путь Мольера только начинается. Год назад он создал «Блистательный театр», но начинающих актеров еще не принимают всерьез.

Зато драматург Пьер Корнель процветает. В 1644 году издана его трагедия «Смерть Поленея» и комедия «Лжец». Его брату Тома девятнадцать лет, и его талант драматурга пока еще не раскрылся.

Звезда поэта Жана Шаплена, будущего друга и покровителя Шарля Перро, начинает сиять, и его оды, сонеты, мадригалы имеют большой успех.

А Шарль Перро готовится стать адвокатом. У них с отцом произошел серьезный разговор, во время которого Шарль заявил, что он с удовольствием пойдет по стопам отца. А тот, желая подбодрить сына, повторил ему слова Рене Декарта: юриспруденция и медицина приносят счастье и богатство тем, кто ими занимается.

Нам трудно сказать, собирался ли и Борэн стать адвокатом, но учатся они вместе. Долгих шесть лет продолжаются усиленные занятия по собственной программе, и за эти шесть лет Шарль заложил фундамент своих глубоких знаний.

*

Как всякая французская семья, семья Перро живо интересовалась всем, что происходило при королевском дворе.

Францией по-прежнему управлял кардинал Мазарини, на жизнь которого как раз в это время готовилось покушение. Одним из руководителей заговора был Франсуа Вандом, герцог Бофор, второй сын Сезара, герцога Вандома, незаконного сына Генриха IV и Габриэли д'Эстре. Как пишет Александр Дюма, этот красивый женоподобный молодой человек, походивший своими длинными белокурыми волосами скорее на англичанина, чем на француза, был необыкновенно храбр и всегда готов на самые отважные предприятия, но совсем невоспитан и очень груб. Он больше всех говорил при дворе о необходимости покончить с властью итальянца. Вокруг Бофора и его возлюбленной, госпожи Монбазон, сложился кружок заговорщиков, и когда госпожа Монбазон, которую очень не любила королева, получила приказ оставить свою службу при дворе и удалиться на жилье в один из своих загородных домов, герцог Бофор решился со своими сообщниками отомстить кардиналу, ибо госпожа Монбазон была изгнана из Лувра конечно же стараниями Мазарини.

Был назначен день для исполнения задуманного. Мазарини, приглашенный на обед в Мезон, должен был выехать из Лувра в сопровождении небольшой свиты; солдаты были расставлены по дороге, чтобы схватить его. «Все было готово, — пишет в своих воспоминаниях госпожа Мотвиль, — но одно непредвиденное обстоятельство помешало делу. Герцог Орлеанский приехал в Лувр в то самое время, когда кардинал садился в карету, и Мазарини пригласил Гастона ехать вместе с ним на обед. Герцог принял приглашение, сел в карету кардинала, и оба отправились в Мезон. Присутствие герцога Орлеанского помешало исполнению преступного намерения».

Через несколько дней заговорщики условились застрелить кардинала из окна, мимо которого он должен был пройти, направляясь к королеве. Но накануне кардинал был предупрежден об этом, и заговорщикам опять не удалось достичь своей цели.

На другой день в Лувре громко заговорили об этом истинном или предполагаемом предприятии. Королева, боявшаяся в особенности за кардинала, подошла к госпоже Мотвиль с пылающими от гнева глазами:

— Вы увидите, что не пройдет и двух суток, как я отомщу за шутки, которые играют со мной эти злые друзья.

И действительно, при первом же появлении Бофора во дворце он был арестован. А вскоре арестовали и еще нескольких заговорщиков. Другие участники заговора рассеялись.

Наверное, для того, чтобы утвердить в глазах всех окончательную победу кардинала, 7 октября 1644 года королева Анна Австрийская со своими сыновьями Людовиком XIV и герцогом Анжуйским, по совету Мазарини, оставила Лувр и переехала на жительство в кардинальский дворец. Над ним красовалась надпись, сделанная огромными буквами: «Кардинал-Палас».

Прогуливаясь с Борэном около дворца, Шарль слышал от него:

— Королю неприлично жить в доме своего подданного.

Шарль согласился с другом, и ему стало жаль маленького короля.

То же самое и в те же самые дни сказал королеве Анне Австрийской обер-квартирмейстер королевского дома маркиз Прувиль. Королева презрительно пожала плечами и ничего не ответила.

Но уже вскоре надпись на дворце была заменена на другую: «Пале-Рояль» («Королевский дворец»).

Впрочем, маленький король, за которого пока правила его мать, был восхищен новым жилищем. И немудрено: Пале-Рояль был красивее Лувра. Недаром знаменитый французский драматург Корнель написал:

Нет редкости во всей подсолнечной такой,
Что можно бы сравнить с чертогом кардинала.
В нем видим пышный сад, волшебною рукой
Воздвигнутый из недр старинного канала.
Невольно вам придет на ум, что те чертоги
Жилищем избрали иль короли, иль боги.

В 1629 году кардинальский дворец был куплен кардиналом Ришелье, разрушен и выстроен заново. Дворец разрастался вместе с возрастающим богатством Ришелье. Будучи могущественнее своего короля, кардинал хотел и жить великолепнее его. Поэтому городская стена была сломана, ров зарыт, а сад по уничтожению всего, что мешало правильному его

очертанию, был распространен до самых лугов, на которых впоследствии были проведены две улицы: Нев-де-Пети-Шам и Ла-Вивьен. Сверх того Ришелье проложил новую улицу, носившую его имя: она шла прямо от его дворца к Ла-Гранж-Бательер, его ферме, расположенной у подошвы Монмартра. Все эти приобретения, включая и Сильерийский отель, который он купил для того, чтобы его сломать и иметь площадь перед дворцом, стоили кардиналу целое состояние.

Но прошло не более месяца, и кардинальскому дворцу было возвращено его прежнее название. Говорили, что племянница Ришелье, госпожа д'Эгильон, подала королеве прошение, в котором умоляла ее величество оставить прежнюю надпись в память о кардинале.

И королева, тронутая справедливой просьбой, согласилась вернуть прежнюю вывеску.

...Впрочем, много лет спустя Шарль заметит в разговоре с братом Пьером:

— И все же привычка взяла верх: название «Пале-Рояль», данное этому дому по причине жительства в нем молодого короля, пережило название «кардинальский дворец».

*

Семья Перро по вечерам собиралась в большой гостиной. По моде того времени мебели в комнате было немного и она размещалась строго вдоль стен. Только зимой кресло для отца подвигали ближе к камину.

Но сейчас было лето, и братья сидели за столом на резных деревянных стульях с очень высокими спинками.

Речь зашла об ордонансе генерального контролера финансов д'Эмери, который решил обложить налогом всех владельцев домов в пригородах Парижа — то есть самых богатых и самых влиятельных граждан, ибо во все времена богачи старались селиться подальше от шумного, дымного центра.

Ришелье облагал высокими налогами жителей всех городов и поселков Франции, но не трогал парижан, прозорливо чувствуя, что за этим неминуемо последует взрыв. И долгие годы парижане не знали налогов. Д'Эмери же решил нарушить эту традицию и столкнулся если не с бунтом, то с его предвестниками.

На улицу Парижа вышли толпы народа, причем и простолюдины, и богатые горожане, и среди них дамы, призывавшие мужчин идти ко дворцу.

Беспорядки произошли 4 июля, в понедельник. В сущности, простому народу было наплевать на интересы богатых, но обозленные нищетой, голодом и болезнями люди ждали только сигнала, готовые крушить, жечь, убивать, грабить — то есть хоть на чем-то сорвать свою боль.

В этот раз разум помог д'Эмери оценить ситуацию, и он отменил ордонанс.

В другой раз разговор пошел о деревне. Жан, Пьер и Клод довольно грубо говорили о крестьянах, которые работают все хуже и хуже. Многие занимаются вырезанием деревянных игрушек вместо того, чтобы возделывать поля. Особенно ожесточен был Жан. Он нередко повышал голос и призывал ужесточить наказания. И только Николя выступил в защиту крестьян.

— А зачем им стараться, — спросил он с гневом, — если урожай у них все равно отберут? А то, что останется, съедят поставленные на постой солдаты. Разве вы забыли недавние слова кардинала, что трехдневный постой войск обычно обходится дороже, чем уплата тальи и собственное пропитание крестьян за целый год! А ведь постой бывают и не по три дня!

Отец привязал на затылке тесемки очков в кожаной оправе и разгладил широкой ладонью несколько листов.

— Вот донесение интенданта Фуке, — объяснил он, — которое составлено в июне этого года, то есть совсем недавно. Фуке рассказывает о том, как он занимался раскладкой налога. Этот энергичный интендант давно известен как ловкий выжиматель налогов, но и он — Фуке! — вынужден отметить чрезмерность обложения! Вот что он пишет: «... бывает, что имущество, дающее триста ливров дохода, обложено пятьюстами ливрами, что и доводит население до отчаяния... Когда приставы приходят в деревенские общины, на них уже поднимают камни, а так как я не могу быть одновременно повсюду, то заставить их слушаться — затруднительно».

Отец несколько раз назвал имя Фуке. Шарль не знал, что уже скоро этот Фуке станет генеральным сюринтендантом финансов Франции и он, Шарль, именно у него начнет свою блистательную карьеру.

Зато Шарля поразили факты, которые приводил отец.

— Волнения крестьян, — продолжал тот, — все усиливаются, и нередко во главе их стоят дворяне.

— Но почему, почему?! — воскликнул Шарль.

— А потому, что после постоя войск и сдачи тальи дворянам уже нечего собрать с крестьянина! Поэтому при первом известии о приближении войск дворяне организывают самооборону и не дают

солдатам войти в деревню. А если дворяне получают разрешение вербовать и формировать подразделения королевских войск, то они используют эти войска, чтобы перехватить у королевских чиновников деньги своих собственных крестьян. «...Во многих местах бедность крестьян так велика, — читал отец донесение интенданта Фуке, — что, если бы они и хотели, им было бы абсолютно невозможно уплатить все то, что с них требуется, и одно это бессилие способно было бы толкнуть их к отчаянию. Снег, который, как говорят, никогда не был таким обильным, как в текущем 1644 году, сгноил почти все зерно, особенно в горах, так что осталось едва лишь для посева...»

1645–1647 годы

Одна из комнат в доме Перо была отведена для занятий гимнастикой и фехтованием. Шарль и его друг Борэн учились владеть шпагой — во-первых, это было модно, а во-вторых, нужно было уметь защитить себя на улице.

Учитель фехтования (фейхтмейстер) приходил в полдень два раза в неделю и показывал друзьям приемы, которые они тут же пытались освоить. Он обучал Шарля и Борэна тонким и неожиданным ударам рапирой и требовал, чтобы они, став искусными фехтовальщиками, не поддавались искушению вызвать на поединок человека недостаточно опытного в этом искусстве.

— Ибо, — говорил он, — я прекрасно знаю дух бретерства, которым люди заражаются в фехтовальных залах.

И, конечно, друзья ходили в таверну попробовать хорошего вина. Во все времена подростки хотят показаться взрослыми, и потому Шарль и Борэн иногда выпивали лишнее, особенно если в таверну врывались студенты, наполняли кружки и затягивали песню «Попойка», очень популярную в те годы. Шарль и Борэн знали слова и подпевали:

Полно, други, рифмы плесть!
Поумней забавы есть!
Вакх зовет нас благодатный
К жизни более приятной.

Виден ливень из окна;
Пусть же льется дождь вина
В наши глотки неустанно:

Эта влага нам желанна.

Скорби и заботы прочь!
Проведем шумнее ночь,
Чтоб алеющей Авроры
На хмельных упали взоры.

Потом друзья долго ходили по ночному Парижу и сетовали на темноту: то и дело попадали в лужи или спотыкались о преграду. В Париже было множество уличных фонарей, но сальные свечи, горевшие внутри них, плохо освещали улицы и к тому же часто задувались ветром или оплывали. Их слабый, колеблющийся неверный свет пересекался изменчивыми жуткими тенями.

Вообще в Париже «ухо нужно было держать остро»: на голову прохожему из внезапно распахнутого окна могли вылить помои или выбросить мусор (а в нем попадались и тяжелые предметы!). Порой с железных крюков сваливались вывески. В ветреные дни и ночи вывески скрипели, колотились одна о другую и производили противный жалобный звук. Кроме того, по ночам вывески застилали свет фонарей, ибо большинство из них было огромных размеров с выпуклыми надписями и изображениями. Обычно на них красовались какие-то великаны. Эфес их шпаг доходил до шести футов, сапоги были с бочку величиной, шпоры — с экипажное колесо, а в каждом пальце перчатки поместилось бы по трехлетнему ребенку. Чудовищные головы и руки, держащие рапиры, заполняли улицу во всю ширину.

А чем занимался Шарль в часы досуга, если оставался один? Он плел коврики из лент. В те времена это считалось одним из самых серьезных занятий для молодых людей. И он радовался, если ему удавалось подобрать искусное сочетание цветов. Любил он и вышивать — особенно ему нравилось придумывать себе герб с девизами. Иногда составлял анаграммы, образуя из букв какого-нибудь слова много других слов.

Очень популярна в XVII веке была игра в мяч, и Шарль с братьями часто забавлялся ею. Мячи были тяжелые, кожаные и если попадали в кого, то оставляли на теле синяки. А удары часто были меткими. Лучше всех играл Пьер. Сильными ударами он иногда выводил из строя и старшего брата Жана, хотя тот был достаточно ловок.

В 1646 году Шарлю исполнилось 18 лет. А сцена будущего «спектакля», одну из главных ролей в котором он будет играть, неумолимо заполнялась. В 1645 году родился писатель Жан Лабрюйер — он создаст знаменитую портретную галерею характеров своего века. Через год появился на свет будущий выдающийся архитектор Жюль Ардуэн Мансар, с которым часто будут пересекаться пути Шарля Перро. В том же 1646 году родился Антуан Гамильтон, который напишет блестящие пародии на сказки «Тысячи и одной ночи».

Жан Батист Поклен решает всецело посвятить себя театру. В 1643 году он принимает псевдоним Мольер, а в 1645 году, после провала в Париже, отправляется искать счастья в провинции, где проведет долгих тринадцать лет.

Будущему композитору Жану Люлли пока 13 лет. Скульптору Франсуа Жирардону — 18, как и Шарлю Перро. Нашему герою придется часто с ними встречаться.

Франсуа де Ларошфуко уже 35 лет. Позади у него дворцовые интриги против Ришелье, впереди — участие во Фронде. Уже собираются материалы для знаменитых «Мемуаров» и книги «Максимы» — вершин публицистической прозы XVII века.

Жану Лафонтену — он еще не пишет свои прекрасные басни — уже 23 года. Пока что он живет в Шато-Тьерри, провинции Шампань. До его переезда в Париж еще девять лет.

Литературный салон маркизы Рамбуйе — законодатель литературных вкусов аристократии в течение долгих двадцати лет (1620–1640) — уже почти забыт. В моду входит литературный салон Марион Делорм. Шарль пока знает о салонах из рассказов братьев. Вскоре он станет их завсегдатаем.

...А в Европе идет война. Франция ведет ее с переменным успехом, не торопясь, — не случайно эта война получит название Тридцатилетней!

Во главе французских войск стоял талантливый маршал Тюренн. В 1646 году в результате искусно проведенной операции ему удалось соединиться со шведскими войсками и создать угрозу австрийским наследственным владениям в Чехии.

Вена оказалась под угрозой захвата, император Священной Римской империи Фердинанд III вынужден был пойти на тяжелые условия мира. По Вестфальскому миру Франция получила Верхний и Нижний Эльзас,

Зундгау и Хагенау с оговоркой, что Страсбург и ряд других пунктов в Эльзасе формально остаются в составе империи. Австрия официально заявила о своем согласии на переход к Франции занятых ею еще в 1552 году епископств Мец, Туль и Верден.

1648 год

Вестфальский мир был не просто выгоден Франции. Он был ей необходим. Шел 1648 год — год Фронды — начала гражданской войны во Франции.

Этот год начался очередным голодом. Как всегда во время голодовок, самым страшным месяцем оказался февраль.

Последние, сделанные еще с осени запасы подошли к концу. А тут еще грянули морозы. В деревнях поели всех собак и охотились за одичавшими кошками. Начался падеж скота, и голодные люди дрались из-за куска падали. Женщины выкапывали из-под снега замерзшую траву и съедали ее. Стариков в деревнях почти не осталось. Обессилившие, падавшие от истощения плотники без передышки наспех сколачивали гробы. Замолк веселый шум мельничных колес. Обезумевшие от горя матери баюкали застывшие трупы младенцев, все еще сжимавших в своих ручонках пучок гнилой соломы. Иной раз голодные крестьяне осаждали монастыри. Даже щедрая милостыня не спасала несчастных, ибо на деньги ничего нельзя было купить кроме савана для погребения. По дорогам, вдоль безмолвных полей, тянулись к городу вереницы живых скелетов, влекомые тщетной мечтой найти кусок хлеба; навстречу им из города двигались такие же скелеты, рассчитывавшие найти пропитание в деревне.

О страшном голоде шла речь на королевском заседании 15 января.

— Мы должны признаться вашему величеству, — говорил, обращаясь к десятилетнему королю, генеральный адвокат Омер Тален, — что одержанные в войне победы не уменьшают нищеты наших подданных. Имеются целые провинции, в которых нечего есть кроме отрубей... Все провинции обеднели и истощились, и только ради того, чтобы Париж, а точнее, горстка избранных купалась в роскоши, налогами обложили все, что только можно себе представить.

Король-мальчик не слушал его. Королева-мать тоже была далека от народных проблем, и доклад Омера Талена остался не услышанным. И тогда генеральный адвокат решился на неслыханное самовольство: он издал свою речь и приказал распространить ее по всей Франции.

Кардинал Мазарини, узнав об этом, воскликнул: «Это же приведет к возмущению умов!»

Но возмущать умы уже было не нужно. Они были давно возмущены политикой правительства, беззастенчивым грабежом народа. Мазарини понимал: если восстания крестьян возглавит Париж, он будет бессилен. Но предотвратить это было уже невозможно. Участие в Тридцатилетней войне, борьба с внутренней оппозицией и начавшийся голод исчерпали финансовые ресурсы Франции, и Мазарини вынужден был обложить налогом богатый Париж. Это вызвало возмущение в столице. Париж созрел для бунта. Недоставало только вождя.

*

Отец каждый день приносил из парламента тревожные известия. Из его речей Шарль понял, что парижский парламент — сугубо судебное учреждение, обладавшее правом регистрации новых законов, — все более выходит из повиновения королю. Больше того, члены его выдвинули программу реформ по ограничению королевской власти. Эта программа содержала пункты, отражавшие интересы не только парламентских «людей мантии», но и широких слоев буржуазии, а отчасти даже народных масс: введение налогов только с согласия парламента, запрещение ареста без предъявления обвинения и другие. Ссылаясь на решения парламента, крестьяне повсеместно прекращали уплату налогов, а заодно и сеньориальных повинностей!

В самом деле, возмущение политикой кардинала росло и — что самое удивительное — росло сверху. Все более ухудшались отношения между Верховным советом, выражавшим мнение двора, и парламентом. На местах магистраты тоже поддерживали парламент и по его указанию пересматривали королевские эдикты.

13 мая 1648 года члены парижского парламента приняли «акт единства», в котором все суверенные суды Парижа должны были направить делегации для участия в совместных заседаниях в палате Святого Людовика во Дворце правосудия. Предлагалось обсудить меры, необходимые для спасения государства. Фронда началась!

Между тем в ночь с 23 на 24 августа в Париже стало известно о победе, одержанной французскими войсками под началом принца Конде в битве при Лане. На 26-е число был намечен благодарственный молебен. Одновременно Мазарини решил схватить вождей бунтовщиков.

А вожди не скрывались. Наоборот, они появлялись в самых людных местах и призывали не подчиняться правительству. Шарль знал от отца, что самыми популярными депутатами парламента были советник уголовной палаты Бруссель и начальник следственной комиссии Бланмениль. Их страстные речи тотчас передавались из уст в уста и становились известны всему Парижу.

— Чем больше они навлекают на себя королевскую немилость, — говорил отец, — тем больше они возвышаются в мнении народа.

Арест Брусселя 24 августа положил начало давно назревшему мятежу. О том, что произошло в этот день, Шарлю стало известно со слов Жана, который по случайности оказался недалеко от дома советника Брусселя именно в ту минуту, когда туда подъехала карета капитана гвардии Комминга в сопровождении нескольких гвардейцев.

Советник вместе со своим семейством как раз заканчивал обед. Можно себе представить, какое впечатление оказал на всех вид гвардейского капитана!

— Милостивый государь, — начал Комминг, — я имею от короля предписание взять вас — вот оно. Вы даже можете его прочесть; как для вас, так и для меня будет лучше, если вы не будете мешкать и тотчас же отправитесь со мной.

— Но позвольте узнать, — спросил Бруссель, — за какое преступление король арестует меня?

— Вы понимаете, господин Бруссель, что не капитану гвардии осведомляться о подобных делах. Я имею повеление вас арестовать, и я вас арестую.

Семидесятитрехлетний Бруссель не оказал сопротивления, но в это время его старая служанка, видя, что уводят ее хозяина, подбежала к окну, выходящему на улицу, и начала что есть силы звать на помощь. Она кричала так громко, что, когда Комминг вместе с арестантом сошел с лестницы, экипаж был окружен двадцатью или более горожанами.

Комминг, видя, что нужно действовать решительно, бросился на толпу; толпа расступилась, но не разбежалась. Капитан с пленником сели в карету и поехали, между тем как четыре гвардейца шли впереди, чтобы прокладывать дорогу. Но не успели они пройти и двадцати шагов, как увидели при первом повороте в улицу растянутые поперек цепи. Нужно было поворачивать и ехать по другой дороге. Не обошлось без драки; однако же поскольку народ не привык еще к уличным стычкам и очень боялся солдат, особенно гвардейцев, толпа поначалу сопротивлялась слабо и дала карете выехать на набережную. Здесь волнение стало уже

посерьезнее. В гвардейцев бросали камнями, лошадей останавливали на каждом шагу. Комминг приказал кучеру ехать в галоп, но тут под колесо кареты попал большой камень и экипаж опрокинулся. Тотчас со всех сторон поднялся сильный крик, народ, подобно стае хищных птиц, налетел на опрокинутую карету. Комминг думал уже, что погиб, однако ему повезло: к месту происшествия подошла рота гвардейцев. Они разогнали толпу и окружили опрокинутую карету. Но, как выяснилось, продолжать путь она не могла: кроме того, что было сломано колесо, оказались перерезаны постромки. Комминг остановил другую карету, заставил выйти находившихся в ней людей и пересадил в нее Брусселя. Но и это еще не все. Как только экипаж выехал на улицу Сент-Оноре, то и он сломался. Народ снова бросился на гвардейцев, так что пришлось отгонять его прикладами ружей и тесаками, причем многие были ранены. Пролитая кровь не только не испугала бунтовщиков, но еще более увеличила их ярость: со всех сторон слышались угрозы; одни граждане стали выходить из своих домов с алебардами, другие стояли у окон с ружьями; один гвардеец был ранен выстрелом из ружья. В эту минуту, к счастью Комминга, появилась карета, посланная его дядей Гито. Арестанта насильно посадили в нее и, отделившись наконец от черни, повезли в Сен-Жермен, откуда Брусселя хотели препроводить в Седан.

*

Повсюду говорили только о Брусселе. Можно было подумать, что каждый лишился отца, брата или покровителя. Вдруг все поднялись на его защиту. Мятеж распространялся из улицы в улицу наподобие морского прилива: все бежали, кричали, торговцы запирали лавки, соседи спрашивали друг у друга, есть ли у них оружие, и те, кто его имел, снабжали не имевших то пиками, то алебардами, то ружьями.

Шарль в эту ночь плохо спал: то и дело его будил шум за окном. «Скоро загремят пушки!» — думал он. А наутро он долго не мог дожждаться Борэна. Тот опоздал почти на час, был очень возбужден.

— Понимаешь, в Париже баррикады! — едва ступив за порог, закричал Борэн. — По некоторым улицам пройти вообще невозможно. А если нет баррикад — через улицы протянуты цепи. Движение остановлено. У людей оружие. И я даже слышал выстрелы!

Решив все же позаниматься, друзья с трудом дотерпели до перерыва — он бывал у них в полдень — и, наскоро перекусив, выбежали на улицу.

В толпе народа, через которую им пришлось пробираться, они узнали последние новости: после ареста Брюсселя и Бланмениля самой популярной фигурой в городе стал коадьютор (помощник парижского архиепископа) Гонди. Он, говорили в толпе, пытался убедить королеву в серьезности положения; та сначала не вняла его словам, но после свидетельства других людей отправила его успокоить народ. А Гастон Орлеанский, подтолкнув его обеими руками, якобы сказал ему: «Ступайте, господин коадьютор, ступайте спасать государство!»

Возле Пале-Рояля друзья увидели самого коадьютора, окруженного толпой народа. Слышались голоса: «Свободу Брюсселю! Верните нам Брюсселя!» От Пале-Рояля до самого Трагаурского перекрестка народ нес коадьютора на плечах. Между тем на перекрестке шел бой: легкая кавалерия маршала ла Мелльере сражалась с вооруженной толпой народа. Кoadьютор, надеясь, что как те, так и другие уважают его достоинство и его духовный сан, бросился между сражающимися, чтобы остановить кровопролитие. Действительно, маршал, который начинал приходить в весьма затруднительное положение, с радостью воспользовался этим предложением, чтобы приказать своим кавалеристам прекратить стрельбу. Граждане, со своей стороны, тоже остановились. Двадцать или тридцать человек, которые, ничего не зная об этом перемирии, вышли с алебардами и ружьями из улицы де-Прувер, не видя коадьютора или притворяясь, что не видят его, бросились на кавалеристов, ранили выстрелом в руку Фонтрайля, находившегося близ маршала, прибили одного из пажей, несших сутану коадьютора, и камнем сшибли с ног самого коадьютора. В то время как коадьютор поднимался на одно колено, аптекарский ученик, один из самых активных участников бунта, навел дуло своего ружья прямо ему в голову. Прелат, не теряя присутствия духа, схватил рукой дуло ружья и воскликнул:

— Ах ты несчастный! Если бы это видел твой отец!

Молодой человек не понял смысла этих слов и решил, что он по неосторожности чуть было не убил одного из приятелей своего отца. Он более внимательно посмотрел на свою жертву и, заметив на нем священническую одежду, спросил:

— Боже мой! Не коадьютор ли вы?

— Именно это я и есть, — ответил прелат, — и ты хотел убить друга, думая, что убиваешь врага!

Мятежник, признавая свою ошибку, помог коадьютору подняться на ноги и начал громко кричать:

— Да здравствует коадьютор!

То же стали кричать и Шарль с Борэном, издалека наблюдавшие эту картину. Их голоса тонули в общем дружном крике. Тем временем маршал, пользуясь сутолокой и шумом, поспешил ко дворцу. Вслед за ним во главе огромной толпы двинулся и коадьютор. Он решил вторично пойти к королеве и получить решительный ответ на требование освободить Брюсселя. Его сопровождали 40 тысяч человек, среди которых были и Шарль с Борэном. Они решили терпеливо ждать выхода коадьютора.

Лишь через пару часов из дворца вышел коадьютор. Огромная толпа народа заставила его взойти на империал поданной ему кареты и рассказать, чем закончилась встреча с королевой.

— Ее величество, — крикнул коадьютор, чтобы его могли услышать и дальние ряды, — обещала выпустить Брюсселя, Бланмениля и Шартона!

Два часа назад эти слова ни в ком бы не вызвали сочувствия: обещала — это не значит выполнила. Но... приближалось время ужина. Это обстоятельство сегодня может показаться смешным, но в Париже — даже во время народных возмущений — самые горячие головы не хотели пропустить свой ужин. Народ разошелся по домам, и коадьютор тоже мог вернуться домой, где он тотчас лег в постель и приказал пустить себе кровь, чтобы избежать последствий полученного им удара камнем.

Шарль с Борэном вернулись в свои дома, где пересказывали родным события прошедшего дня.

*

А на следующий день, 28 августа, уже взбунтовался весь Париж! Мятеж распространился от центра города до самых отдаленных кварталов. Все взялись за оружие, даже женщины и дети. В самое короткое время было сооружено более 1200 баррикад.

Ничто не могло удержать дома братьев Перро. Старший, Жан, адвокат, с немалым трудом пробился к месту работы, Николя — к университету. Пьер, Шарль и Борэн вышли на улицу из любопытства. Вчера, за ужином, который затянулся далеко за полночь, отец снова напомнил сыновьям, что это восстание поднято парламентом и он сам активно участвовал во всех его заседаниях и выступал за то же, что и все, — за ограничение власти короля.

Повсюду в толпе слышалось слово «Фронда». (Так называлась детская игра — когда из пращи бросают камень.) О происхождении этого названия, под которым события 1648-го и последующих годов вошли в историю,

Шарлю также рассказал отец.

Как известно, Мазарини всегда был невысокого мнения о парламенте, а недавно с насмешкой сказал, что его члены — суть не что иное, как школьники, которые швыряют камнями из пращи и разбегаются, как только увидят охрану. С легкой руки Мазарини сторонников парламента называли фрондистами, а сторонников двора — мазаринистами. Первые даже стали носить на шляпе тесьму, которая складывалась в виде пращи.

Сегодня поутру
Дул ветер из Фронды;
Я думаю, он
Грозит Мазарини.
Сегодня поутру
Дул ветер из Фронды, —

распевали на улицах куплеты.

*

Слово «Фронда» вошло в моду; в булочных стали печь булки «а-ля фронда», появились шарфы, веера, перчатки «а-ля фронда».

Нечего и говорить, что и Шарль, и Борэн укрепили на своей шляпе тесьму в виде пращи.

Между тем события накатывались одно за другим, словно снежный ком. В сентябре королева решила покинуть Париж. Под предлогом того, что нужно подновить и переделать Пале-Рояль, король, королева-мать, герцог Анжуйский, у которого только что прошла оспа, и кардинал Мазарини удалились в город Рюэль.

Этот отъезд скорее напоминал бегство. В шесть часов утра маленький король сел в карету и поехал с кардиналом за Парижскую заставу; королева же, желая показать, что имеет больше других мужества, осталась на некоторое время в городе. Съездила в монастырь францисканских монахов на исповедь; посетила в Валь-де-Грассе своих добрых монахинь, простилась с ними и только после этого выехала из Парижа.

Через два дня после этого, 22 сентября, состоялось самое бурное заседание парламента, о котором конечно же поведал домочадцам старший Перро.

— Президент Виоль, — рассказывал он, — был бледен от волнения. Листки бумаги с текстом его речи дрожали в его пальцах. Без всякого вступления он объявил, что парламент собрался, чтобы освободить из тюремного замка Шавиньи, подобно тому как он освободил Брусселя. Члены парламента узнали из его сбивчивой речи, что король выехал из Парижа, в столицу возвратился раненный в бедро принц Конде, а скоро придут и войска.

После Виоля вскочил президент Бланмениль и воскликнул:

— Все это происходит от одного человека, чуждого Франции, и только тогда прекратятся все эти беды, когда Мазарини будет подведен под указ 1617 года, которым всякому иностранцу запрещается иметь в королевстве должности, духовные места с доходами, почести, достоинства и управление делами.

Отец сделал паузу и добавил:

— Ни одно нападение не было так направлено против Мазарини, как это последнее, так смело и решительно выраженное в словах Бланмениля.

...Имя презренного итальянца и в самом деле было у всех на устах. Среди множества памфлетов и эпиграмм, направленных против Мазарини, есть и поэма, написанная Шарлем Перро в соавторстве с Борэном. Она представляет собой перевод в жанре бурлеска «Энеиды» Вергилия, точнее, ее шестой главы, в которой Эней спускается в поисках отца в преисподнюю.

В «Шутливой Энеиде» — «антисказке», как назвал это произведение профессор Марк Сориано, — мы видим уже те черты творчества, которые Шарль Перро «прочертит» и в своих «Сказках в прозе».

Как в каждой сказке, здесь тоже «живет» ведьма, только дружит она с дьяволом, и за его страшной фигурой явно встает фигура кардинала Мазарини:

...иль постучусь я в вашу дверь...

А наша ведьма, мой дружок,
Раскрыла здесь вот свой мешок
И извлекать оттуда стала
Все, что так любит Дьявол:

Висельные веревки, свечи огарок,
Чей свет когда-то был так ярок,
Череп мужчины убитого,
Кости ребенка разбитые...^[1]

В «Шутливой Энеиде» авторы не испытывают никакого почтения к богам и героям. Непристойные шутки над ними встречаются здесь на каждом шагу. Эней перед тем, как попасть в преисподнюю, идет по грешной земле и оказывается в Париже, где с ним происходят чисто земные приключения:

Герой войны Троянской
Прославленный Эней,
Не смог сдержать он в тряске
Запряженных коней.

По ягодицы самые
Он погрузился в грязь.
Парижский люд глазел за ним.
Толкаясь и смеясь.

Перро, как и все французы, ненавидел Мазарини и с удовольствием писал пародию на него. Но иногда его собственные переживания — причем восходящие к его раннему детству — выходили на первый план. Вместо того чтобы каждой строкой «бить» по Мазарини, он — вольно или невольно — нацеливался на своих родителей, которые лишили его детских радостей.

Вот, например, Эней, блуждая по Парижу, попадает внутрь одного из домов:

Из большого окна льется сумрачный свет.
У стены Эней видит огромный буфет.
Стол накрыт, и за ним уже люди сидят,
Сидят смирно и ничего не едят.

У буфета огромный дьявол стоит.
Он подсвечник берет, и кричит, и кричит.
И ногами своими стучит и стучит.
Он клянется на месте прикончить, убить
Тех, кто без разрешения станет пить,
Тех, кто без разрешения станет есть.

Он придумает им презестокую месть.

«В этом фрагменте, — пишет профессор Марк Сориано, — быть может, отражена одна из сцен жизни семьи Перро, конечно, не такая, какая произошла на самом деле, а такая, как ее прочувствовал ребенок: суровый отец, который кричит и гневается, а рядом с ним виновник или виновные дети».

А вот Эней встречается со своим отцом Анхисом в том месте, где нет ни мук, ни наказаний. Рядом с отцом ангелы, которые хотят напиться воды из реки Леты, чтобы уйти в мир живых. Не понимая их странного желания, Эней восклицает:

О, отец, что ты смотришь?
Держи их, держи!
Ты же знаешь отлично
Эту самую жизнь!

Ничего в ней хорошего —
Знаешь ты — нет!
Одно лишь убожество
В сумраке лет!

Эти ангелы заново
Хотят пеленки мочить,
Называть папу, маму
И ногами сучить...

«Если попытаться проанализировать эту пародию, — продолжает Марк Сориано, — мы снова увидим в ней произведение молодого человека, который воспринимает свое детство как мучение и который ни за что на свете не хочет вернуться в ту пору, которую называют счастливой».

В «Мемуарах» Шарль Перро рассказал о том, как была написана «Шутливая Энеида», и затем добавил:

«Таким образом, перевод был закончен, и, переписав его как можно красивее, я включил в текст две прекрасные гравюры, выполненные китайскими чернилами. Этот манускрипт находится на полке среди семейных книг».

...Он еще не знает, что борьба «нового» с «древним» в литературе станет смыслом его жизни. Но уже начинает эту борьбу своей поэмой. Пока, правда, будущий спор ассоциируется у него в большей степени с освобождением от родительской власти, с порывом к независимости. Отсюда его злопамятность, а временами даже потеря контроля над собой и отсутствие чувства меры.

Неизвестно, читал ли Мазарини «Шутливую Энеиду». Вероятнее всего, читал, ибо он был хорошо осведомлен и о положении на парижских улицах, и о памфлетах, направленных против него.

*

4 октября королева издала указ, по которому парламенту были даны неограниченные права. Казалось, достаточно небольшого усилия — и королевская власть рухнет. Но сделать это усилие члены парламента не решились. Мощное народное восстание могло переброситься из Парижа на всю Францию и вместе с королем смести сам парламент. Так еще раз в истории случилось то, что и должно было случиться: руками народа добившись своей цели, буржуазия предала этот народ. Парламент прекратил давление на власть и распустил народное ополчение.

Нерешительность парламента быстро заметили при дворе, и двор возвратился в Париж. Растерянность покинула Анну Австрийскую настолько, что она решилась на шаг, на который не решалась даже накануне «года баррикад». В канун Нового года она наконец согласилась сочетаться браком с кардиналом Мазарини. Это был вызов всем, кто оградил ее власть и кто ненавидел Мазарини. Правда, брак был тайным, и даже после него влюбленные ходили друг к другу лишь по специально вырытому для них потайному ходу.

1649

Между тем армия принца Конде, высвободившаяся после заключения Вестфальского мира, подступила к Парижу. И нацелила на город жерла своих пушек. Теперь лишь присутствие короля в столице давало парижанам гарантию спокойствия и безопасности. Однако рано утром 5 января королевский двор бежал из столицы. Анна Австрийская настолько осмелела и настолько уверилась в верности армии, от которой еще недавно

убегала, что решила натравить ее на восставших.

Шарль одним из последних узнал об этом и почувствовал тревогу. Теперь войскам ничего не мешало взять и разграбить Париж. А в столице началась паника. С шести часов утра 5 января горожане заперли все городские ворота и не давали выехать из Парижа тем, кто стремился в новую королевскую резиденцию — Сен-Жермен. Через улицы протянули цепи, тех из беглецов, кто сопротивлялся, убивали. Лишь одиночкам удалось вырваться из столицы.

— Канцлер едва спасся, — рассказывал Николя за ужином, — и то только потому, что переоделся в платье капуцина. Госпожа Бриенн, чтобы безопаснее бежать из Парижа, переделалась монахиней, а младший Бриенн и его брат притворились школьниками с книгами под мышкой. Что касается Бриенна-отца, который со своим родственником аббатом Эскладье силой хотел проложить себе дорогу, то он вынужден был выстрелить из пистолета, дабы беспрепятственно пройти через толпу народа. При этом Эскладье получил удар алебардой в бедро.

*

В народе говорили, будто королева велела сжечь Париж, а жителей — заморить голодом. В парламенте тоже ничего не знали о намерениях королевы. Депутация, посланная в Сен-Жермен, вернулась с позором: ее не приняли. И тогда парламент снова решил перейти в наступление. Он принял декрет, объявлявший кардинала Мазарини вне закона:

«Так как Мазарини есть главный виновник всех беспорядков в государстве и несчастий в настоящее время, то парламент объявляет его нарушителем общественного спокойствия, врагом короля и государства и повелевает ему сегодня же удалиться от двора, а через восемь дней выехать за пределы королевства. По истечении означенного времени парламент повелевает всем подданным короля преследовать его; запрещает кому бы то ни было его принимать; приказывает, кроме того, произвести в сем городе для означенной цели набор воинов в достаточном числе и сделать распоряжения касательно безопасности города как внутри, так и вне оного, а также снабжения конвоем лиц, подвозящих припасы с той целью, дабы оные свободно и безопасно могли быть доставляемы и привозимы».

При дворе поначалу с насмешкой отнеслись к этому декрету. Но вскоре веселость прекратилась по причине трех известий: герцог д'Эльбеф и принц Конти оставили Сен-Жермен и возвратились в Париж. Герцог

Булльонский объявил себя на стороне парламента. Наконец, герцогиня Лонгвиль объявила, что жители Парижа могут рассчитывать на помощь герцога Лонгвиля, ее мужа, и принца Марсильяка, который, как известно, был ее любовником.

Таким образом, междоусобная война сделалась неизбежной уже не только между королем и народом, но и между принцами крови.

В карете коадьютора в городскую ратушу приехали красавицы-герцогини Лонгвиль и Булльон. Они шли сквозь толпы народа, неся на руках своих детей, как знамя. Поднявшись по ступеням здания, дамы остановились и повернулись к площади, заполненной народом от мостовой до самых крыш:

— Парижане! Герцог Лонгвиль и герцог Булльонский вверяют вам то, что у них есть драгоценнейшего в мире — своих жен и детей!

Громкие восклицания были ответом на эти слова. Одновременно из окон народу бросали золото. По приказу коадьютора 10 тысяч ливров было выброшено на мостовые, и народ, охотясь за звонкими монетами, клялся пожертвовать жизнью за обоих герцогов.

Однако умные головы и в те дни понимали истинную личину господ, руками народа думавших свести счеты с королем. И скоро народ распевал куплеты, сочиненные на герцога д'Эльбефа:

Д'Эльбеф и сыновья храбрыся
На Королевской площади.
Ужасно чванятся, гордятся;
Случись же им с врагом сражаться,
То храбрости от них не жди:
Д'Эльбеф и сыновья храбрыся
Только на Королевской площади!

...И война началась. По приказанию принца Конти — младшего брата Конде — была взята Бастилия. Маркизы Наурмутье, де да Буле и Лег с пятьюстами всадниками сделали набег на Шарантон и вытеснили оттуда мазаринистов.

Воодушевленные победой маркизы пришли в городскую ратушу, где теперь был «штаб». Герцогини Лонгвиль и Булльон позволили победителям войти к себе в полном вооружении. Это была странная смесь голубых шарфов, блестящих ружей, сабель и дамских нарядов.

Герцогини ликовали: они принимали парады, давали приемы, спали в

своих будуарах, в то время как истинный двор — король, королева и кардинал — обитали в замке Сен-Жермен без мебели и спали чуть ли не на соломе: ведь в те времена мебель перевозилась из замка в замок, а на этот раз двор уезжал так поспешно, что не успел вывезти с собой обстановку.

Фрондисты и их противники соревновались друг с другом в сочинении насмешливых куплетов. Вообще в продолжение этой странной войны было сочинено больше песен, чем сделано выстрелов.

Принцу Конде, осаждавшему Париж во главе преданных королеве войск, был посвящен такой стишок:

Какой, о Конде, славы ждешь,
Когда оружием верх возьмешь
Ты над парламентом с купцами?
Лишь мать свою тем оскорбишь,
Победу одержав над нами:
Родного брата победишь!

Ведь родной брат принца — Конти — оставался на стороне парламента!

Мазаринисты ответили куплетом против герцога Бульонского:

Великий ваш храбрец Бульон
Подагрой иногда страдает;
Как дикий лев, отважен он,
Великий ваш храбрец Бульон,
Но чтоб напасть на батальон,
Когда врага сразить желает,
Великий наш храбрец Бульон
Подагрой тотчас же страдает.

«Эпиграмма, — пишет Александр Дюма в книге „Людовик XIV и его век“, — сделалась оружием, и если наносимые ею раны не были смертельны, тем не менее они были нестерпимы. Женщины особенно от них страдали. Собрание этих сатир и эпиграмм, составленное господином Марио, было позже издано и составило сорок томов».

В феврале в Париж из Англии пришло страшное известие: королю Карлу I отрубили голову.

В семье Перро — как и в семьях большинства других парижских буржуа — это вызвало смятение. Несмотря на то, что взгляды их были близки к фрондистским, то есть они стремились к ограничению власти короля, Перро не мыслили Франции без монарха. Угроза развития событий по английскому сценарию страшила не их одних.

Президенты парламента Моле и де Мем отправились в Сен-Жермен — официально для того, чтобы передать королеве-матери предложения Испании о мире, а на самом деле — заключить мир с самим королем. Шарль, конечно, знал об этом от своего отца — члена парламента.

...15 марта королевский двор въезжал в Париж. Было очень холодно, дул пронизывающий ветер, в лицо била снеговая крупа.

Впереди огромного «поезда» шли скороходы и несли зажженные факелы. Следом верхом ехали офицеры гвардии в блестящих мундирах. А затем — кареты... много карет в сопровождении войск. Из окошек карет выглядывали и улыбались герцоги, графы, бароны — те, кто бежал из Парижа с королем. Они бросали золото народу и кричали о победе короля и Мазарини, но эти позорные для парижан слова тонули в ликующих криках народа.

Победа короля и в самом деле была неожиданной: его армия состояла из восьми тысяч человек, в то время как милиция, образованная в Париже, насчитывала 60 тысяч, и война Парижа с Сен-Жерменом больше всего походила на карточную игру, в которой одна из сторон вдруг начинает играть «в поддавки».

Но больше всего Шарля поразили парижане. Те, кто еще вчера питал к Мазарини ненависть, проклинал и гнал его из Франции, сегодня с радостью показывали пальцем на кардинала и говорили один другому: «Вот Мазарини!» И Мазарини в этот день впервые стал щедр к народу. Он приказал раздать 100 тысяч луидоров — неслыханная щедрость!

От отца Шарль точно знал содержание всех статей договора, заключенного между парламентом и королем. Больше всего его поразили те статьи, в которых говорилось о личных выгодах депутатов парламента.

Впрочем, это были гроши по сравнению с тем, что получили принцы крови, выступавшие на стороне Фронды. Договор гласил: «...Принц Конти получает Дамвиллье; герцог д'Эльбеф — уплату сумм, которые он должен своей жене и 100 тысяч ливров для своего старшего сына; герцог Бофор — право явиться опять при дворе, совершенное прощение тем, кто помог ему убежать из тюрьмы, возвращение пенсионов герцога Вандомского, отца

его, и вознаграждение за его дома и замки, которые бретанский парламент (парламент провинции Бретань. — С. Б.) велел разрушить; герцог Бульонский — владения равной цены с той, в какую оценен будет Седан, вознаграждение за лишение его княжества и титула принца как ему, так и всему его дому; герцог Лонгвиль — губернатор Пон-де-л'Арша, маршал ла Мот-Худанкур — 200 тысяч ливров деньгами, кроме других милостей, которые король соизволит даровать ему».

...Что и говорить, события Фронды многому научили Шарля Перро. В них ярче и быстрее всего раскрывались характеры людей, и не за кулисами, а прямо на жизненной сцене разворачивалось представление, в котором обнажалась вся придворная жизнь с ее интригами, увертками, с ее лестью и предательством. Эти события стали хорошей школой для самого Перро, как будущего царедворца...

5 апреля с великим торжеством был отслужен благодарственный молебен в соборе Парижской Богоматери. Так кончилось первое действие этой, так сказать, шутовской войны, в которой, по словам Александра Дюма, каждый явил себя ниже того, чем он был.

Закончилась «старая» или «парламентская» Фронда 1648–1649 годов. Франция стояла на пороге «новой» Фронды, или «Фронды принцев» 1650–1653 годов.

1650–1652 годы

Шла зима, холодная парижская зима 1649/50 года. Каждое утро на улицах подбирали остывшие трупы людей. Но в доме Перро, где с осени запаслись дровами, было тепло.

Вечером 18 января отец вошел в дом мрачный, как туча, накричал на слугу, принимавшего у него одежду, грубо ответил на вопрос жены, сурово посмотрел на сыновей. Шарль немедленно удалился в другую комнату, и только Пьер осмелился спросить у отца, что случилось.

— Случилось, случилось... — проворчал отец, подходя к камину и грея озябшие руки. — Сегодня королева арестовала принцев Конде, Конти и герцога Лонгвиля.

— За что?

Отец, не поворачиваясь от камина, процедил сквозь зубы:

— За то, что их народ любит больше, чем Мазарини! За то, что они не хотят примириться с ним! За то, наконец, что пришла пора королеве переходить в наступление и становиться полновластной королевой! —

Отец повернулся к жене и с раздражением спросил: — Ужин готов?

— Готов! — спокойно ответила Пакетт Леклерк и пошла распорядиться на кухню. По пути она послала к мужу слугу с тазиком и кувшином с теплой водой для мытья рук.

...Через несколько дней отцу через третьих лиц удалось узнать, как же королева решилась на этот поступок. Под большим секретом ему рассказали, что принцев предали их ближайшие друзья, прежде, конечно, выторговав у королевы новые привилегии. Герцог Вандомский — иначе «базарный король» Бофор — остался главным начальником флота, его второй сын должен был занять после его смерти эту должность; маркиз Нуартье получил в свое управление Шарлвилль и Монт-Олимп; маркиз Бриссак стал губернатором Анжу; маркиз Лег утвержден начальником конвоя герцога Орлеанского; наконец, кавалер де Севинье получил в награду за предательство 22 тысячи ливров.

При случае Шарль спросил брата Пьера: как могло случиться, что принца Конде, который спас Францию при Рокруа, при Норлингене и при Лане, который поддержал королевскую власть в Сен-Жермене и Шаратоне и с торжеством привез короля в Париж, арестовали?

— Да будет известно тебе, — откровенно ответил ему старший брат, — что ни верности, ни благодарности при дворе нет и не будет. Там царит одно только предательство!

Шарль навсегда запомнил его слова.

...Так началась «Фронда принцев». Герцогиня Лонгвиль, которая сумела спастись от посланных за ней солдат, встретила с генералом Тюренном, и они решили — ни много ни мало — пропустить на территорию Франции испанскую армию и двинуть ее в глубь страны. К этой армии вскоре присоединились восемь с половиной тысяч французских парней, набранных в графствах Овернь и Пуату герцогами Ларошфуко и Бульонским. Вместе с этим отрядом ехала в карете жена принца Конде с сыном, герцогом Ангиемским. По дороге в Бордо отряд имел несколько кровавых стычек с королевскими войсками. Военные действия развернулись почти по всей территории Франции.

*

На требование парламента освободить принцев королева отделялась общими словами. Единственное, на чем она настаивала, так это на том, чтобы убрать коадьютора Гонди, который, как она выразилась, поджигает

Париж. Королева не утрастилась угроз, исходящих со всех сторон — и со стороны дворянства, и со стороны народа. А что касается Мазарини, то его она намеревалась оставить в своем совете до тех пор, пока его служба будет полезна для короля.

...Париж снова кипел! Люди жгли костры на улицах, собирались перед Пале-Роялем, и угрожающие крики становились все громче.

Весь январь 1651 года прошел в беспокойстве. Парламент требовал решительных мер. Верные Мазарини маршалы предлагали ввести в Париж войска.

Однако Мазарини, тонко чувствовавший ситуацию, решил по-другому. 6 февраля в десять часов вечера, вернувшись от королевы в свои покои, он переоделся в красный кафтан, надел серые брюки, шляпу с пером и, выйдя из Пале-Рояля в сопровождении только двух чиновников своей свиты, отправился к Ришельевской заставе, где ожидали его с лошадьми несколько человек. Через два часа он был уже в Сен-Жермене.

Но каким бы тайным ни был побег кардинала, коадьютор узнал о нем и тут же ночью отправился к герцогу Орлеанскому, у которого застал нескольких придворных.

— Господа! — объявил Гонди собравшимся. — Только что из Парижа бежал кардинал!

Ответом ему было многоголосое «ура!». Потребовали шампанского.

— Но, господа! — Кoadьютор обращался ко всем, но смотрел при этом на герцога Орлеанского. — Не думаете ли вы, что следом за кардиналом Париж покинет и регентша с королем?

Многие согласились с ним, но только не герцог. Если для большинства парижан отъезд короля стал бы трагедией, то для него это было бы благо: в таком случае именно он, предводитель королевского войска, становился полным хозяином города. И когда через несколько дней ночью, извещенный девицей де Шеврез, коадьютор прибыл к герцогу Орлеанскому с известием, что королева и король и в самом деле собираются покинуть город, герцог не стал отдавать приказ перекрыть все заставы Парижа, а ограничился лишь тем, что послал к королеве господина де Суше, начальника своей швейцарской роты.

— Этого будет достаточно, — сказал герцог. — Когда королева увидит, что ее намерение раскрыто, она побоится его исполнить!

Но не тут-то было. Весть о возможном бегстве короля разнеслась по Парижу, и в городе вновь вспыхнули беспорядки. У Пале-Рояля собралась огромная толпа народа. Кто был вооружен палкой, кто топором, а кто и алебардой. Вооруженные всадники гарцевали среди народа. Это было

единение парижан. Если бы так было всегда! В толпе сновали лоточники, продавая пирожки, булочки, жареное мясо. Богатые горожане скопом платили за всю еду, и народ питался бесплатно весь день, а бочки с вином не закрывались.

Королева объявила, что никуда ехать и не собиралась. Но толпа неистовствовала, требуя предъявить ей короля. Господин де Суше, посланник герцога Орлеанского, лично был отведен королевой в покои его величества и удостоверился в том, что король спит в своей постели. Однако толпу это не успокоило.

Крики за окном настолько напугали Анну Австрийскую, что она приказала отворить во дворце все двери и ворота и пропустить народ.

— То, что вы видели, — сказала она де Суше, — должны видеть все. Предупредите только, что король спит, чтобы они вели себя как можно тише.

И произошло удивительное. Толпа, ворвавшаяся во двор с радостными воплями, вдруг приостановилась и затихла. Неистовствовавшие минуту назад люди заходили в спальню короля на цыпочках. С благоговением и любовью приблизились они к постели монарха, не имея, однако, смелости открыть ее занавески. И в эту минуту в спальню величественно, в роскошном платье с высоким стоячим воротником, сверкая бриллиантами, вошла королева. Народ расступился перед ней, склонив голову. Анна Австрийская подошла к королевской постели и откинула полог.

Увидев короля спящим, мятежники один за другим встали на колени и просили Бога даровать здоровье и покой их монарху.

О великие женщины Франции! Они были во все времена. Но в тревожную для страны минуту их мужество и решительность проявлялись с особой силой. Нельзя не признать, что Анна Австрийская достойно вела себя в эту минуту!

Позже, когда Шарль Перро станет придворным, из случайных разговоров и воспоминаний он узнает, что в ту ночь Людовик не спал, а лишь делал вид, что спит. Король поклялся отомстить народу за эти минуты страха и унижения.

*

В это время кардинал с непрерывными остановками ехал к Гавру, где надеялся встретиться с королевой. Однако там его ждал курьер, который рассказал о событиях в Париже.

Понимая, что проиграл, кардинал решил примириться с принцем Конде и приказал освободить заключенных. Неслыханная любезность: он сам открыл принцам двери темницы! Однако Конде был прекрасно осведомлен о поражении королевы-матери и хотя и любезно поблагодарил Мазарини, не думал прощать его. «Фронда принцев» не только не прекратилась, но стала разгораться с новой силой.

16 февраля бывшие узники уже приближались к Парижу. У Сен-Дени их встретила ликующая толпа, среди которой выделялись своей роскошной одеждой аристократы. Они были либо верхом на лошадях, либо в каретах. От Сен-Дени до Парижа карета принцев и герцога де Лонгвиля ехала шагом, так велика была толпа.

А вечером парламент издал указ, в котором благодарил королеву за изгнание Мазарини (теперь это выглядело именно так!) и просил ее издать декларацию, по которой из ее Совета изгонялся бы всякий чужестранец или всякое лицо, присягнувшее в верности другому государству. Королева пошла на это. Но карта кардинала была еще далеко не бита.

...Общая схема истории Фронды многое объясняет нам в истории семьи Перро между 1648 и 1652 годами. И сам Пьер Перро — напомним, адвокат парижского парламента, и его сыновья разделяли страхи и надежды своего сословия. В начале Фронды — восторженная поддержка народного восстания, в конце — когда Пьер-младший покупает должность сборщика налогов в отделе финансов Парижа — измена народу и сделка с центральной властью.

Но для Шарля Перро эта семейная сделка — лишь вынужденная мера. Любовь к народу сохранится в нем на всю жизнь. В годы Фронды он соглашается на предложение отца пойти по его стопам и становится адвокатом — прежде всего для того, чтобы защищать бедноту, простой народ от произвола власти.

*

Всю весну 1651 года Шарль готовился к сдаче лиценциата по праву. Здоровье отца к этому времени сильно пошатнулось, однако он помогал сыну овладевать премудростями юридической науки.

В июле пришла пора ехать в Орлеан (в Сорбонне преподавалось только каноническое право). Вместе с Шарлем на экзамен по праву в Орлеанский университет отправились еще двое молодых людей — господин Варэ (впоследствии он станет главным викарием монсеньора

архиепископа Сансского) и господин Манжо. Отправились рано утром в карете с откидывающимся верхом, но ближе к полудню верх пришлось поднять, так как сильно пекло солнце.

В те времена стекол в карете не было, и Шарль, отодвигая занавеску, с интересом оглядывал окрестности. Взгляд его терялся в синевато-серых далях. На самом горизонте их замыкали кольцо холмов и лес, окутанный легкой дымкой. Зеленеющие луга перемежались широкими нивами, где начала колоситься белесовато-золотистая рожь. Иногда вдали вырастали силуэты замков. Шарлю они казались неверными видениями, отражением былой жизни. Время замков прошло. Знать предпочитала жить во дворцах, и замки стояли пустые, заброшенные, дворы их заросли травой. Придет время, и Шарль Перро опишет такой замок в сказке «Спящая красавица»...

К Орлеану подъехали поздним вечером. Трудно сказать, кому из трех путешественников пришла в голову странная мысль: немедленно, ночью, идти сдавать экзамен. Сам Шарль Перро очень живо описал сдачу лиценциата по гражданскому праву в своих «Мемуарах»:

«...В тот же вечер, как мы прибыли, нам взбрело в голову попробовать экзаменоваться сейчас же, и когда мы в десять часов вечера постучали в дверь, разговаривавший с нами через окошечко лакей, узнав, что мы хотим, спросил, с собой ли у нас деньги. Получив положительный ответ, он впустил нас и пошел будить докторов (их было трое), которые явились нас спрашивать в квадратных колпаках, надетых поверх ночных чепчиков. Глядя на них при слабом свете свечи, терявшемся во мраке под сводами этого помещения, я представлял себе, что вижу Миноса, Факуса и Радаминта, пришедших экзаменовать призраков. Первый из нас, которому был задан вопрос, который я не запомнил, дерзко и бойко ответил на него и наговорил по этому поводу кучу всякой ерунды, которую мы учили наизусть. Затем ему задали другой вопрос, на который он не ответил ничего путного. Затем были опрошены двое других, и ответы наши были ничуть не лучше. Однако доктора сказали, что уже более двух лет они не экзаменовали таких талантливых молодых людей, которые бы знали столько, сколько знаем мы. Думаю, что звон наших монет, которые слуга пересчитывал за нашими спинами, пока мы экзаменовались, повлиял на то, что они признали наши ответы наилучшими из многих».

«На следующий день после экзамена, — продолжает Перро — осмотрев церковь Святого Креста, бронзовую фигурку Орлеанской девы на мосту и множество хромцов, оказавшихся в городе, мы поехали назад в Париж. 27-го числа того же месяца (июля. — С. Б.) мы все трое были зачислены адвокатами».

О начале своей адвокатской карьеры Шарль Перро писал в «Мемуарах» так:

«Я изучил и очень хорошо выучил, хотя и без учителя, „Институции“ с помощью комментариев Боркольтена. „Институции“ — это замечательная книга, и ее единственную я бы хотел оставить из романского права. Было бы неплохо сжечь все другие книги по юриспруденции, дигесты, кодексы и особенно папки с приговорами, которые вовсе не являются лучшим в мире средством по уменьшению числа процессов.

Я довольно успешно защитил два дела, но не потому, что я их оба выиграл, поскольку поражение или победа в деле редко зависят от адвоката, а потому, что те, которые меня слушали, выглядели весьма довольными, особенно судьи, в частности, господин Добре, королевский судья по гражданским делам. Он даже просил меня прикрепиться к Шатле (местность во Франции. — С. Б.), обещая, что я получу от него самое доброе расположение, которое может пожелать адвокат. Может быть, я и последовал бы его совету, но братья отбили у меня охоту к профессии адвоката, и я заметно потерял к ней интерес. Для этого был весьма существенный повод: дело в том, что мой старший брат, очень искусный адвокат (Пьер. — С. Б.), прекрасно знающий свое дело, обладающий остротой ума и судейским красноречием, как никто из его коллег, не достиг почти ничего в своей профессии; он многого стоил, но не заставил ценить себя. Я думал, что и со мной будет то же самое и даже еще хуже; кажется, я не ошибся».

Главная же причина, по которой Шарль бросил столь удачно начавшуюся адвокатскую практику, заключалась в том, что вскоре, через несколько месяцев после получения диплома, умер его отец. Более никто не настаивал на его работе адвокатом. Да и сам мир судейских людей, законников не мог увлечь его. Два десятилетия спустя в «Мыслях» Блеза Паскаля Шарль Перро найдет точное изображение этого мира:

«...Я убежден, что почти все судейские поступки совершаются под натиском воображения. Ибо самый яркий разум в конце концов сдается и следует, словно своим собственным, тем правилам, которые он своевольно и повсеместно вводит. Французские судьи отлично знают это таинственное свойство воображения. Потому-то им и нужны красные мантии и горностаевые накидки, в которые они кутаются словно пушистые коты, и дворцы, где вершится правосудие, и изображение лилий — вся эта

торжественная бутафория. И не будь у лекарей чудесных одеяний и туфель без задка, а у ученых мужей — квадратных шапочек и широченных мантий, им не удавалось бы одурачивать мир, ну а противостоять столь внушительному зрелищу люди не способны. Если бы судьи и впрямь могли бы судить по справедливости, а лекари — исцелять недуги, им не понадобились бы квадратные шапочки: глубина их познаний внушала бы почтение сама по себе».

*

Вскоре после совершеннолетия Людовика (5 сентября 1651 года ему исполнилось тринадцать лет) принц Конде объявился в Бордо, который стал центром нового мятежа. Сюда стекались сторонники мятежного принца, отказавшегося присягать на верность королю. Среди них были граф Фуко дю Дуаньон, бруажский губернатор, который имел в своем распоряжении все побережье, начиная от Ла-Рошели до Ройона, герцог Ришелье, принцесса Конде, герцог Ангиемский, герцогиня Лонгвиль, старый маршал де ла Форс.

Новая война была неизбежной, и 27 сентября армия во главе с самим королем выступила в поход против Конде. Находившийся в изгнании Мазарини сумел переманить на сторону королевы маршала Тюренна, который полководческими талантами не уступал Конде, а также его брата герцога Бульонского и герцога де Лонгвиля, который устал от вечных измен жены. Противники встретились у города Коньяк. Сражение еще не началось, но в отдельных стычках уже имелись и раненые, и убитые...

Поздним вечером, когда король после обильного ужина отдыхал в своей утепленной палатке, ему доложили о чрезвычайном событии: Мазарини в сопровождении шести тысяч телохранителей возвращается во Францию.

Он верно рассчитал: сейчас было не до него!

Обрадованная Анна Австрийская выслала навстречу кардиналу роскошную карету. Это было сделано назло парламенту, который, узнав о приближении Мазарини к Парижу, издал еще более строгую декларацию против него. А герцог Орлеанский объявил себя на стороне Конде, не желая служить королеве, которая привечает предателя.

Так закончился 1651 год и начался новый, 1652-й, самый решительный год «Фронды принцев» и один из самых кровавых и опустошительных в истории Франции.

Весной беспорядки перекинулись в Париж. 20 мая толпа напала на господина де Сент-Круа, сына первого президента парламента Моле, и ему с большим трудом удалось скрыться. Небезопасно было ехать и в карете: кареты останавливали, пассажиров беззастенчиво грабили и избивали. В июне из-за волнений на улицах Парижа пришлось несколько раз переносить сроки заседания парламента.

Короля в Париже не было. Двор находился в одном из загородных дворцов. В столице хозяйничали герцог Орлеанский и принц Конде.

Последнее, самое решительное сражение Фронды произошло в Сент-Антуанском предместье, у самых ворот Бастилии. Битва была кровавой. С обеих сторон в ней участвовали десятки тысяч человек. Грохотали пушки, летели ядра, пули из мушкетов, сверкала сталь. Один из сторонников Конде, герцог Ларошфуко, был ранен выстрелом из мушкета. Пуля ударила в угол правого глаза и прошла через левый глаз, так что все лицо было залито кровью. Если бы не мужество принцессы Монпансье, бесстрашной дочери герцога Орлеанского, которую в те дни многие сравнивали с Жанной д'Арк, войска принца Конде были бы полностью разгромлены. Слабая физически, но могучая духом женщина фактически руководила ходом сражения. Это она, появляясь то там, то здесь, отдавала приказы, воодушевляя солдат. Это она поднялась на стены Бастилии (заставив своим именем коменданта Лувьера, сына советника Брусселя, открыть ворота) и повернула ее пушки против королевских войск. Это дало возможность Конде соединить свои силы, отбросить Тюренна и затем отступить, сохраняя порядок в своих рядах. Парижане впустили его в город через Сент-Антуанские ворота, а пушки Бастилии прикрывали отход.

В истории осталась фраза Конде: «Я не могу удержаться от слез по стольким храбрецам, которые пролили свою кровь из-за нашего частного спора». И в самом деле, не за идею, не за родину, но из-за частного спора группки аристократов гибли тысячи французов.

...И именно в эти страшные, трагические дни, но не на поле брани, а дома, в своей постели, умер отец Шарля Перро, Пьер Перро-старший...

Итак, Париж достался принцу Конде, но взял он его не приступом, а отступлением. Измученные, покрытые пылью и кровью солдаты вызывали жалость у горожан. Их угощали вином, раненым оказывали помощь.

Но чтобы овладеть Парижем, мало было ввести в него войска. Нужно было еще захватить административную власть. Конде и принц Орлеанский

потребовали созвать собрание, на котором они надеялись склонить на свою сторону руководителей города.

4 июля в Ратуше собрались наиболее именитые люди Парижа: губернатор, члены муниципалитета, прево, делегаты от капитула Нотр-Дам, кюре и викарии парижских приходов, делегаты от парламента и крупнейших ремесленных цехов, представители всех кварталов. Семья Перро внимательно следила за тем, как будут развиваться события, но в работе собрания не участвовала.

Поначалу собрание благосклонно отнеслось к участию Конде и герцога Орлеанского в управлении городом: во время военных действий военачальники должны иметь реальную власть. Однако время шло, а принцы не появлялись. Обычное чванство заставило их опоздать на несколько часов. И это в корне изменило настроение собравшихся. Разгневанные отношением к ним принцев, участники собрания решили перейти на сторону короля! Когда Конде вместе с герцогом Орлеанским и герцогом Бофором прибыли в Ратушу, нотабли обсуждали вопрос о посылке делегации к Людовику.

Конде в гневе покинул зал. Он знал, что горожане поддержат его. Это стало ясно еще утром, когда повсюду на головных уборах парижан появились пучки соломы. Дело в том, что принц приказал своим солдатам переодеться в гражданское платье, а для отличия их от горожан — украсить свои шапки пучком соломы. Народ в знак солидарности сделал то же самое.

И в самом деле, собравшаяся перед Ратушей огромная толпа немедленно поддержала принца. Вооруженные солдаты и горожане сделали залп по Ратуше, перебив часть стекол, и начали ее штурм.

Завязался настоящий бой, в результате которого погибли сотни людей, ибо сражение шло и за стенами Ратуши, в городе, между сторонниками городской администрации и солдатами Конде. 4 июля стал кровавым днем для парижан.

Перро не участвовали в битве. У них хватило разума для того, чтобы не ввязываться в чужую драку.

Принц стал хозяином города. Но это была пиррова победа. Установив террор в столице, он оттолкнул от себя население. Чтобы прокормиться, его солдаты начали грабить дома. И тогда парижане стали покидать город.

«В Париже ощущается такая нехватка муки, — писала в те дни аббатиса мать Анжелика, — что хлеб, даже совершенно черный, стоит 10 солей один ливр. Даже если удастся достать зерно, его невозможно смолоть: солдаты обворовывают все мельницы».

Авторитет Конде падал. В конце августа он не смог остановить

роялистскую демонстрацию. В Пале-Рояле собрались парижские буржуа. Обсуждался недавний отказ Конде в просьбе шести крупнейших цехов отправить делегатов к королю, чтобы засвидетельствовать ему свое почтение. Дворец был окружен тысячами людей, которые на этот раз украсили свои шляпы листком белой бумаги — королевским цветом. И Конде не решился на разгон толпы.

А в Пале-Рояле огласили королевский указ об амнистии всем участникам мятежа (кроме руководителей) в случае их возвращения в трехдневный срок под власть короля. Собравшиеся криком «ура!» встретили текст этого указа и тут же объявили его народу, для чего в разных местах толпы устроили помосты для глашатаев. Сторонники Конде стали покидать своего вождя. А 5 сентября фейерверком и потешными огнями Париж праздновал день рождения короля.

12 сентября Конде был нанесен окончательный удар: король объявил, что он отправляет Мазарини в изгнание. Конечно, парламент и аристократы понимали, что кардинал скоро вернется. Эта уловка предназначалась для простонародья, и она сработала. Последние противники короля перешли на его сторону.

Теперь двор мог въехать в Париж: его ворота были открыты.

Париж украсился разноцветными флажками, в руках у многих горели факелы. Дамы были одеты в лучшие наряды, кавалеры им не уступали в изяществе. Даже простые люди — мастеровые, приказчики — надели свои лучшие одежды.

Перро стояли в первом ряду: народ выстроился в две широкие шеренги возле Сент-Антуанских ворот, через которые должны были въезжать король и придворные.

Перед въездом в Париж королева-мать и Совет решили, что молодой король должен ехать на лошади подле кареты королевы, окруженной полком швейцарской гвардии.

— Ни за что! — воскликнул Людовик. — Я въеду в Париж верхом на лошади во главе французской гвардии, один — впереди поезда!

И на самом деле он въехал в Париж таким образом при свете 10 тысяч факелов, окруженный бесчисленным множеством народа, которому пришлось по душе его смелость. Шарль заметил большие изменения в короле. За время Фронды он сильно вырос, возмужал, в нем чувствовались сила и независимый характер.

Париж ликовал. Люди днем и ночью окружали Пале-Рояль, выкрикивая здравицы в честь короля. Так кончилась вторая война Фронды, до конца опустошившая Францию.

13 ноября на заседании парламента король повелел всенародно объявить, что принцы Конде, Конти, герцогиня Лонгвиль, герцог Ларошфуко, принц Тарентский и все их приверженцы, которые с презрением и упрямством пренебрегли предложенной им милостью и сделали таким образом недостойными прощения, подвергаются наказаниям как оскорбившие его величество, как возмутители общественного спокойствия и как враги своего отечества.

В декабре 1652 года был арестован кардинал Ретц — первый вождь Фронды.

Этого известия с нетерпением ожидал кардинал Мазарини. 17 декабря, то есть за два дня до ареста Ретца, он выехал из Сен-Дизье и присоединился к армии, осаждавшей Бар-де-Дюк, а 22 декабря присутствовал при взятии этого города. После Бар-де-Дюка сдался Линьи, а затем испанцы оставили Шато-Порсиан. Это был триумф Мазарини, который решил, что теперь он смело может возвратиться в Париж. Король выехал за три лье к нему навстречу и привез его в Париж в своей карете.

Большим празднеством в Лувре в честь возвращения министра-изгнанника и закончился 1652 год.

1653 год

Шарлю 25 лет. Это уже почти зрелость. Его длинные волнистые волосы густыми прядями спадают на плечи. Брови широкие, взгляд тяжелый. Волевой характер уже виден в его лице. Он носит узкие усики, любит играть в мяч, упражняется на шпагах и много читает. Он готов к государственной службе, но пока еще не знает, куда приложить свои силы. Он овладел премудростями юриспруденции, и это ему пригодится в работе.

А в хороших, знающих специалистах большая нужда. Франции предстоит долгий и трудный путь, чтобы выйти из тяжелейшего кризиса, в который она попала после Фронды. Необходимо восстанавливать разрушенный, поредевший сверху донизу государственный аппарат.

В самом начале года, в январе, умер министр финансов Вьевиль, и на его место избран граф Сервьен. Николя Фуке поднялся еще на одну ступеньку: сохранив должность государственного прокурора, он был назначен одним из двух сюринтендантов финансов. Через пять лет после смерти Сервьена, в феврале 1659 года, Фуке станет единоличным сюринтендантом — хозяином всех финансов Франции.

Готовится к взлету и Жан Батист Кольбер, обласканный Мазарини и

поддерживаемый военным министром Летелье. Шарль все чаще слышит имя этого человека, с которым ему предстоит работать большую часть жизни.

Победа короля и Мазарини была полной. Кардинал чувствовал себя настолько сильным, что, устроив свои собственные дела, стал устраивать дела своей семьи. Кроме трех племянниц, которые находились при нем, он вызвал из Рима еще двух сестер с тремя дочерьми и сыном. Вскоре одну из своих племянниц он выдал за принца Конти, который таким образом примирился с двором.

Другие бывшие вожди Фронды спешили сделать то же самое. Лишь принц Конде никак не хотел идти на мировую. Призвав на помощь наемников-испанцев, он захватил несколько французских городов, а при приближении королевской армии перешел близ Люксембурга границу Франции.

*

В скором времени Шарль вместе с Пьером и Клодом, а иногда и один, стал посещать литературный салон Скаррона. Он и прежде знал этого замечательного поэта, веселого и общительного, несмотря на свое увечье (он был без ног), который в период Фронды написал множество ярких и злых памфлетов против Мазарини. Помимо литературных бесед и встреч с талантливыми людьми, его привлекала сюда и обаятельная хозяйка салона — Франциска Скаррон, женщина изумительной красоты, оставившая заметный след в истории Франции. (Со временем она завладеет сердцем короля и станет королевой!)

Во Франции всегда были популярны литературные салоны. Каждый из них имел свое лицо. Так, например, те, кто интересовался наукой, особенно физикой, астрономией и географией, собирались в салоне мадам де Саблиер де Лорм, позднее — мадам де Лафайет и других. Некоторые салоны объединяли людей, близких к янсенизму. Но в любом случае это были литературные салоны в полном смысле этого слова, и говорилось в них больше всего о литературе.

После неудачи Фронды во многих салонах довольно отчетливо проявлялась оппозиция абсолютизму, принимавшая различные формы. В салоне мадам де Саблиер, например, господствовало философское свободомыслие. Знаменитый путешественник Франсуа Бернье написал для хозяйки дома «Краткое изложение философии Гассенди». Бывшие

фронтеры, потерпев военное поражение, высказывали в среде единомышленников недовольство новыми порядками в изящных беседах, «литературных портретах» и остроумных афоризмах.

Основным искусством, процветавшим в литературных салонах, была устная беседа. У этого искусства имелись свои законы. Подбор гостей был невелик — от восьми до тридцати человек. Установились свои правила ведения споров, в которых главное было не приблизиться к истине, а блеснуть отточенной игрой ума. Имело значение умение хозяйки дирижировать беседой, словно оркестром, меняя темы и звучание речей. Потому и основывали литературные салоны не мужчины, а женщины. Конечно, попасть в литературный салон мог не каждый. Приглашались лишь знакомые, близкие по взглядам люди, как правило, по рекомендации одного из завсегдатаев.

*

Семья Перро скоро примирится с режимом и перейдет к нему на службу. Но пока, по горячим следам поражения Фронды, братья находились в оппозиции к королю и в разговорах всячески критиковали его. Однажды в пылу беседы Пьер заметил Шарлю:

— Ты знаешь, сегодня очень актуально прозвучала бы твоя «Энеида»! Не думаешь ли ты ее опубликовать?

И Шарль понял, что время пришло. Поработав над текстом и обсудив его с братьями, Шарль отнес «Шутливую Энеиду» (под названием «Стены Трои, или О происхождении бурлеска») в типографию. Клод и Николя, его соавторы по редакции 1648 года, благословили брата.

В «Мемуарах» Шарль вспоминал:

«...„Энеида“ Вергилия послужила основой для нашего труда, первая книга которого была написана совместно и напечатана, а вторая полностью составлена моим братом медиком и осталась только в рукописи. Юмор в „Стенах Трои“ зашел, правда, далековато, но есть там замечательные моменты. В целом и сюжет неплох, потому что очень ловко придумано, будто Аполлон изобрел большую поэзию как сын Юпитера, ибо эта поэзия зовется „языком богов“, что он придумал сельскую или пастушескую поэзию, чтобы быть пастухом, и бурлеск, шуточный жанр, — чтобы построить троянские стены с Нептуном, и что всем тривиальным выражениям, входящим в состав бурлеска, он научился в различных мастерских, у всякого рода рабочих».

1654–1656 годы

Зима выдалась морозная, снежная, и мать почти не отходила от камина. Она сильно постарела. Тюлевая оборка чепца окружала ее обрюзгшее лицо с двойным подбородком. Лицо было желтое, цвета лежалого воска, глаза — словно два черных пятна на этом мертвенно-бледном лице — поблескивали из-под дряблых век. Рядом, придвинув кресла к огню, иногда собирались и сыновья. На этих «семейных советах» Перро решали наболевшие проблемы.

На этот раз разговор шел о Фронде. В новой мирной жизни каждому нужно было находить свое место. В первые годы Фронды Перро держали сторону оппозиции. Теперь пришла пора примириться с королем. Больше того — Перро пошли на государственную службу: Пьер стал работать приказчиком, и у него в подчинении оказался Кольбер, восходящая звезда на небосклоне политической жизни Франции. Жан занимался адвокатской деятельностью, и только Николя (сейчас он был в отъезде) не изменил своей позиции — она скоро приведет его к открытому конфликту с властью.

...Сегодня на их «совете» решалось, что делать дальше. Пьеру предложили купить отличную должность — главного сборщика финансов Парижа, и он принял ее с одобрения матери и братьев. В отношении Шарля же было решено, что он будет помогать брату.

Этот январский вечер 1654 года Шарль запомнил на всю жизнь: была определена его судьба.

В «Мемуарах» он писал:

«...Когда мой брат, купив должность финансового сборщика в Париже, предложил мне поехать с ним и стать его приказчиком, я принял его предложение, в котором, впрочем, находил больше удовольствия и сладости, нежели в облачении в дворцовую мантию. Я работал с ним десять лет, после чего ушел к Кольберу».

Он помнил, как облегченно вздохнули братья, когда сложный вопрос был наконец решен, и с каким нетерпением Жан позвал слугу и приказал накрывать ужин.

Стол придвинули ближе к камину, чтобы мать могла сидеть в тепле. После выпитого вина братья раскраснелись, расстегнули рубахи, речь их то и дело перемежалась шутками, и мать со счастливой улыбкой следила за ними.

— Мой офис будет располагаться в Марэ, — уточнил Пьер.

— Самом дальнем пригороде Парижа? — удивилась мать.

— Но больше всего времени мы будем проводить в Вири. Особенно Шарль! Наш дом нуждается в ремонте, вот Шарль и займется им.

Шарль поднял бокал, в котором колебалось красное вино:

— Братья, я пью за Вири! Я боготворю наше Вири, его чистый сельский воздух, красивый пейзаж, наш дом, милый мне с детства!

А уже допивая вино, Шарль подумал:

«Главное, там тишина! Там можно будет поработать, заняться чтением, размышлениями на философские темы, писательством...»

Долго не расходились братья в тот вечер. Сидел с ними и Пьер, хотя ему наутро нужно было ехать в Лувр договариваться о покупке своей должности.

*

И вот Шарль и Пьер на пути в Вири. Возок закрыт, теплая меховая шуба прикрывает ноги, и они говорят, говорят... О чем? О детстве, о литературе, о матери, о Фронде, о новой работе. Они еще не знают, что им предстоит прожить вместе десять лет и вместе решать финансовые проблемы Парижа. Удивительно, но братья так никогда и не наскучат друг другу.

В «Мемуарах» Шарль писал:

«Поскольку мои обязанности не очень-то меня занимали, так как надо было лишь получать деньги и отправлять их либо в хранилище, либо частным лицам, назначенным главными казначеями, я вновь взялся за учебу. Главным поводом к этому была прекрасная библиотека, купленная братом у наследников аббата де Серизи, члена Французской академии. Я был счастлив находиться среди таких книг».

Библиотека в самом деле была огромной. Сотни томов, одетых в кожаные переплеты, — многие на латыни, но немало и на французском. Аббат любил литературу и покупал как древних авторов, так и все новинки современной прозы и поэзии.

Для библиотеки были отведены две самые большие комнаты на втором этаже. Книг было так много, что Шарль не сразу смог даже пересчитать их.

Впервые Шарль так близко познакомился с прециозной, галантной литературой — аристократическим направлением в литературе французского барокко XVII века. Он был отчасти знаком с ним по салону мадам де Саблиер. Теперь он мог сам прочитать сонеты, стансы, послания,

баллады, рондо поэтов Вуатюра, Гюи де Бальзака и других. Он буквально открыл для себя прециозную поэзию.

Эта, казалось бы, случайная покупка библиотеки аббата де Серизи определила всю дальнейшую жизнь Шарля Перро. Если бы он не жил с Пьером десять лет в Вири, если бы он не мог том за томом штудировать древних и новых авторов, он никогда не сумел бы так блестяще овладеть богатствами мировой литературы. Не сумел бы сравнить древнюю, античную литературу с современной и не сделал бы выбор в пользу последней. И еще — если бы он не имел столько свободного времени, он не смог бы прочитать всех современных французских авторов, вникнуть в различия жанров.

Благодаря десятилетней «книжной академии Вири» Шарль блестяще овладел приемами прециозной, галантной литературы, увидел все ее положительные и отрицательные стороны. И понял, что на литературное «ристалище» выходят новые жанры — в частности, роман, ярким пропагандистом которого он стал.

Только «держа в уме» огромную библиотеку аббата де Серизи, мы сможем понять и то, как Шарль Перро смог занять пост ответственного секретаря первого министра Франции Кольбера и руководить делами литературы и искусства.

Библиотека стоила недешево. Но Пьер не поскупился. И не только о себе он думал, покупая книги, но и о братьях, и прежде всего о младшем — Шарле. И он был удовлетворен тем, что часто заставлял Шарля за чтением.

*

Пару раз в неделю Пьер с Шарлем приезжали в Париж, где занимались денежными делами. Они останавливались в родительском доме, и тогда снова начинались беседы с матерью, с братьями.

Новым непосредственным начальником Пьера стал Николя Фуке. Говорили, что он возвысился благодаря своему брату, аббату Фуке, оказавшему королю важную услугу. Но и без того Николя Фуке отличался поразительной работоспособностью и удивительной интуицией, способностью предвидеть все на несколько шагов вперед. Дворянин всего лишь в третьем поколении, он прекрасно владел собой, а его светские манеры признавались безукоризненными.

Очень скоро Пьер и Шарль узнали подробности биографии этого «баловня судьбы». Николя Фуке был сыном государственного советника

Франсуа Фуке, ближайшего помощника кардинала Ришелье в вопросах морской торговли. У него был брат — аббат, который действительно оказал королю большую услугу. И когда умер герцог Вьевиль — управляющий финансами короля, кардинал Мазарини назначил на эту должность двух человек — графа Сервьена и Николя Фуке.

Однажды кардиналу Мазарини понадобились деньги для устройства какого-то праздника, и он попросил их у Сервьена. Однако тот ничем помочь не смог. Николя Фуке только этого и ожидал: как человек богатый, опытный в финансах, жаждущий власти и золота, потому что с одним приходит и другое, он сам обратился к Мазарини и сказал, что готов найти деньги не только для праздников, не только для войны, но еще и для церемонии, о которой, по бедности казны, не смеют и думать, то есть для коронации.

Мазарини — возможно, по причине своего робкого и нерешительного характера — любил людей смелых и предприимчивых, особенно когда они брали на себя ответственность. Он дал полномочия господину Фуке, который с этого времени сделался единственным и настоящим министром финансов.

Тайна экономического подъема Франции с приходом Николя Фуке заключалась в провозглашенной им формуле: «Дайте самим финансистам возможность обогащаться».

Фуке сквозь пальцы смотрел на бесчестные и жестокие поборы. Чем больше обогащались финансовые тузы, тем больше он сам мог с них брать и тем больше вкладывать в дело. И разоренная страна понемногу начинала приходить в себя.

*

Шарль жил в Вири, наслаждался сельским покоем, читал, охотился, разговаривал с Пьером, а иногда принимал и размешал в «старом родительском гнезде» кого-нибудь из братьев. С ними в тихий дом приходили веселье, шум и последние парижские новости.

В самом начале апреля, когда снег уже растаял, но земля была еще размокшей и вязкой, когда солнце светило дольше, но тепла еще давало мало — в эту самую неприятную пору весны, когда так не хочется выходить из дому, а с другой стороны, так и тянет ощутить на себе самом целебные солнечные лучи, в Вири приехал Клод. Шарль сначала подумал, что что-то случилось, но оказалось, что брат просто хотел на несколько

дней уединиться в сельской тиши и привести в порядок готовые уже части своей книги. Клод долго, с наслаждением мылся в деревянном чане, наполненном горячей водой, и одновременно беседовал с Шарлем, а тот слушал его в пол-уха и вспоминал, как часто здесь же, в Вири, братья все вместе ходили в парильню и каждый из них мог судить о том, насколько он вырос, по величине чанов, в которые залезал, — сначала в самый маленький, потом все в больший и больший.

Тем временем Клод делился с братом последними парижскими новостями. А они были немаловажными, и главная из них заключалась в том, что кардинал де Ретц, один из вождей Фронды, был переведен из Венсенна, где он второй год сидел в заключении, в Нант.

— Как известно, — рассказывал Клод, — кардинал де Ретц и в тюрьме был страшен для правительства, ибо в Венсенне он сохранил все свои отношения с приходскими священниками Парижа и по одному его слову они во всякое время могли возмутить народ. Высшее духовенство тоже его поддерживает, ибо в его лице нарушена неприкосновенность церкви. Да и папа римский пишет нашему королю письмо за письмом, прося свободу кардиналу Ретцу. И вот тут-то кардинал Ретц узнает, что умер его дядя, архиепископ Парижский, и предъявляет свои права на его кафедру. Но Мазарини не может на это согласиться — это же вторая Фронда!

С помощью слуги Клод наконец вылез из ванны и переоделся. Вскоре братья поднялись в комнату Клода, где у теплого камина за чашечкой горячего шоколада тот продолжал рассказ:

— Друзья кардинала Ретца провозгласили его архиепископом и от его имени произнесли самые возмутительные буллы. Слушая эти буллы, приходские священники воспламенились, друзья кардинала ободрили их, и появилась небольшая книга, призывавшая всех парижских священнослужителей запереть церкви. Это было бы ужасно, тем более что интердикт налагался бы не одним только главою церкви, а всей церковью. Мазарини совсем не нужна была вся эта свара, и он дал Ретцу клятвенное обещание — это было 28 марта, совсем недавно, — что он освободит его из тюрьмы и дозволит свободно уехать в Рим, но при одном условии — Ретц должен был отречься от сана парижского архиепископа.

— И что же дальше? — заинтересованно спросил Шарль.

— О, дальше разворачивается такая интрига, справиться с которой будет трудно! Людовик Бурбон (он же принц Конде) узнал об освобождении кардинала и 7 апреля послал маркизу Нуармутье, одному из самых искренних его друзей, письмо, в котором уверял, что он усердный брат и слуга кардинала Ретца... — Клод откинулся на спинку кресла. —

Ему нужен союзник, понимаешь? Ну а дальше я знаю только то, что кардинал приехал в Нант и устроился в прекрасном замке, где его развлекают театральными представлениями.

Через несколько месяцев Шарль вспомнит этот разговор. Да, Клод был прав! Кардинал в самом деле закрутил такую карусель, что вертеться пришлось всей Франции.

Как и предполагал Клод, кардинал де Ретц не собирался успокаиваться, хотя ему создали прекрасные условия жизни. Он жаждал решительных действий. Когда к нему приехал его близкий друг Бриссак, который имел привычку, путешествуя, иметь при себе множество мулов для перевозки своих пожитков, кардинал стал уговаривать его, чтобы он спрятал его в одном из сундуков, в котором будут сделаны отверстия для воздуха, и он уедет из Нанта вместе с багажом. Но Бриссак не решился на такой риск. А кардинал во что бы то ни стало хотел покинуть Нант, за пределами которого для него открывалась свобода.

Арестант иногда ходил прогуливаться в садик, находившийся на бастионе, подножие которого омывалось рекой Луарой. Настал август. Кардинал заметил, что река по убыли воды оставила у основания бастиона пустое пространство. Также заметил он, что между террасой, на которой стоял его охранник, и садом бастиона была дверь, которая была сделана для того, чтобы солдаты не ходили есть виноград. На этом кардинал построил план своего побега. У него имелась цифирная азбука, служившая ему для переписки; с ее помощью он уведомил своих сторонников, что убежит 8 августа. Один преданный кардиналу дворянин должен был в 5 часов утра находиться у основания бастиона с конюшим герцога Бриссака и двумя другими его друзьями. Сам Бриссак в назначенном месте ожидал беглеца вместе с кавалером Севинье.

Побег удался, но в дороге лошадь сбросила кардинала, он раздробил себе плечо и вынужден был отказаться от похода на Париж и отправиться в свой семейный замок Машкуль, известный тем, что здесь когда-то жил его отдаленный предок — маршал Франции Жиль де Ретц, вошедший в историю как людоед Синяя Борода.

Так Божьим провидением Париж был спасен от новой кровопролитной бойни. Все обстоятельства благоприятствовали юному королю. Он был в самом начале своей долгой жизни, и солнце, которое стало его девизом, лучезарно выходило из-за облаков. Фуке щедрой рукой пополнял казну. Деньги Парижа собирал Пьер Перро. На первых порах у него и у Шарля все получалось неплохо.

Приблизительно в это время Шарль вместе с Пьером стал посещать литературный салон мадемуазель Мадлен де Скюдери, располагавшийся на улице Сен-Том-дю-Лувр. Шарль хорошо запомнил свой первый приезд сюда. По дороге в карете Пьер напомнил ему, что мадемуазель Скюдери написала талантливые романы: «Абрагим, или Великий паша» — он вышел в 1641 году, и «Артамен и Великий Кир» — он вышел в десяти томах в 1649–1653 годах. По совету брата Шарль прочел «Абрагима», как и некоторые тома «Артамена». Многословно, но, в целом, читать можно.

У дома, к которому они подкатили, стояло уже несколько экипажей. Но подъезд оставался свободным, ибо каждый экипаж, высадив седоков, проезжал дальше, давая место следующему. Накрапывал дождь, но братья не намочили обуви, ибо экипаж остановился под навесом против двери, которую услужливо открыл перед ними лакей. Сразу за дверью находился небольшой столик, на который Пьер положил пригласительные билеты; с помощью лакея они сняли плащи и шляпы и прошли по длинному коридору, освещаемому множеством бронзовых канделябров с ярко горящими свечами, к зеленой бархатной портьере, которую открыл перед ними другой лакей и держал до тех пор, пока братья не вошли в большую комнату, увешанную коврами. Здесь беседовали, стоя у невысоких столов или у стен, несколько нарядно одетых мужчин и женщин, которые при виде молодых людей оживились, закивали приветственно головами, улыбнулись. В ту же минуту, словно кто-то известил ее о прибытии новых гостей, вышла из-за красной бархатной портьеры, служившей дверью, красивая статная женщина с бриллиантовым колье и бриллиантовой брошью в волосах и широко раскрыла для приветствия руки:

— Пьер! Как приятно, что ты наконец пришел!

Шарлю казалось, что она не переступает ногами по полу, а плывет. Хозяйка тут же перевела взгляд на него:

— А это, как я понимаю, твой брат?

— Да, это Шарль Перро, адвокат и мой приказчик.

— Так вот, Пьер, — Мадлен де Скюдери кокетливо взяла его за краешек кружевного воротничка, — запомни: в моем салоне тебя зовут не Пьер, а... — она подумала мгновение и сказала: — а Павсаний! Так звали сына Клеомброта, победителя в битве при Платеях. Неплохое имя? — Мадлен обвела лукавым взглядом присутствующих и у всех поймала в глазах одобрение. — Ну а ты, Шарль, — повернулась она к младшему

брату, — будешь... — она опять задумалась, — ...будешь Хромий. — Заметив удивленный взгляд Шарля, объяснила: — Хромий — достойное имя — это единственный из аргосцев, уцелевший после битвы со спартанцами. Согласен?

Шарль кивнул: он был в выдуманном мире, так пусть и имя у него будет выдуманное.

Все захлопали в ладоши, а одна из дам, щеки которой чрезмерно были тронуты яичным белком и еще какими-то разностями, подошла к ним поближе и представилась:

— Промения! — и тут же пояснила, что так звали старшую из додонских жриц, которая сообщила некоторые любопытные сведения Геродоту.

Шарлю захотелось узнать подлинное имя этой разговорчивой девушки, ибо она была недурна собой, имела чудесные длинные волосы, а глубокое декольте открывало высокую грудь дивной белизны. В свою очередь, незнакомка стала кокетливо строить ему и Пьеру глазки. Она сообщила, что является одной из самых верных сторонниц эмансипации женщин и тоже требует отмены брачных уз — этих рабских оков честной женщины — и стоит за пробное супружество.

— В брак надо вступать после многих приключений. Ибо жизнь коротка, и надо брать от нее все сполна.

— С чего же прикажете начинать? — спросил Пьер. — С незаконного сожительства?

— О Боже! — воскликнула девушка, развернув веер и прикрыв свой соблазнительный бюст. — Если бы все думали так, как вы, романы кончались бы на первой же странице! Вот было бы восхитительно, если бы Кир сразу женился на Мадане, а Аронс без дальних размышлений обвенчался бы с Келией!

Мадлен де Скюдери, встретившая новых гостей, оказалась рядом и, услышав последнюю фразу, поддержала Промению:

— Читайте мои романы! Это настоящие учебники любви!

Хозяйке салона было уже пятьдесят лет, но она прекрасно сохранилась.

— Мы пока не начинали! — громко обратилась она к гостям. — Так что знакомьтесь, разговаривайте, а я буду делать последние распоряжения.

И сразу после ее слов в зал вошел лакей и на подносе предложил на выбор сок, горячий шоколад и вино. Шарль взял мороженое, Пьер — бокал с красным вином, быстро опустели чашки с шоколадом...

К братьям подошли двое мужчин и дама, спросили: рассчитывают ли

братья стать постоянными посетителями салона или редкими гостями? Поговорили о событиях на фронте, вспомнили об успехе маршала Тюренна под городом Ландерсен, потом отметили успех короля, который возглавил армию и в три дня взял город Конде — тот самый, имя которого носит мятежный принц.

«Зато Конде разбил фуражиров короля и граф Бюсси-Рабютен потерял свое знамя», — подумал Шарль, который боялся что-то сказать вслух, ибо давно заметил, что беседующие — и мужчины, и дамы — пользовались в разговоре какими-то нарочно искаженными словами, словно стеснялись родного языка.

Он уже слышал, что обитателей литературных салонов объединял упрямый отказ признать и принять действительность в ее плотском, то есть низменном и грубом обличье. Хозяйки и посетители салонов старались создать вопреки повседневности некие оазисы идеального, уголки рукотворного рая, где все должно быть возвышеннее, изящнее, нежнее, не такое, как у всех, — иные чувства, иные имена, язык, платье. Необходимым условием вхождения в прециозный кружок была не столько принадлежность к дворянскому сословию, сколько принадлежность к некоей «аристократии духа». Любви в обществе обитателей искусственного рая не было. Вместо нее полагалось долгое, трудное служение неприступной красавице. Беседы здесь превращались в нескончаемые диспуты о тайнах сердечных движений. Речь должна была изобиловать сложными перефразами. Житейское поведение обязывало отвергать заповеди природного здравомыслия.

Пройдет немного времени, и Шарль с помощью братьев поймет, что все эти изысканные претензии — не более чем химеры, за которыми в лучшем случае скрывается легкое помешательство, а в худшем — лицемерное притворство. Ни подлинного благородства души, ни подлинной тонкости вкуса, ни подлинной телесной красоты, ни даже подлинной учтивости — все кривлянье, румяна, подделка.

...Раздался мелодичный звон колокольчика — и следом громкий ласковый голос хозяйки салона:

— Господа! Проходите в Страну нежности! Она ждет вас!

Мадлен де Скюдери стояла у голубой атласной портьеры, которую услужливо открыл лакей, и называла каждого его новым, салонным именем.

Двум дамам, волосы которых немного разлохматились, она указала на большое зеркало:

— Подойдите сюда, к Наперснику граций. Он поможет вам поправить

ваши головки.

Увидев, что Шарль загляделся на портрет хозяйки салона, Мадлен де Скюдери подсказала ему:

— На нашем, салонном, прециозном языке портрет — это наш Приятный двойник. Вы, Хромий, должны овладеть прециозным диалектом!

Стены нового зала, куда вместе со всеми вошли и братья Перро, были увешаны красиво исполненными географическими картами. Только изображались на них не страны света, а уголки волшебной Страны нежности. Такие карты Шарль видел в приложении к роману «Клелия».

— Друзья! — Мадлен указала на кресла, причудливо расставленные по залу. — Эти Удобства собеседования уже давно призывают вас в свои объятия, просят снизойти к их желанию прижать вас к своей груди.

Когда все расселись, хозяйка продолжала:

— Мы все сидим недалеко от Теплого друга, — она указала на камин, — и он все время будет с нами, как и Враги темноты, — взгляд хозяйки салона упал на один из канделябров с зажженными свечами: — А теперь мы начинаем наш новый вояж в Страну нежности. Называйте адреса!

— Я бы хотела оказаться в селении «Любезные услуги»! — воскликнула дама в голубом.

— «Галантные изъяснения»!

— «Стихотворные красоты»!

Каждый называл место, куда бы он хотел попасть. И каждый обязан был объяснить, почему его привлек этот адрес, и сочинить прециозную пьеску или мадригал о своих впечатлениях от пребывания в нем.

Шарль прошел вдоль карты Страны нежности и увидел, что через «Любезные услуги» и «Галантные изъяснения» ведет дорога к «Зарождающейся дружбе», «Нежной признательности», «Загадочной любви». Он узнал, что в Стране нежности течет река Сердечной склонности, лежит Озеро равнодушия, высится Гора прециозной галантности.

...Ни слова о сегодняшнем дне, о сотрясающих Францию бедах. Ни одного живого названия французского села или города — все выдумки, ужимки, придуманные страдания, вымученные чувства.

Этот урок салонной игры еще раз подсказал Шарлю, как важно жить в реальном мире, откликаться на реальные события, говорить и думать о живом человеке...

Часть третья

МУЖЕСТВО

(1657–1670)

1657 год

Шарль по-прежнему работал приказчиком у брата. Ему надлежало строго вести учет лиц, которые по тем или иным причинам задерживали сдачу налога. В сопровождении двух дюжих молодцов один или два раза в месяц он колесил по Парижу и навещал должников. Работа была нервная, беседы с должниками не улучшали настроения, и на улицу Сент-Франсуа в Марэ — зеленом пригороде Парижа — он возвращался усталым. В конце концов Пьер пожалел брата и нанял нового приказчика, а Шарлю предоставил полную свободу.

Возвращаться на адвокатскую работу Шарль не хотел. Он решил полностью посвятить себя литературе. Пройдет несколько лет, и именно она откроет ему двери Лувра.

Между тем Людовику исполнилось уже 19 лет, и кардинал Мазарини отчетливо понимал, что власть в государстве переходит из рук королевы в руки молодого, решительного короля. Поэтому он употреблял все меры, чтобы расположить Людовика к себе. Теперь, когда мнение королевы для него ничего не значило, он перестал ей угождать и даже громко говорил, что она по-прежнему тяготеет к Австрийскому дому, который ей дороже, чем Франция. И для нее якобы всегда главное было хорошо покушать, а дела в государстве касались ее мало. И уже не советуясь с королевой, он стал настойчиво убеждать короля в прелестях своей племянницы, Марии Манчини, которая и в самом деле приглянулась Людовику. Но Анна Австрийская прекрасно понимала, что без ее согласия брак невозможен, и заявила о недопустимости самой мысли о женитьбе короля на племяннице Мазарини. Более того, она приказала составить протест по этому поводу и показать его кардиналу. И Мазарини сдался.

Но короля и в самом деле пора было женить. Кроме Манчини, на виду было еще несколько невест: например, принцесса Орлеанская — героиня Фронды. Все помнили те слова, которые она бросила Лапорту, посланнику короля, на требование сдать Орлеан, удерживаемый ею в течение нескольких месяцев:

— Пусть назначат мне в супруги короля, и тогда я сдам город!

На примете была и английская принцесса Генриетта, правда, она жила в эмиграции. Предлагали королю принцессу португальскую. Посланник Франции в Лиссабоне Коменж прислал Людовику ее портрет. Однако вместе с портретом до Парижа дошли слухи, что оригинал гораздо хуже изображения.

Наконец, недурна собой была испанская принцесса. Брак с ней казался самым выгодным: таким образом на несчастную землю Франции пришел бы долгожданный мир.

Все эти дворцовые слухи живо обсуждались в семье Перро. Ведь Пьер, главный сборщик финансов Парижа, лелеял надежду когда-нибудь переступить порог Лувра и служить самому королю. Того же желали и Шарль, и Клод. Только Николя отвергал всякую мысль о придворной карьере, считая ее несовместимой со служением Богу.

...А мать себя чувствовала все хуже. Ее мучил изнуряющий кашель, а иногда на платке появлялась кровь. Сыновья решили перевезти мать в Вири, где ей всегда дышалось легче и где вся обстановка родимого гнезда успокаивала ее.

В Вири мать и умерла. В последние минуты возле нее был младший сын... Он и закрыл ей глаза.

Похоронили Пакетт Леклерк здесь же, в Вири, на сельском кладбище, где был похоронен и отец. Так и лежали они теперь рядом, как жили рядом всю жизнь.

После похорон, исполнив все положенные обряды, пригласили в Вири нотариуса, которому отвели комнату на втором этаже. Делили имущество Пакетт Леклерк без ссоры. Дом в Вири достался Пьеру, который недавно как раз сочетался браком. Шарль взял свою долю деньгами.

— Ты останешься со мной, Шарль, — сказал Пьер младшему брату. — Надо реставрировать старое строение и возводить главное здание дома. Ты будешь руководить строительством.

Шарль взялся за строительство с таким рвением и достиг при этом таких успехов, что о его способностях как архитектора заговорили даже в Париже.

В своих «Мемуарах» он писал:

«...После смерти матери в 1657 году, что случилось через некоторое время после женитьбы моего брата сборщика, принесшей ему столько радости, дом в Вири был отдан ему как часть по разделу семейного наследства. Он построил там главное здание дома, а так как я был полностью свободен, поскольку брат взял нового приказчика, то я

приложил все силы и старания к строительству этого дома. Мои братья имели большую долю в проекте этого здания, но в качестве рабочих у меня были лишь лимузенцы (жители провинции Лимузен. — С. Б.), которые всю свою жизнь ничего не делали другого кроме монастырских оград. Я также заставил их отделать мелкими дроблеными камешками грот, который стал главным украшением этого дома. Когда они продемонстрировали его своим друзьям-каменщикам как свое произведение, те очень удивились, а мои каменщики получили репутацию искусных мастеров. Я говорю здесь о своем участии в строительстве дома в Вири потому, что рассказ об этом Кольберу явился в особенности причиной того, что он решил назначить меня своим приказчиком в интендантстве королевских строений».

*

В Сорбонне состоялся процесс над господином Арно. Перед канцлером Сегье наряду с другими участниками обсуждения выступил и Николя Перро. Фактически это был процесс против учения Янсения, которое ярче и полнее всего было изложено в его книге «Преобразование внутреннего человека». Из религиозного спор перерастал в политический — о веротерпимости.

На процессе брат говорил с таким пафосом и с таким убеждением, что Шарль словно заново узнавал уже знакомые ему истины.

— В человеке живут две похоти, которые разводят в нем всякое зло и препятствуют ему жить по закону Христа. Одна из них, как нас учит Янсений, — сластолюбие: это когда человек стремится ко всякому приволью и удобству жизни, к сладкой еде и к деньгам, чтобы приобретать на них все сладости жизни, а также почет и похвалу и держать людей в своей воле. Другая похоть есть любопытство. Это когда человеку хочется все испытать, все изведать, познать весь мир Божий со всеми его тайнами. Как бывают люди с ненасытным чревом, так бывают люди с ненасытным умом, который стремится все разведать и разгадать, даже не зная, зачем это: просто для своего удовольствия и потехи! — Хорошо поставленный голос Николя гремел в стенах огромного зала, а глаза его гневно бросали взоры на тех, кто был привержен второй похоти — ведь он выступал перед профессорами и их учениками. — С этими двумя похотями, учил Янсений, человек должен неустанно бороться, стараясь избавиться от обеих и полностью посвятить себя служению Богу!

Ответом на страстное выступление Николя были гневные реплики

зала: с первой похотью и в самом деле стоило бороться, но вот со второй!

Шарль очень любил Николя, признавал его превосходство в знаниях и вере, однако учение Янсения об отказе от познания ставило его в тупик. Шарлю как раз была присуща вторая похоть: он страстно желал как можно больше узнать, и потому здесь он расходился с братом и был солидарен с учеными, которые давали отповедь Николя.

Суд над Арно привлек внимание Блеза Паскаля — величайшего ученого Франции того времени. Он был знаком с семьей Перро и являлся последователем Янсения. Книга «Преобразование внутреннего человека», с которой Паскаль познакомился в 1646 году, произвела в его душе настоящий переворот. Это совпало с жестокой болезнью великого ученого. Он и раньше отличался слабым здоровьем, а теперь страдания его усилились. Он потерял сон, его мучили сильнейшие головные боли, у него отнялись ноги, и он мог передвигаться лишь на костылях. Принимал только теплое питье, и то по каплям, вследствие нервных судорог в горле.

Господин Витар по договоренности с Паскалем подробно пересказал ему суть выступления Николя и ответы его оппонентов. И, наверное, только болезни, измучившей его, и лихорадочному поиску божественной поддержки можно приписать то, что последовало дальше. Выслушав Витара и проведя несколько бесед с братьями Перро, великий ученый заявил, что не людей, не Бога любил он, всю свою жизнь посвятивший науке, а ненасытную похоть ума своего, и решил отбросить эту похоть, прекратить совершенно занятия наукой и посвятить все свои умственные силы познанию Бога с тем, чтобы подчинить ему свою жизнь. Так появились его знаменитые «Письма к провинциалу», идею которых подсказал ему Перро. В этих письмах Паскаль рассказал о месте человека в мире, о бренности его бытия, о моральных его обязанностях и вере в Бога как единственно верном пути к бессмертию. Уже через неделю после выступления Николя господин Витар привез Пьеру и Шарлю на улицу Сент-Франсуа в Марэ первое из писем Паскаля. Затем последовало второе, третье, и так до последнего, восемнадцатого.

«Письма к провинциалу» покорили Шарля искусством полемики, блестящим стилем. Оказалось, что тяжеловесная латинская фраза может уступить место живому французскому языку. В письмах много говорилось о пути к Богу, и с каждым положением Блеза Паскаля Шарль был согласен, но только не с ничтожностью человеческих познаний, которые провозглашал Паскаль. Не принял Шарль Перро и таких вот строк своего великого современника:

«...Самонадеянным людям мало одного созерцания: они пытаются

изведать всю вселенную до самых последних мелочей, как будто это возможно. Они хотят познать начало всего, для того чтобы понять все остальное. Но это — пустая мечта. Такой замысел был бы исполним только при способности столь же бесконечной, как и вселенная... Не будем же гнаться за недостижимым, не будем стараться объять необъятное; наш разум не может понять всего: он ограничен...»

1658 год

История не поскупилась на контрасты, столкнув этих двух людей — Николя Фуке и Жана Батиста Кольбера. Оба они умели и любили работать, но если Кольбер брал педантичностью, феноменальной работоспособностью, то Фуке больше полагался на интуицию и мог позволить себе временами расслабиться. Кольбера немислимо было обвинить в том, что вместо него делами вершат его заместители. А про Фуке такое рассказывали. Зато мог ли грубоватый тугодум Кольбер состязаться в обаянии с блистательным, галантным сюринтендантом? Как-никак Фуке был уже дворянином в третьем поколении и обладал безукоризненными светскими манерами. Но не только в манерах было дело. Фуке имел достаточно душевной щедрости, чтобы привлечь настоящих, искренних друзей, таких, например, как великий поэт Жан Лафонтен. Они будут самоотверженно хлопотать за него после его ареста.

Эти два человека, два непримиримых врага, были людьми с разными жизненными установками. Кольбер видел залог успеха в служении патрону, в умении завоевать его абсолютное доверие и право распоряжаться от его имени. Подъем к вершине власти был сменой патронов: Летелье — Мазарини — Людовик. Фуке, напротив, надеялся, что его деньги, способности, обаяние заставят вышестоящих считаться с ним как с независимой личностью. Фуке отличала впечатлительность, подчас он наивно переоценивал свои возможности, отчего в конечном счете и проиграл.

Три года назад Кольбер купил должность королевского секретаря и стал дворянином. Испытавший свои способности в управлении огромным хозяйством кардинала, он стремится найти им применение в масштабах всей страны — лучше всего в верхах финансового ведомства. Но место сюринтенданта финансов было занято умным и честолубивым Николя Фуке. С ним Кольбер и повел борьбу не на жизнь, а на смерть.

А король решительно сражался с активными участниками Фронды:

напуганный фрондерами в детстве, он всю жизнь боялся ее повторения. 13 января был казнен руководитель мятежных дворян, требовавших ограничения абсолютизма и созыва Генеральных штатов, Боннесон. Вместе с ним казнили и нескольких его приверженцев. Фронда истекала кровью.

Шарль с братьями Жаном и Пьером присутствовал на этой казни. Он видел, как два палача в красных колпаках и кафтанах не торопясь прошествовали к помосту. Один из палачей взялся за колесо, повернул его, и оно пронзительно завизжало. Толпа встретила этот визг веселым смехом, будто ей показали новый, очень занятный фокус. Кто-то пустил по рукам кувшин с вином, и его под дружные рукоплескания торжественно поднесли палачам. А потом на площадь въехали телеги, на которых привезли осужденных — еще сравнительно молодых людей. Боннесон с красивым нервным лицом плакал, не вытирая слез, другие обреченно озирались.

Шарль не любил бывать на Гревской площади. Ему казалось, что вся она пропитана кровью. Высокие дома, ограничивающие Гревскую площадь, фиолетово-серыми очертаниями вырисовывались на молочно-белом фоне неба, окутанного облаками. Холодные тени домов тянулись до середины площади, достигая зловещего дощатого помоста. На два-три фута выше человеческого роста, он весь был в кроваво-черных пятнах. В окнах окружающих домов виднелись головы зрителей, с нетерпением ожидавших начала представления. Из слухового окошка той самой угловой башни, откуда, по преданию, Маргарита смотрела на казнь Ла Моля и Коконаса, выглянула морщинистая старуха. На каменный крест, стоявший у спуска к реке, с большим трудом взобрался какой-то подросток и повис на нем, перекинув руки через поперечину.

...Вскоре все было кончено. Быстрее, чем хотелось толпе.

Но она еще долго не расходилась, обсуждая работу палачей. И почти никто не задумывался над несчастной судьбой молодых и красивых мужчин, которые при более удачном стечении обстоятельств могли бы принести немалую пользу отечеству. Именно об этом Шарль и сказал братьям. И они согласились с ним.

После казни горожане вернулись к будничным делам: кто в свою лавчонку, кто в кузню, кто в мясной ряд, кто в огород. Вернулись со странным спокойствием людей, для которых смерть ближнего лишь обыденное зрелище. Ибо в те времена, когда большинство детей умирало в младенчестве, а половина женщин — при родах, когда эпидемия уничтожала поголовно все взрослое население, когда редкая рана заживала и ни один шрам не зарубцовывался окончательно, когда церковь поучала свою паству непрестанно думать о смерти, а на надгробных памятниках

изображались трупы, поедаемые червями, мысль о смерти была привычной, будничной, естественной; зрелище человека, испускающего дух, не было тогда, как для нас сегодня, трагическим напоминанием об общем уделе всего живого.

Позднее, когда Шарль получит большую власть, он убедит Кольбера ограничить число казней — хотя бы за счет «колдунов» и «ведьм».

*

Той же весной возобновились военные действия против Испании. В этой войне гибли люди, раненые стонали от боли, совершались подвиги и предательства, а в Париже едва ли не каждый день шли великолепные гулянья.

Труппа Мольера впервые выступила в Лувре перед королем. Была показана пьеса «Влюбленный доктор». С Мольером судьба сведет Шарля на долгие годы. Отношения их будут сложными, но Шарль ценил и понимал этого талантливое человека, который подарил Франции первую национальную комедию.

Большую часть времени Шарль проводит в Вири. В «Мемуарах» он напишет:

«...Я был счастлив находиться среди стольких чудесных книг! Я также начал слагать стихи, и „Портрет Ирис“ практически был моим первым произведением. Я не добился ничего выдающегося в этом жанре: ведь действительно, когда имеешь природную склонность, то и вначале получается так же хорошо, как и впоследствии, а различие состоит лишь во все большей легкости сочинения, приобретаемой со временем, то есть добиваешься того, что за неделю делаешь больше, чем раньше за два месяца. Я написал „Портрет Ирис“ в Вири и никогда не находил его настолько хорошим, как его почитали в свете, когда он появился в печати. К нам в Вири приехал господин Кино; я прочел ему это произведение, а поскольку оно ему очень понравилось, я подарил ему копию. Вернувшись в Париж, он показал его одной юной особе, в которую был влюблен и которая решила, что он сочинил это для нее. Ему было на руку оставить ее в этом заблуждении, и он не посчитал нужным разубедить ее, так что „Портрет“ обошел весь Париж под именем Кино. Мне тоже рассказали о нем; я ответил, что тоже написал „Портрет“ с тем же именем Ирис, и как только произнес первые строчки, все с удивлением обнаружили, что это и есть те самые стихи. Мне поверили на слово, а Кино оказался в

затруднительном положении. Однако когда он откровенно признался, что то, что его признали автором этой пьесы, послужило на благо его сердечным делам, то это не нанесло ему никакого ущерба в обществе».

1659 год

Улица Святого Фомы Луврского была не слишком широка. И дома на этой улице были сродни тем, что стояли на других парижских улицах. Но в истории улица Святого Фомы осталась прежде всего потому, что на ней возвышался старый величественный дом со множеством пристроек и садов — дом маркиза де Рамбулье. Здесь собиралось многочисленное общество, которое диктовало Франции законы моды, вкуса, приличий и причиняло немало забот правительству своим громадным влиянием на парижан.

Шарль не часто, но бывал в этом доме. Когда его карета подъезжала к госпиталю Трехсот святых, к которому своими пристройками и садами примыкал дом Рамбулье, его охватывало волнение перед встречей с выдающимися людьми Франции. Только близость семьи Перро к королевской администрации позволяла братьям изредка получать билет с гербом маркиза де Рамбулье.

...Вот и сегодня Шарль едет на улицу Святого Фомы Луврского. Госпиталь остался за спиной, и вскоре в зеленом массиве прекрасного сада открылся белокаменный особняк.

Шарль успел к обеду и был доволен: он знал, что самые интересные разговоры происходят в кулуарах дома, но знакомства завязываются за обедом.

Ему указали его место — между актрисой Шапонессой и каким-то бледным, незаметным человеком, которому покровительствовал маршал де Вивонне. Когда они разговорились и молодой человек назвал свое имя — Жан Расин, Шарль еще не знал, что сегодня он увидел в лицо одного из главных своих врагов в будущем.

В конце длинного, уставленного яствами и винами стола на небольшом возвышении восседала хозяйка салона, важная и гордая маркиза Екатерина де Рамбулье. Впрочем, здесь ее обыкновенно называли Артемисой или торжественно — Палладой-Минервой парижан. Равнодушная ко всем политическим или религиозным вопросам, она заботилась только о том, чтобы сохранить значение дома Рамбулье как законодателя моды и вкуса. По правую руку восседал ее муж, Шарль д'Анжеи, маркиз де Рамбулье, а по левую — маршал де Вивонне, граф Пизани, отец маркиза и покровитель

будущего театрального светила Расина.

За столом находились самые известные в Париже люди: герцогиня де Лонгвиль (сестра принца Конти), графиня Нуврон — придворная дама королевы-матери, Нинон де Ланкло, герцогиня Монтозье с мужем. Оба были ревностными янсенистами и приверженцами Фронды... Глаза рябило от необычных причесок, вычурных костюмов. Слух улавливал обрывки разговоров. Герцог де Ларошфуко, который уже писал свои знаменитые мемуары, вел оживленную беседу со своими соседями слева: писательницей госпожой де Скюдери и великим критиком и литератором Сен-Евремоном. Он вполне разделял их мнение, что Корнель — единственный писатель во Франции, а дом Рамбулье — непогрешимый ареопаг. Герцогиня де Ларошфуко была занята разговором с аббатом Менажем, написавшим историю гражданского права, множество стихотворений и составившим словарь.

Шарль обратил внимание на прелестную пятнадцатилетнюю девушку с белокурыми волосами и очаровательными голубыми глазами — Франсуазу де Лавальер. Ее привозили в салон, чтобы она научилась хорошим манерам, и она настолько преуспела в этом, что вскоре стала любовницей короля.

На этот раз главной темой для разговора стала на шумевшая постановка в театре Петит-Бурбон в Лувре пьесы Мольера «Прециозные жеманницы», высмеивавшей нравы как раз подобных собраний. Возмущенные, но вместе с тем и заинтригованные гости маркизы де Рамбулье решили лично посетить представление, чтобы составить свое мнение о комедии и доказать несправедливость нападок ее автора.

*

Своей пьесой Мольер собирался высмеять не только литературные салоны, но и само жеманное дворянство. Салон маркизы Рамбулье был самым именитым, и главный удар пришелся по нему.

Когда экипажи с завсегдатаями салона подъехали к театру Петит-Бурбон, густая толпа уже обступила угловой павильон Лувра. Улица была до такой степени запружена народом, что длинный ряд экипажей мог только шагом продвигаться к заветным воротам театра. Он был полон, не оставалось ни одного места, но огромная масса людей все еще толпилась у театра — всем хотелось посмотреть, как будут высмеивать высокопочтенное общество Рамбулье.

Мольер в свое потайное окошечко глядел на собравшихся и мог поклясться, что еще никогда не видел такого наплыва зрителей. Прежде всего он рассмотрел членов дома Рамбулье, занимавших почти весь первый ряд. Дальше в партере сидели артисты театров Бургонне и Марэ, собравшиеся в полном составе. В королевской ложе находился принц Анжуйский с Лореном, де Гишем, Сен-Марсаном, д'Эфия и архиепископом Валенским. Около самой авансцены, в ложе с полуопущенными занавесками, сидела принцесса Анна, напротив — Нинон де Ланкло с герцогами Вандомским и Бульёнским, а недалеко от них в одной из темных лож скрывался Корнель.

Бедный Мольер видел перед собой всех своих врагов... Он ставил на карту и свое счастье, и свою репутацию, ибо это представление должно было принести ему или славу, или позор. Как опытный актер, хорошо изучивший человеческое сердце, он решил оставить «Прециозных жеманниц» напоследок, а сначала показать две короткие веселые пьески, которые в самом деле привели публику в самое приятное расположение духа. Этого только и ждал Мольер. Теперь он был почти уверен, что комедия получит благосклонный прием.

И когда актеры на сцене стали разыгрывать «Жеманниц», для членов дома Рамбулье началась настоящая пытка. Они видели, что внимание всей публики сосредоточилось на них, что следят за каждым их жестом, за каждым движением. Они должны были терпеливо переносить оскорбления, боясь скомпрометировать себя в мнении двора.

Комедия началась разговором двух молодых людей, которые горько жаловались друг другу, что дамы их сердца Мадлена и Катишь отвергают их только потому, что они не умеют говорить таким же высокопарным слогом. Глубоко оскорбленные любовники решают отомстить красавицам за обиду. Они собираются уже уходить, как вдруг является буржуа Горжибус, отец Мадлены и дядя Катишь. Он в восторге, что хорошо пристраивает своих девиц, и вдруг узнает о том, что дочери отвергают женихов. Он убеждает молодых людей, что все устроится, но те и слышать не хотят о примирении. Тогда взбешенный Горжибус приказывает позвать девушек, чтобы излить на них свой гнев.

И вот на сцену являются Мадлена и Катишь с высокими прическами, в новомодных вычурных костюмах, похожие как две капли воды на любую из дам, сидевших в первом ряду. В публике послышались одобрительные возгласы. А когда девушки в ответ на упреки Горжибуса заговорили патетически-трагическим тоном Рамбулье, восторгу публики не было пределов.

Когда же внесли на носилках Мольера, игравшего роль маркиза Маскарилла, раздался оглушительный хохот, который длился несколько минут. И действительно, трудно было представить более верную и вместе с тем смешную пародию на костюм и манеры представителей дома Рамбулье. Маркиз де Маскарилла явился на громаднейших каблуках и в высочайшем парике. Камзол его сидел в обтяжку, подвязки были так тесны, что позволяли ступать крайне осторожно и притом самыми маленькими шажками. Его жабо могло бы служить покрывалом, а в довершение всего на его камзоле болталось бесчисленное множество кисточек и длинных лент.

...Зал неистовствовал. Раздавался свист. Когда наконец наступила тишина, маркиз де Маскарилла начал беседовать с девицами и окончательно очаровал девушек своим утонченным обращением и изысканной вежливостью. В это время на сцене появляется виконт де Жоделе. Он сообщает девицам, что только что вернулся с театра военных действий и спешит увидеться с маркизом, своим старым другом. И вот только они начинают толковать своим высокопарным слогом о своих великих заслугах и о древности своего происхождения, входят отвергнутые любовники, и крик удивления вырывается у них из груди. В маркизе Маскарилла и виконте де Жоделе они узнают... своих лакеев.

...Торжество Мольера было полным. Его вызывали бесчисленное число раз. Присутствовал на спектакле и Шарль Перро. Еще раз он убедился в таланте Мольера. Он вспоминал свои немногочисленные посещения салона Рамбулье, вычурные костюмы многих его завсегдатаев, их надуманный неестественный язык, неестественные ужимки. Здесь, в театре, Мольер показал ему, насколько это смешно!

...В этот вечер собрание в доме Рамбулье не состоялось. Канделябры горели, стол был уставлен дорогими кушаньями и винами, но никто из гостей так и не пришел.

В углу роскошного салона сидела гордая Артемис-Рамбулье и рыдала. Маркиз расхаживал по комнатам в мрачной задумчивости.

Маршал де Вивонне, отец маркиза, долго сидел в своей комнате, потом все-таки вышел к дочери и обнял ее.

— Не плачьте, дочь моя, — сказал он. — Стоит ли горевать о потере друзей, преданность которых не могла выдержать такого пустого испытания? Сегодня мы получили полезный урок. Великий человек открыл нам глаза на наши заблуждения. Завтра же я лично отправлюсь к Мольеру и скажу ему, чтобы он отныне считал меня в числе своих первых почитателей и искреннейших друзей. Если вы, дочь моя, не утратили еще благородного

духа Вивонне, вы поедете со мной.

И они поехали! И благодарили Мольера за урок!

...С тех пор знаменитый салон Рамбулье перестал существовать.

*

В том же году Шарль Перро перешел работать под начало Николя Фуке. Пикантность ситуации заключалась в том, что его брат Пьер, который и благословил его на этот шаг, как раз в это время перешел на сторону Кольбера и передал тому материалы, которые в течение нескольких лет собирал против Фуке.

Смертельная схватка у подножия королевского трона между двумя самыми влиятельными государственными деятелями Франции вступила в решающую фазу.

В начале октября 1659 года Кольбер пишет своему шефу, кардиналу Мазарини, обширную записку, в которой выдвигает в противовес Фуке свой собственный план финансовой политики. В этой же записке он обстоятельно изобличал сюринтенданта финансов в злоупотреблениях.

Мазарини в то время был на острове Фазанов, на границе двух королевств — Франции и Испании. Именно здесь предполагалось (и удалось!) заключить мир между двумя государствами, который должен был скрепить брак Людовика XIV с дочерью короля Испании Марией-Терезией. Кольбер спешил и послал свою записку кардиналу по почте. Случилось так, что она была перехвачена сюринтендантом почты — ставленником Фуке.

Но мудрый и осторожный сюринтендант финансов не стал разжигать страсти. Он принял нужные меры, и конфликт был исчерпан. Более того, Фуке пожаловался Мазарини на своего соперника, и по настоянию кардинала была разыграна сцена примирения противников.

В ведомстве Фуке Шарль не был особенно загружен работой и потому продолжал сотрудничать с Пьером.

1660 год

Принц Конде возвратился ко двору, словно никогда не удалялся от него. Все произошедшее в годы Фронды было предано забвению. Принцу вернули все его земли, должности и достоинства.

Александр Дюма в книге «Людовик XIV и его век» писал по этому поводу:

«Принц Конде представлял собой последний тип мятежных и беспокойных вельмож Средних веков. Торжество над ним Людовика было и торжеством монархии над феодализмом. Это были не два человека, враждовавшие между собой, но два, так сказать, начала, из которых одно должно было исчезнуть навсегда!»

2 февраля умер еще один герой той же «пьесы» — Гастон Орлеанский. Насколько громко звучало его имя во времена Фронды, настолько же тихой была его смерть, которая ни у кого не вызвала участия. А 3 июня состоялся последний акт трагикомедии под названием «Фронда». Александр Дюма пишет: «Фронда оканчивалась наподобие пьес Мольера, которые в это время начали приходить в большую славу, — женитьбой». Людовик XIV вступил в брак с инфантой Марией-Терезией, дочерью испанского короля Филиппа IV. Венчание состоялось в церкви города Фонтарби. Королю было 22 года, супруге — столько же, без нескольких месяцев. Залогом этого брака должен был стать вечный мир между Францией и Испанией, которым наконец закончилась многолетняя война.

Шарль в числе многих поспешил отозваться на это событие. Он пишет оды «На женитьбу короля» и «О мире».

Обе оды были переписаны красивым, каллиграфическим почерком на белую веленевую бумагу. Шарль, который с детства любил рисовать, снабдил их виньетками, нанесенными золотой краской, и дал почитать Жану Шаплону, старому, заслуженному поэту. Шаплен давно интересовался творчеством начинающего поэта. Ему так понравились обе оды, что он показал их в Лувре. Сочинения были замечены.

Сюринтендант финансов Николя Фуке пригласил к себе Шарля и, похвалив его сочинения, спросил, нет ли у него чего-нибудь еще. Фуке сидел в высоком кресле и выглядел очень элегантно. Движения его были изящны, улыбка — обаятельной.

Шарль как раз недавно закончил «Диалог Дружбы и Любви».

«Диалог» также заслужил одобрение сюринтенданта. Фуке попросил Шарля переписать его на веленевую бумагу. После того как произведение Шарля Перро было издано в типографии сюринтенданта, Фуке оставил рукописный экземпляр у себя.

Вот что писал об успехе своего сочинения в письме сеньору де Абигне сам Перро:

«Поскольку вам мало того, что я посылал вам мои „Диалоги“, и поскольку вы желаете получить еще одну копию, я не могу вам отказать. Я

признаю, монсеньор, что я ленив, но не хочу огорчать вас своим отказом, ибо вы человек света, который отмечен вкусом более тонким и более деликатным во всех отношениях, чем многие, и особенно к такого сорта трудам, как эти „Диалоги“».

Не только монсеньор де Абигне, но и многие другие просили Шарля сделать им копию «Диалогов». Ведь Шарль затронул в этом произведении вечные вопросы, порядком подзабытые во времена Фронды: что такое любовь, что такое дружба, что такое желание и красота.

В том же письме монсеньору де Абигне он писал:

«...Монсеньор, я осмелюсь напомнить, что в своем последнем письме к вам я задал два или три вопроса. Позвольте мне вам их напомнить, чтобы вы все-таки на них ответили. Я спросил вас: почему Любовь и Дружбу называют братом и сестрой?

Я не думаю, что вы сразу выскажете истинное суждение или что вы никогда не обсуждали эти свойства человеческой натуры. Но если и в эти тяжелые дни тысячи людей пользовались ими, применяли друг к другу эти имена, нежные и добрые, потому что они любят или дружат на самом деле, — значит, они и в самом деле — брат и сестра?

Или вы можете доказать, что Любовь и Дружба между людьми — это такая банальность, что апеллировать к ним как к брату с сестрой — неубедительно и не стоит соглашаться на то, чтобы рассматривать их генеалогию, чтобы получить неубедительный результат?

Несомненно, Любовь есть нить к Желанию и Красоте. Платон в этом знал толк, и мы уверены, что он апеллировал все к тем же Желанию и Красоте, когда давал эти имена своим родителям — отцу и матери. И мы отмечаем его оригинальность. Также весьма достоверно, что Дружба — есть нить к Желанию и Доброте, потому что само Желание тянется к Красоте и дает жизнь Любви...»

В это же время протекции при дворе ищет и Жан Расин. Через своего друга Витара он передал Шаплону свою оду «Нимфа Сены». Шаплен в свою очередь попросил высказать о ней свое мнение Шарля Перро.

— Жан Расин? — развел руками Шарль. — Не помню такого.

Однако он пришел в восторг от оды и захотел познакомиться с талантливым поэтом. Возможно, они могли бы стать друзьями. Но жизнь распорядилась по-иному.

Между тем здоровье кардинала Мазарини ухудшалось. Как-то он спросил своего врача Гено:

— Признайся, только откровенно, долго ли я еще буду жить или умру скоро? Не бойся сказать правду.

И Гено ответил, что дни кардинала сочтены.

Кардинал выслушал приговор спокойнее, нежели можно было ожидать. Посмотрев на своего врача, он сказал ему:

— Гено! Так как вы решились сказать мне всю правду, то уж доскажите мне ее до конца: сколько дней мне еще остается?

— По крайней мере, еще два месяца, — ответил Гено.

— Этого довольно, — сказал кардинал. — Прощайте, Гено! Приходите ко мне почаще! Я вам обязан, насколько можно быть обязанным своему другу. Воспользуйтесь тем немногим временем, которое мне остается, чтобы увеличить свое богатство, подобно тому, как я, со своей стороны, воспользуюсь вашими спасительными советами.

С каждым днем ему становилось все хуже. Но, игрок в жизни, он решил сыграть и со смертью. За семь или восемь дней до кончины кардиналу пришла в голову странная прихоть. Он велел выбрить себе усы и покрыть щеки румянами и белилами, так что во всю жизнь он не бывал так свеж и румян; потом уселся в свои носилки, которые спереди были открыты, и отправился прогуливаться в сад несмотря на прохладную погоду. Был март, и появление кардинала привело всех в удивление. Всякий, видя его в таком экипаже совершенно помолодевшим подобно Эзопу, думал, что видит сон. Принц Конде заметил по этому поводу:

— Плутым был, плутом хочет и умереть.

Все испортил граф Ножан Ботрю, старый шут королевы-матери. Он встретил Мазарини и сказал, будто не замечая маскарада:

— О! Как видно, воздух здесь очень полезен для вашего преосвященства! Он произвел в вас большую перемену. Вам бы надо почаще им пользоваться, ваше преосвященство!

Больше кардинал не покидал своих покоев. Входить к нему мог только король, королева и Кольбер, которого Мазарини перед смертью рекомендовал королю:

— Советуйтесь во всех случаях с господином Кольбером, когда вы будете иметь нужду в умном и преданном человеке.

9 марта Мазарини скончался. По завещанию им было оставлено родственникам несметное богатство — 50 миллионов ливров.

Мазарини умер, проклинаясь всеми. Его проклинала королева, упрекавшая его в неблагодарности и измене. Его проклинал король,

который не мог простить его скупости. Его проклинал народ, обвинявший его в разорении страны.

Между тем беспристрастная история дала ему другую оценку. Благо государства Мазарини ставил превыше всего, даже выше требований короля. Для блага Франции он употреблял все возможные средства: будучи безбожником в политике, материалистом в делах государственных, он не знал ни ненависти, ни симпатии, ни антипатии. Кто мог быть полезен для его видов, был его союзником. Кто действовал против них, был его врагом. Он был скуп для людей, но никогда не скупился для дела. Если надо было отыскать врагов врагам своим или лучше — врагам Франции, то золото лилось рекой.

Он оставил королю королевство, в котором уже не было оппозиции — ни парламентской, ни церковной, ни феодальной...

После смерти Мазарини королю нужен был человек, который мог бы заменить его. И такой человек нашелся.

Первым, кого король обнаружил в своем кабинете, когда приехал в Лувр на следующий день после смерти кардинала, был молодой человек с нахмуренным лицом, впалыми глазами и отталкивающей наружностью. Это был Жан Батист Кольбер, два часа ожидавший случая поговорить с королем наедине. В последние дни своей жизни Мазарини поручил ему самые близкие своему сердцу дела.

— Что вам угодно? — холодно спросил его король.

— Ваше величество! — поклонился Кольбер. — Долгие годы я верно служил Мазарини и теперь готов так же верно и бескорыстно служить вам.

— Бескорыстно? — усмехнулся Людовик, думая, что поймал человека на слове. — По-моему, в Лувре другие нравы!

— Бескорыстно! — твердо повторил Кольбер. — И я сейчас же докажу вам это. Мне известно, что кардинал зарыл в разных местах до 15 миллионов наличных денег, и так как он их не показал в своем завещании, то я думаю, что намерение кардинала было предоставить их казне, сундуки которой, насколько я знаю, совершенно пусты.

Король с изумлением посмотрел на Кольбера:

— Уверены ли вы в том, что говорите?

— Я могу предоставить доказательства, — сказал Кольбер.

Ни в чем так сильно не нуждался Людовик в первые дни своего единоличного правления, как в деньгах. Это ставило его в независимость от Фуке, который — и это прекрасно понимал король — хотел приручить его с помощью подачек.

С этого момента началось восхождение Кольбера к вершинам власти. И одновременно — падение Фуке, который сам ускорил его крайне неосторожными действиями по созданию своей «империи».

Не сразу, но королю стало известно, что Фуке к своим морским владениям в Бретани добавил остров Ванн и несколько окрестных сеньорий. Он узнал, что на острове Бель-Иль, недавно купленном Фуке, ведутся работы по укреплению оборонительных сооружений и поденщикам в интересах секретности запрещено покидать остров.

В июне Кольбер известил короля, что Фуке купил для своего ставленника маркиза де Креси должность командующего галерным флотом. И это сильно разгневало короля.

— Да это потенциальный фрондер! — воскликнул Людовик и сказал Кольберу, что пришла пора избавиться от Фуке.

Фронду Людовик боялся и потому ненавидел. Он хорошо помнил, как фрондеры держали его с матерью под домашним арестом, как люди, называвшие себя верноподданными, обстреливали его из пушек. Отомстить всем этим людям он не мог: участники Фронды были защищены общей амнистией, гарантированной мирным договором с Испанией. Неутоленная жажда мщения должна была обратиться на Фуке.

— Ваше величество! — заметил Кольбер. — Мы не можем тронуть его, пока он имеет звание генерал-прокурора парламента.

— Так заставьте его продать свое звание! — усмехнулся молодой король.

И доверчивый, самоуверенный Фуке, не заметив ловушки, согласился за достойную цену отдать высокую должность.

Теперь препятствий к аресту Фуке не было. Однако в Париже у него имелось множество друзей, и потому Людовик назначил поездку в Нант, чтобы арестовать Фуке в этом городе и вместе с тем овладеть замком Бель-Иль.

Но Фуке упростил задачу. Желая преподать урок королю и продемонстрировать ему свое финансовое могущество, он пригласил короля и весь двор в замок де Во, который стоил ему 15 миллионов ливров.

Король приехал в замок с отрядом мушкетеров под командой д'Артаньяна. У ворот его встречал сам Фуке.

Людовик был ошеломлен великолепиям дворца, восхитительной панорамой парка, роскошью убранства. Ничего подобного во Франции в то

время не было.

Король едва мог скрыть смущение и негодование. Его придворный принимал его так, как он сам не мог принять никого! Особенно возмутил его герб Фуке, попадавшийся на глаза буквально повсюду. На нем была изображена белка с девизом: «Куда я не вознесусь?!». Людовик готов был арестовать Фуке тут же, в его замке. Но королеве и девице Лавальер, любовнице короля, сообщили о его намерении, и они успели отговорить его: «Нельзя за гостеприимство платить предательством!» И король решил подождать несколько дней.

После ужина, в 3 часа утра, двор начал разъезжаться.

— Милостивый государь, — сказал Людовик, прощаясь, хозяину, — теперь я не осмелюсь уже принимать вас у себя, потому что у меня помещение для вас покажется слишком бедным.

5 сентября, во время поездки двора в Нант, Фуке был арестован. При аресте он воскликнул: «Ах! Сен-Манде! Сен-Манде!» И действительно, в его доме в Сен-Манде нашли бумаги, в которых заключались главные улики против него.

15 сентября Людовик назначил Кольбера своим министром. И тот сразу же заменил Фуке в Узком совете. Так как король ликвидировал должность сюринтентанта и приказы о выплате денег из казначейства подписывал сам, был учрежден Королевский совет финансов, в который вошли канцлер Сегье (председатель), маршал Виль-Руа (заместитель), государственные советники Алигр и Сэв и Кольбер.

...В 1661 году Шарлю минуло 33 года. Он придавал большое значение этой цифре, считая, что это — время его вступления на историческую арену, а вся предшествующая жизнь была лишь подготовкой, быть может недостаточной, к этому шагу.

*

Из-за «гнилой зимы» во Франции наступил голод. Тучи нищих наводнили города. И чем дальше, тем нахальнее они приставали к прохожим, и по их изможденным лицам и больным глазам было видно, что просят они только на пропитание, чтобы не умереть с голода. По Парижу ползли слухи о людоедстве, хотя никто не мог их подтвердить.

А во дворце тем временем праздник следовал за праздником, и каждый отличался такой роскошью и таким изобилием, что на потраченные деньги можно было бы целую неделю кормить несколько деревень.

Более всего короля смущали не бедствия народа (о которых он даже не подозревал), а оппозиционные настроения среди интеллектуальной элиты Франции — ученых и литераторов.

Герцог Ларошфуко в своем сочинении «Правила» в пух и прах раскритиковал внутреннюю политику Франции. Бюсси-Рабютен в «Любовной истории галлов» делал недвусмысленные намеки на многочисленные любовные связи Людовика. Корнель в своих трагедиях обращал внимание зрителей на тяжелое положение дворянства, а попутно — и народа. Лафонтен высмеивал в баснях современную ему французскую действительность. Король же нуждался в литературе совсем иного рода. Он поручил Кольберу поддержать лояльную ему литературу — роялистскую, то есть «королевскую», которая поднимала бы авторитет королевской власти и во Франции, и за границей.

Чтобы выполнить просьбу короля, Кольбер решил создать небольшой комитет литераторов. Прежде всего он приблизил к себе престарелого Жана Шаплена, находившегося тогда в зените славы. Шаплен был признанным теоретиком литературы. Его эпическая поэма «Девственница, или Освобожденная Франция» пользовалась огромной популярностью. В «Письме о правиле двадцати четырех часов» (1630) и в двух «Рассуждениях о поэзии» (1635) он обосновал главные принципы классицизма, ярким защитником которого являлся. Именно с поэтики Шаплена началось распространение идей классицизма за пределы Франции. Но главное — Шаплен был искренним роялистом. Кольбер часто встречался с ним в Лувре и беседовал о литературе. Во время одной из таких бесед Шаплен назвал имя Шарля Перро.

— А что он за человек? — спросил Кольбер.

И Жан Шаплен ответил замечательной фразой:

— Это человек талантливый, многообещающий, и, самое главное, это человек доверия. Вы можете доверять ему, как самому себе.

Престарелый поэт не ошибся. Перро проработает с Кольбером 20 лет и за это время ни разу не подведет своего «патрона».

*

Наконец наступил день, которого так долго ждал Шарль, — его вызвали в Лувр к Кольберу.

Министр принял его в своем кабинете, заваленном бумагами. Они были на всех столах, на стульях и даже на полу.

Шарль уже знал, что Кольбер очень строг, и приготовился к трудному разговору. Беседовали они минут пятнадцать, но Шарлю показалось, что прошла целая вечность. За это время его вывернули наизнанку. Некоторые вопросы казались бессмысленными, но Шарль терпеливо отвечал на них.

Кольбер устроил ему настоящий экзамен. Наконец он вручил Шарлю бумагу, чернильницу и перо и попросил тут же, в соседнем кабинете, написать нечто о политике короля в области культуры. И Шарль справился. Когда он в тот же день показал черновики Шаплону, тот одобрил его изящную, тонкую и умную записку.

В том же году в Гренобле была опубликована поэма Шарля Перро «Зеркало, или Метаморфозы д'Оранте». Она привела в восторг старого классика. Шаплен осыпал Перро похвалами, предрекая ему великое будущее, а Кольберу сказал при встрече, чтобы тот не оставил втуне молодые силы Шарля Перро.

— Я считаю его своим духовным наследником, — сказал Жан Шаплен.

И это было близко к правде. Автор «Девственницы» был стар и болен, и в силу этого ему приходилось все больше полагаться на Шарля Перро, который всегда находился рядом и готов был отдать себя в полное распоряжение мэтра.

...В 1662 году, в возрасте 38 лет, умер любимый брат Шарля Перро Николя, чьи проповеди оказали на него такое большое влияние. В том же году умер и великий Блез Паскаль. Он был близок с братьями Перро и именно им адресовал свои «Письма из провинции».

1663 год

Шарль хорошо запомнил завет отца: тот, кто хочет идти вперед, обязан потакать своему влиятельному покровителю и всегда говорить только то, что ему приятно.

Он сразу понял выгоду от дружбы с великим поэтом и сумел настолько влюбить Шаплена в себя, что тот и дня не мог провести без своего молодого друга. Едва ли не каждый день карета престарелого поэта останавливалась у главного подъезда Лувра и Шаплен, тяжело опираясь на палку и наклонив голову с тяжелым париком, поднимался к Кольберу. Он — главный советник всесильного министра по делам литературы.

Именно здесь, в апартаментах Кольбера, и был составлен список Комитета литераторов, целью которого прямо ставилось повышение авторитета короля и королевской политики. По предложению Шаплена, в

него вошли он сам, аббат Бурсе, аббат Кассань и в качестве кандидата Шарль Перро. Правда, в отношении последнего Кольбер все еще сомневался. А потому для испытания он поручил Шарлю написать прозаическую пьесу о покупке королем города Дюнкерка.

Шарль осознавал, что от того, как он выполнит это задание, зависит все. Он ощущал себя на пороге прекрасного будущего. Чтобы ничего не отвлекало его от выполнения задания Кольбера, он уединился в Вири. В январе пьеса была готова.

Он прекрасно понял, чего от него хотят. Его пьеса — это откровенный дифирамб королю, его государственному уму и новой государственной политике, направленной на процветание Франции. Шарль отдал должное и Дюнкерку — стратегически важному морскому порту, показав в своей поэме, сколь дальновидно поступил король, приобретя именно этот город.

Шарль переписал свое произведение на веленевую бумагу и попросил художника сделать виньетки, заголовки и самую первую букву пьесы золотой краской. И Кольбер принял его труд. Так Шарль Перро попал в литературный кабинет Кольбера. Ему было 35 лет. Шел февраль 1663 года.

Кольбер был сыном купца. Его отец торговал сукном в Реймсе и держал там лавку готового платья. По окончании Реймского иезуитского коллежа юный Жан Батист работал при лионском банкире Маскарани, затем переехал в Париж, где также занимал незначительные должности. Здесь у него нашелся покровитель — троюродный брат Жан Батист де Сен-Пуланж, который служил в государственном секретариате военных дел. Он и помог Кольберу купить должность военного комиссара.

Вот где сформировались жесткий характер Кольбера, его точность и исполнительность. В его обязанности входило сопровождать войска на марше, организовывать их расквартирование, проверять правильность списочного состава, комплектность экипировки. Он был обязан также инспектировать гарнизоны. На этой должности Кольбер прослужил пять лет.

В 1643 году государственным секретарем военных дел стал Мишель Летелье, шурин Сен-Пуланжа. Последний возглавил бюро госсекретариата, а два года спустя Жан Батист Кольбер стал служащим этого министерства. На правах родственника он пользовался особым доверием министра, который назначил его представителем министерства при Мазарини. Скоро Кольбер завоевал безграничное доверие кардинала. В 1651 году Мазарини по требованию парламента удалился в изгнание за границу. Кольбер остался управляющим его имуществом. Так постепенно образовалось огромное состояние Кольбера. Потому и смог он неучтенные Мазарини

деньги передать королю.

Кольбер смог купить себе в 1655 году должность королевского секретаря и стал дворянином. Затем, после приобретения сеньории Сеньелэ в Бургундии, его герб украсила баронская корона.

Испытавший свои способности в управлении огромным богатством кардинала, Кольбер стремился найти им применение в масштабах всей страны — лучше всего в верхах финансового ведомства. Но место сюринтенданта финансов прочно занимал умный и честолюбивый Николя Фуке. И Кольбер начал с ним борьбу, об исходе которой мы уже знаем.

Своей карьерой Кольбер во многом был обязан Мишелю Летелье. Однако чувство благодарности оказалось незнакомо ему, и соперничество его со своим бывшим благодетелем будет длиться до самой смерти Кольбера.

Кольбер служил королю с такой преданностью, с какой собака служит своему хозяину. К Людовику он питал любовь, доходящую до обожания.

Про Кольбера говорили: «Он не знает пышности и роскоши и тратит немного, охотно жертвуя своими удовольствиями и развлечениями ради интересов государства. Он деятелен и бдителен, тверд и неподкупен в отношении своего долга, он избегает партий и не хочет входить ни в какое соглашение, не сообщив о том королю и не получив от его величества определенного приказа. У него нет большой жадности к богатству, но зато сильная жажда накапливать и беречь достояние короля».

Став во главе финансового управления, Кольбер поставил перед собой три цели: 1) привести в порядок финансы Франции; 2) поднять земледелие в стране; 3) развить торговлю и промышленность. И достижению этих целей он посвятил всю оставшуюся жизнь.

*

Кабинет, в котором предстояло работать Шарлю Перро, был очень длинным и освещался рядом высоких стрельчатых окон. Из них Шарль видел глубокий ров, за ним полосу песчаного берега шириной футов в пятнадцать и гладкую, как зеркало, воду Сены. На другом берегу реки возвышался неподвижный гигант — Нельская башня.

...Шарль прошелся по офису, подошел к рабочему столу, на котором уже лежали листы бумаги. Красивая бронзовая чернильница, в бронзовом же стакане — десяток очиненных перьев. Было тихо, несмотря на то, что за столами вдоль окон сидели восемь писцов — его помощников. Полки

книжного шкафа уже отчасти заполнены были книгами в кожаных переплетах. Пол офиса устлан мягким ковром, и шаги ходивших по нему были неслышны.

Шарль подошел к камину, погрел руки над огнем и уже хотел садиться за стол, чтобы еще раз прочитать инструкцию Кольбера, написанную непосредственно для него, как вдруг без стука отворилась тяжелая входная дверь и порог переступила огромная фигура придворного поэта и покровителя Перро Жана Шаплена, председателя Комитета литераторов. Он сел у камина в предложенное ему кресло и указал своему молодому другу на кресло напротив. Шаплен помолчал, изучая кабинет, приглядываясь к фигурам писарей, потом глянул на Шарля и с расстановкой проговорил:

— Молодой человек! Кольбер обратил на вас внимание, а это уже немало! Говорят, он давно знаком с вашей семьей, тем лучше! Но если бы он хотел только выразить вашей семье чувство признательности и благодарности, он не пошел бы так далеко в своих милостях. Следовательно, вы ему понравились. — Старик помолчал, внимательно рассматривая Перро, словно хотел выяснить причину этого, и потом продолжил: — Он решил, что вы сможете сыграть ту или иную роль, предугадать которую сейчас трудно, — роль, которую он наметил в своих тайных помыслах. Да-да! Не улыбайтесь, молодой человек, я лучше знаю Кольбера. Он ничего не делает без дальнего прицела! Я думаю, он хочет подготовить вас для нее, вышколить вас, если хотите, и мне кажется, что вы должны идти на его зов. — Он поднял палку и крупным ее набалдашником коснулся колена Шарля. — Так начинаются великие карьеры! Только, ради Бога, пусть милости его и ваше высокое положение не вскружат вам голову!

Шаплен говорил медленно, с расстановкой. Шарль слушал его внимательно, не пропуская ни одного слова.

— ...Увы, монархи привыкли к постоянным изъявлениям напускного восторга перед их особами. Считайте же лесть новым для вас языком, который необходимо освоить. Пусть язык этот доселе был вам чужд, но, поверьте, и на этом языке можно говорить благородно, ему тоже дано выражать возвышенные, безупречные мысли.

Знаете ли вы, чем вы особенно понравились Кольберу? Ему кажется, что ваши взгляды на политику, экономику и культуру совпадают с его взглядами. Так не разочаруйте его! А с творчеством, боюсь, придется повременить... Нам предстоит столько работы, что личное отходит на второй план...

Шарль, полный воодушевления и надежд, кивнул своему наставнику. Увы, никто не может предугадать свое будущее полностью! Шарль не знал, что за те 20 лет, что он проработает при дворе, он почти ничего не напишет.

*

Через несколько дней состоялось первое заседание Комитета литераторов. Жан Шаплен должен был сидеть во главе стола, но он выбрал место у камина и подремывал, предоставив аббатам Бурсе и Кассаню вволю говорить на любые темы. И они вскоре углубились в такие дебри истории французской литературы, что сами, без Жана Шаплена, не скоро бы нашли выход.

Шарль в тот день больше слушал, почти ничего не говорил. Из бесед с Кольбером и особенно с Шапленом он понимал, чего от них ждет король — лояльности, преданности и внимания к своей особе. Их Комитет должен был определять тематику литературных произведений, их направленность, их тон. В конце концов, Комитет должен был поддерживать тех писателей, которые прославляли короля и его политику, и осуждать тех, кто пытался что-либо критиковать. Такая культурная политика конечно же не нова. Во все времена правящие классы стараются привлечь интеллектуалов на свою сторону и их устами прославлять проводимую в стране политику. Пропаганда — великая сила, значение которой хорошо понимал уже Генрих IV.

Ришелье, настойчиво следуя этой политике, пытался по возможности объединить людей искусства и определить их на службе королевских интересов. В 1635 году он создал Французскую академию, призванную установить по отношению к различным диалектам провинций единый язык, соответствующий идее единого королевства, находящегося под властью абсолютного монарха.

Кольбер продолжил и развил идею привлечения интеллектуалов к прославлению королевской власти. При нем эта идея достигла апогея. Власть особенно ощутила ее необходимость после Фронды, которая вызвала брожение в умах. Теперь необходимо было формировать одно мнение: королевская власть незыблема, она — от Бога. И Кольбер, воплощая эту идею в жизнь, создал Комитет литераторов, который вскоре фактически возглавил молодой Перро, ибо Шаплен был слишком стар и к тому же во всем доверял молодому другу, обласканному Кольбером.

Шарль был молод, крепок, здоров. Работа, которую ему поручили,

пришлась ему по душе. Он часто засиживался допоздна, и когда его карета выезжала из Лувра, город, как правило, уже засыпал. Шарль готов был приложить все силы, весь свой ум, волю, чтобы навсегда остаться в Лувре — сердце Франции, месте, где жил обожаемый им король и где могли осуществиться его самые честолюбивые мечты.

...В те ранние годы, когда в человеке закладываются основные черты его характера, когда все его чувства обострены, когда он тонко и болезненно воспринимает каждое слово окружающих, особенно отца и матери, — в эти годы детства и начала юности Шарль, как мы уже говорили, ощущал казалось бы неуловимое чувство неприязни, которое испытывали к нему родители, словно это он был виновен в смерти Франсуа. Травма, полученная в раннем детстве, давала о себе знать в течение всей его жизни. Как замечает профессор Марк Сориано, Шарль вынес из своего детства необычайно стойкое стремление к реваншу, к достижению семейного, материального успеха. Поэтому, получив место при дворе, он приказал себе забыть все улады и утехы и полностью отдался работе.

*

С первых же дней их совместной работы Кольбер сделал его своим личным секретарем. Он поручал Перро самые разные дела, причем не всегда связанные между собой. Полностью преданный своему шефу и долгое время не имевший семьи, Шарль готов был браться за любое поручение и выполнять его со всей тщательностью.

3 февраля Кольбер приказал Шарлю явиться на заседание Совета по делам строительства и вести запись выступлений, а потом оформить их в единую докладную записку.

10 февраля Перро участвует в обсуждении нового регламента по сбору тальи (налога). Разобравшись в сути вопроса, он справедливо выделил ведущую роль интендантов в сборе тальи.

В тот же день, на другом заседании, он записывает мнения разных лиц и отдельно Кольбера по вопросам архитектуры, финансов, объединения и укрупнения откупов, подвода питьевой воды, организации музыки и праздников и других.

Он внимательно следит за работой королевской мануфактуры мебели, основанной Кольбером в прошлом году.

Но больше всего времени Перро отдает работе в созданном Кольбером

«Бюро славы короля». Название говорит само за себя! Кольбер искренне был убежден в необходимости изображать короля не просто символом власти, но представителем Бога на Земле, предметом страха, уважения и восхищения.

Позднее «Бюро славы короля» стало называться Малой академией. Фактически ее возглавляет Шарль Перро.

15 февраля приказчик Кольбера принес Шарлю кошелек, в котором находилось его жалованье — 500 экю. Это было больше, чем получали члены Французской академии. Кольбер давал Шарлю аванс, и тот должен был его отработать.

Два раза в неделю, по вторникам и пятницам, у Кольбера собирался Совет по вопросам зданий и строений. Малая академия собиралась в другие дни. Ее работой все чаще интересовался лично король. Все больше значения Кольбер придает Академии надписей: надписи на медалях, памятниках, стелах живут дольше, чем книги и картины. Они должны вечно хранить память о Людовике XIV и его славных деяниях. Шарль участвует в работе и этой Академии — в частности, готовит медаль в честь обновления союза Франции и Швейцарии. Очень важным было решение использовать в надписях и девизах французский, а не латинский язык. Краткие энергичные лозунги, прославляющие короля и его политику, должны были быть понятны всем, а не только образованным слоям населения.

Однажды Кольбер вызвал Перро и поручил ему сочинить девиз для дофина (наследника престола). Ему исполнилось всего три года. В конкурсе, кроме Шарля, приняли участие многие члены Академии надписей. Но победил девиз, сочиненный Шарлем Перро, о чем он сам с гордостью вспоминал впоследствии в «Мемуарах».

Да, Шарль Перро очень быстро стал человеком двора. Этому способствовали не только его незаурядный ум и желание остаться в Лувре, но и умение приспособиться к любым обстоятельствам.

*

Шарлю пришлось осваивать новый для себя мир — мир придворных. Впрочем, писатель Жан де Лабрюйер в книге «Характеры» заметил, что манеры, принятые при дворе, так же легко перенять, как нормандский акцент в Руане или Фалезе — «взгляните на гоф-фурьеров, мундшенков и камер-лакеев. Эта наука дается так же легко и требует так мало ума, что

человеку, обладающему большими способностями, не требуется никаких усилий, чтобы изучить ее и освоить. Он придает ей столь мало значения, что овладевает ею, сам того не замечая, и так же незаметно может ее забыть».

И еще одно замечание Жана де Лабрюйера, помогающее нам понять нашего героя:

«...И ложась в постель, и вставая с нее, придворный печется только о собственной выгоде: мысль о ней не оставляет человека ни утром, ни днем, ни ночью; он руководствуется ею, думая, разговаривая, храня молчание, действуя; повинуюсь ей, он раскланивается с одним, не замечает другого, превозносит третьего и хулит четвертого. По этой мерке он отмеряет свое внимание, услужливость, почтительность, равнодушие или презрение. Как бы далеко он ни ушел по стезе умеренности и мудрости, главной пружиной его поступков все равно остается честолюбие, увлекающее его к той же цели, что и самых жадных, неистовых в желаниях и тщеславных царедворцев. Разве можно пребывать в покое там, где все волнуется, все движется? Разве можно не бежать там, где все бегут?..

Придворная жизнь — это серьезная, холодная и напряженная игра. Здесь нужно уметь расставить фигуры, рассчитать силы, обдумать ходы, осуществить свой замысел, порою идти на риск, играть по наитию и всегда быть готовым к тому, что все ваши уловки и ходы приведут лишь к объявлению вам шаха, а то и мата. Часто пешки, которыми умно распоряжаются, проходят в ферзи и решают исход партии. Выигрывает ее самый ловкий и самый удачливый».

Продержаться два десятка лет рядом со вторым лицом в государстве не просто. Нужно в совершенстве овладеть искусством придворной жизни. Наш герой конечно же не идеален. Он просто человек своего времени.

Немалое значение при дворе имело умение одеваться. К счастью, в семье Перро костюму всегда уделяли должное внимание. И отец, и сыновья одевались у самых модных портных, с детских лет овладевая искусством этикета.

При дворе было много чопорно одетых придворных. Некоторые из них, отъявленные щеголи, одевались особенно вызывающе. Не отличаясь особым умом и статью, они выделялись яркостью и манерностью костюма. Именно таким «петухам» — петиметрам — была посвящена известная в то время эпиграмма:

Их наряд драгоценным шитьем
И бриллиантами весь изукрашен.

Постыдились бы женщины даже
Показаться на улице в нем.

Головою вертеть им удобно.
В брыжах пышных, обширных и модных.
На крахмал негодна им пшеница:
Полотно, дескать, портит она.

И крахмалы для их полотна
Нынче делают только из риса.
Их прически полны новизны:
По линейке подстрижены пряди.

Непомерно обкорнаны сзади,
Впереди непомерно длинны.
И, клеем обмазаны густо,
Уложены в волны искусно.

Рабочий костюм Шарля был строг, и он поглядывал на щеголей с насмешкой и жалостью: ведь огромные накрахмаленные брыжи в кровь обдирали их шею. А локоны, завитые на клею, в дождь размокали и слипались.

*

Неожиданно ударили сильные морозы. Лед сковал Сену. Замерзли колодцы. В садах от холода лопнула кора деревьев. Некоторые вязы раскололись до самой сердцевины. Сильно пострадали парижские мостовые: от стужи потрескались даже камни. Птицы, которые никогда не залетают в города, — сойки, сороки — искали себе пропитание на улицах Парижа.

Торф для отопления продавался по двойной цене. В лавках нельзя было найти ни шкурок сурка или белки, ни даже простой овчины. Множество стариков и детей замерзли в своих жалких жилищах. Солдаты, которым приходилось стоять на посту, отмораживали ноги даже в теплых сапогах.

Зима положила конец королевским увеселениям. Поздней осенью двор

вернулся в Париж и вот уже несколько месяцев отдыхал и собирался с силами для новой череды празднеств.

Накануне Нового года Шарль Перро в числе других членов Малой академии был наконец представлен королю.

Он следовал за Шапленом, опирающимся на палку. В длинных и гулких коридорах Лувра стук палки был хорошо слышен, и это нравилось знаменитому поэту. А Шарль пока еще робко двигался по дворцу, поражаясь роскоши и размерам королевской части дворца, хотя и в той, деловой части, где он работал, мебель тоже была не из дешевых.

Он шел мимо диванов, обитых красным атласом с золотыми кистями, мимо кресел с позолоченными изогнутыми ручками, пуфов с изящной отделкой. Занавеси на огромных окнах были тяжелые, с золотой бахромой, а в проемах между окнами висели картины и ковры, стояли античные скульптуры.

Молодой неискушенный придворный еще не знал, что эта роскошная мебель находится в Лувре по той простой причине, что все другие королевские дворцы пусты. А когда придет весна и двор начнет собираться в дорогу, мебель повезут в длинном, шумном поезде, а вместе с ней отправятся в путь плотники и другие мастера, которые расставят мебель в летнем дворце, выбранном в качестве королевской резиденции, подготовят все к приезду его величества.

Король, встречи с которым ожидал Шарль Перро, был поистине великим человеком. Александр Дюма в романе-хронике «Людовик XIV и его век» так писал о нем:

«...Эта смесь пороков и добродетелей, величия и слабости составила век, который в ряду времен занял первое место после века Перикла, после века Августа и после века Льва X, ибо Людовик XIV обладал удивительным инстинктом усваивать себе достоинства других, сосредоточивать в себе лучи, около него расходящиеся, потому что в противоположность с солнцем, которое он принял своей эмблемой, освещал не он — его освещали.

Людовик был маленького роста; придумав высокие каблуки и нося высокий парик, он достиг того, что казался высоким; то же самое надо сказать о Людовике в нравственном отношении: Тюренн, Конде, Кольбер, Летелье, Лувуа, Корнель, Мольер, Расин, Лебрен, Перро и Пеже возвысили его до высоты своего гения, и Людовика XIV называли великим королем.

Но что особенно замечательно в этом продолжительном царствовании, так это единственная мысль, в нем господствовавшая. Была ли она следствием гения короля или темперамента человека? Будучи

неограниченным государем, преследовал ли он ее по расчету или покорялся ей по инстинкту? Этого никто сказать не может, этого, без сомнения, не знал и сам Людовик. Эта единственная мысль была единство правления...»

Вслед за Шапленом Перро вошел в королевский кабинет. Здесь членов Малой академии уже ждал Кольбер. Аббаты де Бурсе и Кассань присоединились к ним по дороге.

Король стоял у стены, завешенной тяжелым атласным с позолотой занавесом, в ряду мест подтянутым кистями, возле мягкого пуфа, изящные ножки которого были обтянуты атласным шелком. Кабинет украшали два широких камина и венецианские зеркала.

Людовик был без ливреи. Огромный кружевной воротник мягко облегал шею и падал на плечи. Искусно сшитый костюм подчеркивал все достоинства фигуры и скрывал недостатки. Никогда еще в глазах Перро мужской костюм не имел такой предельной ясности силуэта, такой графической четкости.

Король продолжал еще какое-то время говорить с Кольбером, потом последний сделал знак, чтобы гости приблизились.

Людовик величественно повернул красивую голову в высоком пышно завитом парике и одарил каждого из присутствующих улыбкой. Шарлю показалось, что король задержал на нем взгляд чуть дольше, чем на других, — но так казалось едва ли не каждому; это тоже было одно из достоинств короля.

Кольбер представил королю присутствующих. В «Мемуарах» спустя много лет Шарль Перро вспомнит слова, которые произнес тогда Людовик:

«Вы можете, господа, судить о моем уважении к вам уже потому, что я доверяю вам самую ценную для меня вещь — мою славу. Я уверен, что вы справитесь прекрасно; со своей стороны я постараюсь предоставить вам материал, который заслуживает того, чтобы с ним работали такие люди как вы».

...После этой встречи Шарль не раз встречался с королем. Он видел его в разной обстановке: и во время работы, и во время отдыха, игр или танцев. Во дворце и в театре, в зале и на воздухе, наедине и в группе. Но никогда больше у него не было такого ощущения счастья, как в этот день.

*

Шарль полностью отдался новой работе; его самолюбию льстило, что его слово значило теперь так много и одним росчерком пера он решал

иногда судьбы людей.

В своих «Мемуарах» он с гордостью вспоминал о том, что было сделано им в это время:

«...Медаль союза со швейцарцами.

В это время прибыли швейцарцы, чтобы обновить союз с Францией. По этому поводу нужно было сделать медаль, и именно этой работой занялась наша зарождающаяся Академия. Аббат де Бурсе принял здесь наибольшее участие.

Девиз для монсеньора дофина.

Через несколько дней Кольбер попросил сочинить девиз для монсеньора дофина, которому в то время было всего три-четыре года. Мне выпало счастье сочинить один, который был предпочтен всем прочим. Он был написан на знаменах полка монсеньора и на плащах его гвардейцев.

Редактирование произведений, написанных в честь короля.

Когда не было работы по заказу, Академия просматривала и редактировала сочинения (в стихах и в прозе), написанные во славу короля, чтобы подготовить их к печати в типографии Лувра. Из всего этого можно составить фолиант, и я сохранил рукописи этих трудов, которыми набиты два портфеля. Каждый из членов Малой академии со своей стороны также работал над личными произведениями о благодеяниях Его Величества».

В 1663 году Кольбер стал министром финансов. Все денежные средства теперь были в его руках, и свою политику по перестройке экономики страны ему стало проводить легче.

Во второй половине года Малая академия пополнилась: в нее был включен Шарпантье, о котором положительно отзывались Шаплен и аббат Бурсе.

1664 год

Став помощником Кольбера, Шарль Перро постепенно сосредоточил в своих руках немалую власть. Со временем он станет генеральным секретарем в Интендантстве королевских построек, фактическим руководителем Малой академии, государственным секретарем по культуре, будет контролировать работу мастерской гобеленов, участвовать в решении вопросов внешней политики.

Он много читает. На его столе лежат новые книги, все выходящие во Франции журналы. Он обязан просмотреть их, чтобы быть в курсе новейшей литературы. Тут и «Ежедневник нежных душ», и «Листок

влюбленных» — сборники романтических историй, принадлежавших перу некоей госпожи Виледье, «Духовная борьба», «Христианский дух», «Святой год» — сочинения разных авторов, номера журнала «Меркурий», «Французской газеты». И Перро все больше заботит засилье античных сюжетов, античных героев, античной морали.

В будущем он начнет решительную борьбу за новую французскую литературу со сторонниками классицизма — сторонниками застывших форм, заданных античной литературой. Но это в будущем. А пока что в Комитете литераторов он закладывает фундамент этой борьбы и внимательно следит за современными авторами — законодателями мод в сегодняшней французской литературе.

Корнель находится в зените своей славы. Он автор двадцати семи пьес, некоторые из которых — «Дон Санчо Арагонский», «Сид», «Медея», «Никомед», «Эдип» и другие — не сходят со сцены. Его преемник Жан Расин, к которому скоро перейдет скипетр короля трагедии, еще молод, но уже поражает изяществом слога. Жан Батист Мольер, десять лет назад стремительно ворвавшийся на сцену, ни на кого не похож: он создает новый жанр — современную французскую комедию. По своему таланту он не имеет предшественников и не будет иметь наследников. Лафонтен ухаживает за будущей королевой Франции госпожой Ментенон, которая пока еще далека от дворца. По временам он дарит ей свою новую басню — и таким образом начинается составление его собрания басен, остающихся образцом тонкого и благородного ума.

Бюсси-Рабютен написал «Любовную историю галлов» — одно из любопытнейших сочинений о любовных интригах той эпохи, за что был отправлен в Бастилию: в книге легко угадывались любовные приключения Людовика XIV. (Но Перро и другие члены Малой академии конечно же не были причастны к его аресту.) Франсуа де Ларошфуко только что издал свои «Мемуары» (1662) — они будут формировать мировоззрение нескольких поколений французов. Мари де Рабютен-Шанталь Севинье издает свои «Письма» — непревзойденный образец изощренности ума, изысканности языка и холодности чувств. Николя Буало-Депрео публикует свои первые «Сатиры» и начинает думать над созданием теории классицизма, горячим сторонником которого он останется всю жизнь.

В свете большинства этих имен имя Шарля Перро не различимо. У него еще все впереди.

Немало времени отнимал у Шарля Перро и такой специфический вид прикладного искусства, как гобелен. Он следит за развитием мануфактур и иногда лично делает рисунки для гобеленов.

Производство гобеленов имело давнюю традицию во Франции. Эти безворсовые ковры-картины украшали стены дворцов богачей и королевские покои. Название свое они получили по имени братьев Гобеленов, чья мастерская известна с 1440 года. Размещалась она в пригороде Парижа Сен-Мишель.

Кольбер решил превратить эту отрасль в важный источник доходов и разрешил вывозить гобелены за границу. Стали открываться новые мануфактуры. В 1662 году Кольбер купил мастерскую и учредил мануфактуру, которую назвал Королевской мануфактурой мебели: в ней первоначально наряду с коврами изготавливались мебель и другие изделия. Но затем здесь стали производить только гобелены. Возникли и другие ковровые мастерские. Затея Кольбера увенчалась полным успехом. Деньги потекли из-за границы рекой.

Гобелены XVII века, огромные по размеру, отличаются изысканным чувством цвета и пышным орнаментальным великолепием. Это одно из наиболее эффектных и изощренных созданий декоративного искусства Франции. Они ткались на ручных станках из цветной шерсти с добавлением шелка, а иногда золотых и серебряных нитей. Очень длительное по времени производство гобелена требовало высокого мастерства.

На коврах-картинах чаще всего запечатлевались подвиги и деяния короля. Даже сюжеты, почерпнутые из мифологии и античной истории, в аллегорической форме прославляли французскую монархию.

Шарль Перро писал в «Мемуарах»:

«...Кольбер попросил нас сделать зарисовки для гобеленов. Мы сделали их множество, среди которых был выбран гобелен, состоящий из четырех элементов, куда мы нашли возможность ввести много вещей, прославляющих короля. Поскольку эти гобелены можно видеть каждый день, а их эстампы с сопровождающими их комментариями составляют прекрасный том, я не буду больше говорить о них. Замечу только, что все девизы принадлежат мне. Делаю эту ремарку только для своих детей, никому другому я бы не стал об этом рассказывать. Кольберу было показано сорок восемь девизов для гобеленов: шестнадцать аббата де Бурсе, шестнадцать аббата Кассаня и шестнадцать моих. Все они были перемешаны для того, чтобы он мог выбрать, не зная, кто автор каждого. Он отобрал четырнадцать — они все принадлежали мне. Я был очень рад.

Затем Кольбер попросил показать два моих оставшихся девиза, и когда я их показал, он сказал: „Эти два мне тоже очень понравились, надо их присоединить к остальным, чтобы все были вашими“.

...Затем мы готовили рисунки и проекты обивочной ткани на тему времен года. Из шестнадцати украшающих ее девизов девять принадлежат мне. Я действительно имел талант к придумыванию девизов, и думаю, что за пятнадцать-шестнадцать лет я один их сочинил столько, сколько все остальные вместе взятые. В моих бумагах их можно найти целый сборник».

*

А между тем пришла весна. Король в честь своей фаворитки Луизы де Лавальер решил провести серию празднеств под романтическим названием «Удовольствия очарованного острова». Они должны были пройти в Версальских садах.

Для подготовки празднеств были привлечены лучшие творческие силы Франции. Знаменитый садовник Ле Нотр сделал необыкновенные перемены в еще девственных садах. Живописец Ле Брен написал роскошные полотна, архитекторы Ле Во и Мансар создали эскизы панорамы, которая должна была предстать глазам гостей. К участию в грандиозном празднике был привлечен и Мольер.

Сразу же по окончании праздника король принял решение построить здесь, в садах Версаля, свой новый загородный дворец. Его строительство началось в конце 1664 года и продолжалось несколько лет. Этот «памятник века» поглотил 165 миллионов 131 тысячу 484 ливра — сумму, которая бы на целый год сделала сытым весь бедный народ Франции...

Но и Лувр не был заброшен. Наоборот, король принял решение обновить его фасад и объявил конкурс на лучшее оформление фасада Лувра.

К тому времени Шарль Перро стал сюринтендантом королевских построек. Раньше других узнав о конкурсе, он в тот же день отправился к брату Клоду и, зная о его увлечении архитектурой, предложил ему принять участие в состязании, обещая свою помощь.

Шарль пришел не с пустыми руками. Он принес несколько книг по античной архитектуре с изображениями Афин и Рима.

— Странно, — задумчиво сказал Клод, просматривая рисунки. — Ты отобрал только один элемент построек...

— Верно, Клод. На всех рисунках ты видишь перистиль — колоннады, окружающие дворец или площадь. Именно этого и не хватает Лувру.

«Когда я сообщил брату идею перистиля, — пишет Шарль Перро в „Мемуарах“, — он ее одобрил и внес в проект, но еще и приукрасил, как мог только он».

Шарль, конечно, знал, что Клод дилетант и ему трудно тягаться с профессиональными архитекторами. Но ведь вел конкурс именно он, Шарль Перро, и он решил все сделать, чтобы заказ на перестройку фасада Лувра получил его брат.

Шарль Перро пишет далее в «Мемуарах»:

«...Этот проект, как и многие другие, был выставлен в зале, и было большим удовольствием слышать суждения о нем. Его находили прекрасным и замечательным, но не знали, кто его автор. Самые просвещенные в этом деле не могли назвать никого, кроме нескольких иностранцев, кто мог бы сделать такой чистый и такой правильный проект. Кольбер, хотя и довольный проектом вашего дяди^[2], не думал, что все это нужно оставлять так, как есть. Он ничего не хотел упускать в этом деле и решил узнать мнение самых лучших итальянских архитекторов и пригласить их сделать свои проекты. Были сделаны копии проекта Ле Во, которые были посланы в Рим Пуссэну, лучшему королевскому художнику того времени. Кольбер попросил меня составить ему письмо, и вот оно:

„Монсеньор, этим письмом мы выражаем признание нашим королем ваших заслуг. Его Величество решил послать в Рим планы и проекции своего дворца Лувра, чтобы получить мнение самых знаменитых итальянских архитекторов, а поскольку в этом деле необходим способный и умный консультант, то он счел наилучшим передать это дело в Ваши руки. Он не только считает Вас совершенным знатоком живописи и архитектуры, но и, учитывая Ваше долгое пребывание в Риме и дружбу с высочайшими людьми, полагает, что никто кроме Вас не сможет лучше исполнить эту просьбу. Думаю, что планы, проекции и сопровождающие их комментарии будут достаточны для Вашего осведомления в этом деле. Я надеюсь, что перед тем, как собрать всех вместе, будет благоразумно показать каждому в отдельности проекты и зарисовки, чтобы у них было время создать свое личное мнение, получив таким образом разнообразие идей, а также чтобы каждый мог насладиться славой своего изобретения, не боясь упреков, что кто-то ему помог. Затем было бы хорошо их собрать, чтобы одобрить или критиковать те или иные замыслы, и определить, в какую сторону склонится мнение Ассамблеи и что будет одобрено большинством. Я не ограничиваю Вас в количестве тех, кого Вы предложите: нужно только

следить за тем, чтобы дело не затянулось, то есть не привлекать совершенно посторонних архитектуре людей, но с другой стороны, не забыть о тех, кто хорошо известен, как сеньоры Кортоне, Ареветти, кавалер Бернэн и некоторые другие. Попросите их письменно изложить свои мнения (что, я думаю, они с удовольствием сделают). Но особенно нужно им дать понять, что если они будут осуждать тот или иной момент в посланных им проектах, то указывать обязательно основание, подкрепляя архитектурными или другими соображениями. Вот так, я думаю, должно произойти; тем не менее, поскольку могут возникнуть непредвиденные сложности, я полностью доверяю Вашей интуиции: ведь речь идет об усовершенствовании одного из красивейших зданий мира, его соответствии величию короля, который будет там жить. Не сомневаюсь, монсеньор, что Вы изберете правильный порядок решения этого сложного вопроса.

Его Величество особенно любит живопись и скульптуру и считает, что именно эти виды искусства должны особенно работать в его честь и оставить его имя для потомков. Несколько лет назад он образовал в Париже Академию живописи и скульптуры, обеспечил профессоров для образования молодежи, назначил стипендии студентам. Здесь учатся многообещающие молодые люди. Но поскольку кажется необходимым для молодых людей Вашей профессии пробывать некоторое время в Риме, чтобы сформировать свой вкус и манеру, учась у самых великих мастеров современности, а часто бывает так, что самым талантливым не хватает средств на поездку в Рим, Его Величество решил посылать туда ежегодно определенное количество молодых людей, которых отберет Академия. Его Величество считает также, что для развития этих молодых людей необходимо руководство прекрасного мастера, который бы направлял их в своей учебе, прививал хороший вкус, и Его Величество выбрал Вас. С этой целью он и поручил мне отправить Вам сумму в 1200 экю. Вот что поручил мне написать Вам Его Величество. Я очень рад, что король оказал Вам такую честь“.

Это письмо, которое должен был подписать Кольбер, не было отправлено, и я никогда не узнаю почему. Проект был отправлен и изучен всеми знаменитостями архитектуры, которые прислали и свои эскизы. Но все они были странными, не имея строгой архитектурной красоты».

Когда выяснилось, что один из проектов принадлежит Клоду Перро, Кольбер пришел в восторг. Шарль Перро вспоминает:

«...Кольбер был очарован. Он не понимал, как мог человек, не архитектор по профессии, сделать такой прекрасный проект. Этот проект, выполненный в геометрическом и перспективном изображениях, находился

в простых деревянных оправках в большом шкафу».

В конце концов, как и предполагал Шарль, именно проект Клода Перро победил в конкурсе.

...А между тем дела любимого старшего брата Шарля, Пьера Перро, обстояли из рук вон плохо. В этом году он потерял все свое состояние и оказался в жестокой опале, и никакие попытки Шарля уговорить Кольбера простить брата не удались. Вот что писал Шарль в «Мемуарах»:

«...Я забыл вам рассказать, как мой брат, главный сборщик финансов в Париже, был отстранен от должности и что мы сделали (но безуспешно), чтобы вернуть к нему доброе расположение Кольбера...

Мой брат, долгое время пробывший приказчиком по разовым делам, купил должность главного сборщика... Он пробыл в этой должности десять лет, с 1654 по 1664 год. Все это время поступления были настолько трудными, что в начале 1654 года брат оказался в опережении на 400 тысяч ливров, что произошло, в частности, потому, что король отдал народу все, что должно было быть остатками подати за эти десять лет; замечательная новость, если бы она не делалась в ущерб главным сборщикам, которым принадлежали эти остатки. Фуке, бывший в то время суперинтендантом, не делал и не сделал ничего для возмещения остатков, бесплатно отданных народу. Поэтому, когда на место Фуке был назначен Кольбер, весь Париж, особенно деловые люди, приходили к брату с поздравлениями, так как знали об их старой дружбе (брата и Кольбера). Однако продвижение Кольбера по службе стало полным крахом моего брата. Складывалось впечатление, что авторитет честного человека, который Кольбер хотел создать себе у короля, привел к тому, что он создавал для брата трудности, каких не создавал ни для кого другого.

Так как брат подвергался страшным гонениям теми, кому был должен, то он рассчитывал, что в ходе 1664 года сможет собрать деньги, чтобы вернуть самые неотложные долги. Но Кольбер, строго следивший за порядком и правилами уплаты в королевскую сокровищницу, был предупрежден Оливье, привратником, о том, что мой брат не заплатил сполна, и захотел узнать причину. Кольбер вызвал меня и самым дружеским тоном спросил: „Почему ваш брат не вносит плату, как было условлено? Я недоволен этим беспорядком“. Я ответил, что очень удивлен, так как уже не знаком с делами брата, и что я сейчас же пойду искать его, чтобы поставить его в известность; что я прошу, однако, проявлять к брату такое же доброе расположение, как и раньше. Затем я вернулся к Кольберу рассказать то, что узнал от брата, сказав, что он сейчас оказался в таком положении потому, что ему не вернули фонд остатков. Получив такой ответ,

Кольбер на следующий же день продал место главного сборщика Соннэну за гораздо меньшую плату, чем оно стоило и чем покупал его брат. В тот же день он поручил интенданту по финансам Морэну, чтобы мой брат сделал отчет о своей работе за эти годы. Все это происходило в чрезвычайно сложной обстановке и сильно испугало всех финансистов. Во время ходатайств брата перед Кольбером тот ему сказал: „Пусть ваш брат говорит со мной о ваших делах“. На следующее утро я пришел в его кабинет и сказал, что, конечно, мой брат был не прав, беря средства текущего года для погашения долга предыдущих лет, но что ошибку эту можно исправить, что он боится попасть в долговую тюрьму, что все это причиняет смертельную боль его жене и семье, что ему, по правде говоря, задолжал большие суммы король, и если бы они были ему возвращены, этого несчастья не произошло бы. Я долго убеждал его, приводя разные доводы, но все это не понравилось Кольберу, и он посоветовал мне заниматься своим делом и подумать, смогу ли я дальше работать в строительной службе, и если я этого хочу, то не говорить с ним более о делах брата. Я ответил, что нет у меня иного выхода, чем замолчать и полностью подчиниться его воле. Брат после этого разговора еще долго обращался с просьбами, давая всяческие разъяснения, вплоть до того, что, по его подсчетам, король ему должен более 300 тысяч ливров. Во время всех этих хлопот Кольбер вновь сказал брату, чтобы я пришел поговорить. Когда я к нему явился, он сказал мне: „Ваш брат очень умный человек, я давно его знаю, и он знает, что я его старый друг. Но эта проделка, которую он сделал...“ Я спросил, о чем это он. „О том, что он деньгами этого года наполовину погасил старые долги, а теперь требует их полностью вернуть“. — „Как! — вскричал я. — Можете ли вы думать такое о человеке, которого давно знаете и называете другом? Мой брат перенесет бедность, но не вынесет, если в ваших глазах прослывет нечестным человеком!“ Я ушел.

Затем у меня еще были беседы с Кольбером, которые не привели ни к чему кроме того, что он закрыл мне рот, как уже было однажды. Наконец я попросил его дать брату хотя бы мелкое поручение, чтобы он смог существовать. Но брат остался ни с чем».

...20 декабря 1664 года завершился наконец процесс над Фуке. Палата правосудия вынесла вердикт: пожизненное изгнание с конфискацией имущества. Король же, сославшись на то, что Фуке известны государственные тайны, заменил изгнание пожизненным заключением...

Сохранился портрет Шарля Перро, написанный в 1665 году. Гравюра Банде по рисунку Ле Бруна. С портрета смотрит на нас чрезвычайно сильная личность. У Перро твердый, несколько надменный взгляд. Он полон решительности и силы.

Парика нет. У него свои густые волосы до плеч, завитые внизу широкими кольцами. Брови широкие, кустистые. Две глубокие складки между бровей. Еще две ярко очерченные складки у носа спускаются вниз. Нос прямой, полный, с широкими ноздрями. Изящные, ровно подстриженные усики. Подбородок острый, губы твердо сжаты.

На Шарле дорогой камзол. От горла к груди спускается накрахмаленный воротник.

Перро изображен вполоборота. Портрет заключен в овал, по которому идут крупные буквы: «Шарль Перро, консультант короля, генерал-контролер построек».

Это далеко не все его должности. Диапазон деятельности Шарля очень широк, и братья восхищаются его восхождением по лестнице власти. Когда после очередной неудачи в разговоре с Кольбером о делах Пьера все братья встретились, чтобы обсудить положение, Пьер, услышав, что Шарль хочет без приглашения сам идти к Кольберу и поговорить с ним на высоких тонах, сказал ему:

— Не надо, брат! Ты сейчас в фаворе, тебя любит Кольбер, к тебе благоволит король. Но знаешь ли ты, как шатко положение фаворита? Знаешь ли ты, сколько своих бывших любимцев, не моргнув глазом, погубил король?

Пьера поддержал Клод:

— Слыхал ли ты об изгнании Барада и Сен-Симона, о пострижении мадемуазель де Лафайет, о позоре госпожи д'Отфор, о мучительной смерти де Шале, почти ребенка? Все они исчезли, словно подхваченные порывом ветра по приказанию, которое Ришелье дал своему властелину. Без королевской милости их жизнь протекала бы мирно. Милость же эта таит в себе смерть, она — яд! Посмотри на ковер с изображением Семелы. Фаворитки Людовика XIV подобны этой женщине: расположение короля так же губительно, как огонь, который слепит, поражает ее.

И Шарль вспомнил, что Семела — в древнегреческой мифологии дочь фиванского царя Кадма и возлюбленная Зевса — пожелала однажды увидеть своего возлюбленного не в том виде, в каком он обычно являлся, но во всем величии бога. И Зевс выполнил ее просьбу: явился в сверкании молний, которые и испепелили Семелу.

Потом вновь заговорил Пьер. Говорил он взволнованно, отрывистыми

фразами, отговаривая брата от похода к Кольберу. Чувствовалось, что каждое слово с трудом дается ему:

— Тебе не удастся спасти меня. На моем примере Кольбер хочет напугать всех сборщиков налогов. Но так же безжалостно он может покарать и тебя!

— А ты нам нужен во дворце! — заключил Клод.

Братья были, конечно, правы. И очень скоро Клод почувствовал это на себе.

Вопрос об архитекторе, который будет строить галерею Лувра, все еще не был решен. Осторожный Кольбер согласился пригласить во Францию знаменитого итальянского архитектора кавалера Бернена, которого настоятельно рекомендовал аббат Бенедетта. От имени короля 11 апреля Бернену было послано письмо следующего содержания:

«Сеньор кавалер Бернен!

Я так ценю Ваши заслуги, что имею большое желание увидеть и познакомиться с таким известным человеком. Именно поэтому я посылаю специального курьера и прошу Вас доставить мне удовольствие прибыть во Францию, воспользовавшись приятным случаем возвращения моего кузена, герцога де Креки, который более подробно познакомит Вас с тем, почему я хочу с вами встретиться. Дай Бог Вам здоровья, да хранит Вас Господь».

Это был опасный соперник. Чтобы удержать место за братом, Перро, генеральный контролер построек, должен был употребить все свое влияние.

В «Мемуарах» он подробно рассказал о том, как боролся с Берненом:

«...Почести, оказанные Бернену, были просто невероятны. Во всех городах, через которые он проезжал, офицерам было приказано его приветствовать и подносить подарки от имени города. Когда он подъезжал к Парижу, ему навстречу выехал сеньор де Шантелю, метрдотель Его Величества, чтобы сопровождать его повсюду. Шантелю был выбран потому, что он очень хорошо знал итальянский язык, бывал в Италии и дружил с Берненом.

Сначала Бернена поселили в отеле „Фронтенак“, который был меблирован специально для него и его сына. Кухней и обслуживанием занимались офицеры, специально для этого выделенные. 4 июня 1665 года, в день праздника „Тела Господня“, он предстал перед королем и был принят так хорошо, как нельзя себе представить. Свои чертежи и проекты он поместил в кабинет, куда кроме него входили лишь Кольбер и Шантелю.

Примерно через две недели Фосье, отвечающий за поставку кавалеру

всего необходимого для работы, сказал мне, что может показать работы кавалера. Я согласился. На следующий день Кольбер спросил, видел ли я его проекты. В этот момент я принял решение не говорить об этом. Уверяю, что это был первый и последний раз, когда я не сказал правды Кольберу.

— Это нечто очень сильное, — сказал Кольбер.

— Наверное, есть отдельные колонны во всю стену? — спросил я.

— Нет, — ответил он, — колонны занимают одну треть стены.

— Дверь очень большая? — спросил я вновь.

— Нет, — сказал Кольбер, — она не больше, чем дверь в кухонном дворе.

Я еще задал ему несколько подобных вопросов, которыми хотел показать, что кавалер Верней впал в те же ошибки, за которые упрекали Ле Во и других архитекторов; делал я это с намерением показать, что не видел проекты кавалера. Таким образом их критика оказывалась сильнее, чем если бы я их видел».

Продолжим далее рассказ Шарля Перро, который в его «Мемуарах» подразделяется на отдельные главки.

«Бюст короля, выполненный Берненом

С момента прибытия кавалер предложил сделать бюст короля. Ему принесли самый красивый кусок мрамора, который можно было найти. Он работал сразу по мрамору и не делал глиняной модели, как привыкли поступать все скульпторы, а довольствовался лишь тем, что зарисовал два-три профиля короля пастелью.

Но прежде опишу вам портрет кавалера Бернена. Он немного выше среднего роста с приятным выражением лица и внушительным обликом. Его преклонный возраст и огромный авторитет вызвали к нему еще больше доверия. У него был живой, блестящий ум и огромное умение показать себя с самой выгодной стороны. Он был очень говорлив, речь его была витиеватой. Это был хороший скульптор, но он сделал такую жалкую конную статую короля, что король приказал заменить в ней свою голову на голову какого-то античного полководца. Это был посредственный архитектор, хотя он чрезвычайно ценил себя именно как архитектора. Он признавал только произведения и художников своей страны. Он все время цитировал Микеланджело, и часто от него слышали фразу: „Как сказал бы Микеланджело Буонарроти“.

Королю не понадобилось много времени, чтобы заметить, что он мало что хвалил. Когда король сказал об этом аббату Бутти, большому поклоннику кавалера, тот имел смелость ответить, что эти слухи

распространяет Ле Брен, поскольку кавалер не ценил его произведения, которые действительно ничего из себя не представляли.

Вернемся к бюсту короля. Кавалеру он удался, хотя в нем были некоторые недостатки. Лоб был слишком узок и что-то портил в красивом лице короля. Варэн заметил это первым или, по крайней мере, первым осмелился об этом сказать. Нос был слишком сдавленным.

Во время работы над бюстом у кавалера имелось все для того, чтобы осуществить свой проект фасада Лувра. Бернен вызвал из Италии каменщиков. Они построили две стены в 5–6 футов высотой, на которых возвели арку той же конструкции, что и стены. Наши строители возвели стены той же высоты и сделали арку такой же формы, как у итальянцев, из того же материала, но употребленного так, как это делают во Франции.

Когда наступила зима, арка итальянцев рухнула при первом же заморозке, а французская осталась на месте и стала еще прочнее. Каменщики были очень удивлены и сказали в свое оправдание, что во всем виноваты заморозки, как будто тот факт, что зимой могут быть заморозки, представляет собой что-то необычное.

Поскольку проект кавалера Бернена никуда не годился и осуществить его значило бы опозорить Францию, я записал некоторые из его ляпсусов и послал эти записки Кольберу, который был в то время в Сен-Жермене. Получив их и приехав в Париж, он пошел со мною в сад. Кольбер даже пожертвовал аудиенцией, чтобы поговорить со мной.

— Я был очень удивлен теми записями, которые вы мне прислали; это действительно так? Вы хорошо все изучили?

— Я не думаю даже, что я подметил все, — ответил я, — но прошу прощения за вольность.

— Вы хорошо сделали, — сказал Кольбер, — продолжайте, ведь это очень важно. Я не понимаю, — добавил он, — как этот человек может предлагать проект, в котором столько недостатков?

С этого момента Кольбер понял, что ошибся, когда выбрал кавалера. Но он продолжал его поддерживать, считал, что, может быть, вновь выведет его на правильный путь и, указав ему на его ошибки, сделает ему добро. Но он еще плохо знал кавалера.

Впрочем, трудно найти более противоположных друг другу людей, чем Кольбер и Бернен. Кавалер не вникал в детали, думал лишь об огромных залах для комедий и развлечений и совершенно не заботился о необходимых помещениях, о тех бесчисленных мелочах, которые требуют вдумчивости и старания, чего не было и не могло быть у кавалера, живого и неусидчивого по своей природе. Одним словом, я убежден, что в области

архитектуры ему удавались лишь украшения и механизмы для театральных действий.

Кольбер, напротив, старался вникнуть в детали. Он хотел видеть, где и как будет жить король, как будет осуществляться его обслуживание. Он был убежден, и не без основания, что нужно не только позаботиться о том, чтобы хорошо разместить короля и всю его свиту, но и предоставить удобные помещения для всех офицеров, даже младших по званию, которые не менее необходимы, чем самые высокие чины. Он заставлял замечать и записывать все, что нужно заметить в строительстве всех этих помещений, и чрезвычайно надоедал кавалеру своими записями; кавалер же ничего и ни о чем не хотел слышать, считая недостойным для такого великого архитектора, как он, вдаваться в такие мелочи. Он жаловался г-ну Шантенелю и при этом не очень уважительно отзывался о Кольбере.

— Господин Кольбер, — говорил он, — принимает меня за маленького мальчика (эти выражения взяты из дневника Шантенеля, который попал ко мне после его смерти). Он ведет бесполезные речи о том, в чем сам не смыслит.

Если кавалер был недоволен Кольбером, то Кольбер, в свою очередь, не был удовлетворен кавалером, хотя он и не показывал этого и отзывался о нем всегда с необычайной почтительностью. Но случилась одна вещь, которая открыла мне глаза на это и показала, что это за страна — королевский двор.

Однажды Кольбер сказал кавалеру Бернену: „Мы строим здание, которое будет стоить десятки миллионов, но это неважно. Король никогда об этом не пожалеет, если оно будет таким, каким надеется его увидеть Его Величество. Однако я хочу заметить, что если мы не примем сейчас все необходимые меры, то окажется, что в этом здании, где будут танцзалы, залы для комедий, громадные салоны, прекрасные галереи и все то, что делает дворец величественным, король вынужден будет спать в такой маленькой комнатке, что и половина сеньоров и офицеров, имеющих право входа туда, не смогут там поместиться. Конечно, это было бы для нас большим недостатком. Надо учитывать прежде всего то, что Лувр является зимней резиденцией, поскольку в остальное время года король может жить в других, загородных королевских резиденциях; в то же время нужно, чтобы апартаменты короля выходили на юг, то есть на реку. Нужно также запомнить, что спальню Его Величества нужно располагать только в павильоне, которым заканчивается крыло, выходящее на реку. Потому что если делать апартаменты короля в передней части фасада, то там будет слышен грохот колясок и повозок. Если же отвести еще необходимое место

для церемониального зала, то для спальни останется такая маленькая комната, что, как я уже говорил, там не поместится и половина тех, кто должен туда войти“.

Кавалер пообещал, что подумает над тем, как устранить это неудобство. Три дня спустя он принес проект на ассамблею, собравшуюся обсудить вопросы строительства (на ней присутствовали Кольбер, де Шамбре, брат господина Шантелю, и я). Кавалер прижимал проект к животу. Обращаясь к Кольберу, он сказал, что убежден в том, что его вдохновили ангелы, что он откровенно признает себя неспособным дойти до такой прекрасной, великой и счастливой вещи, которая пришла к нему в глубоком размышлении. Он говорил таким загробным голосом, что, казалось, только что поднялся из глубин ада.

Наконец после пространной речи, которая могла бы вывести из терпения самого спокойного человека, он показал нам свой проект. Этой глубочайшей мыслью было не что иное, как маленький кусочек бумаги, наклеенный на другой чертеж павильона Лувра, выходящего на реку. Желтым цветом он отметил внесенные изменения, хотя, должен признать, и очень значительные на первый взгляд. Кольбер, казалось, вполне одобрил эту мысль и долго его хвалил. Я стоял рядом с Кольбером и не смог удержаться от того, чтобы не сказать ему тихонько, что осуществить эту идею можно, лишь разрушив весь павильон и даже три других, симметричных ему, а об этом давно было условлено даже не думать. Кавалер, который, очевидно, был задет моей дерзостью, стал возмущаться и требовать, чтобы мои слова были произнесены вслух. Напрасно Кольбер убеждал его, что мои слова не стоят того; кавалер настаивал и дошел даже до того, что если ему не повторят то, что я сказал, то он немедленно покинет это благородное собрание. Кольберу пришлось изложить суть моего высказывания. Кавалер, не отвечая на него, гордо сказал, что ясно видит, что я не специалист в области архитектуры и не смею высказывать свои суждения о том, в чем ничего не смыслю. Кольбер ответил, что он прав и не надо придавать моим словам значения. В общем, я оказался самым несведущим человеком. Проект был одобрен, и после беседы на другую тему, все расстались. Кавалер вернулся к себе, а Кольбер поднялся в свои апартаменты, находящиеся в Лувре. Я последовал за ним и, проходя по коридору, извинился за то, что позволил себе высказаться о проекте кавалера.

— Вы думаете, — гневно и возмущенно сказал Кольбер, — что я не вижу этого так же хорошо, как и вы?

Я был очень удивлен и благодарил в этот момент Господа за то, что он

так ясно показал мне, что такое двор и каковы его нравы.

После того как проекты кавалера, казалось, достаточно были изучены, был назначен день для закладки первого камня фундамента главного фасада Лувра. Король очень хотел сделать это самолично. Вот как произошла эта церемония.

Закладка первого камня

Камень, который заложил король, был тщательно обработан. В верхней выемке были положены медаль и табличка с надписью так, чтобы камень, который ляжет сверху, не соприкасался ни с медалью, ни с табличкой. У верхнего камня, в свою очередь, была нижняя выемка, которая должна была совпасть с выемкой нижнего камня. Пластинка с надписью была медная, медаль — из золота; на одной ее стороне было изображение самого короля, а на другой — проект кавалера Бернена. Она стоила 100 луидоров.

На золотой пластинке надпись гласила: „Людовик Четырнадцатый, король Французский и Наваррский, разбив всех своих врагов, принес мир Европе и, утешив народы, решил закончить королевский дворец Лувр, начатый Франсуа Первым и затем продолженный другими королями. Некоторое время строительство шло по прежнему плану; но был разработан новый проект, более значительный и прекрасный, по которому и будет осуществляться дальнейшее строительство. Здесь заложен фундамент этого великолепного здания 17 октября“.

В сопровождении свиты офицеров прибыл Кольбер. Затем в сопровождении дворцовой знати прибыл Его Величество. Заложив камень, он принял из рук сеньора Вильде (главного управляющего строительством) молоток и два или три раза ударил им по камню.

Медаль и табличка были показаны королю. Его Величество положил их в выемку, и сверху был положен второй камень. Его Величество ретировался, приказав выдать 100 пистолей рабочим, чтобы те могли выпить по рюмочке. Прозвенели фанфары в честь отбытия короля. Суперинтендант и офицеры сопровождали его до выхода».

И после закладки первого камня Шарль Перро продолжал борьбу с кавалером Берненом. Вот что рассказывает он в своих «Мемуарах»:

«Ссора с кавалером

Однажды, когда я был в мастерской Бернена, где он ретушировал бюст короля, я решил изучить проект фасада Лувра со стороны реки, который

господин Матиас, ученик кавалера, переписывал начисто. Заметив, что обе стороны не совпадают, я спросил об этом у господина Матиаса. Кавалер услышал меня и вдруг пришел в ярость и наговорил мне кучу отвратительных вещей и, кроме всего прочего, то, что я даже не достоин развязать шнурок его ботинка. Позволив ему выпустить пар, я, насколько мог уважительно и спокойно, сказал, что я не претендую на какие-либо изменения в его проекте, но, имея честь быть первым приказчиком по строительству, считаю возможным справиться у его ученика о том, чего не знаю, и что, сталкиваясь ежедневно с тысячью вопросов по строительству, я уже в состоянии кое в чем разобраться. То, что я сказал ему, было так благоразумно, что его гнев несколько смягчился; тем не менее он продолжал возмущаться, обещая пожаловаться самому королю. Я так и не узнал, почему он не сказал об этом ни королю, ни Кольберу. Шантелю записал в своем журнале, что именно он помешал кавалеру пожаловаться, сказав ему якобы, что тем самым он разрушит судьбу молодого человека. Мне же он сказал, что было бы лучше ничего не говорить о проекте кавалера, но что бояться мне нечего; кавалер достаточно умный человек, чтобы не делать скандала при таком стечении обстоятельств.

Когда работа над фундаментом фасада Лувра по проекту кавалера Бернена была в полном разгаре, он попросил разрешения вернуться домой, не решаясь провести зиму в таком суровом климате, как у нас. Накануне его отъезда я сам, чтобы оказать ему больше чести, принес ему в трех мешочках 3 тысячи луидоров, а также документ на 12 тысяч ливров годового пособия и 1200 ливров для его сына.

Граф Сольт сказал, что кавалер был очень доволен подарком, преподнесенным ему от имени короля. Однако Кольбер заметил, что ему не показалось, будто кавалер особенно тронут вознаграждением. По его словам, король был того же мнения.

Король приезжает в Лувр для решения вопроса о продолжении строительства по проекту Бернена

Кольберу все больше не нравился проект Бернена, чему немало способствовали мои замечания. Он захотел, чтобы король, находящийся в Сен-Жермене, приехал в Париж и посмотрел модель проекта, который был закончен благодаря большим затратам и заботам, и чтобы Его Величество решил судьбу его осуществления в присутствии всего двора. Накануне дня, назначенного для принятия решения, я положил на стол Кольбера записку с доводами в пользу того, почему нельзя осуществить реализацию этого проекта. Прочитав ее, Кольбер вызвал меня, чтобы прояснить все пункты

этой записки. Он так углубился в разбор всех недочетов, которые я подметил, что сильно задержался и испугался, как бы король не прибыл в Лувр раньше, чем он, и в присутствии всего двора не принял бы решения об осуществлении этого проекта до его (Кольбера) прибытия. Он приказал немедленно запрячь лошадей и велел кучеру как можно скорее ехать в Лувр. Он был очень рад, узнав, что король еще не приехал.

Как только Его Величество прибыл, Кольбер подошел к нему, и они начали тихо разговаривать продолжительное время. Очевидно, Кольбер представлял королю основные недоразумения проекта кавалера, так как после того как король присоединился к сеньорам двора, которые были поодаль во время его разговора с Кольбером, он спросил их мнения по поводу проекта кавалера, модели которого в уменьшенном и увеличенном виде были перед ними. При этом король не показывал склонности ни в ту, ни в другую сторону, что, конечно, очень их смутило, поскольку они привыкли почти всегда выражать мнение короля. Опасаясь, что их мнение не совпадет с мнением короля, придворные высказывались уклончиво, не говоря ни „да“, ни „нет“. Однако поскольку кавалера не очень-то любили, они склонялись больше к критике, чем к похвале.

Король так и не высказал своего мнения и после неопределенной и туманной беседы с сеньорами уехал, ничего не решив. Все молча за ним последовали. Это молчание показалось мне таким же удивительным, как и то, что я увидел после.

Я подготовил доклад для Кольбера, в котором написал, что Бернену ничего не было обещано в том случае, если он разрушит созданное его предшественниками, и что это было основным условием договора с ним, иначе Бернен разрушил бы Лувр полностью. Между тем то, что он предлагал, грозило именно разрушением Лувра.

Записка была очень решительной и резкой. Кольбер, вызвав меня, спросил, хорошо ли я уверен в том, что изложил в записке.

— Монсеньор, — ответил я ему, — все действительно обстоит так, сеньор Матиас полностью со всем согласен.

Кольбер приказал привести Матиаса и показал ему мою записку. Я привел Матиаса в свой кабинет, и он карандашом одобрил все пункты моего доклада. Затем я отвел его в кабинет Кольбера, которому он устно выразил свое согласие со всеми замечаниями. Кольбер довольно долго молча ходил по кабинету. Это испугало меня больше, чем все слова, которые я когда-либо от него слышал. Наконец он заговорил в таком роде:

— Кавалер Бернен считает себя великим человеком, а нас принимает за больших дураков; но он ошибся как в первом, так и во втором случае.

Сеньор Матиас был щедро вознагражден и сразу уехал, так что с тех пор никто не мог поговорить ни с ним, ни с кавалером Берненом касательно здания Лувра».

А вот как описывает Шарль Перро в тех же «Мемуарах» победу в конкурсе проекта своего брата Пьера:

«Хотя Кольберу очень импонировал проект моего брата медика, он не мог не позволить сделать проект и господину Ле Во. После чего оба проекта были представлены королю, чтобы тот сам выбрал лучший.

Я присутствовал при представлении этих проектов. Это было в маленьком кабинете короля в Сен-Жермене; были лишь Его Величество, капитан гвардейцев, Кольбер и я. Король очень внимательно изучил оба проекта, а затем обратился с вопросом к Кольберу, какой из двух он считает более красивым и более достойным. Кольбер ответил, что если бы он был хозяином, то выбрал бы тот, в котором нет галереи (тогда еще не дали названия „перистиль“ этим рядам колонн, которые, поставленные вдоль всего здания, образуют нечто вроде галереи, связывающей все комнаты апартаментов). Это был проект Ле Во, что меня сильно удивило. Но он еще не успел высказаться за этот проект, как король сказал: „А я выбираю второй, он мне кажется более красивым и более величественным“. И я увидел, что Кольбер действовал очень искусно, предоставив честь выбора самому хозяину. Может быть, это была и игра, сыгранная королем и им. Как бы там ни было, дело обстояло именно так.

Хотя Кольбер и знал о способностях моего брата в архитектуре, он все же сомневался в осуществлении его проекта. Ему казалось странным отдать предпочтение медику перед самыми известными мастерами. В Париже это решение вызвало зависть грандов архитектуры, и появились злые шутки о том, что архитектура, должно быть, серьезно больна, раз ее доверили рукам медиков...

Я предложил Кольберу создать Совет по строительству, в который вошли бы Ле Во, имеющий тридцатилетний опыт, Ле Брен, знаток всех искусств, в том числе и архитектуры, и мой брат, имеющий такую способность и талант к архитектуре. Мне выпала честь быть секретарем совета, и я завел журнал, куда записывал все принимаемые решения. Совет заседал два раза в неделю. В журнале моем множество любопытных и полезных вещей для любителей архитектуры. Так как моему брату почти всегда противоречили Ле Во и Ле Брен, то он был вынужден постоянно готовить сообщения, с которыми выступал на следующих заседаниях. У

меня есть их оригиналы, которые я с удовольствием храню. На самом деле Ле Во и Ле Брен и не могли одобрить проект брата. Они говорили, что он хорош лишь на рисунке и очень плохо будет выглядеть при исполнении из-за большой глубины перистиля (12 фунтов). Но брат так хорошо все продумал, что построенное по его проекту здание не знает себе равных по прочности. Во всех античных произведениях нет подобной смелости и красоты.

Наша сдержанность в обнаружении того факта, что автором осуществляемого проекта является мой брат, придала смелость Дорбею, ученику Ле Во, заявившему, будто автором проекта является его учитель. Это ужасная клевета, поскольку именно Дорбей начисто переписывал проект Ле Во, который был предложен королю и которому был предпочтен проект моего брата. Ни от меня, ни от брата не зависело то, что Ле Во не выпала честь изобрести тот проект, который был осуществлен. Я десятки раз предлагал Дорбею сделать перистиль на главном фасаде Лувра, рисовал ему план, но он не только не соглашался со мной, но ничего не говорил об этом своему учителю. Мы, я и мой брат, так любили мир и согласие, что нет ничего, чего бы мы ни сделали для сохранения естественного хода событий, а именно, чтобы первый архитектор короля готовил проекты всего того, что строится для Его Величества.

Чтобы разрешить все сомнения Кольбера по поводу строительства этого здания, я предложил ему сделать малую модель перистиля из того же количества мелких камней (и того же размера), которое понадобится для его изготовления в натуральную величину. Когда модель была закончена, Кольбер окончательно убедился в прочности и крепости произведения».

*

На гравюре того времени Кольбер изображен в виде гиганта — Атланта, который держит на плечах земной шар.

В самом деле, он поставил перед собой задачу гигантскую — реформировать французское общество в интересах государства.

Посетивший Францию в июле-августе 1664 года кардинал Киджи, один из членов папского посольства, писал о нем:

«Он встряхнул все государство, и если бы все его замыслы осуществились, он бы все переменял путем реформы, столь же выгодной для короля, сколь и пагубной для частных лиц. Поэтому своей политикой он нажил себе много врагов».

Но гигантское дело реформирования государства Кольбер один не мог бы провести. Ему нужны были деятельные, решительные и смелые помощники. Одним из них и стал Шарль Перро.

Хорошие помощники тем более были нужны, что в декабре 1665 года Кольбер был назначен единственным контролером финансов. (Ранее имелись два генеральных контролера. Должность одного была по этому случаю выкуплена государством.) Впервые он занял в финансовом аппарате должность, равную министру финансов.

А планы Кольбера по преобразованию экономики Франции постепенно становятся реальностью.

Корабли Вест-Индской компании бороздят просторы Атлантического океана и Карибского моря, начинают вытеснять голландцев с этих торговых путей. Под предлогом чумы в Амстердаме запрещено принимать на островах голландские суда.

Строится флот. Новые, прекрасно оснащенные корабли служат Ост-Индской и Вест-Индской компаниям. Ведется успешная борьба с берберскими пиратами. Улучшаются условия торгового мореплавания на Средиземном море.

Реорганизуется Совет коммерции. Теперь он должен думать об обогащении не феодалов, а государства!

Основана Компания по производству шерстяных чулок. Она должна внедрить их производство на заимствованных у Англии чулочных станках.

Основана Компания лондонской саржи с центром в Омане.

При поддержке Кольбера происходит техническое усовершенствование ткацкого станка, что помогает развитию ткацкого производства и вытеснению иностранных тканей.

В городе Аласоне основана школа, где молодые французские мастерицы обучаются искусству гипюра. Вскоре аласонские гипюры, получившие название французских кружев, вытесняют фламандские и итальянские изделия.

Казначейство Франции распущено. Вместо него введены генеральства. Каждое из них имеет закрепленного за ним интенданта, который подчиняется непосредственно Кольберу.

И все это — в 1665 году! И почти в каждом из этих мероприятий самое активное участие принимает Шарль Перро.

Как государственный секретарь по культуре он внимательно следит и за писателями, сожалея, что у самого нет времени взяться за перо. Он замечает, как расцветает талант Жана Расина — в 1665 году тот пишет пьесу «Александр». Эта пьеса поставлена труппой Мольера в Пале-Рояле.

Начиная с 1665 года сам Мольер ставит целую серию комедий, обличающих современных ему врачей-невежд и шарлатанов.

Николя Буало пишет «Диалог героев романов» и серьезно занимается вопросами теории литературы.

Признанный мэтр французской литературы Жан Шаплен неожиданно сам оказывается героем пародии. Николя Буало, Жан Расин, Жан де Лафонтен, Фурютье, используя некоторые сцены из трагедии Пьера Корнеля «Сид», сочиняют пародию «Шаплен растрепанный», чем глубоко обижают старого поэта. Они же создают еще одну пародию — «Кольбер взбешенный», которая, однако, не трогает первого министра, ибо доказывает, что его реформы попадают в цель.

Переживает ли Шарль свое творческое молчание? Безусловно. Но это вынужденное молчание: работа в Лувре отнимает у него все свободное время.

Одно из событий этого года сильно его опечалило: умерла Катрин де Вивонн, маркиза де Рамбуйе, хозяйка когда-то самого престижного литературного салона в Париже.

Присутствовал Шарль и на похоронах Гильома Ботрю, графа Серрана, старинного друга королевы, государственного советника, члена Французской академии. При дворе говорили, что в нем угас один из последних представителей того ума, который так хорошо тешил короля Генриха IV и добрую королеву Медичи, но который должен был выйти из моды при более важном и более лицемерном дворе Людовика XIV.

1666 год

Год начался смертью королевы-матери. Она скончалась в среду 20 января 1666 года в пятом часу утра. Этой смерти ожидали все, и более всех сама Анна Австрийская, ибо ее жестокая мучительная болезнь началась еще 27 мая прошлого года и продолжалась почти восемь месяцев.

Король легко и без видимых переживаний перенес смерть своей матери. С тех пор как он вышел из-под ее опеки, между ними часто происходили ссоры; однажды, когда мать попыталась сделать ему замечание насчет его преступной любви к девице Лавальер, он, рассердясь на нее более, чем когда-либо, забылся до такой степени, что воскликнул:

— Я не нуждаюсь ни в чьих советах! Я уже в таких летах, что могу жить своим умом!

Анна Австрийская имела и хорошие, и худые качества правительниц:

упрямство в политике, слабость в любви. Не согласившись удовлетворить страсть Бекингема, прекраснейшего и великолепнейшего вельможи своего времени, она отдалась Мазарини, за которого даже вышла замуж. Но при всем том сердце матери осталось неизменным в любви к детям: ее сын всегда был для нее королем, и, подобно прекрасным мадоннам Микеланджело или Перуджино, она среди опасностей, грозивших ему, пеклась о нем с заботливостью, похожей на благоговение.

Шарль нередко сталкивался с королевой-матерью, знал ее и веселой, и грустной, и кокетливой, и злопамятной. Он искренне переживал ее смерть, ибо это была мать его любимого короля!

...Что делал наш герой в минуты грусти и тягостных раздумий? Он гулял по Парижу или Лувру, а дома уединялся в своем кабинете и читал либо Плутарха, либо любимого Монтеня, либо новые книги своих современников.

Дом, который он купил себе в Париже, был роскошным, ибо сановник, придворный не мог себе позволить жить в бедном доме. Первый этаж был предназначен для большой и малой столовых, кухни и комнат для прислуги. Второй — для хозяина дома.

Самой роскошной была приемная зала — огромная, с очень высоким потолком, подчеркнута торжественная. Она была перегружена скульптурой, орнаментами, парадной мебелью: здесь были украшенные искусной резьбой серванты и буфеты, полные столового серебра, кресла, диваны, пуфы, бронзовые с позолотой канделябры.

По стенам всех комнат были развешаны разрисованные тарелки, блюда, картины, оружие, головы животных, убитых на охоте и превращенных в чучела.

Шарль до сих пор не был женат. Он один проживал в огромном доме. Его окружали лишь слуги. Чтобы обслужить своего господина, им нужно было пересечь несколько комнат, ибо так были устроены дома XVII века. Самому Людовику в Версале, чтобы посетить покои мадам де Монтеспан, приходилось проходить через комнату предыдущей фаворитки мадам де Лавальер. Так и в домах Шарля, в каких бы он ни жил, по моде века все комнаты, передние, салоны, галереи, спальни располагались последовательно одна за другой, причем дверные проемы закрывались либо тканью, либо ковром: дверей не было.

Не было и туалетов, и поэтому и хозяину, и его гостям (даже просителям, которые нередко подолгу ждали приема) приходилось справлять нужду в горшок, а нечистоты слуги порой выливали в окна, отчего улицы представляли собой настоящие клоаки, и окна старались без

нужды не открывать, чтобы в дом не проникло зловоние.

И с реки Сены, и с каналов тоже не веяло свежестью, ибо они принимали в себя все, что людям угодно было им доверять. Нечего и говорить, что все это относилось и к Лувру, где Шарль работал.

У Шарля, как мы уже говорили, было много разных дел. Одним из самых главных он считал написание истории Людовика XIV. Этот труд был поручен членам Малой академии, и дело более или менее продвигалось до тех пор, пока по рекомендации аббата Бурсе и Жана Шаплена в нее не был принят Шарпантье.

В своих «Мемуарах» Шарль Перро пишет:

«Чтобы облегчить дело, я предложил способ, заключающийся в том, что когда Шарпантье заполнит маленькую тетрадь, то эта тетрадь должна быть отправлена Кольберу в пакете. Пакет ляжет на его стол вместе с другими бумагами, которые он непрерывно получает, так что чтение этой тетради отвлечет его от чтения других писем, а отмечая на полях или под строчками то, что нужно добавить, и зачеркивая то, что можно исключить, он не будет специально затрачивать время на эту работу.

Кольбер одобрил замысел, но Шарпантье ни за что не хотел его понять. Он хотел, чтобы Кольбер поставлял ему материалы и посвящал его в секретные дела, чего он не сделал, да у него и не было времени. Дело, таким образом, на этом и остановилось...»

Шарль пытался убедить коллег, что необходимо продолжать работу над историей короля, однако его советам не вняли. И случилось то, что и предрекал Шарль Перро: написание истории передали в другие руки. Мадам де Монтеспан выбрала для этого Жана Расина и Николя Буало-Депрео.

Но продолжаем читать «Мемуары»:

«Учреждение Академии наук

Образовав нашу Малую академию, Кольбер задумал учредить более крупную и значительную Академию для продвижения и совершенствования всех наук. Он прежде всего вспомнил всех ученых, собиравшихся в то время у господина де Монмора, государственного советника, большого ценителя всех наук, а также всех тех, у кого была репутация больших знатоков в той или иной области знаний либо в самом королевстве, либо за его пределами. Вот имена тех, кто был отобран в первую очередь: Каркави, Роберваль, Юиженс, Френикль, Пикар, Дюкло, Бурделен, де ля Шамбр, Клод Перро, Озу, Пеке, Бюо, Гайан, Мариотт и Маршан. Мне пришлось долго уговаривать Клода стать членом Академии

— не потому, что он считал себя менее уважаемым, а потому, что, как он говорил, у него не было качеств, необходимых для того, чтобы быть поставленным рядом с такими значительными личностями. Его скромность была искренней, хотя он и был талантливее многих. Семья, присоединившаяся ко мне и долго уговаривавшая его, наконец добилась того, что он решился. Впоследствии господин Дюамель, аббат из Сен-Ламберта, был принят в Академию за свой перевод на латинский язык „Прав королевы“, о чем я скажу позже. За ним последовал аббат Галуа; мой брат медик указал на него Кольберу, как на человека, достойного занять должность библиотекаря, и таким образом он попал в Академию. Блондель, бывший когда-то учителем математики монсеньора дофина, вошел туда следующим; это я предложил его. Примерно в это же время Каркави предложил господина де Кассини, который приехал из Болоньи, где он был профессором. Ему было назначено 9 тысяч ливров пенсионера, и он до сегодняшнего дня пользуется им. Каркави надеялся сделать его своим зятем, но эта затея не удалась. Некоторое время спустя был принят Додар, предложенный моим братом медиком. Что касается дю Вернэ — хирурга, занимавшегося вскрытием, — то он был принят лишь после смерти Гайана. Брат посоветовал его кандидатуру, дал ему денег и даже поделился с ним кое-какими профессиональными секретами, чтобы тот с достоинством справлялся со своими обязанностями...

Было установлено, что Академия займется пятью основными направлениями: математикой, астрономией, ботаникой, анатомией и химией...

Было решено, что в Академии не будет препирательств и политических споров из-за опасности затрагивать эти вопросы без дела или без надобности. Было еще приказано, что астрономы не будут связаны с судебной астрологией, а химики не будут работать над философским камнем».

*

Шарлю удалось выхлопотать для Клода должность инспектора исторических памятников и инспектора по архитектуре. Это был тонкий ход: Клод Перро наконец получил доступ в Лувр, и теперь в новой должности ему было легче бороться за то, чтобы получить заказ на строительство галереи Лувра.

И Кольберу теперь было легче покровительствовать Клоду Перро. Он

поручил ему сделать проект обсерватории и был чрезвычайно доволен этим проектом. И когда стали составлять список Совета по строительству Лувра и Шарль порекомендовал в него помимо Ле Во и Ле Брена еще и Клода, Кольбер согласился.

Он все больше ценил старшего брата Перро. Кольбера восхитил его перевод работ древнеримского инженера и архитектора Витрувия, тем более что Клод посвятил свой перевод ему — Кольберу. Министру понравилось и исследование Клода «О различных порядках колонн».

Но это не значит, что своей стремительной карьерой Клод обязан только интригам Шарля. Клод Перро, несомненно, может быть назван одной из самых любопытных личностей своего времени. Его «Физические опыты» изобилуют оригинальными суждениями, которые выявляют крепкий склад наблюдателя и экспериментатора. Но ясно также, что Шарль умел говорить с «сильными мира сего» и подводил их к такому решению, которое отвечало его собственным интересам.

Шарль Перро охотно использовал свое положение, чтобы помочь друзьям и знакомым. Так, в 1672 году он пришел на помощь Жану Шаплону и задержал выход в свет «Поэтического искусства» Николя Буало, в котором содержались выпады против старого поэта. В свое время Шарль выступит в пользу композитора Люлли. В его готовности прийти на помощь друзьям кроется одна из причин искренней верности, которую те к нему испытывали.

В своей книге «Параллели между древними и новыми в вопросах искусства и наук» Шарль сам рассказал о том, как он защищал друзей. Он описывает одну вечеринку, на которой группа литераторов избрала мишенью для своих острот автора оперных либретто и комедий Кино: «...они в конце трапезы со стаканами в руках подошли к присутствовавшему среди них Люлли (который писал музыку для комедий Кино. — С. Б.) и, приставив ему к горлу стаканы, принялись кричать: „Отрекись от Кино, или ты погиб!“ Вдоволь посмеявшись этой шутке, они стали говорить серьезно и ничего не упустили, чтобы отвратить Люлли от поэзии Кино. Но так как они имели дело с человеком проницательным и просвещенным, их усилия ни к чему не привели. Разговор зашел и обо мне, и один из этих господ добродушно сказал, что напрасно я так упорно поддерживаю господина Кино и что хотя я его старый друг, но дружба тоже имеет свои границы и поскольку господин Кино настолько упал в общем мнении, я могу только разделить его участь, а поэтому, если среди присутствующих у меня есть друг, он должен милосердно предупредить меня об этом.

Г-н Д., хозяин дома, где давался ужин, будучи расположен ко мне, взял

на себя эту миссию. После того как он сделал мне спасительное внушение, за которое я поблагодарил его, я спросил, что, по мнению этих господ, заслуживает такого порицания в операх г-на Кино. Они находят, сказал он мне, что в них нет достаточно тонких и оригинальных мыслей, что выражения, которыми он пользуется, слишком просты и обыденны и, наконец, что для стиля его характерно употребление постоянно повторяющихся слов.

Меня не удивляет, ответил я, что так говорят эти господа, не знающие, что такое музыка; но неужели вы, сударь, сказал я, человек, который знает ее во всех тонкостях и которому Франция обязана таким чистым и мелодичным пением, каким не может похвалиться ни одна другая нация, — неужели вы не понимаете, что, если бы слова для опер писались сообразно желаниям этих господ, актеры не могли бы их петь, а слушатели — понимать. Ведь каким бы отчетливым ни был голос, часть того, что поется, звучит невнятно, и какими бы простыми и безыскусными ни были мысли и слова арий, кое-что в них всегда пропадает для слушателя. Что же получилось бы, если бы мысли были тонкими и оригинальными, а слова, выражающие их, — малоупотребительными и принадлежащими к числу тех, которые уместны только в возвышенной поэзии? Никто ничего не понял бы. Надо, чтобы в поющемся слове слог, который мы слышим, позволял угадывать слог, который мы не слышим, чтобы во фразе услышанные слова восполняли ускользнувшие от слуха и, наконец, чтобы по одному отрывку можно было понять общий смысл. А это возможно только в том случае, если слова, выражения и мысли совершенно просты, всем известны и весьма употребительны. Таким образом, г-на Кино бранят как раз за то, что у него всего более заслуживает похвалы, ибо он сумел, пользуясь некоторым числом обычных выражений и весьма простых мыслей, создать столько прекрасных и приятных произведений, притом самых разнообразных. Вот почему г-н Люлли, как видите, отнюдь не жалуется на него, убежденный в том, что никогда не найдет лучших слов для пения и более подходящих для того, чтобы положить их на музыку».

И заключает свой рассказ Шарль Перро такими словами:

«...Правда, в ту пору я был чуть ли не единственным человеком в Париже, осмелившимся высказаться в пользу г-на Кино — так повлияли на мнение двора и всего города другие авторы, ополчившиеся на него из зависти».

Приведем еще одно место из книги «Параллели между древними и новыми». Речь идет о поэте Жане Шаплене, который сыграл столь важную роль в становлении Шарля Перро и которого тот всегда считал своим

другом:

«...Как-то раз я оказался в компании, где кто-то прочел стихотворение, якобы взятое из поэмы Шопена „Девственница“:

Утесы грозные с вершиною крутою,
Вам ведома судьба злосчастная моя,
Леса дремучие, вам ведомо, что я
На жертвенный алтарь любви влекусь душою.

Все по очереди стали восклицать: что за нелепость, что за чепуха, можно ли найти более смехотворную вещь, чем „Девственница“?

Заметив, что я не смеюсь и не говорю ни слова, хозяин дома спросил меня: разве вы, г-н Перро, не разделяете общего мнения и не хотите ли вы выступить в качестве защитника „Девственницы“?

— Не беря на себя эту роль, — ответил я ему, — осмелюсь сказать, что несправедливо осуждать большую поэму на основании четырех стихов, взятых (между прочим) из разных мест и злокозненно соединенных между собой — таким способом можно любое сочинение выставить в дурном свете.

И так как господин, вызвавший меня на разговор, весьма любил архитектуру и разбирался в ней, я продолжал:

— Это все равно что объявить дворец до смешного жалким и плохо построенным, заметив в фасаде четыре или пять выкрошившихся или обломанных камней. Чтобы правильно судить о здании, надо отойти от него на разумное расстояние, откуда глаз мог бы охватить его в целом, изучить соотношение всех его частей, посмотреть, соблюдены ли в нем правила изящной архитектуры, и принять в соображение, имеются ли в нем достойные государя и его свиты покои и удобно ли они расположены для дворцового обихода. Как лишь немногие способны судить о красоте зданий, сообразуясь со всем этим, так и мало кто может оценить подобным образом красоту эпической поэмы. Лишь тот, кто сам писал поэмы или мог бы их написать, и небольшое число лиц, имеющих вкус к такого рода сочинениям, вправе судить о них и в состоянии судить как подобает. Сюжет „Девственницы“ — один из лучших, какие когда-либо были. Это история необыкновенной девушки, которую Бог послал восстановить прекраснейшее королевство на свете и которая действительно восстановила его.

Один из присутствующих подал реплику:

— Все это так, но читать „Девственницу“ очень скучно.
— А вы читали ее?
— Слава богу, нет.
— Из чего же вы заключаете, что ее очень скучно читать?
— Это все говорят! — с вызовом включился в разговор еще один член компании.

— А откуда вы знаете, что те, кто так говорит, осведомлены лучше, чем вы? Правда, стихи в „Девственнице“ часто тяжеловесные, сухие и шероховатые, в особенности в тех местах, где они должны быть как можно более нежными, изящными и приятными, как, например, там, где дело касается любви и галантности... Как бы то ни было, не делая из Шаплена своего кумира, я тем не менее утверждаю, что критики были к нему несправедливы и что его следовало бы пощадить, даже если бы он не написал ничего другого, кроме оды кардиналу Ришелье!»

*

Кольбер затеял новое дело, которое должно было дать очень большой доход его стране: мануфактурное производство. Шарль активно участвует и в этой работе. Под его руководством изданы первые мануфактурные регламенты, каждый из которых согласован с Кольбером.

Из французских заморских колоний приходят корабли, груженные сахаром, и во Франции разворачивается мануфактурное производство сахара.

В Лионе возникают мануфактуры по производству тканей: крепа болонского фасона и золотой пряжи миланского фасона.

Как грибы вырастают столярные, токарные, гвоздевые, булавоочные мануфактуры... Но — катастрофически не хватает рабочих!

Выход, как всегда, предложил Кольбер: монастырская реформа. Еще 22 октября 1664 года в письме к королю он советовал: «...постепенно и незаметно уменьшить число монахов обоего пола как людей совершенно бесполезных». В июне 1665 года Кольбер пишет новую записку королю, где высказывает и новый довод в пользу сокращения: монахи «не только избавлены от труда на общее благо, но и лишают общество тех детей, которых они могли бы произвести» — то есть опять-таки косвенно препятствуют росту числа рабочих.

— И что же вы советуете предпринять? — заинтересовался король.

Кольбер давно уже сформулировал ответ: первое — затруднить

поступление в монахи, повысив возраст принесения обетов; второе — увеличить размеры вступительных взносов и ежегодных пенсий, выплачиваемых монастырями за монахинь их родственникам.

Шарль, который давно был знаком с проектом этой реформы, как-то поинтересовался у Кольбера:

— А вам не кажется, что монастырская реформа может вызвать возмущение в народе?

— Наоборот! — возразил тот. — Она может вызвать симпатии многих, ибо неприязнь к монашеству растет среди народа. Например, мой земляк купец Коко из Реймса часто говорил мне о злоупотреблениях монашеским состоянием. Он осуждает обычай отдавать в монахини девочек в раннем возрасте. Он даже жалеет, что законодательные меры по сокращению численности монахов плохо исполняют.

Попытка этой реформы Кольберу не удалась. Но она показывает, насколько разнообразными методами первый министр хотел решить проблему мануфактурного производства.

Обсуждал Кольбер с Шарлем и «Эдикт о браках», который должен был стимулировать повышение рождаемости.

В 1666 году началось строительство Лангедокского канала, соединившего Средиземное море с Атлантическим океаном. Канал будет построен в 1681 году.

*

Обычно Шарль заканчивал работу в Лувре поздним вечером. Потом он отправлялся домой. Милое его сердцу чувство тишины охватывало его в карете. Дома его ждало единственное по-настоящему преданное ему существо — его собака, много лет жившая рядом с ним. Громкий приветственный лай старого друга неизменно радовал его. Шарль ласкал собаку и в ее сопровождении следовал в спальню, а затем в маленькую столовую, где хозяина уже ждал обильный ужин. Собака всегда ела вместе с Шарлем, принимая с благодарностью из его рук теплые куски мяса.

Закончив ужин, Шарль шел в маленькую гостиную, где опускался в мягкое кресло и погружался в тягостное раздумье. А собака клала ему голову на колени и устремляла на хозяина старческие глаза, подернутые голубоватой дымкой, в которых, однако, мерцала искорка человеческого разума. Казалось, она понимает мысли хозяина и пытается выразить ему свое сочувствие.

Что она говорила ему? Он не знал и думал, что один Демокрит, утверждавший, что он понимает язык животных, мог бы понять ее.

Может быть, она понимает, как трудно ему поспевать за событиями? Решать за один день несколько сложных дел? Улавливать и понимать новые и новые мысли неутомимого Кольбера? И не забывать проводить в жизнь старые. Немалых трудов Шарлю стоило убедить министра поддерживать литераторов, работавших во славу короля: Кольбер любил давать деньги на новые затеи и забывал давать их на старые. В 1666 году Кольбер создает фонд в 100 тысяч ливров для поддержки литературы. Фактически этот фонд оказался в распоряжении Шарля.

1667–1668 годы

Смерть королевы-матери не произвела особенной перемены в делах общественных, в которые она давно уже не вмешивалась. Но она оставила после себя большую пустоту при французском дворе. Анна Австрийская не только знала все про всех; она умела и оценивать заслуги. И быстрое продвижение по служебной лестнице Шарля Перро — тоже во многом ее заслуга. Она не раз говорила сыну Людовику о способном молодом человеке, и король благосклонно относился к сыну адвоката парламента.

Но место «хозяйки двора» после смерти королевы-матери пустовало недолго. Любовница Людовика XIV мадам Лавальер, приобретая права у короля как мать его детей, многое теряла как любовница. При дворе стали замечать, что король постепенно охладевал к ней.

Время благоприятствовало претенденткам на королевское ложе. Удобным случаем воспользовалась госпожа Монтеспан. Ей было 26 лет, но она все еще блистала при дворе и охотно напоминала, что принадлежит знаменитому древнему роду Мортемаров. Она была статс-дамой при королеве и отличалась удивительной красотой. При первом своем появлении при дворе мадам Монтеспан произвела на всех большое впечатление.

Шарлю часто приходилось встречаться с этой женщиной, и, освоившись в придворных кулуарах, он понимал, что ее звезда скоро взойдет. При встречах Шарль низко кланялся ей и, если это было удобно, старался поговорить, чтобы обратить на себя внимание. И это ему удавалось.

Кольберу тоже приходилось учитывать новую конъюнктуру, и он тоже не избегал госпожу Монтеспан. Но в дела государства та, по счастью, и не

думала вмешиваться.

Главным для Кольбера в данный момент было осуществление проекта монастырской реформы. Но она наталкивалась на большое противодействие. 28 января королевский проповедник Анна говорил с королем и заявил, что монарх не вправе издавать подобный эдикт.

30 января по поводу церковной реформы высказался архиепископ Ардуэн Префикс. Его беседа с королем, судя по всему, окончательно переубедила Людовика. 31 января на Государственном совете должно было пройти обсуждение проекта, но король все отменил. И уже 1 февраля Кольбер, говоря с Ламуаньоном, заметил о реформе, что «это дело неудавшееся».

При дворе стали поговаривать, что влияние Кольбера клонится к упадку. Но это было поспешное мнение. Несмотря на то, что принятие связанного с монастырской реформой «Эдикта о браке» также задерживалось, Кольбер еще был в силе и полным ходом проводил свои знаменитые реформы.

Правда, он проиграл еще на одном «фронте». Кольбер категорически был против войны, ибо для успешного осуществления реформ нужен был мир. А молодой король рвался к военной славе и готов был использовать любой повод для начала войны. Такой повод нашелся. После смерти короля Испании жене Людовика Марии-Терезии, как дочери от первого брака, должны были достаться испанские города Брабант, Верхний Гельдерх, Люксембург, Моне, Антверпен, Камбре, Михельн, Лимбург, Намюр и Франш-Конте. Правда, принцесса отказалась от них по брачному договору. Но по этому же брачному договору ей было обещано в приданое 500 тысяч экю золотом, которые так и не были выплачены. Следовательно, Людовик мог претендовать на те города, на которые имела право королева.

24 мая французская армия во главе с самим королем и маршалом Тюренном перешла границу Фландрии. Так началась Война за испанское наследство, которая стала немалым препятствием на пути реформ.

Дипломатически эта война была плохо подготовлена правительством Франции. Сами по себе испанские владения в Нидерландах — Фландрия и Брабант — представлялись в военном отношении совершенно беззащитными. Своей армии они не имели, а испанский флот находился в таком жалком состоянии, что не мог доставить в Нидерланды испанские войска. Но неожиданно для правительства Людовика XIV на помощь Испании выступили недавние союзники Франции — Голландия, Швеция, Англия. Все они были встревожены агрессивностью Франции. И хотя французские войска быстро оккупировали часть Фландрии, а также

Франш-Конте и готовы были к маршу в Испанию и Германию, Людовику уже в следующем году пришлось прекратить войну. По Ахенскому миру Франция удержала лишь часть Фландрии.

*

Начало военных действий прибавило хлопот Шарлю Перро. Вот что он сам пишет в «Мемуарах»:

«После завоевания Фландрии и Франш-Конте Кольбер предложил возвести Триумфальную арку во славу короля. Ле Брен и Ле Во сделали проекты, и когда я сделал свой и отправил Кольберу модель, то он написал на полях моего письма, что эта модель ему понравилась больше, чем другие. По этой модели Клод сделал проект, по которому был изготовлен большой макет. Были выполнены еще несколько проектов, среди которых были, конечно, и более удачные. Однако Кольбер сказал, что они не имеют того вида, который обычно придают строениям подобного рода. Кольбер поручил выполнение арки Житару под руководством Клода. Когда король приехал смотреть эту модель, он остался очень доволен; но почти все нашли, что аркады, особенно средняя, были недостаточно широки для высоты арки. Единственный брат короля, любивший рассказывать ему обо всех новостях города, рассказал ему и об этом, и король приказал Кольберу сделать два маленьких проекта: один такой, который соответствует уже существующей модели, а второй — в желаемых всеми пропорциях. Брат сделал их. Они два или три месяца пробыли в королевских покоях, а затем Его Величество вернул их Кольберу, сказав: „Я настаиваю на том, что проект модели лучше, однако, поскольку нужно идти навстречу пожеланиям публики, я согласен увеличить ширину ровно наполовину“. Это решение было выполнено. Я храню оба эти проекта как весьма любопытные вещи».

Приблизительно тогда же Кольбер принял решение о добыче руды в различных местностях Франции. При этом он основывался на мнении своих министров — ведь министры, как писал Шарль Перро, никогда не испытывают недостатка в людях, которые дают им различные советы, опираясь на их привязанности, а Кольбер был очень рад, что обильные залежи руды имеются во Франции. Кольбер прислал Шарлю образцы руды, чтобы исследовать их в Академии наук. Однако потратив 50 тысяч экю, он обнаружил, что расходы на поиски значительно превышают стоимость того, что добывалось, и гораздо выгоднее покупать свинец и золото в

Англии, а медь в Швеции, чем искать их во Франции.

Шарлю Перро пришлось организовывать работы по возведению и украшению разрушенного грота в Версале, устройству водяной аллеи. Проекты в обоих случаях готовил его брат Клод. «В это время король предоставил Кольберу возможность распоряжаться всеми вопросами, — пишет Шарль, — а Кольбер доверял нам в изобретении большинства проектов, которые нужно было сделать. Так, брат получил задание подготовить рисунки больших мраморных и бронзовых ваз для того, чтобы установить их в садах Версаля. Он сделал их огромное множество, почти все были воплощены в жизнь. Жирардон, например, сделал две вазы, большие и красивые, из белого мрамора: одна представляла Силу, другая — Нежность. Ручки той, которая представляла Силу, украшены львиными шкурами, голова и хвост образуют ручки, четыре основных подвига Геракла изображены на четырех сторонах. На вазе Нежности ручки выполнены в виде цветочных венков, которые держат амуры. Три грации и три других подобных сюжета украшали вазу.

Брат сделал и проект барельефа внизу фонтана пирамиды в парке, который был исполнен Жирардоном с еще большим изяществом, чем предполагал проект. Это один из самых красивых барельефов».

1669 год

В июне Кольбер добился важного королевского решения: помимо уже созданных и отлично зарекомендовавших себя Вест-Индской и Ост-Индской компаний, была создана еще и Северная компания для торговли с северо-германскими городами Гамбургом и Бременом, а также с прибалтийскими и скандинавскими городами и Россией.

«Главная польза для нас от Северной компании, — писал Кольбер, — должна состоять в том, чтобы мы перестали пользоваться услугами голландцев».

Кольбер восхищался Голландией и ненавидел ее. Именно он добился заключения летом 1669 года союза между Францией и Англией. Шарль, обладавший феноменальной памятью, наизусть помнил статьи договора, к которым тоже приложил руку. Особенно важной была 5-я статья: «... Вышепоименованные великие короли, имеющие, каждый отдельно, гораздо более подданных, нежели сколько нужно для оправдания перед светом принятого ими намерения смирить гордость Генеральных штатов Соединенных Нидерландских провинций и ослабить могущество нации,

которая так часто ознаменовывала себя черной неблагодарностью к основателям и руководителям этой республики и которая даже и ныне дерзает называть себя верховным правителем и судьей всех других государей, согласились и решили, что их величества объявят и будут вести войну совокупно всеми своими сухопутными и морскими силами с вышеназванными Генеральными штатами Соединенных Нидерландских провинций и что ни один из вышесказанных королей не заключит мирного договора, соглашения и перемирия без совета и согласия другого...»

*

Осенью на имя Шарля пришел пакет из Бордо: его извещали, что его брат Жан очень плох.

Шарль застал старшего брата живым. Он присутствовал при его агонии. Умиравшему не стали даже пускать кровь — конец был очевиден. Перед самой смертью Жан успел принять Святое причастие, поцеловать крест.

Так у Шарля осталось только два старших брата. Он поклялся, что будет помогать обоим.

*

От мрачного старого королевского дворца тянулась в то время длинная, не очень широкая улица де Турнель. Около моста того же имени стоял прежде Турнельский замок, на турнирной площади которого король Генрих II погиб в поединке: копье соперника пробило ему лицо.

Поздней осенью двор из летней резиденции возвращался в Париж, в Лувр. Здесь конечно же не было парка, подобного версальскому, поэтому Шарль в редкие минуты отдыха гулял по улице де Турнель. Он равнодушно проходил мимо старых однообразных домов буржуа с их беседками и галереями, с большими жестяными щитами, которые висели подобно знаменам высоко над улицей. И только один дом отличался оригинальностью. Он невольно обращал на себя внимание странной архитектурой, в которой смешивались разнообразные стили: Шарль, изучивший десятки томов по архитектуре, понимал в них толк. Одна часть дома была выстроена в стиле Возрождения, другая — в готическом, а третья — во флорентийском. Общий вид дома был мрачный и угрюмый.

Однажды во время прогулки Шарль увидел, как на стук колотушки дверь отворилась и гостя встретил швейцар с булавой, за которым стояли наготове лакеи.

Это был фамильный дом Гизов — французского аристократического рода. Генрих Гиз почти 100 лет назад был одним из организаторов Варфоломеевской ночи и одновременно главой Католической лиги, стремившейся низложить Генриха III и передать престол Гизам. Из этого дома он был увезен на допросы и пытки и больше уже не возвращался в него.

Во время одной из прогулок Шарль встретил на мосту Турнель группу молодых людей. В руках у двух из них были лютни. Они расположились у противоположных перил, стали петь и смеяться. Шарль хотел уже пройти мимо, но почему-то задержался. Один из молодых людей вынул из сумки бутылку вина, ловко раскрыл ее и сказал:

— Пускаю по кругу! Помянем нашу добрую королеву-мать!

Кто-то запел звонким голосом:

Величие и блеск и добродетель Анны
Известны каждому. Во всей вселенной славны.
В гробу она. По ней лишь слава не увянет:
С любовью Франция всегда о ней вспомянет!

Другие подхватили:

Удары презирать судьбы она умела,
Без ужаса на смерть могла она смотреть.
Для сына утвердить великий трон успела,
Умела царски жить, царицей умереть.

Бутылка обошла круг, молодые люди еще немного поговорили и пошли дальше, играя на лютнях.

Эта сцена тронула Шарля. «Франция жива, — подумал он, — пока народ чтит своих государей».

В конце года Кольбер получил должность государственного секретаря королевского дома, флотов и колоний.

А вскоре после этого денежное пособие Шарля удвоилось и стало составлять 500 экю (2 тысячи ливров).

1670

Обширное строительство дворцовых комплексов, и в первую очередь Версаля, вызвало во второй половине XVII века расцвет французского прикладного искусства. Изделия художественных промыслов — мебель, зеркала, серебряная посуда, ювелирные изделия, ковры, ткани, кружева, гобелены — изготовлялись в огромных количествах, ибо были рассчитаны не только на потребителей внутри Франции, но и на широкий вывоз за границу, что составляло одну из особенностей политики, проводимой Кольбером. С этой целью основывались специальные королевские мануфактуры, куда нередко привлекались иностранные мастера; сбыт готовой продукции строго регламентировался.

Произведения прикладного искусства этого времени необычайно роскошны. Они органически входили в общий архитектурно-художественный ансамбль, являясь неотъемлемой частью «большого стиля». Создание этих произведений вызвало к жизни множество ярких талантов, породило великолепных мастеров, которые сочетали высокий профессионализм с истинным творческим вдохновением. За одно столетие прикладное искусство Франции отказалось от подражания иноземным, преимущественно итальянским, образцам и обрело свой собственный художественный язык, достигло замечательных результатов. Изделиям французских мастеров, в свою очередь, долгое время подражали в других странах Европы.

Некоторые отрасли прикладного искусства имели во Франции давнюю традицию. К ним относится производство гобеленов, безворсовых ковров-картин, которыми украшались стены дворцовых покоев. Уже с 1440 года коврая мастерская братьев Гобелен (отсюда возникло и само название), расположенная в предместье Парижа Сен-Мишель, стала широко известна. К началу XVII века предприятие значительно разрослось. Здесь в первой половине века были исполнены многие гобелены по рисункам известных живописцев, в том числе Симона Вуэ. В 1662 году Кольбер купил мастерскую и учредил мануфактуру, которая была названа Королевской мануфактурой мебели.

Гобелены XVII века, огромные по размерам, отличавшиеся изысканным чувством цвета и пышным орнаментальным великолепием, — одно из наиболее эффектных и изощренных созданий декоративного искусства Франции. Они ткались на ручных станках из цветной шерсти с добавлением шелка, а иногда золотых и серебряных нитей. Их производство требовало высокого мастерства.

Кольбер поручил Шарлю Перро курировать гобеленовые фабрики. Его задачей было следить за тем, чтобы художники почаще вводили в композиции гобеленов сюжеты, связанные с подвигами и деяниями Людовика XIV. Даже сюжеты, почерпнутые из мифологии и античной истории, должны были прославлять французскую монархию.

Эта задача оказалась непростой. Создание подготовительных картонов для гобеленов, которые должны были изготавливаться сериями и были связаны сюжетным единством, оказалось не под силу одному художнику. Многие из них специализировались теперь в определенной области: один изображал фон, другой — архитектуру, третий рисовал фигуру и утварь, четвертый — бордюры — своего рода пышную «раму», заполненную гирляндами цветов и фруктов, эмблемами, картушами, вензелями и разнообразными декоративными фигурами.

И над всеми главенствовал живописец, который осуществлял общий замысел, добивался комбинационного единства. Чаще всего таким живописцем был неутомимый Ле Брен. Многие гобелены, созданные по его картонам, пользовались большим успехом. К ним принадлежит, например, одобренная Кольбером и Перро серия «Королевские резиденции» (или «Месяцы года»), созданная в период между 1668 и 1680 годами. На двенадцати гобеленах изображены увеселения короля и придворных (прогулки, праздники, охоты), происходившие в тех или иных резиденциях, которые посещались двором в разные месяцы года: «Замок в Шамборе», или «Сентябрь»; «Дворец в Тюильри», или «Октябрь» и т. п.

Ле Бреном с одобрения Кольбера и Шарля Перро были созданы и другие известные серии: «История короля», «История Александра Македонского». Не случайно после его смерти гобеленное производство стала приходить в упадок. Лишь в XVIII веке в искусстве французского гобелена началась новая полоса расцвета.

По роду своей работы Шарлю приходилось часто выезжать в Лион, где Кольбер учредил Большую королевскую мануфактуру шелковых изделий, и в Алансон, где стали производить знаменитые алансонские гипюры, которые вытеснили фламандские и итальянские кружева.

Мода на кружевные изделия охватила французское общество. Они

были неременной принадлежностью не только женского, но и мужского костюма. Кружева применялись в церковном облачении и оформлении будуаров, ими украшались веера, платки, перчатки, туфли, салфетки, зонты, мебель и даже внутренность карет. До середины XVII века Франция не знала собственного производства кружев. Их ввозили из Фландрии и особенно из Италии. Покупка дорогих венецианских кружев в первой половине века достигла таких размеров, что французское правительство пыталось, хотя и безуспешно, воспрепятствовать этому вплоть до издания «Правил против излишней роскоши в одежде», и только реформы Кольбера остановили отток денег за границу.

Малая академия, которой фактически руководил Шарль Перро, взяла под контроль и производство дворцовой мебели. Было дано строгое указание мастерам включать в декор мебели эмблемы королевской власти — картуши с лилиями дома Бурбонов, вензеля Людовика XIV, изображения лика Аполлона.

*

В 1670 году народное восстание охватило Лангедок. Здесь во главе крестьян стал военный предводитель из дворян Антуан де Рур, который принял титул «генералиссимуса угнетенного народа». Отряды восставших заняли несколько городов. Они расправлялись не только с финансовыми чиновниками, но и с дворянами, духовенством, а также со всеми должностными и просто богатыми лицами. «Пришло время, — говорилось в одном из воззваний восставших, — исполниться пророчеству, что глиняные горшки разобьют железные». «Проклятие дворянам и священникам — они все враги нам!»; «Надо истреблять кровопийц народа!» — провозглашали восставшие.

Местные власти собрали все наличные вооруженные силы, но не могли справиться с восстанием. И только из-за того, что Франция в тот момент не вела войны, военный министр Лувуа по указанию Людовика XIV послал в Лангедок регулярную армию, в том числе всех королевских мушкетеров. Вслед за победой началась кровавая резня...

*

Сохранились рисунки, выполненные Шарлем Перро в 1670 году. На

них изображены королевский дворец и парк с каналами, фонтанами, скульптурами и другими украшениями. Этот утопающий в зелени несуществующий дворец должен был располагаться в... Вири — рядом с любимой усадьбой самого Шарля Перро.

Спустя много лет, когда усадьба в Вири была уже продана, Шарль Перро, окруженный внуками, любил вспоминать о том, как едва не устроил королевскую резиденцию не в Версале, а в Вири. В то время король охотно рассматривал различные проекты устройства своего летнего дворца. Ему хотелось, чтобы там были множество фонтанов, водные фейерверки. А где можно устроить фонтаны, как не там, где в изобилии имеется проточная вода? Казалось, Вири идеально подходило для этого: с одной стороны его окружала река Орш, которая протекает по прекраснейшей местности Франции, с другой — речка Эстамп. А сколько там прудов, ручейков, родников!

Перро долго не решался представить проект королевской резиденции в Вири Кольберу. Но помог случай. В то время он работал в Интендантстве королевских построек и к нему приходило много разных просителей. Однажды пришел какой-то чужак и принес «Проект подведения к Парижу воды реки Эстамп». В месте, где речка Орш проходит между селами Вири и Савиньи, он предлагал провести водопровод, который перебрасывал бы воду с одного холма на другой. С этим проектом Перро и пришел к Кольберу.

Однако он опоздал. Король сделал окончательный выбор в пользу Версаля.

Так королевская резиденция в Вири осталась несбывшейся мечтой Шарля Перро.

Часть четвертая

ЗРЕЛОСТЬ

(1671–1684)

1671 год

Это был необычный год в жизни Шарля Перро. Наш герой решился наконец нарушить свой холостяцкий покой...

Почему? Потому ли, что поджимал возраст? Безвозвратно уходили годы? Или потому, что он очень любил детей и хотел иметь своих?

На самом деле все очень просто. Шарль впервые в жизни влюбился.

Он и сам не знал, что с ним такое может произойти. С детства он желал и боялся женщин.

Именно с детства! Именно в семье корень его болезненного отношения к противоположному полу. Мать, сама себе не отдавая в этом отчет, не любила Шарля. А он жаждал ласки матери и в то же время отвергал ее. И если во многих своих стихах он бросает колкости в адрес женщин — то на самом деле невольно и неосознанно направляет их против матери.

Профессор Парижского университета Марк Сориано считает, что это противоречивое отношение к женщине проявляется во всем творчестве Шарля Перро, в том числе и в сказках. Так, в сказке «Феи» присутствуют не одна, а две феи, — таким образом опять же неосознанно Шарль Перро хочет подчеркнуть противоречивость женщины, которая может быть доброй и злой, «медовой» и «уксусной», может награждать и наказывать, приносить в дар змей и жаб или цветы и драгоценные камни.

Доктор Лозье-Депрец писал о Перро: «Шарль был последним ребенком в семье. У него была разница более чем в двадцать лет со старшим братом; его отец был слишком стар, чтобы дать ему представление о мужественности, а мать — слишком стара, чтобы внушить ему желание женщины. Это вызвало у него, во-первых, подавление импульсов, а во-вторых, огромный страх перед женщинами».

«Действительно, — соглашается с ним Марк Сориано в своей докторской диссертации „Критическое изучение сказок Шарля Перро“, — отсутствие мужественности и боязнь женщин глубоко связаны чрезмерным чувством неуверенности, которое испытывал Перро из-за того, что он был

младшим и единственным выжившим из двух близнецов».

Доказательство этому мы находим в его удивительном «Диалоге Любви и Дружбы».

Вот его тема. Мирно живут сестры-близнецы — Красота и Доброта. Приходит Желание и, как это и должно быть, влюбляется в Красоту. У них появляется ребенок — Любовь; сначала она очень забавна, но потом делается несносной. В этот момент Желание увлекается Добротой, тоже женится на ней, и у этой новой пары также появляется ребенок более ровного нрава — Дружба. Тем, кто удивляется этому двойному браку, автор непринужденно сообщает, что действие происходит в то время, когда позволительно было жениться на двух сестрах.

На самом деле, разъясняет Марк Сориано, речь идет о так называемом «общем браке», о котором, как свидетельствуют исследования, мечтают многие близнецы. Женщины-близняшки хотят иметь одного мужа на двоих, причем дети от этих двух пар образуют еще одну пару, на этот раз — разнополую.

Эта подспудная идея «Диалога» позволяет сделать вывод не об отсутствии полового влечения автора, а о его необычайной хрупкости. Шарль боялся разочаровать женщину физически. Он желал женщину и одновременно боялся ее. У него и раньше были попытки близости с женщиной, но они кончались неудачей из-за того, что партнерша слишком торопила события...

Девушку, на которой предстояло жениться Шарлю, звали Мари Пишон. Она была из очень богатой семьи. Иначе и быть не могло: в семье Перро привыкли во всех обстоятельствах думать о выгоде. Тем более когда речь шла о женитьбе.

Встреча состоялась в парке. Мари шла ему навстречу по аллее. Шла спокойно, ничем не выражая ни страха перед знакомством, ни торопливости в чувствах. На ней было бархатное платье зеленого цвета, ниже талии оно колыхалось на обручах.

«Она плывет словно фея, словно королева, — думал Шарль, стараясь лучше разглядеть черты ее лица. — А на вид еще ребенок!.. Сейчас она подойдет ко мне, и сказка разрушится».

А Мари приблизилась к нему, как-то очень по-простому улыбнулась, сделала книксен и лукаво спросила:

— Как вы меня находите?

— Вы прелестны... как дитя! — вырвалось у него.

А она продолжала, как бы шутя:

— Да разве вы меня разглядели? Вы смотрите куда-то в сторону!

— Я и так увидел слишком много, — пролепетал сорокачетырехлетний жених.

Мари протянула ему свою маленькую изящную ручку с дорогим перстнем и, пока он целовал ее, думала:

— У него испорченные желтые зубы... Под пышным париком конечно же лысина... На лице не сосчитать морщинок... Он уже старик... Но я буду его женой, ибо он не так плох еще... И я рожу ему детей.

И когда Шарль выпрямился и встретился взглядом с девушкой, то увидел в ее глазах материнскую теплоту... И едва не заплакал: ему так хотелось видеть именно такие теплые, добрые глаза!

Восемнадцатилетняя девушка, о которой он последний месяц столько слышал, но которую увидел впервые, стояла перед ним и улыбалась ему, старику. Улыбалась так, как улыбаются милому другу, а ведь между ними лежали многие годы. И единственное, что вырвалось у него, — это слова:

— Мари! Как ты хороша!

А она, девочка, вдруг протянула руку к его голове, на которой осталось так мало своих волос, мягко погладила его по парику, а потом прижала свою теплую ладошку к его щеке.

— Шарль... — ласково произнесла она, — я обещаю вам, что не предам вас и не изменю вам!

Это было сказано так неожиданно и так искренне, что он поймал ее руку и покрыл поцелуями.

...Так прошло знакомство. Позже будет обручение. И лишь весной следующего года — венчание.

В ожидании свадьбы Шарль не уменьшает своего рвения в работе. При его активном участии Кольбер основывает Парижскую академию архитектуры, в которой самую активную роль стал играть Клод Перро.

*

В 1671 году Шарль решился напечатать давно написанную поэму «Прогулки разума и кольца короля». Она получилась длинная, в половину печатного листа.

Как он был рад этой публикации!

Впрочем, радость ему омрачил, как и раньше, один из его ярых оппонентов Николя Буало-Депрео. Он посчитал эту поэму малозаметным явлением литературы. Если бы ее не было, заметил он в одном из разговоров, французская литература ничего бы не потеряла.

Буало был на восемь лет моложе Перро, однако литературная слава пришла к нему рано. Начало жизни у них было похоже. Буало тоже изучал право и тоже не стал адвокатом. Он решил посвятить себя литературе. Еще, ничего сам не написав, Буало стал критиковать других и, как ни странно, преуспел в этом. В 1660–1666 годах из-под его пера вышли девять сатир, которые принесли ему широкую известность, ибо написаны были очень метко.

В литературе Перро и Буало разделяло различное отношение к античному наследию. Братья Перро очень рано пришли к выводу, что античная литература не отвечает чаяниям Нового времени. И Шарль еще в 1648 году вместе с братьями Клодом и Пьером написал комическую пародию на одну из песен Энеиды.

Буало же всю жизнь был верен идеалам античности.

Находясь во главе Комитета литераторов, Шарль использовал свое положение для отстаивания своих идей. Когда на его рабочий стол в 1671 году легла поэма Буало «Поэтическое искусство», он стал ее внимательно читать, тем более что сам Жан Шаплен не считал ее публикацию своевременной.

Это была даже не поэма, хотя жанр был обозначен. Это, скорее, был кодекс правил о том, как писать литературное произведение.

В основу любого произведения, считал Буало, должны лечь строго определенные правила стихосложения. На основе изучения произведений античной литературы и поэтики (Аристотеля и особенно Горация) Буало пытался установить законы художественного творчества, незыблемые правила «хорошего вкуса». С точки зрения этих правил Буало судил и народную поэзию, которую он третировал как искусство вульгарное, варварское, площадное.

Особое возмущение Перро вызвала теория жанров Николя Буало. Каждый жанр, считал тот, имеет четкие формальные признаки, особую ограниченную сферу; никакого смешения возвышенного и низменного, трагического и комического, героического и шутовского не допускалось. Буало делит жанры на «высокие» и «низкие». Содержанием «высоких» жанров служат судьбы нации, ее героями являются короли и представители высшей знати, чья жизнь тесно связана с судьбами государства. К «низким» жанрам Буало относит комедию и роман, изображающие частную жизнь человека третьего сословия с ее прозаическими, будничными интересами.

Шарль Перро сделал все, чтобы Комитет литераторов отказал Буало в привилегии (то есть разрешении) на публикацию «Поэтического искусства».

Кольбер был недоволен этим решением. Однако он не смог игнорировать авторитет Шаплена, который был в большой милости у короля. Только через три года Буало сумел издать свой труд.

Вопрос о поэме Николя Буало «Поэтическое искусство» постепенно стал едва ли не государственным, ибо литература со времен кардинала Ришелье вошла в русло государственной политики. Кардинал впервые поставил литературу и театр на службу абсолютной монархии, сделал их проводниками своей политики. Он основал Французскую академию с целью создания во Франции общеобязательного языкового и литературного кодекса, соответствовавшего политическим задачам абсолютизма. И именно Ришелье способствовал развитию ведущего художественного течения во Франции — классицизма.

«Объявив войну» Буало, Шарль Перро, таким образом, выступил фактически против государственной политики в области литературы и искусства.

Он интуитивно чувствовал, что классицизм задерживает развитие французской литературы, втискивает ее в узкие рамки.

Жан Шаплен был одним из основоположников классицизма, и если бы он понял, что усилия Перро направлены против этого литературного течения, он бы не поддержал своего ученика. Но Шарль очень умело направил гнев старого поэта лично против Буало. Тем более что ни Шарль Перро, ни его сторонники («новые», как их стали называть) не отрицали классицизма. Они только выступали против тех принципов художественного отбора, которые сковывали инициативу писателя, ограничивали правдивое отражение современной жизни.

*

Благодаря экономической политике Кольбера Франции удалось сократить ежегодные выплаты государства с 52 до 24 миллионов ливров. Это был очень крупный успех финансовой политики Кольбера, который сумел уменьшить сумму сбора тальи — одного из самых тяжелых налогов в старых французских провинциях. Одновременно Кольбер добился более справедливого налогообложения благодаря тому, что выявил множество лиц, незаконно пользовавшихся привилегиями, освобождавшими от того или иного налога.

В 1671 году королевский домен, восстановить который не смог даже Ришелье, благодаря стараниям Кольбера дал 5 миллионов ливров дохода.

Но все эти успехи могли пойти насмарку, если бы Франция ввязалась в новую войну. А остановить ее Кольбер уже не мог. Людовик жаждал славы Александра Македонского, и Летелье и Лавуа, два французских министра, умело разжигали его тщеславие. Первый удар было намечено нанести по Голландии.

Голландцы с ужасом смотрели на приготовления Франции к войне. Людовик XIV и его военный министр Лавуа развернули кипучую деятельность по приготовлению экспедиции против голландцев. Созвано было все дворянство, как во времена феодальных войн. Во главе огромной армии стояли первоклассные генералы — Тюренн, Люксембург и Вобан. Сверх того к берегам Голландии в любую минуту были готовы плыть 30 больших кораблей Франции и 100 английских парусных судов под командованием герцога Йоркского, брата короля.

*

Шарль Перро был человеком сугубо штатским, и война его не особенно интересовала. Год 1671-й, помимо помолвки с Мари Пишон, ознаменовался для него еще одним важным событием: он был принят в Академию Франции. Сам Шарль Перро так рассказывал об этом в «Мемуарах»:

«Кольбер как-то спросил меня о новостях во Французской академии и очень удивился моему неведению. Я отвечал, что ничего не знаю, поскольку не имею чести быть в этой компании. Кольбер сказал на это, что я должен там быть.

— Это общество, — добавил он, — которое очень любит король, а так как мои дела не позволяют мне быть там так часто, как я бы этого хотел, то мне было бы удобно через вас знать обо всем, что там происходит. Попросите первое же освободившееся место.

Через некоторое время умер брат Буало-Депрео. Все академики, с которыми я разговаривал, обещали отдать за меня свои голоса, но сказали, что нужно еще заручиться согласием канцлера. Я поехал к нему в Сен-Жермен-ан-Ле, и канцлер сказал, что пообещал уже это место маркизе де Гиш для аббата Монтини, но что он с удовольствием отдаст за меня голос, как только освободится очередное место.

Через несколько месяцев умирает знаменитый врач де ля Шамбр. Вся Академия тотчас же предложила принять меня на его место; но Кольбер сказал, чтобы я даже не думал об этом, потому что де ля Шамбр говорил с

ним и просил за своего брата, кюре из Сен-Бартеlemi. Я немедленно согласился с этим. Более того, мне пришлось упрашивать всех тех, кто хотел выступить за меня, не делать этого, чтобы не случилось так, что из-за меня не будет выполнено желание Кольбера. Де ля Шамбр, таким образом, был выбран, а я ждал еще. Так я пропустил впереди себя еще Ренье, Кино и многих других. Но, наконец, когда умер де Монтини, Академия назначила меня академиком.

Когда пришел день моего вступления в должность, я выступил с торжественной речью, которой все остались удовлетворены. Это было выражено так естественно, что нельзя было усомниться во всеобщей искренности. Похвала академиков побудила меня сказать, что если моя речь доставила им некоторое удовольствие, то она понравилась бы всему миру, и что было бы неплохо, чтобы в дни вступления новых членов Академия была бы открыта для всех, кто хотел бы увидеть эту церемонию. В то же время Академия должна работать при закрытых дверях, если речь идет, например, о создании Словаря, так как публике неизвестны все перипетии этого труда, который не может происходить без диспутов, обсуждений, порой очень пылких.

Мои слова были настолько благоразумными (впрочем, большинство присутствующих решило, что эта идея принадлежит Кольберу), что все их шумно поддержали. Лишь Шаплен некоторое время был против, считая, что никаких нововведений не нужно, но его мнение так никто и не поддержал.

После меня первым принимали аббата Флешье. Было большое стечение народа, прекрасное общество, и все были очень рады этому новшеству.

Можно сказать, что это подняло престиж Академии: если раньше она была мало кому известна, то теперь все только о ней и говорили. Этому способствовало и то, что теперь выступления ученых стали гораздо интереснее и ярче, нежели при закрытых дверях. Молодой аббат Тальман-Зили четыре раза выступал с прекрасными речами, которые чрезвычайно удовлетворили публику и, в частности, Кольбера, что значительно способствовало его дальнейшей карьере. Король дал ему монастырь рядом с Верноном и пособие в 1500 ливров, надеясь, что из него получится хороший проповедник.

В это время умирает покровитель Академии, господин канцлер. Король, любивший это общество, благоволил лично сменить его в должности покровителя Академии. Он выразил желание, чтобы в дальнейшем заседания Академии проводились в Лувре. Дюма,

королевскому мебельщику, было поручено меблировать отведенные для этого апартаменты, что было сделано с большой опрятностью и аккуратностью. Кольбер уговорил короля подарить Академии двойные экземпляры книг из своей библиотеки, что составило прекрасную малую библиотеку. Кольбер приказал также купить все книги тех академиков, которые умерли, не оставив наследников. Каждый академик должен был передавать в библиотеку экземпляр любого своего произведения, что со временем создало бы обширную библиотеку прекрасных книг. Однако это указание не соблюдалось в точности».

В последние годы перед вступлением Шарля в Академию Франции она превратилась в самую настоящую «кормушку». «Бессмертные», как называли ее членов, ничего не делали, зато исправно получали деньги. Достаточно сказать, что над «Всеобщим словарем французского языка» они работали уже 40 лет!

Прежде всего Шарль Перро предложил изменить порядок выборов в Академию. В «Мемуарах» он вспоминает:

«Когда я вступал в Академию, выборы проводились следующим образом. Месяц спустя после смерти кого-нибудь из академиков один из академиков, поговорив с несколькими друзьями, предлагал на это место своего протеже. Через некоторое время после того, как я был избран, я предложил другой порядок. „Нужно попытаться, — сказал я, — проводить выборы посредством голосования и с помощью бюллетеней, чтобы каждый имел полную свободу голосовать за того, за кого он считает нужным“. Так как все решили, что мысль эта исходит не только от меня, но и от Кольбера или что он хотя бы одобрил ее, все согласились, что в будущем надо идти именно по такому пути, что и было осуществлено. И это было весьма кстати, потому что с некоторых пор начался невероятный ажиотаж вокруг вступления в Академию и она наполнилась бы огромным количеством шалопаев, а на всех вступлениях в должность разгорались бы шумные споры.

Для проведения выборов я подарил Академии очень удобную машину и сделал это с величайшим удовольствием».

С именем Шарля Перро связаны и другие усовершенствования в работе Академии. Продолжим цитату из его «Мемуаров»:

«Кольбер, заметив как-то, что заседания Академии не проводятся с достаточной регулярностью, и из-за этого совершенно не продвигается работа над созданием Словаря, предложил установить более строгий порядок. До этого не существовало точного часа ни начала, ни окончания работы: одни приходили слишком рано, другие — очень поздно; одни

заходили, когда другие уже собирались уходить, и иногда все заседание было посвящено лишь тому, чтобы обменяться новостями. Теперь же было решено, что заседание будет начинаться в 3 часа, а заканчиваться в 5 часов пополудни.

Чтобы этот порядок неукоснительно соблюдался, Кольбер приказал доставить в Академию большие часы с поручением часовщику Гюре следить за ними и поддерживать их в рабочем состоянии. Кольбер также приказал выдать журнал в сафьяновом переплете, куда секретарь заносил все решения заседаний; кроме того, были куплены письменные приборы, чернильницы, подсвечники, воск и установлено хорошее жалование для слуг Лувра, чтобы те открывали, закрывали и убирали залы, в которых проходят заседания, и находились там в качестве консьержей и привратников.

Чтобы поощрять посещаемость академиков, было установлено, что каждый раз, когда проводится заседание, будут выдаваться 40 жетонов (по одному на каждого). Они делились между присутствовавшими, а оставшиеся (ибо такого, чтобы присутствовали все, никогда не было) добавлялись к тем, которые будут распределяться на следующем заседании. На одной стороне жетонов были изображены король и слова: „Людовик Великий“, а на другой — лавровый венец со словами: „Да будет бессмертен“, а вокруг — „Покровитель Французской академии“.

Кольбер задумал было выдавать по пол-луидора каждому из присутствующих, но потом решил, что такая вольность разорит Академию. Это размышление привело его к тому, что он стал даже сомневаться в пользе жетонов, но, решив, что вознаграждение это скромное и что оно будет прекрасным средством для привлечения академиков на заседания, он все же решился на это. Ему Академия частично обязана тем, что была закончена работа над Словарем, поскольку в связи с этим новшеством, академики стали работать в десять раз больше и лучше, чем когда-нибудь прежде.

Чтобы устранить опоздания, я несколько раз нарочно приходил позже и не позволял, чтобы меня включали в список распределения жетонов и выплачивали гонорар за присутствие; я делал это, чтобы никто из впредь опаздывавших не жаловался, если с ним поступают таким образом».

На одном из заседаний Академии, когда Кольбер поставил вопрос о сроках окончания работы над Словарем, было решено назначить Шарля Перро президентом комиссии по обновлению орфографии и ускорению работы над «Всеобщим словарем французского языка».

И работа действительно ускорилась!

1672 год

8 апреля Франция официально объявила войну Соединенным провинциям. Стоявшая наготове огромная французская армия двинулась к границам Голландии.

Король выступил в поход во главе своей гвардии и своих войск, состоявших почти из 30 тысяч человек, которыми (при его верховном предводительстве) командовал Тюренн. Принц Конде со своей стороны приближался с не менее сильной армией. Люксембург и Шамильи командовали корпусами, которые в случае нужды имели возможность к ним присоединиться.

В одно и то же время французы начали осаду четырех городов: Ренберга, Орсоа, Везеля и Бюрика. Король лично осаждал город Ренберг. Все четыре города были взяты в несколько часов, и первое известие, отправленное из армии в Париж, гласило о четырех одержанных одновременно победах. Ожидали, что и вся Голландия будет покорена таким же образом, как скоро король перейдет за Рейн. Принц Оранский велел было сперва провести линии по ту сторону реки, но увидел, что их невозможно было защищать, и потому отступил в Голландию с тем, чтобы возвратиться на противоположный берег со всеми войсками, какие только он мог собрать. Но Людовик уже был на берегу Рейна. На военном совете под председательством короля, на котором присутствовали Конде и Тюренн, единодушно было определено незамедлительно переправляться через Рейн; дело шло о том, чтобы пресечь всякое сообщение между Гаагой и Амстердамом и окончательно разделаться с принцем Оранским, генералом Вурцем и его армией. Что касается маркиза Монтаба, то он удалился с четырьмя или пятью полками, находившимися под его командой, говоря, что он не может сражаться с армией, находящейся под личной командой французского короля.

Таким образом, из всего неприятельского войска на пути к переходу через Рейн остался один только фельдмаршал Вурц с четырьмя полками кавалерии и двумя полками пехоты.

*

А в Париже жизнь шла своим чередом. Шарль Перро готовился к бракосочетанию с Мари Пишон, которое было назначено на 1 мая.

Кольбер одобрил выбор подчиненного. Но предупредил его, чтобы женитьба не мешала работе. В свою очередь, Шарль, прося у Кольбера согласия на брак, уверял его, что вне зависимости от заработной платы он будет так же усердно работать.

«...Вы даете мне большее жалованье, чем я заслуживаю, — пишет он Кольберу в апреле, — но кроме этого у меня других доходов нет. Не только все совершающиеся сделки мне ничего не приносят, но и свидетельства, которые вы выдаете на жилье, привилегии и тому подобное. Я не только ничего не беру оттуда, но сам отдаю свою работу, работу моего приказчика, не получая взамен ничего кроме реверанса, к тому же частенько очень плохонького.

Я очень рад предоставившемуся случаю откровенно сообщить господину Кольберу, каким образом я ему служил и что я целиком полагаюсь на него в вопросе вознаграждения за свой труд».

И вот, наконец, венчание.

С утра за окном было яркое веселое солнышко, и Шарль думал, что это — знак Божий, предвестие счастливого брака с Мари. Но к середине дня, ко времени бракосочетания, тучи, сначала редкие, а потом плотные, совершенно затянули небо, и когда молодая чета в сопровождении множества приглашенных вступила на мраморные ступени храма, начал накрапывать дождик.

Собор был полон. Собрались знать, государственные сановники во главе с всесильным Кольбером, представители высшего духовенства.

Венчал молодых сам кардинал Франции, ибо не каждый день женится канцлер Французской академии, начальник Интендантства королевских построек, государственный секретарь по культуре!

Перед алтарем стоял 44-летний мужчина, много поживший и много повидавший в жизни. Это отразилось на его одутловатом лице: мешки под глазами, морщины на лбу и в уголках рта, усталые глаза, которые, однако, светились глубокой радостью. Рядом стояла 18-летняя девушка, которая в белом подвенечном наряде казалась совсем юной.

По правилам Шарль должен был наклониться к Мари и негромко сказать ей нужные слова. Но он по старой привычке адвоката и новоприобретенной — вельможи выпрямился во весь рост и хорошо поставленным голосом, который далеко разносился под сводами собора, произнес:

— Беру тебя, Мари Пишон, в законные жены, дабы иметь тебя при себе на ложе своем и у очага своего, в красоте и убожестве, в счастье и несчастье, в болезни и здравии...

Неторопливо говорил Шарль слова обета, выученные наизусть еще накануне, но, казалось, он придумывает их прямо здесь, на глазах у всех — так проникновенно звучало каждое слово. Казалось, он обдумывал каждую фразу тут же, в соборе, чтобы вложить в нее самый сокровенный и самый заветный смысл.

— ...и буду любить тебя до той самой минуты, когда разлучит нас смерть, и во всем этом я даю тебе свою клятву.

Мари Пишон не была похожа на придворных дам. Ни в осанке, ни в повадках у нее не было той чопорности, которую обычно дает богатство. Наоборот, она даже не пыталась придать себе величественный вид, и, не будь на ней дорогого подвенечного наряда, ее трудно было бы отличить от любой девушки, ее ровесницы.

Мари была взволнована до дрожи и не поднимала глаз, боясь увидеть устремленный на нее восхищенный взгляд ее супруга и покраснеть до самых мочек ушей. Все, что происходило с ней, было прекрасно. О разнице в годах она не думала — в ее время девушки выходили и за более старых мужчин. Она думала о том, что по всем разговорам ее супруг очень порядочный человек и, как и она, тоже любит детей. И она млела от восторга, ловя каждое его слово, сказанное перед алтарем и услышанное Богом. О, как же она будет угождать этому человеку, у которого такой красивый голос, у которого такие изящные манеры и который, несмотря на свои лета, все же еще хорош собой. Какое же это счастье — отдать ему всю свою жизнь без оглядки! Одного только она боялась: будет ли она нравиться ему и впредь?..

— Протяните, мадемуазель, свою правую руку, — услышала она голос его преосвященства.

Выпростав из-под длинного кружевного манжета свою белую ручку, Мари протянула ее священнику.

С блюда, которое держал помощник, его преосвященство взял золотое кольцо, только что освященное им, и вручил его Шарлю. Потом священник бережным движением соединил руки молодых.

— Во имя Отца... — произнес Шарль, примеряя кольцо на кончик мизинца Мари, — во имя Сына... во имя Духа Святого, — договорил он, примеряя ей кольцо на кончик указательного, а затем среднего пальца...

Наконец он надел ей кольцо на безымянный палец и промолвил:

— Аминь!

Мари стала его женой. И Шарль с горечью подумал, что ни отец, ни мать, ни Николя, ни Жан не дожили до этого дня и лишь Клод и Пьер были рядом.

*

Кольбер еще надеется на мир. Он еще не знает, что война продлится долгих семь лет. В июле он пишет записку королю об условиях мира с Голландией. В ней Кольбер выдвигает требование, чтобы Голландия уступила Франции острова Кюрасао, Тобаго и Сент-Эстатиус, а также один из четырех фортов в Гвинее с тем, чтобы перехватить у голландцев поставку рабов в испанскую Америку.

Голландия не согласилась на капитуляцию, но в ходе военных действий французы в самом деле захватили остров Тобаго и пытались овладеть Кюрасао.

*

Незадолго до бракосочетания с Мари Шарль получил новое признание короля и Кольбера. Он был назначен канцлером Французской академии. На церемонии присутствовал сам Людовик XIV. Он сидел на возвышении в пышном парике, который волнами спадал на плечи и спину. Красивый кружевной воротник спускался от подбородка на грудь. Правая рука его была чуть отставлена в сторону и опиралась на трость, украшенную бриллиантом.

После того как церемония утверждения Шарля Перро канцлером была закончена, Шарль обратился с краткой речью к королю, в которой говорил о расцвете Франции под мудрым руководством монарха. Лишь одна черная тучка заметна на небосклоне, сказал Перро, это война с Голландией. (При этих словах довольно блеснули глаза Кольбера — они договорились с Перро о содержании его речи. А король улыбнулся и сделал вид, что не понял намека, — ему нужна была победоносная война, и он не собирался останавливаться на полпути!)

1673–1675 годы

В январе 1673 года, в холодную ветреную ночь, Мари родила дочь. Девочку назвали Франсуазой.

Шарль был счастлив. Он буквально купался в ощущении радости. Свершилось то, о чем он так долго мечтал и на что уже не надеялся!

А осень того же 1673 года принесла беду: у Мари случился выкидыш,

и в сентябре Шарль повез жену в Труа, чтобы немного подлечить ее.

В том же году Шарль вместе с братом Клодом пишет сказку в стихах «Война ворон против аиста» — едкий ответ на нападки Буало. Война старого и нового, сторонников классицизма и новой литературы продолжается.

*

Мертвое и живое... Эти два понятия все больше приходили в противоречие по мере расширения границ прославления короля. Едва ли не с первых шагов работы Малой академии становилось ясно, что строки, прославляющие монарха, должны быть написаны на понятном для всех языке, а не на мертвой латыни, как это делалось всегда. Любой грамотный человек должен был прочесть подпись под бюстом, скульптурой, барельефом, надпись на гобелене, на эмблеме.

Однако во Французской академии было много сторонников мертвого языка, и они требовали вернуть латынь. «Великое — великому!» — восклицали Шаплен, Корнель, Расин, Буало.

У Шарля Перро, одного из руководителей Малой академии, сразу же объявились сторонники, и их голос стал звучать все громче. Первый из них — знаменитый французский философ Демаре де Сен-Сорлен (1595–1676).

Демаре решительно выступал против преклонения перед античностью и мертвым латинским языком. Он доказывал превосходство французского языка над латынью. («Мы говорим на языке более благородном и прекрасном, чем эта жалкая латынь, выкопанная из могилы!») Он доказывал превосходство отечественной литературы над греческой и римской, критиковал Вергилия, Овидия, Катулла, Тибула, Горация, но особенно Гомера: «Его сравнения низменны и неуместны, он выдумывает немыслимые нелепости». Его боги возмутительны: «Юпитер бьет свою жену, ест, пьет, спит, чтобы поддержать вечную жизнь, страдает бессонницей, когда его одолевают заботы... Если бы составили список всех непристойностей, смехотворных речей и действий, которые мы находили у Гомера и Вергилия, то все увидели бы, насколько пристрастно отношение к древним и как далеки от совершенства те, кому положено не иметь никаких недостатков».

В глазах Демаре современность — это «осень мира с ее богатствами и плодами, собранными со всех прошедших веков», а античность — всего лишь весна. Сравнивать весну мира с нашей осенью, говорил Демаре, все

равно что сравнивать первые постройки людей с роскошными дворцами наших королей.

Так с борьбы живого и мертвого языков начиналось противостояние древнего и нового, которое, разгораясь, постепенно перешло в многолетнюю борьбу «древних» и «новых», охватившую всю вторую половину царствования Людовика XIV.

В 1675 году, незадолго до смерти, Демаре де Сен-Сорлен обратился к Шарлю Перро со стихотворным посланием, в котором просил его подхватить знамя войны с «древними», выпадающее из его рук:

Во имя Франции, Перро, восстань со мною
На бой с мятежною писателей толпою,
Что песням родины, пятная нашу честь,
Держают вымыслы латинян предпочесть!

Пройдет десятилетие, и Шарль Перро возглавит борьбу с «древними». Эта борьба станет его судьбой. Пока же он бросает в лицо противникам свое сочинение «Критика оперы, или Разбор трагедии под названием „Алкеста“, написанное совместно с братом Пьером.

Сторонники классицизма не признавали новых жанров: романа, оперы, бурлеска, которые были вызваны живой действительностью. А братья Перро приветствовали их.

Статья вызвала много споров, но порадовала Демаре, который приветствовал Шарля Перро как друга и единомышленника.

В «Критике оперы...» Шарль и Пьер Перро встают на защиту нового жанра, оперы, и утверждают, что опера их современника, композитора Люлли, не уступает трагедиям Еврипида и превосходит пьесу Жана Расина «Ифигения», которая создана в духе подражания древним авторам.

Жан Расин затаил обиду на Перро и через год, издавая «Ифигению», грубо ответил на выпады братьев.

В 1674 году Николя Буало начинает писать комическую поэму «Налой» — забавную историю двух прелатов и пишет ее в лучших традициях классицизма. Но главное, в этом году наконец-то выходит в свет его поэма «Поэтическое искусство», выпуск которой на целых три года задержал Шарль Перро.

Поэма сразу обратила на себя внимание. Ее показали королю, причем с самыми лестными рекомендациями. Буало был лично принят Людовиком. Ему была назначена пенсия в 2 тысячи ливров и дана привилегия на

издание «Сатир», которую он ждал два года.

Несомненно, это было поражение Перро. Но поражение временное. Впоследствии в своей борьбе с «древними» он будет много полемизировать с Буало и не раз обращаться к его «Поэтическому искусству».

А пока в роскошно изданном сборнике произведений нескольких авторов, вышедшем в Париже, публикуются рядом и «Поэтическое искусство» Николя Буало (им открывается книга), и его же поэма «Налой», и сочинения братьев Перро — «Начало фонтанов» Пьера и их совместная работа с Шарлем «Критика оперы, или Разбор трагедии под названием „Алкеста“».

*

Десять лет Шарль сдерживал свой творческий порыв, полностью отдаваясь канцелярской работе. Но поэзия не дает ему покоя, и он наконец вновь стал писать.

Шарль сотрудничает с братьями Пьером и Клодом. Даже если работа выходит под одним его именем, это совсем не означает, что братья ему не помогают. Так, в 1675 году у Шарля Перро выходит «Сборник избранных произведений». В него включены «Портреты», «Метаморфозы» и другие его работы. И вот что интересно: все включенные в сборник произведения сочинены в атмосфере дружеского состязания и сотрудничества с братьями. Многие пьесы написаны в форме диалога, в котором автор все время полемизирует с воображаемым собеседником.

А что же сказки — тот жанр, в котором прославит себя Шарль Перро? Пока он и не думает заниматься им. Но он интересуется сказками, и когда Жан де Лафонтен выпускает свои «Сказки и рассказы в стихах», Шарль встречает их восторженно.

«Природа, — пишет Шарль Перро о Лафонтене, — наделила его необычным талантом, позволяя создавать творения несравненной глубины. В них встречаются народная простота, разумная простодушность и оригинальная насмешка».

Шарль с возмущением узнал, что в 1675 году в городе Манси было запрещено продавать сказки Лафонтена, «так как от них веет непристойностью и свободомыслием».

Война «древних» и «новых» еще не началась, но два лагеря постепенно формируются. В 1675 году в предисловии к пьесе «Ифигения» Жан Расин обрушивается на Шарля Перро, который, по его словам, не

понимает красоты и величия древних авторов.

Николя Буало пишет «Письмо IX», в котором продолжает атаку на Перро.

Зато Демаре де Сен-Сорлен не дает молодого друга в обиду. Он публикует работу «Защита поэзии и языка Франции Шарлем Перро» и, в свою очередь, обрушивается на «древних».

*

В 1675 году Мари подарила Шарлю первого сына. Его называли Шарлем-Самюэлем.

1676–1677 годы

А войне не видно было конца. Она началась успешно и обещала легкую победу, но неожиданно затянулась.

Людовик начал войну против Голландии в союзе со всей Европой, но мало-помалу государи, его союзники, с беспокойством взиравшие на его возросшее могущество, стали отступать от него, когда он достиг стен Гааги и Амстердама. Испания первая объявила войну Франции, ее примеру последовала Австрия. Наконец, Англия, освободившись от влияния Франции, объявила сначала о своем нейтралитете, а затем также вступила в войну на стороне Соединенных провинций. Так война сделалась общеевропейской. Франция собиралась захватить небольшую республику, а теперь ей приходилось воевать против коалиции сильных европейских держав.

Все это вызывало страшное раздражение Кольбера.

В своих «Мемуарах» Перро писал:

«В то время, когда война только разгоралась, королю стали говорить, что для достойного и успешного ее ведения необходим чрезвычайный фонд в 60 миллионов ливров в год или 5 миллионов в месяц. Король сказал об этом Кольберу, который пришел в ужас и ответил, что не видит такой возможности. Король посоветовал ему подумать и заметил, что у него есть на примете человек, который бы заменил его, раз он не хочет этим заниматься...»

О том, что было дальше, Перро вспоминал:

«...Кольбер долго не показывался королю, работал у себя с бумагами,

так что мы не знали, ни что он делает, ни тем более о чем он думает. Наконец, он попросил меня поехать в Версаль и отвезти королю кое-какие проекты. Изучив их, король попросил Кольбера на следующий день прибыть в Версаль. Тот поехал, и все пошло своим чередом. Поговаривали, что Кольбер хотел покинуть пост, но семья убедила его не делать этого, и что это была ловушка для того, чтобы устранить его от дел. Я же считаю, что любовь к благодеянию в сочетании с его знаниями не могли не помочь ему выйти из такого стечения обстоятельств.

Мы заметили, что Кольбер, до сих пор приходивший в свой кабинет и начинающий работу с довольным видом, потирая руки, теперь появлялся печальным, часто вздыхал. С ним стало труднее ладить, да и работы становилось гораздо меньше, чем в первые годы его сюринтендантства».

*

Шарлю приходилось заниматься самыми разными делами и встречаться с разными людьми. Вот, например, его встреча с королевскими архитекторами господами Бюлли и Блонделем — по поручению Кольбера он принял их в своем кабинете в Лувре.

Архитекторы расстелили свои чертежи на столе, и начался профессиональный разговор о будущем облике Парижа.

— Вы хотите иметь представление о внешнем виде Парижа? — сразу же спросил толстяк Бюлли. — Я уверен, что вы никогда не поднимались на башню собора Парижской Богоматери. Поднимитесь! Только оттуда вы увидите, что город кругл, как тыква. Штукатурка, то черная, то белая, составляет две трети его строительного материала и указывает на то, что он стоит на известковой почве. Дым, вечно поднимающийся из его бесчисленных труб, скрывает от нас остроконечные верхи колоколен...

(Шарль конечно же бывал на башне собора Парижской Богоматери. Он вспоминал: облака действительно образуются от густого дыма над зданиями, так что испарения становятся ощутимы для глаз.)

Город уже не вмещался в старые границы. На чертежах Шарль увидел, как будут застраиваться окраины Парижа. Он не мог не пожалеть об этом: окрестности Парижа прелестны, таких садов и аллей не встретишь ни в одном другом городе мира.

Шарль сказал об этом своим визитерам.

— Вы правы, господин Перро! — подхватил второй архитектор, Блондель. В отличие от коллеги, он был высок, строен и немногословен. —

Но другого пути у нас нет. Город надо не только расширить, но еще и разгрузить. Иначе он попросту не выдержит своей тяжести!

— Поясните вашу мысль, — попросил Шарль.

— Для постройки Парижа, как вы, конечно, знаете, приходилось брать камень в его окрестностях, а требовалось его немало. Пришло время, и по мере роста города его предместья стали строиться на местах прежних каменоломен. Этим объясняются те ужасающие впадины и пустоты, которые образовались под домами во многих местах города. — Блондель маленькой указательной палочкой, которую он вынул из кармана камзола, стал водить по чертежу. — Всё предместье Сен-Жак, улица Арфы и даже улица Турнон расположены над бывшими каменоломнями. Вот здесь пришлось возвести пилястры, чтобы поддерживать груз домов...

Так начал реализовываться план расширения Парижа. Дело было не только в увеличении территории старого города. Новые кварталы, построенные по плану архитекторов Бюлли и Блонделя, должны были украсить облик столицы, чтобы он соответствовал блеску и величию монархии Людовика XIV. Предусматривалось расширение территории Парижа на северо-запад. На месте древних укреплений проектировались озелененные «променады» (места для гуляния), положившие начало будущим знаменитым бульварам. По плану Бюлли и Блонделя, поддержанному Перро и утвержденному Кольбером, оформлялись и архитектурно укреплялись парадные въезды в город, для чего строились ворота в виде триумфальных арок: Сен-Дени, Сен-Мартин, Сен-Бернар и Сен-Луи.

*

По долгу службы и по велению сердца Шарль Перро внимательно следил за всеми литературными событиями. В 1676 году Жан Расин издает свой сборник трагедий. В предисловии он полемизирует с Перро.

В свою очередь, Шарль Перро решительно встает на защиту современного романа, нового жанра, отвергнутого приверженцами классицизма. Он принимает у себя писателя Скаррона и дает высокую оценку его произведению «Перелицованный Вергилий», а также поддерживает переведенный на французский язык роман М. Сервантеса «Дон Кихот». А годом позже публикует статью «Традиции поэмы бурлеска итальянца Тассони», в которой доказывает, что этот жанр имеет большие перспективы в современной литературе.

Во время одной из ежедневных встреч с Кольбером Перро узнает о нововведении своего патрона: Римская академия, основанная Ришелье в 1668 году, переходит под юрисдикцию Королевской академии живописи и скульптуры.

...28 октября у Шарля родился второй сын. Его назвали именем отца — Шарль.

1678 год

В начале года Париж был взбудоражен таинственными случаями внезапных смертей состоятельных людей. Носились слухи о существовании какого-то общества магов и колдунов, о некоем загадочном смертельном «порошке наследства».

Говорили, что два итальянца Экзили и Дестинелли, отыскивая «философский камень», нашли секрет такого яда, который не оставляет после себя никаких следов. Мадам де Бренвильер первая испытала яд и отравила за один раз своего отца, генерала д'Обре, двух братьев и сестру. Их похоронили, и ни у кого не возникло ни малейшего подозрения относительно виновницы их кончины, и если бы посредник, передававший яд, случайно не проговорился, мадам де Бренвильер так и осталась бы единственной наследницей огромного состояния.

Тайна все же раскрылась, преступница оказалась под судом. Процесс вызвал в Париже небывалый шум, но после казни маркизы де Бренвильер, этого «чудовища в женском обличье», как ее тогда называли, дело посчитали законченным.

Однако вскоре в полицейское управление стали поступать сообщения от священников парижского собора Нотр-Дам (собора Парижской Богоматери), в которых указывалось, что «великое множество прихожанок на исповеди каются в том, что они отравили своих мужей».

Начальник полиции господин де ла Рейни не придавал этим сведениям особого значения и вспомнил о них лишь тогда, когда еще несколько состоятельных людей умерли внезапной смертью.

...Все эти факты, конечно, не прошли мимо Шарля Перро. Как человек, занимавший высокий государственный пост, он одним из первых узнал имена двух главных отравительниц и не слишком удивился их поступкам. Он знал гадалщицу Ла Вуазен, хорошо известную всей столице. Шарль Перро и сам однажды обращался к ней за советом. Гадалщица получала хорошие гонорары, но известно: кто имеет много —

хочет получить еще больше. И Ла Вуазен решила извлечь пользу из новоизобретенного порошка. Она стала предсказывать наследникам смерть их богатых родственников, причем бралась и на деле исполнить свои предсказания. К ней присоединились Ла Вигуре, такая же колдунья, как и она, и два священника, Лесаж и д'Аво.

Король приказал учредить особую уголовную палату для рассмотрения дела. Ее председателем был назначен де ла Рейни, заведовавший полицией.

На суде первой допрашивали Ла Вигуре. Она ни в чем не созналась и твердила, что полностью невиновна.

Когда ее приговорили к смертной казни, она велела сказать председателю суда господину Лувуа, что откроет ему несколько важных тайн, если он пообещает спасти ей жизнь. Лувуа не принял предложения.

— Пытка сумеет развязать ей язык! — сказал он.

Ответ был передан осужденной.

— Хорошо! — сказала тогда Ла Вигуре. — Теперь он ничего не узнает!

И действительно, присужденная к ужасным мучениям, она перенесла их, не сказав ни слова. Твердость ее воли была удивительной, ибо пытка была самая ужасная, так что даже доктор объявил, что если не перестанут мучить осужденную, то она сейчас же умрет. Отправленная на другой день утром на эшафот, Ла Вигуре просила позвать к себе судей. Те поспешили к ней, полагая, что Ла Вигуре хочет им в чем-нибудь признаться. Но оказалось, что она позвала их только для того, чтобы передать господину Лувуа, что она сдержала свое слово.

— Будь он на моем месте, — добавила она, — быть может, он того бы не исполнил.

Потом, обратившись к палачу, прибавила:

— Ну, любезный, оканчивай свое дело!

И с этими словами пошла к виселице.

Когда Ла Вуазен рассказали со всеми подробностями о казни Ла Вигуре, она воскликнула:

— Что ж, Ла Вигуре была хорошей девушкой, с твердым характером! Но она приняла худое решение: я не поступлю так, как она, — я обо всем скажу.

Тем не менее Ла Вуазен также была подвергнута ужасным пыткам и сожжена на костре 2 февраля 1678 года.

Подробности этой казни сохранились в письме Шарлю Перро маркизы Мари де Севинье:

«Ла Вуазен уже в понедельник знала, что она приговорена к смерти.

Удивительно, что в тот же вечер она сказала тюремным сторожам: „Что же, разве мы не отпразднуем день заговенья?“ В полночь она сидела с ними за одним столом и ела все, что ей подавали на стол, потому что этот день был не постный; она пила много вина и пропела до двадцати застольных песен. Во вторник Ла Вуазен перенесла обыкновенную и чрезвычайную пытки; несмотря на это, она с аппетитом обедала и спала восемь часов; после этого она имела очную ставку с господами Дре и Ферон и со многими другими лицами. Неизвестно, что она говорила; предполагают, что слова ее должны были заключать в себе много странностей и вольнодумства. Вечером она ужинала и, несмотря на то, что была измучена всем телом, снова начала беситься и развратничать, как и накануне. Ее стали стыдить, усовещать и сказали, чтобы она думала лучше о Боге и вместо этих развратных песен пела бы лучше молитвы. Ла Вуазен действительно пропела две молитвы, — „Аве Мария“ и молитву Богородице, о которых ее просили, но только в насмешливом тоне. Среда прошла так же, как и вторник: мыслями своими Ла Вуазен далека была от всего святого и ни за что не соглашалась принять к себе духовника. Наконец, в четверг, в день, предшествовавший казни, ей ничего не хотели дать, кроме одного бульона; она за это ругалась, бранилась, ибо боялась, что не будет иметь силы говорить перед лицом своих судей. Из Венсенна Ла Вуазен была отправлена в карете в Париж; она задыхалась от злости и была в волнении; ей предложили позвать священника и исповедаться, но она не согласилась. В пять часов ее связали и она, одетая в белое платье, была посажена в телегу. Это, особенного покроя, белое платье надевалось на тех, кого присуждали к сожжению на костре. Лицо Ла Вуазен было весьма красно, кровь волноваться в ней не переставала, и она снова с презрением оттолкнула от себя священника, не согласившись даже поцеловать Святое Распятие. Госпожи Шон, Сюлли, графиня Суассон и многие другие особы смотрели из дворца Сюлли в то время, когда ее везли. В соборе Парижской Богоматери она никак не соглашалась принести Богу покаяние за свои грехи, и на лобном месте, где ей нужно было выйти из телеги, она всеми силами защищалась, чтобы только в ней остаться. Но ее силой вытащили из телеги и, связанную по рукам и ногам железными оковами, посадили на костер. В то время, когда клали около нее солому, она раздражалась гневом и проклятиями; пять или шесть раз она отбрасывала от себя солому; но наконец пламя увеличилось, схватило ее... и она исчезла из виду. Пепел, оставшийся после ее праха, разнесся по воздуху — такова была кончина Ла Вуазен, известной по своим преступлениям и по своему беззаконию».

Кольбер лично принимал участие в расследовании этого дела. Более

того, ему удалось, умело загримировавшись, присутствовать на одной из «адских церемоний», где во время приготовления яда в жертву был принесен новорожденный ребенок.

Когда Кольбер по возвращении рассказывал Перро подробности этой страшной церемонии, на которой он, к сожалению, не мог раскрыть себя, Шарль то и дело осенял себя крестным знамением.

— Да, я видел это, — говорил Кольбер. — Один из главных участников этого действия, Рабэль, взят под стражу и уже в Бастилии. Мы арестовали также итальянского аптекаря и отца Даву. Схвачен и его помощник, некий аббат Гибур. Я сообщаю все это вам, Перро, потому что убедился в вашей порядочности. До окончания дела вы должны быть немы как рыба.

Перро поклонился.

— Однако арестованы не все, — продолжал Кольбер. — Господин де Люксембург, например, на свободе; также Франц де Клермон Лодэн, принцесса де Тингри, мадам де Рур, мадам де Бульён, мадам де Суассон...

— Госпожа Олимпиада Манчини?! — вскрикнул Перро и тут же закрыл рот ладонью.

— Да, племянница кардинала Мазарини! — развел руками Кольбер. — Она более тридцати раз приходила к Ла Вуазен, которая, в свою очередь, столько же раз, вероятно, бывала у нее. Намерение графини было захватить в свои руки огромное наследство кардинала Мазарини, а главное, вернуть себе ту власть над королем, которую она когда-то имела...

Шарль опять осенил себя крестным знамением.

— Но и это еще не все имена! — с горечью сказал Кольбер. — Желаете продолжения? Пожалуйста! Мадам Сент-Мартон, маркиза де Шантэнэ, мадам де Полиньяк, герцог Вандомский, герцог Виллериа, мадам Дре, супруга маршала де ла Ферж...

— Неужели все эти господа присутствовали при церемонии изготовления яда?! — воскликнул Перро.

— Да, все они были! И вы понимаете, какой удар я тогда получил? — Резко повернувшись, Кольбер принялся ходить взад и вперед. Он был взволнован. Его морщинистое лицо подергивалось, дрожащей рукой он судорожно сжимал край плаща.

— Сколько усилий я приложил к тому, чтобы просветить и возвеличить Францию! Разве не я основал королевскую обсерваторию, Ботанический сад, Академию художеств и Академию архитектуры, создал арсеналы в Бресте, Толоне и Рошфоре? И для чего же все эти труды? Чтобы к старости обнаружить, что Париж, а может быть, и вся Франция заражены

ересью? Сатанизмом? Как все это отвратительно: убийства, аборт, приворотные зелья... Воистину реальность страшнее самого кошмарного сна! Я знаю и верю вам, — продолжал Кольбер, обращаясь к Перро. — Мы вместе будем бороться с этой ересью! Я знаю, на что иду. Знайте и вы. Среди преступников есть особы, приближенные к трону. Меня всегда могут попросить уйти в отставку. Значит, придется уйти и вам!

— Господин Кольбер! — твердо сказал Шарль, не отводя глаз от министра. — Мы оба давно ходим по острию ножа. Я сделаю все, что в моих силах.

...С того разговора прошло немало времени. Однако король не сделал никакого вывода из доклада Кольбера, и ни один из знатных преступников не был арестован.

...21 марта Мари подарила мужу третьего сына, которого Шарль в честь своего старшего брата назвал Пьером.

*

17 сентября 1678 года наконец завершилась война с Голландией. Франция заключила выгодный для себя Нимвегенский мир. По этому случаю в Версале был объявлен праздник. Аллеи огромного парка украсили флагами, девизами, лентами. Вечером над дворцом была устроена грандиозная иллюминация. На площадках выступали актеры, во дворце были праздничные представления.

Однако Перро не участвовал в этих праздничных церемониях. В его дом пришла непоправимая беда — тяжело заболела его любимая жена Мари.

...Вот уже несколько недель ее мучила страшная неизлечимая болезнь. Оспа. Перро пригласил лучших врачей, обещал им самые высокие гонорары. Но ничего не помогало.

Мари невероятно страдала. Она не плакала, глаза ее, ввалившиеся и потухшие, были сухи. Она только глубоко вздыхала, и вдох и выдох у нее превратились в почти непрерывный стон. Только приняв снотворное, она умолкала и лежала тихо, без движения, но скорбь на ее лице читалась все так же ясно.

Однажды она попросила Шарля честно сказать, каково заключение врачей. Верно ли, что ей следует теперь думать только о Боге. И Шарль не смог солгать этим любимым молящим глазам и признался, что она в опасном состоянии.

Она поняла, что умирает. Но не испугалась, а даже обрадовалась тому, что скоро наступит конец ее страданиям. Она нашла в себе силы сделать последние распоряжения: указала, как именно известить о ее смерти членов семьи, какие суммы денег раздать слугам. Приказала позвать пастора и сама указала ему места из Писания, которые он должен читать ей.

Боли все усиливались, и врач назначал ей все большие дозы снотворного. Так во сне она и умерла.

В течение нескольких дней Шарль не входил в двери Лувра. Он боялся соболезнований — искренних или неискренних, все равно. Они тревожили его сердце, бредили его душу. Он никак не мог примириться с тем, что милой, дорогой Мари уже нет, и никто не мог его утешить. Лишь Пьер, его старший брат, еще там, в церкви, когда отпевали его девочку (он иначе и не воспринимал Мари), обнял его сзади за плечи и шепнул:

— Крепись, брат! Запомни — это на всю жизнь!

Если бы он сказал: «Ничего! Время — лучший лекарь, все пройдет!» — как говорили ему другие, он бы только горько усмехнулся. А брат сказал правду. И он был ему благодарен.

Придет время, и на могиле Мари встанет памятник розового мрамора, а на надгробной плите из мрамора же будет лежать роза с переломанным пополам черенком...

...Судьбе угодно было распорядиться так, что в том же году Шарль Перро был назначен председателем Академии Франции.

1679–1681 годы

По поручению Кольбера Перро должен был поехать во Фландрию — в те области, которые по условиям Нимвегенского мира перешли к Франции. Здесь находились мануфактуры по производству полушерстяных тканей, ранее бывшие главными конкурентами французских. Шарлю предстояло заново организовать тамошнее мануфактурное производство и наладить изготовление гобеленов.

Шарль искренне обрадовался поездке. Ему необходимо было отвлечься. Потеря любимой жены угнетала его, и боль не отступала ни на один день.

Стояла зима. На дворе был январь. Но снега в эту зиму выпало мало, он сразу таял, дороги развезло, и карета ехала медленно. Ноги Шарль укутал тем самым меховым пледом, который всегда давала ему в дорогу

Мари...

Шарль вернулся в Париж спустя полмесяца, успешно выполнив задание Кольбера.

И вновь потянулись дни и месяцы будничной, рутинной работы. Весь день Шарль проводит в офисе, а вечер посвящает детям. Малыши часто просят отца посидеть с ними, и случается, что в эти одинокие вечера он рассказывает им старые французские народные сказки. Вернее, пытается рассказывать, потому что Шарль основательно позабыл их за прошедшие годы. Он рассказывает вечером детям то, что помнит, а по утрам или днем, когда свободен, просит прислугу рассказать ему сказки так, как они их помнят, и они рассказывают сказки про Маленькую Аннетту, про Куртийон-Куртийета, про Принцессу-мышку, про Жемчужинку, про сметливого солдата...

Господи! Словно небо опрокинулось на него: он вспомнил себя маленького — как он сидел либо возле камина, либо возле няни, либо на конюшне, либо среди чесальщиц льна и с первыми же звуками голоса сказочника или сказочницы вдруг попадал в таинственный волшебный мир. В этой таинственной стране можно было надеть плащ-невидимку и появляться, где захочешь; можно было прямо на земле расстелить скатерть-самобранку; здесь нельзя было заблудиться, потому что герой, отправляясь в путь, получал волшебный клубочек; здесь нельзя было даже умереть, потому что если тебя убьют — то живая вода сможет тебя оживить. Уже стариком начинал понимать Шарль, какой чудесный мир он потерял на взрослых дорогах и как приятно снова в него попасть!

Вечерами он приходил в спальню к мальчикам — а с ним вместе и Франсуаза — приходил с тетрадкой и уже не рассказывал, а читал своим детям сказки, которые записывал от прислуги. И однажды Шарль-Самюэль задал ему вопрос, который почему-то смутил его:

— Папа, ты сам это придумал?

— Нет, сынок, — ответил Шарль, — это давно-давно придумал другой папа или другая мама.

— А ты нам придумаешь сказку? — попросил малыш.

И Шарль ответил:

— Постараюсь, сынок.

...Может быть, в это мгновение и проснулся в Шарле Перро сказочник? Но так или иначе, именно дети обратили его к сказкам, а Пьер, самый младший из его сыновей, — тот, который еще спит у кормилицы, и подарит ему сюжет книги сказок, которая обессмертит имя отца и сына.

Когда Шарль написал первую сказку? В точности неизвестно. Сборник

его поэтических сказок выйдет через 16 лет, в 1695 году. Но это не значит, что именно в девяностые годы он стал писать сказки. Мы имеем свидетельства, что он начал сочинять их значительно раньше. Так, посылая одному своему знакомому сказку в стихах «Гризельда», он пишет, что «в черновых записях она пролежала у меня много лет». Сколько это — «много»? Десяток лет? Или больше?

Но очень вероятно, что эта сказка, как и другие его сказки, родилась по просьбе его милых малышей, которым он решил посвятить всю свою жизнь.

А чем еще занимается Перро в эти годы? Читает и... вышивает. В те годы вышивание было достойным мужским занятием, и даже сам король любил удивлять узорами и цветом своих работ. В Лувре и Версале устраивались выставки вышивок. И Шарль публикует работу «Вышивание короля», в которой восхищается искусством монарха. Кольбер передал Перро, что Людовик остался доволен его работой.

И еще он молится. Потеря любимой жены кажется Перро Божьим наказанием за его грехи, и он старается вымолить у Господа прощение. В эти годы он пишет религиозную поэму «Адам и Сотворение мира», которая долго ходит в списках.

*

Шарль внимательно следит за жизнью двора и замечает, что всемогущая маркиза Монтеспан постепенно приходит в немилость короля.

От маркизы Монтеспан король имел сына — герцога Менского, а также еще пятерых детей: графа Вексена, аббата Сен-Дени, родившегося 20 июня 1672 года и умершего в 1683 году; дочь, названную девицей де Нант, родившуюся в 1673 году; дочь, названную девицей де Тур, родившуюся в 1676 году и скончавшуюся в 1681 году; дочь, названную девицей де Блуа, родившуюся в 1677 году; и графа Тулузского, которого маркиза Монтеспан родила в 1678 году. Все эти дети, вопреки французским законам, были признаны законнорожденными: этого пожелала Монтеспан и с ее желанием согласился король.

Но по мере того как возрастала любовь Людовика XIV к этим детям, она мало-помалу ослабевала к их матери, которая с каждым днем теряла прежнюю красоту.

Сначала королю понравилась госпожа Субиз. Затем он приблизил к себе госпожу Людр. Когда одна придворная дама доложила об этом

королеве, та оборвала ее:

— Это меня не касается! Скажите об этом маркизе Монтеспан!

За госпожой Людр последовала девица Фонтанж. Эта, как ее называли, мраморная статуя обессмертила свое имя не потому, что была любовницей короля, но потому, что носимая ею прическа обратилась тогда во всеобщую моду.

Когда она была с королем на охоте в бурную и ненастную погоду, сильный порыв ветра испортил ее прическу. Чтобы не дать своим волосам растрепаться, Фонтанж со свойственной всем женщинам сноровкой удержала прическу тем, что подвязала ее лентой. Эта лента так кокетливо была привязана и так шла ей к лицу, что король попросил новую фаворитку не снимать ее с головы. На другой день все придворные женщины имели на голове ленту, точно так же прикрепленную к волосам. Эта прическа и стала называться прической а ля Фонтанж.

Фонтанж родила королю сына. Вообще, Шарль уже заметил, что рождение детей было губительно для королевских фавориток. Роды были весьма трудны и имели пагубные последствия: Фонтанж потеряла прежнюю прелесть лица, свою прекрасную талию и, подобно увядающей розе, стала блекнуть в своей красоте. Король со свойственным ему эгоизмом начал мало-помалу от нее отдаляться. Фонтанж не смогла вынести этого и попросила позволения удалиться в монастырь, на что получила согласие.

Но все это были случайные соперницы госпожи де Монтеспан.

Из-за их прекрасных фигурок была сначала не видна настоящая ее соперница — госпожа де Ментенон. Шарль Перро знал ее еще как вдову поэта Скаррона.

Вскоре после смерти мужа, бедного поэта Скаррона, с ней, как рассказывали Шарлю, произошел случай, которому вдова, впрочем, не придавала никакого значения. Однажды, когда она входила в дом, порог которого как раз починяли, один из каменщиков по имени Барбе, слышавший в то время за предсказателя, остановил ее за руку и сказал ей:

— Сударыня, поверьте мне, вы будете королевой.

Вдова отмахнулась от этих слов, ибо в то время жила вместе со служанкой в маленькой и тесной комнате на четвертом этаже, куда нужно было взбираться по грязной и узкой лестнице. Она ведь лишилась и пенсiona после смерти королевы-матери.

Несмотря на это, ее посещали знатнейшие лица двора. Более того, в ее судьбе решила принять участие маркиза де Монтеспан, конечно же еще не знавшая, что тем самым она готовит себе замену. Именно она добилась от

Людовика XIV, чтобы пенсия, назначенный Скаррону, был возвращен его вдове.

Когда у маркизы де Монтеспан родился сын, герцог Менский, она тотчас вспомнила о своей любимице. Франциска д'Обиньи (таково было ее настоящее имя) стала гувернанткой герцога Менского, а также других детей, которых маркиза родила от короля. Но при этом она вытребовала условие, чтобы ни от кого не зависеть и никому кроме короля не отдавать отчет в воспитании вверенных ей детей.

Она знала, что делала: это дало ей право вступать в прямые сношения с королем. Ее письма королю были написаны с таким изяществом, что даже превосходили письма госпожи де Севинье. Король не мог не обратить на нее внимание, а обратив, не мог не вспылать к ней страстью. Щедрые милости и благодеяния короля позволили ей купить землю Ментенон. Таким образом Франциска д'Обиньи стала госпожой Ментенон.

В жизни Франции она сыграла не лучшую роль. Ярая католичка, она не любила протестантов, и это под ее влиянием в 1681 году Людовик XIV провозгласил лозунг: «Одна страна — один король — одна религия!»

А ведь едва ли не треть Франции исповедовала протестантизм. В манифесте короля было указано, что те, кто отречется от реформатской религии, будут освобождены от податей, а дома их — от военного постоя.

Тогда же было приказано закрыть Седанскую коллегию, которая одна в королевстве оставалась для обучения детей протестантов.

А между тем еще в 1680 году Шарль стал участвовать в работе литературно-философского кружка, который собрался вокруг протестанта Анри Жюстеля. Здесь он встречался, разговаривал и спорил с видными писателями и учеными. Его очень интересовали взгляды немецкого ученого Готфрида Лейбница, английского ученого Джона Локка, которые посещали Жюстеля и рассказывали его гостям много нового из мира науки. В кружке читались произведения Рене Декарта, Поля Гассенди, Бенедикта Спинозы, Галилео Галилея.

Заседания кружка нравились Шарлю еще и потому, что здесь не было косности. Напротив, здесь пропагандировался экспериментальный метод познания, «его величество опыт», который открывал перед исследователем еще непознанные дали и мог дать непредсказуемые результаты.

О кружке Анри Жюстеля ходила молва как о сборище «бунтовщиков» и вольнодумцев. Но Шарль приходил сюда просто потому, что был любознательным человеком, жаждал новых знаний и использовал для этого все средства.

Версаль. Осень. Желтеет, золотится, облетает листва с причудливо обрезанных деревьев, устилает землю. Прохладный ветерок вечерами заставляет потеплее одеваться во время прогулки. Но сейчас уже ночь. Дети уложены, и Шарль, как всегда, сидит перед камином и, поглаживая лежащую у ног собаку, глядит на огонь и вспоминает прошлое.

Ему пятьдесят четыре года. Он идет на закат... Все время теперь идет на закат... Без милой подруги он чувствует себя совсем одиноким. А теперь — и без работы, которой отдавал все свои силы.

Да, он потерял свою должность, потерял место, которое занимал в течение двадцати лет. Сейчас, когда чувства немного успокоились, Шарль даже удивляется тому, что он сумел так долго продержаться у власти рядом с Кольбером. Как верно сказал о придворной жизни его добрый знакомый писатель Жан де Лабрюйер в книге «Характеры»: «Придворная жизнь — это серьезная, холодная и напряженная игра. Здесь надо уметь расставить фигуры, рассчитать свои силы, обдумать ходы, осуществить свои замыслы, расстроить планы противника, порой идти на риск, играть по наитию и всегда быть готовым к тому, что все ваши уловки и шаги приведут лишь к объявлению вам шаха, а то и мата...»

За 20 лет Шарль испытал на себе и подобострастную лесть, и лицемерие, и интриганство. И потому в последние месяцы очень чутко замечал, как менялось отношение к нему придворных: чем более равнодушно относился к нему король, тем явственнее он чувствовал отчуждение тех, кто когда-то был подобострастен.

У него было много задумок, много планов. Шарль жалел, что не успел их осуществить. Но все же один из проектов ему удалось довести до конца. В 1682 году Людовик с подачи Кольбера подписал постановление, над которым в течение нескольких лет работал Шарль Перро с помощниками, — постановление относительно колдовства и отравы.

Чтобы лучше понять значение этого события, нужно вспомнить о том, что первую половину семнадцатого столетия называют «золотым веком колдовства». В 1630 году парламент города Бордо приговорил к сожжению 120 колдунов. Судьи города Орлеана между 1615 и 1616 годами приговорили к казни 17 колдунов, одному из которых было 77 лет. Много таких приговоров было вынесено и парламентом города Руана — главным образом, в отношении пастухов, так как эта профессия всегда считалась зловердной и пагубной.

В 1618 году в Лудинье были повешены восемь человек, в Нефшателе в 1638 году — 15. Искатель сокровищ минеролог барон Босалей и его жена были пожизненно заключены в Бастилию как колдуны. В 1644 году после града, опустошившего Бургундию, народ расправился с несколькими колдунами.

Передовые люди Франции, Монтень, Сирано де Бержерак и другие, выступали против казней колдунов, объясняя, что колдовство рождено суеверием и что ни один самый могущественный чародей не может на самом деле вызвать многомесячную засуху или недельный ливень.

Шарль Перро всегда утверждал, что «нужно презирать демонов, как презирают палачей, и лишь перед Богом надо трепетать. Отсюда следует, что настоящие колдуны так же редки, как распространены выдуманные». Насколько позволяло его влияние, он всегда выступал против казней колдунов.

В «Послании к Филиппу де Шомону» Перро писал:

«Посылаю вам некоторые свои соображения, чтобы подчеркнуть различие, которое вы установили между сверхчеловеческими и сверхъестественными действиями.

Все в мире создано или произведено. Право на создание принадлежит только Богу. Право производить было передано второстепенным агентам, второстепенным причинам и всему тому, что обычно называется Природой».

Участие в подготовке постановления о колдовстве было последним плодом его бывшего доброго сотрудничества с Кольбером. Охлаждение в отношениях с патроном Шарль почувствовал давно. Тем более что он знал: тот прочит на его место своего сына. Все чаще случалось, что Шарля не приглашали на то или иное важное совещание.

Но Шарль чувствовал, что и патрон недолго задержится на своем месте. Каменная болезнь с каждым днем подтачивала его силы.

Шарль пытался сохранить свое место и искал покровителей на самых вершинах власти, пользуясь любой возможностью, чтобы напомнить о себе.

Весной 1682 года родился герцог Бургундский. Шарль публикует оду «На рождение герцога Бурбона», а также стихотворение «Росток Парнаса». А осенью Кольбер пригласил его к себе и объявил об увольнении. Это прозвучало сухо и официально, как будто между ними не было двадцати лет самого тесного сотрудничества.

В своих «Мемуарах» Шарль Перро так описал последние месяцы своей работы с Кольбером:

«...Работа моя стала очень тягостной, а Кольбер — таким тяжелым человеком, что у меня не было сил ни терпеть, ни сопротивляться. В это самое время он захотел, чтобы его сын, де Бленвиль, которого звали тогда Дормуа, работал под его руководством и практически выполнял мои функции. Это вызвало у меня желание вообще от него уйти. Я полагал, что Кольбер будет рад тому, что сын станет работать рядом с ним. Однако этого не случилось, так как сын его был еще очень молод и хотел жить в свое удовольствие; он был бы просто не в состоянии выполнять хотя бы наполовину тот огромный и тяжелый труд, размаха и трудности которого Кольбер никогда не понимал, потому что я никогда не жаловался ни на трудности, ни на тяготы той службы, которую исполнял. Потом я узнал, что Кольбер говорил: „Строительство — это бездна; чем больше работаешь — тем тяжелее; никогда не было такого в финансах; я всегда там все делал легко, а из тупика строений никак не могу выйти“.

Итак, я собрал бумаги, привел их в порядок, составил их строгий отчет и ушел без шума и скандала. Когда Кольбер умер, со мной стали странно обращаться: мне возместили сумму за мою должность (она стоила 25 тысяч экю) и вручили из них 22 тысячи ливров, а Ле Брену и Ле Нотру вручили по 20 тысяч ливров за заслуги на службе короля».

1683 год

6 сентября в своем доме на улице Нев-де-Пти-Шан на 64-м году жизни от мучительной каменной болезни умер Жан Батист Кольбер (маркиз де Сеньеле), генеральный контролер финансов Франции с 1665 года.

Одна из эпиграмм, написанных на его кончину в виде надгробной надписи, гласила:

Могучая и неумолимая смерть
Открыла нам тайну:
Камень, который убил Кольбера, —
Это философский камень.

Другая эпиграмма звучала так:

Здесь положен в могилу Кольбер.
Который умер с горя.
Его тело было вскрыто.

В нем нашли четыре камня,
Из которых самым твердым было его сердце.

Александр Дюма в романе-хронике «Людовик XIV и его век» писал:

«Вообще, ненависть к Кольберу была чрезвычайно сильна: Людовик XIV его ненавидел потому, что Лувуа и госпожа де Ментенон его ненавидели, а также потому, что он заслуживал имени Великого; знатные вельможи ненавидели его потому, что он из простого человека стал знатнейшим и могущественнейшим вельможей своего времени; граждане ненавидели его потому, что он приказал уничтожить ежегодные доходы, получаемые городской думой; наконец, чернь ненавидела его потому, что он был богат и могуществен. По всему по этому похороны Кольбера не решились сделать публичными».

На другой день после кончины Кольбера, в час ночи, тело его было положено в гроб и перевезено в худой и старой карете в церковь Святой Евстафии под конвоем нескольких человек, которые вели своих лошадей в поводу.

Так печально и одиноко прошли похороны человека, который, высказывая свои душевные мысли, говорил:

«Я бы хотел, чтобы проекты мои пришли к счастливому завершению, чтобы в королевстве господствовало изобилие, чтобы в нем все были довольны, и пусть у меня, лишенного должностей и почестей, удаленного от двора и дел, растет трава во дворе».

На похоронах не было детей Кольбера: Людовик не позволил им проститься с отцом.

Шарль и Клод Перро присутствовали только на панихиде.

*

После смерти Кольбера Шарль попытался вновь обратить на себя внимание короля. Он пишет религиозную поэму «Святой Павел», очень искреннюю, очень тонкую, ибо после смерти Мари он стал еще более набожным. В поэме он так проникновенно говорит о Божественном провидении, что священник церкви, прихожанином которой он являлся, благословил его на новые сочинения на религиозные темы.

Шарль своим прекрасным почерком переписал поэму набело и вручил ее королю.

Литературная продукция Шарля в этот период очень разнообразна. Он пишет множество маленьких рассказов. Это еще совсем непохоже на его будущие сказки, но это уже путь к ним!

Перро 55 лет. По меркам того времени он старик. Франсуа де Ларошфуко в книге «Размышления», в главе «Об удалении от света», пишет о стариках-аристократах, которые так же, как Перро, удалены от дел:

«...Старики уже не причастны к тем благам, которые прежде имели. Их вожделения почти непричастны даже к славе — та, что была завоевана, ветшает со временем, и, случается, люди, старея, теряют все, обретенное прежде. Каждый день уносит крупицу их существа, и в них остается слишком мало сил для наслаждения еще не утерянным, не говоря уже о погоне за желаемым. Впереди они видят только скорби, недуги, увядание; все ими испытано, ничто не имеет прелести новизны. Время оттесняет их от того места, откуда им хотелось бы смотреть на окружающих и где они сами являли бы внушительное зрелище. Иных счастливых еще терпят в обществе, других откровенно презирают. Им остается единственный благоразумный выход — укрыть от света то, что некогда они, быть может, слишком выставляли напоказ. Постепенно они забывают свет, с такой готовностью забывший их, находят в уединении даже нечто утешительное для своего тщеславия и, терзаемые скукой, сомнениями, малодушием, влачат, повинувшись голосу благочестия или разума, а чаще всего по привычке, бремя томительной и безотрадной жизни».

Нет, Шарль так жить не хотел! Он жаждет реванша. Он готов открыть себя на новом поприще — скажем, на поэтическом. Тем более что он состоит пожизненным членом Академии Франции.

День Шарля строго регламентирован. Утро он посвящает детям.

Марк Сориано считает, что Перро сам занимался воспитанием детей, не перепоручая этого гувернантам или воспитателям. Шарль разработал собственные педагогические идеи, и одна из них заключалась в том, чтобы обучение шло интересно, параллельно с игрой — так, считал он, дети лучше усвоят те большие знания, которые он им собирается дать.

Мы можем проследить некоторые положения его педагогического метода, они разбросаны в ряде его работ: в предисловии к стихотворным сказкам, в книге «Параллели между древними и новыми» и в некоторых статьях. Вот отдельные из этих положений:

1. Ребенок — это взрослый человек в миниатюре, поэтому ему можно рассказывать все, только кратко и очень просто.

2. Умственные способности детей растут с возрастом, по мере того как ребенок развивается, и надо учитывать это.

3. В любом детском возрасте учение должно быть занимательным.

4. Учитель должен не только много знать, но и быть воспитателем.

Дети Шарля в свое время пойдут в коллеж. Но до этого времени (а во время учебы в коллеже в утренние часы) Шарль сам занимался с ними, разъясняя им непонятные вопросы.

А вечерами были сказки. Вырастая, старшие дети уже меньше интересовались ими, но младший, Пьер, проявлял удивительный интерес к сказкам, и не случайно он станет соавтором отца по знаменитой книге «Сказки матушки Гусыни».

В 1695 году в своем предисловии к собранию стихотворных сказок Шарль — возможно, одним из первых в мире — напишет об огромной воспитательной роли народных сказок:

«...Просто невероятно, с какой жадностью эти невинные души, природную чистоту которых ничто еще не успело осквернить, вкушают эти скрытые поучения; мы видим, как они печальны и подавлены, пока герой или героиня находится в беде, и какими возгласами радости они встречают ту минуту, когда герой вновь обретает счастье; точно так же они с трудом сдерживаются, пока злодей или злодейка пребывают в полном благополучии, и приходят в восторг, когда узнают наконец, что те наказаны, как того заслуживали. Все это бросаемые в почву семена, которые сперва порождают лишь порывы радости или приступы печали, но впоследствии непременно вызывают к жизни и добрые наклонности...

...Добродетель в них всегда вознаграждается, а порок наказывается. Все они проникнуты стремлением показать, сколь велики блага, которые приобретешь, будучи честным, терпеливым, разумным, трудолюбивым, послушным, и какой вред приносит отсутствие этих качеств...

Как бы незначительны и как бы причудливы ни были приключения во всех этих историях, нет сомнения, они вызывают в детях желание походить на тех, кого они видят в них счастливыми, и страх перед теми несчастьями, коим за свою злобу подвергаются злодеи. Не достойны ли похвалы родители, которые своим детям, еще не способным воспринимать истины существенные и ничем не приукрашенные, уже внушают к ним любовь и дают, так сказать, отведать их, облакая в форму рассказов занимательных и приспособленных к их слабому младенческому разумению».

*

В споре с «древними» у Шарля появился новый и очень сильный

союзник — Бернар Ле Бовье де Фонтенель. Ему было всего 26 лет, но в обществе уже были замечены его ясный, логический ум и блестящий стиль его работ. В будущем он станет очень заметным писателем. Но уже сейчас, в 1683 году, в опубликованной работе «Диалоги мертвых — древних и новых» он выдвинул убийственный довод против критиков Шарля Перро и его сторонников, заметив: «Древних ставят так высоко, чтобы принизить современников».

Шарль встретился с Фонтенелем и, высоко оценив его работу, подчеркнул, что она останется в памяти потомков.

В этом году он попытался вернуться к серьезной государственной работе. В «Мемуарах» Перро вспоминал:

«...После смерти Кольбера Шарпантье, аббат Тальман, Кино и я поехали в Фонтенбло, чтобы спросить у Лувуа, сменившего Кольбера, не возродить ли нам прежнюю Малую академию, созданную Кольбером. В записке мы изложили историю создания Академии и круг ее занятий. Лувуа отдал записку канцлеру (своему отцу). Тот всегда подшучивал над этой Академией, говоря, что нельзя найти худший способ тратить деньги, чем, подобно Кольберу, на оплату труда сочинителей ребусов, надписей и стишков. Но тут он почему-то поменял свои взгляды и сказал сыну, что Академию надо возродить и сохранить. В тот же день Шарпантье, Кино и Тальман пошли к Лувуа. Я не пошел из-за боязни наговорить чего-нибудь обидного в ответ на его насмешливые фразы, которые мне могут не понравиться. Лувуа спросил, сколько их. „Нас четверо!“ — ответили они, назвав и меня. Лувуа сказал: „Не может быть! У него довольно дел в строительстве!“ Дважды Шарпантье называл мое имя и дважды Лувуа повышенным тоном подчеркивал, что я не являюсь членом Академии. Тогда все трое предложили Фелибьена, и Лувуа согласился и отправил их работать.

Вот так я был исключен из Малой академии, где, конечно, с удовольствием продолжал бы работать, но нужно было пережить и это унижение».

1684

...Перро проснулся от прикосновения чьей-то руки. Карета остановилась. Слуга приготовил горячий завтрак и предложил хозяину его отведать.

Шарль осторожно, с помощью слуги, сошел на твердую землю:

затекли ноги. Он сделал несколько шагов, вдохнул свежий морозный воздух и огляделся. До самого горизонта лежала земля, рассеченная рядами виноградников. На зиму кусты были укрыты, но весной они снова дадут сочную ягоду. Черные вороны низко летали над землей. Один из них опустился на крышу кареты, другой важно шагал по земле невдалеке от низкого складного столика, на котором слуга раскладывал завтрак.

Шарль с удовольствием съел горячую, сочащуюся жиром куриную ножку с гречневой кашей, отведал паштета, густо намазанного на хлеб, и все это запил подогретым вином. На сладкое съел вафлю, несколько ломтиков засахаренной груши и был готов к продолжению поездки.

Слуги по заведенному обычаю доели остатки обеда и заняли свои места: кто на козлах, кто на запятках. Изредка Шарль приглашал их в карету, чтобы они могли отогреться. Шарлю не нужны были больные слуги.

— Далеко ли до Вири? — спросил он слугу, который сел напротив. Слуга кутался в меховое одеяло, которое ему дал хозяин.

— К обеду будем, — последовал лаконичный ответ.

...Шарль хорошо знал эти места. Помнил, что виноградники сменяют пахотные земли, затем небольшие рощицы, потом придется взбираться на холмы, откуда, наконец, откроется вид на Вири — село, обрамленное двумя неглубокими речками и обильное родниками. Все родники стекали в пруды, их было несколько. Они же пополняли и бассейны фонтанов, которые зимой замирали.

Подъехали к окраине села, когда уже начало смеркаться. Крестьяне, завидев карету, издали снимали шапки и кланялись.

У дверей родного дома его встречал слуга, которому было поручено следить за усадьбой. Он был такой же старый, как и сам дом.

— Заходите, хозяин, мне мои пострелята давно доложили, что ваша карета на подходе, и я затопил камин в столовой и в вашей комнате.

Перро стало жалко старика: он не один десяток лет служил семье Перро. Как сложится теперь его судьба?

Встреча со старым слугой, которого он помнил молодым, совсем расстроила Шарля.

Судьба отняла у него Версаль, а теперь отнимает и Вири. Брат Пьер поручил ему тяжелую миссию — выполнение последних формальностей по продаже усадьбы и организацию поезда, который увезет из родового гнезда в парижские дома семьи Перро мебель и милые сердцу вещи. Он прошел в кабинет. В шкафах и секретере лежат кое-какие документы, письма, черновики его произведений.

Да, усадьба в Вири продана!

Печальным был совет братьев, предшествовавший этому событию.

Пьер, похудевший, осунувшийся, без парика, что еще больше старило его, был немногословен. Без долгих предисловий он объявил братьям, что продает усадьбу.

Он имел на это право. По документам она принадлежала ему. Но ведь это их родовое гнездо, и без совета с братьями он не решался произвести сделку.

Шарль что-то такое подозревал: за последние годы Пьер почти совсем разорился, и все же его слова, как молния, пронзили его сердце. Шарль не мог представить себя без Вири.

Братья долго совещались. Были предложены варианты спасения родового гнезда, но Пьер уже все решил: ему нужна была сразу огромная сумма, которая поможет ему рассчитаться с долгами, купить хороший дом и жить так, как всегда жили Перро. Покупателем был Пьер Пеже, королевский советник; сумма, за которую Пьер уступал усадьбу, равнялась 15 тысячам ливров.

Здесь следует сделать оговорку. Мы далеко не все знаем о семейных делах Перро. Сумма была большой, но не настолько, чтобы братья, сложившись, не спасли бы родовое поместье. Ведь Шарлю только что выплатили 22 тысячи ливров за его прежнюю должность. Безусловно, не беден был и Клод. Почему же они не спасли Вири, с которым у них было связано столько воспоминаний? Это одна из загадок в биографии Перро.

Об отношении Шарля к родовой усадьбе свидетельствует его сонет «Его приятный дом в Вири», некогда посвященный «Монсеньору Перро-старшему»:

Прекрасный дом в селе Вири
Теперь твое владенье.
С лесами, водами, он весь —
Прекрасное виденье.

Ты посадил в Вири сады,
И цветники разбил,
И изобилием воды —
Фонтаны оживил!

Плетутся кружева их струй,
Как будто щеголь в танце.
Люблю ловить их поцелуй,

Прохладный и приятный.

И вся усталость пропадет,
Спадет все напряжение
У каждого, кто попадет
В прекрасный мир круженья.

Интриг дворцовых суета,
И лесть, и зависть черная —
Все позабудешь в тех местах,
Где есть листва узорная.

Он написал эти стихи, когда при дележе наследства дом в Вири перешел к Пьеру.

И вот Вири для них больше нет.

...Шарль приехал сюда проститься с милыми местами.

Здесь, в Вири, он встретился со своей первой любовью. Ему было пятнадцать, ей — тринадцать. Они вместе заглянули в колодец под старой раскидистой ивой, и черная колодезная вода отразила их лица. И они сжали пальцы друг друга, заплакали от счастья и поклялись перед своим отражением вечно любить друг друга.

Где теперь этот колодец?

Где та девушка?

Где та молодость?

Где вечность, которая, казалось, лежала перед ними?

Сегодня в том колодце отразилось бы лишь морщинистое лицо старика...

...Около месяца Шарль провел в Вири: следил за снаряжением поезда, за погрузкой мебели, вещей. Встретился с доверенным лицом Пьера Пеже и уладил все формальности по продаже Вири. В путь его провожал все тот же старый слуга. Шарль крепко обнял и поцеловал его и подарил на прощание мешочек с золотыми.

*

Вместе с весной пришла новая война.

Пока Кольбер, этот великий поборник мира, был жив, Лувуа, его

соперник и особенный его враг, постоянно призывал к войне, которая льстила честолюбию Людовика XIV.

После смерти Кольбера все изменилось: Лувуа, получив звание главноуправляющего публичными зданиями, стал желать мира. Зато сын Кольбера маркиз Сейнеле, сделавшись морским министром, пошел против воли и заветов отца и стал ярым сторонником войны. Только теперь он переменял театр военных действий и перенес его из Фландрии в Океан и Средиземное море.

Он посоветовал королю предпринять поход против Генуи. Пять различных обстоятельств послужили поводом к этой войне. Франция была недовольна Генуей за то, что:

1) она вооружила и пустила в море четыре галеры, несмотря на все возражения Людовика XIV;

2) она продавала порох и другие военные запасы алжирцам во время их войны с Францией;

3) она отказала в пропуске соли, которую Франция посылала в Мантую;

4) она отказала графу Фиеско в удовлетворении, которое он требовал от республики;

5) она позволяла себе дерзко выражаться против особы его величества короля Франции.

Этих пунктов было довольно. Чтобы сделать войну неизбежной, король отдал два тайных повеления. Временному начальнику городской внутренней стражи было поручено схватить Марини, генуэзского посланника, а господину де Беземо, коменданту Бастилии, — посадить его в замок, предоставив ему, впрочем, право на прогулки.

6 мая французский флот вышел из Тулона. 17 мая он уже стоял перед стенами Генуи. Здесь было пушено в ход страшное изобретение адмирала Рено — Маленького Рено, как его называли во Франции. Три тысячи зажигательных бомб обрушились на этот красивый город. Все предместья Генуи были сожжены, а большая часть его дворцов обращена в пепел.

Маркиз Сейнеле, который лично присутствовал при бомбардировке, велел сказать правителю Генуи, что если он откажется удовлетворить требования французского короля, то на следующий год французский флот снова подвергнет Геную бомбардировке.

Обсуждая результаты этого похода, Шарль и Клод согласились, что и здесь видна рука великого Кольбера: французская армия, которая еще в 1672 году удивляла Европу своей численностью в 180 тысяч человек, по прошествии двенадцати лет насчитывала уже до полумиллиона, включая

флот.

— Но Кольбер этим никогда не гордился! — заметил Шарль. — Он считал, что государство обогащает только торговля и промышленность, а война, даже победоносная, разоряет.

Часть пятая

СТАРОСТЬ

(1685–1703)

1685 год

Шарлю шел пятьдесят седьмой год. «Глубокий старик», — говорили о таких долгожителях в те времена. Однако, несмотря на свой возраст, Шарль был бодр и весел. Он почти никогда не болел и весь отдавался работе и детям. Как и в добрые прежние времена, в полдень его карета останавливалась у Лувра, и по широкой, выстланной мягким ковром лестнице он поднимался на второй этаж. Но теперь он шел не в левое крыло дворца, где когда-то был его кабинет, а в правое — в помещение Академии. Его главной заботой теперь стал «Всеобщий словарь французского языка». Шарль по-прежнему руководил работой над созданием «Словаря». Иногда он встречался с королем, и тот мило улыбался ему. Однако это была всего лишь улыбка вежливости.

Но и здесь его ждал жестокий удар, хотя отчасти и ожидаемый, но все равно болезненный. Антуан Фуретье, один из участников работы, сам, в одиночку, составил «Словарь французского языка» и даже получил у короля привилегию на его издание. Фуретье и раньше выражал недовольство медлительностью академиков. Более того, он даже угрожал Перро, обещал выполнить всю работу, не дожидаясь остальных «бессмертных». И при поддержке Расина и Буало сдержал свое обещание.

Известие об этом вызвало настоящую панику среди «бессмертных». Они потребовали у Шарля Перро объяснений, но тот знал столько же, сколько и они. Фуретье не желал никого принимать и отвечал отказом на все просьбы явиться в Академию. Даже аббат Рени, известный мастер улаживать трудные дела, не получил доступа к его «Словарю», хотя лично посетил Фуретье; больше того, его не пустили дальше порога.

Лишь когда президент Академии монсеньор де Нови строго предупредил Фуретье, тот написал письмо, в котором объяснял, что решил сам, один, составить «Словарь», потому что не мог терпеть медлительность академиков. «А необходимость „Словаря французского языка“ для нашей страны очевидна», — объяснял он. Чтобы успокоить страсти, Фуретье согласен собрать у себя представителей Академии.

Были отобраны четыре человека: монсеньор де Шомон, Шарль Перро, Антуан Шарпантье и Тома Корнель. Затем к ним добавили аббата Рени в качестве секретаря.

Фуретье представил академикам все свои бумаги и даже привилегию на издание «Словаря». Оказалось, что согласно привилегии он должен был составить «Словарь терминов науки и искусства». Несмотря на это, Фуретье включил в «Словарь» все французские слова — как древние, так и современные.

Изучив черновые тетради, монсеньор де Нови убедился, что Фуретье использовал те материалы, которые подготовили остальные академики. В его «Словарь» вошли целые фразы, составленные академиками, иногда лишь слегка видоизмененные, а иногда оставленные без изменений.

Это, естественно, вызвало скандал. Состоялись две конференции, на которых академики выразили свое возмущение действиями Фуретье. Главным обвинителем выступил Перро. Он первым потребовал исключения Фуретье из Академии. Это предложение поддержали и остальные. Академики не жалели ругательств в адрес своего бывшего товарища.

Все шло гладко, пока не выступил Жан Расин.

— Давайте оглянемся на себя! — Расин обвел взглядом ряды «бессмертных». — Мы в самом деле ленивы и неповоротливы. Мы 40 лет делали «Словарь», но он все еще не готов! А наш товарищ, понимая, что мы еще долго не дадим Франции «Словарь», решил сам составить его и составил. Пусть даже немного заимствуя у нас.

Эти, в общем-то, вполне разумные слова вызвали невообразимый шум. Академики стучали ногами, палками, вскакивали, кричали:

— Он украл наши труды!

— Он переписчик, а не составитель! Он вор!

— Расин — предатель! Убирайся с трибуны!

Вслед за Расином перед академиками предстали Жан де Лафонтен и Николя Буало-Депрео. Друзья детства Фуретье, они, казалось бы, соглашались с академиками, но старались при этом выгородить друга.

Шарль Перро был вне себя от ярости. Он назвал выступление Буало демагогическим и вместе с президентом де Нови потребовал признать поступок Фуретье подлостью.

Уговоры друзей Фуретье не помогли. Было решено, согласно уставу Академии, исключить Антуана Фуретье из рядов «бессмертных» как человека, совершившего поступок, недостойный члена Академии. В постановлении конференции было записано, что Фуретье незаконно

присвоил труд всей Академии, а его письмо к королю фактически представляет собой пасквиль на всех академиков. 22 января 1685 года Фуретье был исключен из Академии, членом которой он состоял 23 года.

После некоторых колебаний с этим решением согласился и король, за которым, как за протектором Академии, оставалось последнее слово.

Составитель скандального «Словаря» был возмущен решением Академии. Три последних года своей жизни Фуретье посвятил обличению бывших коллег, на которых он, в свою очередь, вылил ушаты грязи. Нетрудно догадаться, что больше всего досталось Перро, который фактически верховодил на конференциях, исключивших Фуретье.

Жан Расин и Николя Буало — главные недруги Перро — тоже постарались на славу. До наших дней дошли их пасквилы — маленькие шедевры юмора и злости. Они направлены не только против Перро, но против целого ряда академиков, написаны зло, жестко, но самые едкие эпитеты посвящены Шарлю Перро. Их основная мишень — творческая несостоятельность Перро, его «полуодаренность».

Пасквилы против Перро Буало и Расина (часто неподписанные) легко различить: Буало груб и прямолинеен, Расин хитер и изворотлив. Буало более импульсивен: охваченный гневом, он наносит удар за ударом, зато Расин более хладнокровен и рассудителен.

*

Работа в Академии по сверке, редактированию и унификации текстов для «Словаря» отнимает у Перро много сил. Он отдыхает по вечерам — дома, с детьми.

Он по-прежнему рассказывает детям сказки. Но уже не только сказки составляют круг его вечерних чтений и рассказов в кругу семьи. Шарль знакомит детей и с другими жанрами литературы.

Понятия «детская литература» в XVII веке конечно же еще не существовало. Однако литература, обращенная к детям, все же имела. Среди книг, издававшихся в то время, пишет по этому поводу профессор Марк Сориано, «мы находим произведения самого различного порядка, которые в силу своего сюжета, роли волшебства в них, героического, рыцарского или комического характера соответствовали интересам детей и юношества. Особенным вниманием и интересом детей пользовалась народная литература, в которой существовали жанры, непосредственно обращенные к детям: разного рода прибаутки, предназначенные для самых

маленьких, песни, хороводы, фанты и наказания в игре, загадки и считалки и, самое главное, сказки — сказки о животных и волшебные сказки-предупреждения, роль которых заключалась в том, чтобы предостеречь детей от различных опасностей».

В своих сказках Перро всегда обращает внимание на мораль. (Впоследствии, когда он сам будет печатать сказки, после каждой из них непременно будут следовать особое назидание, мораль.) Рассказывая сказки, он очень хотел, чтобы дети уловили главное: добро непременно должно восторжествовать; если ты спасешь кого-то в беде, то и тебе обязательно помогут. Он то и дело менял тон и высоту голоса, чтобы дети заметили его отношение к тому, о чем он рассказывает. Он говорил разными голосами за героев сказок — особо за людей, особо за животных. По выражению его лица и голосу дети могли понять, в каком положении находится герой сказки — является ли он участником событий или наблюдает за ними со стороны.

В его сказках то и дело попадаются ремарки, нравоучительные замечания, разрывающие связный текст. Их цель: подсказать ребенку, «что такое хорошо, а что такое плохо».

Например: «Бедный ребенок не знал, как опасно останавливаться и разговаривать с волками». Или: «Есть много людей, которые очень любят женщин, говорящих красиво, но которые очень надоедливыми считают женщин, только этим и занимающихся».

1685 год стал особым годом в биографии Шарля Перро и, возможно, первым в биографии Перро-сказочника. Он наконец-то взялся написать свою первую сказку. О чем она будет, он долго не знал. Он искал сюжет, но оказалось, что сюжет сам нашел его.

Однажды, поздним вечером, когда дети спали, он в кабинете перечитывал книгу своего любимого писателя Джованни Боккаччо «Декамерон». И вот в только что прочитанной новелле — рассказе некоего Дионео о женитьбе маркиза Гвалтьери — начале десятой новеллы десятого дня — он натолкнулся на сюжет, который, несмотря на свою кажущуюся банальность, буквально поразил его. Желание взять реванш за незаслуженную обиду — таков будет сюжет его сказки!

Свою первую сказку он назвал «Гризельда» — по имени героини. Конечно, он стал писать в стихах, ибо этой формой он владел в совершенстве, да и каноны классицизма предписывали «высоко писать о высоком».

Перо было отлично очинено, чернила — яркие, бумага — лучшей.

Начало вышло легко и свободно:

У ног горы великой, древней,
Где По рождается под сенью тростников
И дремлют ближние деревни
Под шум младенческих валов,
Жил юный принц, храбрец измлада,
Своей провинции услада.
Все редкие черты, какими не всегда
Не каждого природа наделяет,
Дала ему счастливая звезда,
Сей дар великим небо посылает...

Когда спустя много дней и ночей сказка была закончена, Шарль прочитал ее детям. Сказка была большая, и отец читал ее в течение нескольких вечеров.

Мальчикам сказка понравилась, но меньше, чем народные волшебные сказки. Зато Франсуаза была в восторге от приключений Гризельды — простой пастушки, ставшей женой принца. На ее долю выпали тяжелые испытания, но она преодолела их и добилась своего счастья. Шарль видел слезы на глазах дочери — и это была высшая оценка его сказки.

— Я постараюсь быть такой же терпеливой, как Гризельда, — сказала она отцу. И Шарль прижал ее к своей груди.

Бедняжка! Она не знала, что ей осталось жить на свете всего один год...

1686 год

Шарль был удален от двора, но ревниво следил за тем, что там происходит.

В январе состоялось тайное венчание короля и госпожи де Ментенон. Власть, которую имела эта женщина над королем, была тем удивительнее, что она была на пять лет его старше: ей было уже 52 года!

Чары ее были неотразимы, и это были чары не молодой красавицы, а опытной женщины. Своим возвышением она была отчасти обязана тому непривычному сопротивлению, которое встретил в ней Людовик. Другие женщины при первом слове любви немедленно отдавали свои сердца честолюбивому монарху. Но госпожа де Ментенон, явив ему страстные образцы любовных утех, которыми она отлично владела, сообщила своему любовнику, что отдастся ему полностью только после того, как их брак

скрепит церковь.

Она подкупила отца Ла Шеза, который осмелился предложить монарху тайно совершить брачную церемонию. И когда Людовик стал колебаться, она объявила ему, что по примеру Лавальер и Монтеспан удаляется в монастырь и проведет остаток своей жизни в молитвах за спасение души монарха.

И Людовик подчинился. Так сбылось предсказание: вдова поэта Скаррона стала королевой.

А в Версале и Париже по рукам ходил сонет:

Как, Боже, ты велик с всенощною десницей!
Награду дал Ты мне за тяжкие труды;
Рабыней я слыла, когда была девицей,
Посуду мыла я, терпела все беды.

Не презирала я любовников поклона,
В объятья страстные кидалась часто к ним...
И сделалась женой безногого Скаррона,
Который рифмой жил, как телом я своим.

Он умер — и уж жар хладел в моей крови,
Толпа поклонников с холодностью отстала;
Как вдруг один герой шепнул мне о любви.

Святошею ему себя я показала,
Не слушала его я нежного напева, —
Пред адом струсил он... и вот я — королева!

Здоровье короля всегда вызывало определенные опасения у медиков. Излишества, нездоровый образ жизни привели к тому, что Людовик, которому еще не было полных сорока девяти лет, начинал чувствовать первые признаки старости. В 1686 году двор был испуган серьезной болезнью короля. У него сделалась фистула. Болезнь казалась тем более опасной, что хирургия в то время находилась еще в зачаточном состоянии. Хирург короля Феликс, искусный врач своего времени, в продолжение целого месяца почти безвылазно оставался в главной городской больнице, где делал опыты над несчастными больными, которых к нему привозили из всех госпиталей Парижа. Когда он уверился, что приобрел некоторый опыт

в искусстве делать эту операцию, он сказал королю, чтобы тот готовился. О болезни короля, впрочем, никому не было известно, кроме четырех особ: госпожи де Ментенон, Лувуа, Феликса и дофина. В это время готовился союз европейских государств против Франции, и известие о том, что король по причине опасной болезни не может встать во главе армии, могло ободрить его врагов. Поэтому в то самое время, когда состояние короля вызывало серьезные опасения, супруга дофина получила приказание не прекращать своих приемов и давать балы, как будто король был совершенно здоров.

Во время операции госпожа де Ментенон стояла у камина. Маркиз Лувуа держал короля за руку. Дофин стоял в ногах, а Феликс бегал, суетился, приготавливая все нужное.

Операция прошла успешно: король даже не вскрикнул и по окончании ее показался придворным. Таким образом, Франция узнала о выздоровлении своего монарха в одно время с известием о его болезни.

Шарль от имени Академии горячо поздравил короля с выздоровлением и лично вручил ему приветственный адрес.

В этом году Шарль публикует в Париже свою поэму «Святой Павел». Но, главное, он работает над книгой — может быть, самой важной книгой в своей жизни, которую начал несколько лет назад и в которой последовательно доказывает приоритет живого французского языка над мертвой латынью, — «Параллелями между древними и новыми в вопросах искусства и наук».

Одна из первых записей гласит:

«...Когда у „древних“ находят плоские и банальные места, говорят: вот она, сама естественность, вот столь трудная легкость и драгоценная простота, которую могут почувствовать и в полной мере оценить только первостепенные умы; когда попадаются темные и невразумительные места, в них видят выражение высших усилий человеческого разума и божественные глаголы, в таинственный смысл которых нам не надо проникнуть. Когда же дело касается „новых“, происходит обратное: естественное и легкое рассматривают как низменное и пошлое, а благородное и возвышенное объявляют напыщенной галиматей. Это чрезмерное пристрастие к „древним“ сказывается даже и в том, что все цитаты из древних авторов произносят громко и торжественно, будто это слова совсем другого рода, чем те, что пишут ныне, а цитаты из новых авторов — обыденным тоном, без всякого пафоса...»

Книга пишется медленно, но страницы заполняются. Шарль находит все больше доказательств своей теории и неправоты своих главных

оппонентов — Расина и Буало.

Книга о борьбе «древних» и «новых» выйдет в свет еще нескоро. Она слишком серьезна, она требует слишком много сил. Шарль же решает нанести удар по своим противникам как можно раньше. Его главная цель — привлечь на свою сторону короля.

И он задумывает написать поэму о короле — о его уме, его решительности, его мудрой государственной политике, его военных талантах. Несомненно, королю должно понравиться сопоставление его с «древними» героями, ибо он, Перро, сумеет показать, что никакие античные мудрецы не сравнятся мудростью с королем, и никакие античные поэмы и трагедии не в силах отразить величие французского монарха.

И с первых строк — удар по «древним». Ему нравилось то, что он придумал для начала своей поэмы:

Чтить древность славную прилично, без сомненья!
Но не внушает мне она благоговенья,
Величье древних я не склонен умалять,
Но и великих нет нужды обожествлять.
И век Людовика, не заносясь в гордыне,
Я с веком Августа сравнить посмею ныне.
Когда водили в бой с таким искусством рать?
И штурмом крепости, как мы, умели брать?
Случалось ли быстрее победы колеснице
На верх величия и славы возноситься?
Когда б мы с наших глаз сорвали пелену
Предубеждения, что держит нас в плену,
И разум собственный открыли пред сомненьем,
Устав рукоплескать грубейшим заблужденьям,
Нетрудно было б нам осмыслить и понять,
Что в древности не все должно нас восхищать,
Что в наши дни нельзя ей слишком доверяться
И можем с нею мы в науках потягаться.

*

Несколько месяцев он писал свою поэму. Писал несмотря на то, что в

его жизнь вошло новое горе.

В 1686 году умерла его дочь Франсуаза. Ее хоронили в белом подвенечном платье. Франсуазе было всего тринадцать лет.

1687 год

Этот год занимает особое место в жизни Шарля Перро. Он объявляет «древним» открытую войну.

22 января, в холодный морозный день, когда улицы Парижа стали необычайно чистыми от обильно выпавшего снега, к зданию Лувра, где размещалась Академия Франции, одна за другой подъезжали кареты.

По случаю выздоровления короля собралось заседание Академии, на котором академик Перро должен был представлять свою новую поэму «Век Людовика Великого».

Когда все разместились на своих местах, в зал вошел король. Все академики встали и поклонились Людовику. Он же небрежно кивнул им и опустился в свое удобное кресло с высокой спинкой.

Шарль задолго до дня заседания заказал себе новый костюм у лучшего портного и новый парик у лучшего парикмахера и чувствовал себя уверенно. Однако читать поэму он поручил другому — а именно аббату Лаву.

Вообще, Шарль Перро был хорошим оратором. Он несколько раз назначался председателем Академии и в этом качестве выступал либо перед самим королем, либо перед тем или иным высокопоставленным лицом. Он активно участвовал в организации работы Академии и принимал деятельное участие в различных дискуссиях. Он мог бы и сегодня прочитать поэму, но он решил как бы отстраниться от нее, чтобы услышать ее со стороны и понаблюдать за реакцией слушателей.

Но была и другая тому причина, и ее раскрывает профессор Марк Сориано в своей докторской диссертации о творчестве Шарля Перро:

«Легко расстраивающийся, нервный Перро в трудные минуты жизни, очевидно, предпочитал общаться со своими противниками в письменной форме и доверял чтение своих поэм другим».

Как председатель Академии, Перро открыл заседание и затем предоставил слово аббату Лаву.

Конечно, Перро волновался. Еще бы! Его поэма звучала открытым вызовом «древним», которых было немало и среди академиков, и среди приглашенных на заседание:

...Твердили в старину: божественный Платон!
Но, право, нам теперь довольно скучен он.
Хоть верный перевод отлично сохраняет
Аттическую соль, Платон нас не пленяет.
Едва ли мы найдем читателя, чтоб смог
Осилить до конца Платонов диалог.
Уже известно всем, и можем мы открыто
Сказать, что меркнет блеск и слава Стагирита.
Он в физике уже не столп былых времен.
А Геродот — не столп истории племен.
Труды его, что встарь мудрейших восторгали,
Добычей в наши дни пустых педантов стали.

Сторонников среди академиков у Перро было очень много, можно сказать, большинство. Но и противников было тоже немало, и они, не стесняясь присутствия короля, стали стучать ногами и выкрикивать бранные слова. Больше всех неистовствовал Буало.

— Это стыд — устраивать подобные чтения, хулящие самых великих людей древности! — кричал он.

И если бы не епископ Юэ, который сидел возле Буало и время от времени останавливал его, тот непременно устроил бы скандал, как это не раз случалось в Академии. Сдерживало Буало и присутствие короля. И все же, когда чтение поэмы было закончено, он вырвался из рук Юэ, вскочил и выкрикнул: «Это позор для Академии! Ей нужна новая эмблема — стадо обезьян, которое смотрит на свое отражение в источнике с надписью: „Красивы для самих себя!“».

В самом деле, удар по «древним» был страшен: Перро низвергал авторитеты, переключал внимание людей с древности на сегодняшний день. Он отстаивал веру в нравственный прогресс и прогресс в совершенствовании человека, в развитии науки и культуры. И построено это все было на возвеличивании короля и его подвигов — больших, нежели подвиги древних царей и полководцев. Это и определило внимание короля к проблеме «древних» и «новых» и поставило его в число сторонников Перро.

Людовик одобрил поэму. При последних ее строках Перро встретился взглядом с королем, и тот ему милостиво кивнул. И это видели другие. Академики, по крайней мере большая их часть, поздравляли Перро, жали ему руку, восхищались поэмой.

В самом деле, в поэме было много новых мыслей:

— Перро доказывал, что мир не стоит на месте, культура, наука, искусство постоянно развиваются, и нельзя все время оглядываться на древние авторитеты; и сегодня много гениальных людей!

— Перро в поэме говорит об успехах техники: изобретении телескопа и микроскопа, которые открыли новые перспективы для развития естественных наук, говорит о достижениях медицины.

— То обстоятельство, что Перро с одинаковым энтузиазмом говорит в поэме о науке, литературе и искусстве, показывает, как существенно отличаются его взгляды от взглядов Буало и Расина, которые строго отгораживали область художественного творчества от остальных видов интеллектуальной деятельности. Именно эта уравнивающая оценка творческих достижений человеческого разума явится в дальнейшем одним из основных качественных отличий эстетики эпохи Просвещения.

Поэма Перро вызвала бурные обсуждения в Париже. Уже на следующий день у дома одного из сторонников Перро епископа Юэ остановился экипаж, и вышедшему на стук медного кольца слуге передали объемистый пакет для хозяина. В нем епископ нашел том древнеримского теоретика ораторского искусства Квинтилиана и вложенное в него стихотворное послание Лафонтена, в котором о поэме Перро говорилось так:

Красивые слова, но лишь слова. Поныне
Им отвечающих творений нет в помине.
И те, кто к древним взор не хочет вознести,
Ища других путей, сбивается с пути.

Эпиграмма Лафонтена была первой в длинном ряду полемических откликов на поэму Перро. Лонжпьер в «Рассуждении о древних» назвал Перро человеком без вкуса и авторитета. Дасье в предисловии к 4-му тому своих переводов Горация тоже обрушился на Перро: «Варвары, опустошившие с невероятной яростью Грецию и Рим и разрушившие все то, что Греция и Италия имели самого прекрасного, не были столь ужасны, как современные авторы, начинающие развенчивать древних».

По Парижу ходили едкие эпиграммы Николя Буало. Вот одна из них:

Раз Фебу принесла младая Клио весть,
Что на земле такое место есть,

Где учат: всякие Вергилии, Гомеры —
В поэзии убожества примеры.
— То шутка глупая! Вам кто-нибудь солгал! —
Ей Аполлон сердито отвечал. —
Где говорить могли постыдный вздор такой?
Не у гурунов ли, в невежестве возвращенных?
— В Париже!
— Так в доме умалишенных?
— Нет, в Лувре, в Академии самой!

*

К числу приверженцев Перро принадлежал писатель, историк, философ, ученый-популяризатор Бернар Ле Бовье Ле Фонтенель, племянник знаменитого драматурга Пьера Корнеля.

Еще в 1683 году Шарль обратил внимание на опубликованную им работу «Диалоги мертвых — древних и новых». Теперь тот показал Перро новую статью «Свободное рассуждение о древних и новых».

Однажды Бернар пригласил Перро к себе.

Дом, где жил Фонтенель, был большой, просторный. Его окружал старый, довольно запущенный сад, но это придавало дому особую прелесть: легко можно было уединиться в беседке, обвитой плющом и виноградными лозами, и говорить, сколько душе угодно.

Но сейчас на дворе была зима, и собеседники устроились в просторном кабинете Бернара Фонтенеля.

Конечно, речь пошла о поэме Перро.

— Весь вопрос о превосходстве древних над новыми, — говорил Фонтенель, — в сущности сводится к вопросу о том, были ли деревья, что росли в наших краях в былые времена, выше, чем нынешние. Если да, то в наш век не может быть авторов, способных выдержать сравнение с Гомером, Платоном, Демосфеном, но если наши нынешние деревья столь же высоки, как деревья былых времен, мы можем сравниться с Гомером, Платоном и Демосфеном.

Перро от души расхохотался, откинувшись на спинку кресла:

— Нет, вы, честное слово, гений! Так образно и просто сказать о нашем споре!

— Конечно просто! — улыбнулся Фонтенель довольный, что мэтр

похвалил его (Бернару ведь было всего 30 лет, и у него еще были такие красивые и длинные волосы, что он их не прятал под букли парика). — Если древние были умнее нас, значит, мозги у людей того времени были устроены по-иному, состояли из более крепких или более тонких фибр, содержали больше животных флюидов. Но почему бы мозги в те времена были лучше устроены? Ведь это значило бы, что и деревья были выше и красивее, ибо если бы и природа тогда была моложе и мощнее, ее молодость и мощь должны были бы сказаться как на мозгах людей, так и на деревьях.

— Умно! Умно! И просто! — Шарль негромко зааплодировал.

— Пусть поклонники древних взвешивают свои слова, — продолжал Фонтенель, — когда говорят нам, что эти люди — источник хорошего вкуса, разума и познаний, долженствующих просвещать всех остальных людей; что умны только те, кто восхищается ими; что природа истощила свои силы, создав эти великие образцы, и уже не способна порождать им подобные: ведь произнося эти красивые фразы, они представляют древних существами иной породы, нежели мы, а это не согласуется с естественными науками.

Перро был доволен, что нашел такого умного, энергичного, молодого союзника. И в самом деле, Бернар Фонтенель много сделал для победы нового направления в культуре страны.

Как ученый-популяризатор Фонтенель был особенно опасен для соперников, ибо быстро клал их на лопатки своими научными сравнениями и безукоризненно точными доводами.

Здесь, в просторном, хотя и забитом книгами кабинете Фонтенеля, Перро признался, что его поэма — это лишь начало длительной войны. Следующий удар он нанесет в большой книге, которую он уже начал писать и в которой прозой будут изложены все его взгляды на спор «древних» и «новых».

— Это будет монолог? — заинтересовался Фонтенель.

— Нет, это будут диалоги. Я дам своим противникам возможность отстаивать свою позицию, и пусть читатель сам решит, кто прав.

Шарль помолчал, теребя букли парика украшенным перстнем пальцем, и потом, вытащив принесенную с собой книгу, начал читать первые ее страницы:

«Минувшей весной, когда стояли такие ясные, теплые дни, председатель судебной палаты, аббат и шевалье решили удовольствия ради в подробности осмотреть все красоты Версаля, посвятив этому столько времени, сколько требует такое обширное предприятие. Отсутствие короля,

который объезжал Люксембург и прочие вновь завоеванные земли, показалось им благоприятным для этого обстоятельством, и, хотя они понимали, что оно лишает дворец наивысшего блеска, не стали откладывать исполнение своего намерения, рассудив, что зато им представится возможность все обозреть с большей легкостью и с меньшими помехами...»

— Главные герои моей книги, — разъяснил Шарль, — и ведут диалоги, спор между «древними» и «новыми». И так как мне было бы очень приятно, чтобы читатель знал, каких я на самом деле придерживаюсь взглядов, я в предисловии сообщу, что они соответствуют тому, что говорит аббат. Но я ни в коей мере не отвечаю за то, что говорит шевалье. Он порой преувеличивает, и я ввел этого персонажа, чтобы высказать ряд рискованных положений. Ну а председатель судебной палаты, конечно, отстаивает позиции «древних».

— И много вы уже написали? — заинтересовался Фонтенель.

— Первый выпуск я уже в основном подготовил и думаю, что в следующем году он выйдет в свет.

Позднее они еще не раз обсуждали новую книгу Перро. Своему собеседнику и другу Шарль посвятил поэму с красноречивым названием — «Гений» — поэтический отклик на «Свободное рассуждение о древних и новых».

Шарль поделился с Фонтенелем и своим увлечением народными сказками. С радостью и удивлением он узнал, что Бернар сам давно интересуется фольклором. Прочитав «Гризельду», Фонтенель был восхищен ею и подал Перро совет прочитать эту сказку в Академии, предварительно сказав несколько слов о Словаре, о французском языке, о его истоках и подведя академиков к мысли, что народные французские сказки хорошо сохранили язык предков.

И вскоре на одном из заседаний Академии Перро прочел свою сказку «Гризельда», которая именовалась тогда по-другому — «Маркиза де Салюс, или Терпение Гризельды».

Сказка была принята благосклонно.

Особенно восторженно отозвался о сказке аббат Шуази. Может быть, потому, что на этом заседании он был избран в Академию.

1688–1689 годы

В свободное время Шарль любил во время прогулки заглянуть в лавку

Барбена: полистать «Голландскую газету», в которой свободно рассказывалось о нравах Версаля, журнал «Галантный Меркурий», где неоднократно печатались он сам и его племянница Леритье де Виллодон. Любил поболтать с Барбеном, которого уважал как издателя за то, что он выпускал книги Мольера, Расина, Лафонтена и других талантливых литераторов.

А сегодня Шарль увидел на прилавке еще пахнущую типографской краской книгу Жана де Лабрюйера «Характеры» и сразу купил ее. Он давно слышал об этой книге и ждал ее.

Жану де Лабрюйеру было 33 года. Он родился в семье главного контролера рент Парижского муниципалитета, человека небогатого, с трудом содержавшего семью. Но писатель получил хорошее образование — сначала в коллеже, а затем на юридическом факультете Орлеанского университета. Какое-то время он занимался адвокатской деятельностью, а в 1673 году купил должность генерального казначея в финансовом бюро округа Кан. Работал он там не слишком усердно, но зато много читал, беседовал и размышлял. В эти годы, как он однажды признался Шарлю, он и начал работать над книгой.

Четыре года назад по рекомендации Боссюэ Лабрюйер получил должность воспитателя внука принца Конде, а потом, когда мальчик подрос, остался жить в доме вельможи, получая пенсию в тысячу экю и выполняя обязанности библиотекаря. Здесь, в Версале — во дворце Конде и в Шантильи, Лабрюйер познакомился с жизнью высших аристократов и придворных кругов Парижа. Образцом для книги послужило для него сочинение древнегреческого писателя Теофраста «Характеры». Первоначально Лабрюйер предполагал ограничиться переводом греческого автора, присоединив лишь несколько характеристик своих современников. Но с каждым новым изданием оригинальная часть все разрасталась, и в последнем, опубликованном в год смерти писателя (1696), перевод Теофраста, по сути, оказался лишь незначительным приложением к книге самого Лабрюйера. В ней было 120 оригинальных портретов.

*

В 1688 году в издательстве «Когнар» вышел в свет 1-й том книги «Параллели между древними и новыми», включающий два диалога: первый — «в отношении искусств и наук» и второй — «в отношении архитектуры, скульптуры и живописи».

Перро в своей книге разбивает доводы «древних» о незыблемом авторитете античного искусства и науки. На многочисленных примерах он доказывает, что современность далеко опередила достижения предков и при этом обращает внимание на то, что «похвальная свобода, с которой ныне рассуждают обо всем, что является порождением Разума, — это одна из вещей, которой больше всего может гордиться наш век», а успехи техники, изобретение телескопа и микроскопа открывают невиданные перспективы для развития естественных наук и медицины. Накопление точных знаний, служащих разуму и расширяющих его пределы и возможности, свидетельствует, по мнению Перро, о неуклонном прогрессе творческой человеческой мысли, о движении человечества вперед.

В своей книге Шарль Перро опровергает взгляды Николя Буало на область художественного творчества, строго отделенную от остальных видов интеллектуальной деятельности. Именно эта нивелирующая оценка творческих достижений человеческого разума, объединяемых одной общей идеей прогресса, явится в дальнейшем одним из основных качественных отличий рационалистической эстетики Просвещения.

Общий прогресс культуры и цивилизации, по мнению Перро, определяет также и прогресс литературы в современную ему эпоху. Независимо от индивидуальной одаренности тех или иных поэтов сумма человеческих знаний о мире, природе и человеке настолько возросла, что уже по одному этому современная литература должна быть богаче и значительнее древней. Эти взгляды Шарля Перро тем поразительнее, что сам он еще живет по канонам классицизма. Но, являясь рационалистом, как, впрочем, и Буало и большинство писателей эпохи классицизма, Перро представляет качественно иной, новый этап рационалистического мировоззрения, гораздо ближе стоящего к мировоззрению XVIII века.

Благодаря своей гениальной интуиции Шарль Перро по существу отказывается от того иерархического принципа, который был характерен для эстетики классицизма: особое место гениального художника, возвышающегося над посредственностью (идеалом такого художника для Буало и Расина были античные поэты); выступает против особого места искусства, возвышающегося над сферой реальной жизни, а следовательно, и над прикладными науками, — все это сглаживается и выравнивается в изложении Перро с помощью единого общего критерия — разума, выступающего как совокупность человеческих знаний. Говоря о достижениях современной ему науки, Перро оптимистически утверждает: «Тщеславное желание казаться ученым с помощью цитат уступило место мудрому желанию действительно быть ученым с помощью

непосредственного изучения явлений природы». Отказ от схоластической книжной науки в пользу эмпирического изучения природы, непосредственное обращение к самой действительности, проверка опытом традиционных сведений, завещанных авторитетами, — все это характеризует, по мнению Перро, современное состояние и метод науки.

Так раньше самого Уильяма Гарвея Шарль Перро поставил опыт в основу критерия истины!

Ниспровержение авторитета древних, считал Перро, теснейшим образом связано с вопросом о языке. Несмотря на то, что проблема национального французского языка к середине XVII века была уже фактически разрешена, а творчество французских писателей, с одной стороны, и Академии — с другой, казалось бы, утвердили его господство во французской литературе, педагогическая практика оставалась прежней: в иезуитских коллежах, являющихся наиболее распространенными французскими учебными заведениями, латинский язык был единственным, на котором велось обучение. Первые попытки ввести наряду с латинским языком преподавание родного языка были сделаны противниками иезуитов — янсенистами, к которым издавна тяготела семья Перро.

Малая академия, фактически возглавлявшаяся Шарлем Перро, много сделала для пропаганды и продвижения в жизнь французского языка. Важная роль при этом отводилась возвеличиванию короля, которое на латинском языке, по мнению Перро и его сторонников, было немыслимо.

Однако и работа по составлению «Всеобщего словаря французского языка», и работа над реформой по упрощению орфографии, которой также руководил Перро, шла по-прежнему недостаточно быстро.

К тому же Людовик решает начать новую войну. В 1688 году французские войска вторглись в Пфальц. Международная обстановка к этому времени изменилась. Испания, Голландия, Швеция и Англия объединились в Аугсбургскую лигу, враждебную Франции. Большая европейская война развернулась на нескольких фронтах на суше и на море.

Людовику явно было не до вопросов культуры, не до спора между «древними» и «новыми» и не до Шарля Перро.

*

В 1688 году Шарль начинает большое строительство. Потеряв «кров» в Версале, он решает прочнее обосноваться в Париже, чтобы обеспечить каждого из сыновей хорошим домом. Годом ранее он начал строить два

дома на улице Фурси, а теперь приступает к строительству на улицах Ториньи. 9 августа Шарль платит 2 тысячи 265 ливров за столярные работы, выполненные в мастерской Мари Гиеймар, вдовы столяра Жерома Тавернье.

А в это время новая беда обрушивается на Шарля. 11 октября после тяжелой болезни умирает его брат Клод, с которым он был так близок.

В «Мемуарах» Шарль много рассказывал о каждом из братьев, но больше всего — о Клоде. Именно ему он посвятил вторую часть «Мемуаров».

*

В 1689 году Шарль пишет «Оду на взятие Филсбурга» и переводит «Гимны здоровья», которые сопровождает личным посланием королю. Однако в ответ — ни слова. Король явно игнорирует Перро, хотя тот по-прежнему надеется обратить на себя внимание любимого монарха.

1690–1691 годы

Женщины, игравшие столь важную роль в жизни Франции в эпоху Фронды и позже, были, как правило, на стороне «новых». Произведениям античных авторов они предпочитали галантную поэзию, прециозные романы и оперу.

Николя Буало был взбешен этим. В 1690 году он пишет свою «Десятую сатиру», которую так и называет — «Против женщин».

Следует напомнить, что свою известность Николя Буало-Депрео приобрел как автор сатир. В 1660–1666 годах им были написаны девять сатир, которые первоначально распространялись в списках и были изданы в 1666 году. В сатирах затрагивались не только житейские и моральные проблемы, но и литературные темы. Буало зло высмеивал прециозную поэзию и бурлеск, считая оба эти направления одинаково фальшивыми и неестественными.

Сатиры обратили на себя внимание двора, и в начале семидесятых годов Буало был приближен ко двору. А в 1677 году Буало вместе с Ж. Расином становится придворным историографом и совсем отходит от литературы. Поэма Шарля Перро «Век Людовика Великого», можно сказать, «разбудила» его.

Племянница Шарля Перро Леритье де Виллодон — «маленькая Лери», как ее называл Перро, была возмущена сатирой Буало. Считавшая себя, по выражению профессора М. Сориано, «лидером своего пола», она стала выступать с литературными сочинениями с 1688 года, а впоследствии получила известность как писательница-сказочница, и если в печати Леритье де Виллодон не выступила против Буало, то в кулуарах «выдала ему по первое число».

Леритье де Виллодон обожала своего дядю. Она гордилась им, внимала каждому его слову и, конечно, разделяла его взгляды. И еще она обожала своих племянников, и именно благодаря ей и увидит свет та знаменитая тетрадка Пьера Перро, которая подарит бессмертие и ему, и его отцу. Но об этом немного позже.

*

Сказка была нелюбимой падчерицей литературы, которой не доставало места ни в книге, ни тем более в салоне богатого дома. И когда Шарль Перро прочитал вслух свою сказку «Маркиз де Салюс, или Терпение Гризельды», и не где-нибудь, а на заседании Академии Франции, и академики терпеливо выслушали ее, это был смелый разрыв с традициями, настоящая революция в отношении общества к фольклору. Понимал ли это Шарль Перро? Очевидно, понимал, потому что более чем кто-либо другой видел внутреннее богатство народных сказок, их огромное воспитательное значение. Именно поэтому Шарль и не спешил отдавать в печать свою сказку, решив сначала опробовать ее на друзьях и знакомых.

В начале 1690 года он послал сказку «Гризельда» некоему влиятельному лицу и приложил к ней такое объяснение:

«Если бы я следовал всем различным пожеланиям, которые мне пришлось выслушать по поводу поэмы, посылаемой вам, от нее ничего бы не осталось, кроме сухого изложения остова сказки, и в таком случае мне лучше было бы к ней не прикасаться, а оставить „Гризельду“ в моих черновых записях, где она пролежала у меня много лет... Я решил оставить мое сочинение примерно в том виде, каким я прочел его в Академии. Одним словом, я счел своим долгом исправить только то, что, как мне указали, было плохо само по себе, а в тех местах, которые ничем дурным не отличались, кроме того, что они не пришлись по вкусу некоторым особам, быть может, слишком уж требовательным, я не счел нужным ничего поправлять.

Ну есть ли смысл изъять из угощения
Одно из вкусных блюд на случай тот,
Что гость придет на наше приглашение,
Который в рот такого не берет?
Нет, я для всех готовлю развлечение,
И кушанья на трапезе моей
Различны будут, как и вкус гостей.

Так или иначе, а я решил обратиться к публике, которая всегда судит лучше всех. От нее я узнаю, чему я должен верить, и уж, конечно, исполню все ее пожелания».

Однако Шарль не оставлял своих намерений. Он с увлечением работал над сказкой «Ослиная шкура», которую чрезвычайно высоко оценил его друг Бернар Фонтенель. Кроме того, он задумал переложить на стихи анекдотический рассказ типа фавлю (народный жанр средневековой французской литературы), которому сразу дал название — «Смешные желания».

*

В 1690 году вышли в свет второй том книги «Параллели между древними и новыми в отношении красноречия» и книга графини де Онуа «История Ипполита, графа Дугласа». Обе книги были жестко встречены в лагере «древних».

*

Между тем война с Аугсбургской лигой продолжалась. После Тридцатилетней войны и Вестфальского мира внешняя политика Франции все более приобретает агрессивные, захватнические черты. Людовик XIV начинает претендовать на роль «всеевропейского монарха». В своих политических выступлениях он подчеркивает, что его монархия является преемницей более древней и обширной державы, чем империя Оттонов, а именно империи Карла Великого. Он выставляет свою кандидатуру на выборах императора «Священной Римской империи». На одном из монументов он приказал аллегорически изобразить реку Эльбу как

восточную границу своих владений.

Изнурительная война доводила народ до отчаяния. От голода умирало множество крестьян и горожан. Цены на продовольственные товары поднялись на небывалую высоту. Не было уже Кольбера, который мог открыто сказать королю о нищете народа. Людовика окружали подхалимы, да и сам военный министр Лувуа, вместо того чтобы останавливать боевые действия, провоцировал врагов на отчаянные ответные выпады против Франции, ибо армия Людовика не только захватывала города, но и по приказу Лувуа сжигала их, как был сожжен город Палатинат.

И был еще один человек, который разжигал честолюбие короля, — госпожа де Ментенон. Она требовала продолжения войны, ибо полководческий талант Людовика, как говорила она, позволяет Франции занять в Европе подобающее место. Когда же заходил разговор о сожжении Палатината, супруга короля добавляла: жестокости в войне неизбежны.

Военный министр Лувуа видел в госпоже Ментенон свою соперницу и вступил с ней в негласную борьбу. Однако силы были неравны. На стороне Ментенон были любовь короля и коварство женщины.

Госпожа де Ментенон, сделавшись супругой короля, пожелала показать себя во всем блеске своего величия. Не имея права носить герб своего августейшего супруга — ибо брак их был тайным и, кроме того, герб короля был гербом французского королевства — она стала носить свой собственный, на котором не было даже кордельеров (витых шнуров), обыкновенно означающих вдовство. Через восемь дней после совершения тайного бракосочетания госпоже де Ментенон была отведена квартира в Версале, рядом с комнатами, занимаемыми его величеством. В каком бы она ни была месте, она всегда старалась поместиться как можно ближе к королю. Разговор о политике и составление государственных бумаг сделались постоянным занятием министра на половине, занимаемой госпожой де Ментенон. В кабинете по обеим сторонам камина стояли два кресла — одно для нее, другое для короля, а перед столом два табурета — один для ее ридикюля, в который она клала свою работу, а второй для министра. Во время бесед госпожа де Ментенон занималась обыкновенно каким-нибудь рукоделием. Поэтому она легко могла слышать все то, что происходило между королем и министром, которые, несмотря на ее присутствие, громко разговаривали. Госпожа де Ментенон редко вмешивалась в их разговор. Когда король спрашивал ее мнение, она отвечала с большими предосторожностями, никогда не показывая виду, что интересуется делами или лицами, о которых шел разговор, ибо уже заранее переговаривалась обо всем с министром. Что касается других ее

отношений, то вот они: иногда она ездила к английской королеве, с которой играла в карты (королева после английской революции жила во Франции) и, в свою очередь, принимала ее по временам у себя. Она никогда не посещала ни одной принцессы крови, ни даже самой супруги дофина. Зато и ни одна из них к ней не ездила, и если им приходилось иметь с новой королевой свидание, то разве только в дни, назначенные для аудиенций, — что было, впрочем, чрезвычайно редко. Если она желала о чем-нибудь говорить с принцессами, дочерьми короля, то посылала за ними. И так как она их звала почти всегда только для того, чтобы выразить им в чем-нибудь свое неудовольствие, то принцессы являлись к ней со страхом и обыкновенно уходили со слезами на глазах. Само собой разумеется, что этот этикет не существовал для герцога Менского, перед которым двери в королевские покои отворялись в любой час и который всегда был ласково принимаем своей прежней гувернанткой.

В скором времени все эти секретные почести показались госпоже де Ментенон недостаточными, и она пожелала действовать открыто, то есть так, чтобы все знали, какую власть и какое влияние она имеет над двором. Другими словами, она желала объявить Франции, что она — супруга короля. Герцог Менский и Боссюэ взялись выхлопотать у короля позволение обнародовать его брак с госпожой де Ментенон. Король, уступая любви одного и красноречию другого, согласился на все, о чем его просили.

Все это держалось, конечно, в секрете. Но только не от Лувуа. Он издерживал более ста тысяч франков в год за доставление ему секретов двора. Военный министр сразу же узнал о проделках госпожи де Ментенон и об обещании, которое король имел слабость ей дать.

Лувуа вызвал к себе парижского архиепископа Гарле, который присутствовал при венчании короля с фавориткой, взял у него бумаги, отправился вместе с архиепископом к королю и вошел к нему без доклада. Король отправлялся на прогулку, но, увидев Лувуа, остановился в дверях и с удивлением спросил, что заставило его прийти к нему в такой час, в который он не имел обыкновения приходить.

— Одно весьма нужное и важное дело, — ответил министр, — которое требует, чтобы я поговорил с вашим величеством наедине.

Придворные и комнатные лакеи тотчас же вышли из комнаты. Однако они оставили за собой двери открытыми, так что могли не только расслышать все, что говорилось, но даже видеть через зеркало все, что происходило.

Лувуа поклонился королю и тут же строго попросил его вспомнить о

том обещании, которое он дал как ему, так и Гарле, никогда не объявлять Франции о своем бракосочетании с госпожой де Ментенон.

Король замялся, не зная, что отвечать Лувуа, и решил уединиться в кабинете, где находились придворные и комнатные лакеи, чтобы отделаться от него. Но Лувуа встал перед дверью и, падая на колени, вынул из-за пояса небольшую шпагу, которую имел обыкновение носить на поясе. Отдавая ее королю, он сказал:

— Государь, убейте меня, дабы я не видел, что мой король изменил слову, которое обещал сдержать.

Людовик рассердился, затопал ногами, закричал, что он уже дал обещание герцогу Менскому и Боссюэ обнародовать свой брак, и приказал министру пропустить его.

Но вместо того чтобы повиноваться, Лувуа решился на неслыханную дерзость: он схватил короля за руку, и только тогда Людовик дал обещание, что ни при жизни, ни по смерти Лувуа этот брак не будет объявлен.

Между тем госпожа де Ментенон, полная надежды, ежеминутно ожидала того часа, в который король открыто объявит об их браке. Прошла неделя, а между тем желание ее не исполнялось. Тогда она сама решилась напомнить королю о том обещании, которое он дал своему сыну, герцогу Менскому, и Боссюэ. Но король остановил госпожу де Ментенон на первом же слове и просил ее никогда ему не говорить более об этом деле.

Узнав обо всем, что происходило между королем и министром, госпожа де Ментенон решила отомстить Лувуа и начала с этого времени готовить его гибель. Прежде всего она напомнила Людовику о той жестокости, с какой был сожжен город Палатинат, и стала убеждать короля в том, что каждый такой жестокий поступок тенью падает и на него самого.

И тут как раз Лувуа дал еще один повод коварной женщине указать Людовику на его жестокость. Лувуа предложил королю сжечь город Триер, ибо он боялся, чтобы неприятели не сделали из него опасного укрепленного места.

На этот раз король отказал ему наотрез. Между тем Лувуа был не из тех, кто легко отказывался от своего намерения. Спустя несколько дней он вновь обратился к королю:

— Последний раз, когда я был у вашего величества, я заметил, что вы, государь, единственно только по долгу вашей совести не соглашались на мое предложение сжечь Триер; ныне же я решился взять это дело на мою ответственность и на мою совесть и... я отправил уже курьера с приказанием предать Триер огню.

Тут терпение короля кончилось. Едва эти слова были произнесены, как

он, обыкновенно спокойный и вполне способный управлять собой, бросился к камину, схватил щипцы и непременно ударил бы ими министра, если бы госпожа де Ментенон не поспешила встать между ними.

— Ах, государь, что вы делаете?! — воскликнула она.

Прежде чем Лувуа успел выйти, король крикнул ему вслед:

— Извольте сию же минуту отправить второго курьера с приказанием от моего имени возвратить первого. Вы отвечаете мне головой!

Лувуа не имел надобности отправлять второго курьера, ибо первый, совершенно готовый к отъезду в армию, ждал результата той смелой попытки, на которую решился министр без предварительного согласия короля и которая ему не удалась.

Второе приключение довершило гибель Лувуа. Людовик предложил взять город Моне в начале лета 1691 года и захотел, чтобы при осаде участвовали дамы, как это было прежде, во время осады Намюра. Но Лувуа решительно воспротивился этому, объявив, что теперь в казне нет денег, чтобы затевать подобные глупости.

Людовик был глубоко оскорблен. Впрочем, зная о плохом состоянии своих финансов, он поневоле должен был согласиться с мнением министра. Таким образом, Моне не удостоился чести быть взят в присутствии особ прекрасного пола.

Наконец, при осаде этого города случилось маленькое происшествие. Можно сказать, что оно стало, так сказать, той лишней каплей, от которой вода в сосуде переливается через край. Однажды король, прогуливаясь по лагерю, заметил, что один конный караул был, по его мнению, худо поставлен, и приказал ему перейти на другое место. Но в тот же день он вновь нашел караул на прежнем месте. Король удивился подобному непослушанию и спросил офицера, кто велел ему вернуться сюда.

— Ваше величество, — отвечал офицер, — я это сделал по приказанию маркиза Лувуа, который проходил здесь с час тому назад.

— Но разве вы не сказали Лувуа, что это я переставил вас на другое место?

— Сказал, ваше величество.

— Да, Лувуа дерзок, — сказал король, обращаясь к своей свите. — Не узнаете ли вы его в этом поступке, господа?

И он снова поставил офицера и его караул на то место, на котором приказал стоять еще утром.

После осады Монса король стал все более и более удаляться от своего министра и видимым образом оказывать ему свое неблагоприятное расположение.

А 16 июля 1691 года министр, который прежде никогда не жаловался

на свое здоровье, внезапно скончался.

Это произвело много толков в обществе, тем более что вскрытие тела показало, что министр был отравлен. Лувуа любил пить воду, и в его кабинете на камине постоянно стоял графин с водой, который часто приходилось пополнять. За несколько минут до того как Лувуа выпил воды последний раз, из его кабинета вышел полотер. Полотер был арестован, но он не просидел в тюрьме и четырех полных дней.

Король издал повеление выпустить его из тюрьмы и прекратить по этому делу всякое расследование.

Перро, конечно, не удивился всем этим событиям: придворные интриги ему были хорошо знакомы.

...В том же 1691 году Шарль Перро пишет оду «Причины, по которым сражение подвластно королю» и «Оду Французской академии». Последняя была опубликована в «Галантном Меркурии» — ежемесячном журнале, который с 1672 года совместно издавали Тома Корнель и литератор Жан Донно де Визе.

Кроме того, он пишет комедию «Забычивый».

В 1691 году по протекции Шарля Перро его друг Бернар Фонтенель избран академиком. В своей речи по поводу этого избрания Перро высоко оценил творчество Фонтенеля, особенно подчеркнув его созвучие современности: он не мог не бросить камень в своих противников.

В том же году умер принц Конде — последний принц, который воевал против своего короля. Конде жил вдали от двора семь или восемь лет. Сам ли он пожелал удалиться от Людовика XIV, величие которого его ослепляло, или, напротив, король пожелал удалить его от себя — история умалчивает. В последние дни своей жизни принц восстановил добрые отношения с королем. Умирая, он просил его о возвращении своего брата, принца Конти, который впал в совершенную немилость короля, и когда король получил письмо и в то же время узнал, что того, кто его написал, не было уже на свете, он печально сказал: «В Конде я потерял моего лучшего полководца!»

Король исполнил последнее желание принца: возвратил его брата ко двору. Боссюэ было поручено написать надгробную речь: величайшему оратору того времени приличествовало воздать похвалу величайшему полководцу.

1692 год

Выходит 3-й том книги Шарля Перро «Параллели между древними и новыми». Академик не унимается, продолжая отстаивать свои взгляды.

Здесь следует заметить, что «Спор о древних и новых» менее всего носил академический характер. Он выходил далеко за пределы Академии: речь шла о путях развития современной литературы. Сторонники «древних» вовсе не отрицали того, что литература находится в движении и изменении, но были убеждены в том, что Античность есть некое идеальное первоначало и всякое движение вперед мыслимо лишь как постоянный возврат к нему, как его постоянное обновление. Вот почему Лафонтен говорил, что тот,

Кто к древним взор не хочет вознести,
Ища других путей, сбивается с пути.

«Новые» во главе с Перро, напротив, будущее литературы видели в разрыве с античной традицией. Поэтому они проявляли такой острый интерес к новым жанрам — бурлеску, роману, опере, и даже произведения писателей-классицистов ценили за их отличие от античных образцов, отмечая их новизну и оригинальность. Мольер, как считал Шарль Перро, создал комедию, Античности неизвестную, а басни Лафонтена представляют новый поэтический жанр, который не имеет образца у «древних». И даже народные сказки, к которым Шарль обратился сначала по просьбе детей, привлекли его внимание тем, что в Античности их не знали.

В диалоге четвертом, который составлял содержание 3-го тома «Параллелей между древними и новыми», аббат (который выражал точку зрения самого Перро) снова спорил с председателем (напомним, что в его уста Перро вложил точку зрения «древних») — теперь относительно поэзии — и опровергал его мнение о том, что «творения Гомера, Вергилия, Пиндара, Горация, Анакреона, Катулла являют собой столь совершенные образцы, что никто до сих пор не смог и никогда не сможет создать что-либо подобное».

«Я вовсе не хочу, чтобы вы присоединились к моему мнению из любезности, — говорил Перро устами аббата, — но я хотел бы, чтобы вы не бросались без оглядки поддерживать древних, как вы это делаете, только для того, чтобы не отстать от великих людей, о которых вы говорите. Неужели вы не знаете, что ученые, которых вы называете критиками, занялись литературой этого рода только потому, что оказались не

способными ни на что другое».

И далее следовал такой обмен мнениями:

«Председатель: Что бы вы ни говорили, их свидетельства всегда будут иметь весьма большой вес. Сверх того, я утверждаю, что как бы ни был талантлив поэт нашего времени, его сочинения не могут достигать той степени красоты, которую мы видим в сочинениях древних. Причина очевидна. Не подлежит сомнению, что самое прекрасное в великой и благородной поэзии зиждется на мифологии и фантастических вымыслах, и столь же несомненно, что уже невозможно сравняться с древними в этом отношении, ибо все мифы, которые были новы в их времена, ныне избиты или, по крайней мере, утратили прелесть новизны...

Аббат: Чтобы ответить на это главное возражение, которое обычно выдвигается против новой поэзии, надобно для начала договориться о том, что такое поэзия, и, может быть, когда мы составим себе об этом верное понятие, мы найдем это возражение пустым и легковесным. Поэзия есть не что иное, как приятная живопись, которая представляет в слове все, что может породить воображение, придавая плоть, душу, чувство и жизнь вещам, которые их не имеют... Может быть, „Святому Михаилу“ и „Святому семейству“ Рафаэля следует отдать предпочтение перед картинами господина Лебрена, но я всегда буду утверждать, что господин Лебрен лучше овладел живописным искусством во всем его объеме, потому что с течением времени было открыто бесчисленное множество секретов этого искусства, которых Рафаэль не знал».

Это была смелая критика. Не только Вергилия, Пиндара, самого Гомера Перро подвергает сомнению! Илиада, по мнению Перро, лишена художественного единства. Перро подчеркивает рыхлость ее композиции. У Гомера много ненужных подробностей, отступлений, замедляющих движение сюжета.

Перро обращает внимание и на особенность гомеровских эпитетов, которые, считает он, употребляются вне всякой связи с конкретными обстоятельствами, а порой и прямо противоречат им. Так Ахилл называется быстроногим и тогда, когда он, не двигаясь с места, сидит на своем корабле. А матери «гнуснейшего бандита» Ира дается эпитет «почтенная» — только потому, что этот эпитет удачно заканчивает стих. Но разве это путь для великого поэта? Гомер — это детство искусства, его несовершенная ступень.

Не только поэтическое искусство Гомера является объектом критики Перро. Его отталкивают и простота нравов, и нецивилизованность жизни, изображенные поэтом. Герои сами готовят себе пищу, дочь царя стирает

белье. Одиссей ложится спать вместе со свиньями, дерется на кулаках с презренным бродягой, его ложе покрыто паутиной. Разве можно себе представить монарха, в чьем доме не было бы конюхов «и чьим детям приходилось самим выпрягать мулов из повозки»? Наибольшее возмущение Перро вызывает Ахилл, который позволяет себе царя царей называть пьянчугой и бесстыдником. Он не только неотесан и груб, но и жесток, несправедлив, презирает религию и попирает законы. А ведь он описан автором с симпатией!

Коробит Перро и низменность стиля Гомера, то, что он называет вещи своими именами и не боится анатомических подробностей. Ему не хватает благовоспитанности и хорошего вкуса, речь его героев груба, простонародна. «Так говорят не придворные, — замечает шевалье (еще одно действующее лицо „Параллелей между древними и новыми“), — так говорят наши крестьяне».

Римляне выше греков, ибо вступили на историческую сцену позднее, но и они не свободны от недостатков. Римские авторы нарушают не только правила благопристойности и хорошего вкуса, но и законы морали. Их сочинения опасно давать в руки молодым людям. Это касается даже Вергилия: «...все наши романы не знают более дурного примера, чем пребывание Энея и Дидоны в пещере, где они вынуждены укрыться от дождя».

Перро стремится не столько развенчать древних, сколько разрушить то представление о них, которое было присуще его веку. Он хочет показать, как далеки античные нравы, нормы и вкусы от современных и как не правы те, кто берет их как образец для подражания. Как мало походит то, что пишет о Гомере Перро, на то, что писал о нем автор «Поэтического искусства»:

В его творениях сокрыт бесценный клад:
Они для всех веков как бы родник услад.

.....

Одушевление в его стихах живет,
И мы не сыщем в них назойливых длиннот.

Еще важнее другое. Античный мир воплощал для Буало и Расина некую высшую гармонию природы и культуры и служил идеальным зеркалом современной цивилизации. Перро же показывает, как велика пропасть, отделяющая древность от современности. Под сомнение взята

сама возможность такой гармонии природы и культуры: или Античность с ее простотой, нецивилизованностью, грубостью, или современная цивилизация с ее вкусами, нормами, даже недостатками. Третьего не дано, утверждает Перро всем ходом своих размышлений. Иными словами, критика Перро обнаружила несовместимость классического идеала и современной жизни.

Третий том «Параллелей между древними и новыми» вызвал еще больший интерес у читателей и раскупался очень неплохо.

Буало ответил на труд Перро несколькими злыми эпиграммами:

Гомер, Платон, Вергилий, Цицерон...
Те, кто порочат их, себя позорят сами.
Так Адриан, Калигула, Нерон
Везде безумцами прослыли иль глупцами.
Вас в императоры пока не возвели,
Но вы в невежестве их даже превзошли.
И с той же яростью дерзнули нападать
На древних, что бессмертье обрели.
Так как же вас, Перро, изволите назвать?

*

Сказать вам, почему кумиры всех времен
Вергилий и Гомер, Платон и Цицерон
В писаньях ваших так глупы, Перро?
Да потому, что вы свершаете подлог,
Приписывая им свой низкий, пошлый слог,
И множит ваш портрет послушное перо.

*

По слухам, бог искусств, прекрасный Аполлон,
И сам могучий Зевс, кем был низвергнут Крон,
Хариты, музы, Вакх, Гефест, Афина, Гера —
Короче говоря, все детища Гомера

Разгневались на вас, Перро, без всякой меры
За то, что их отцу вы нанесли урон —
Страшитесь мести их! Ведь боги покарают
Ужасными ударами — титан
И тот под ними жалобно стенает.
Визе твердит, что вас Меркурий защищает,
Но не Меркурий то, а лишь «Меркур Галан»^[3].

*

В 1692 году, а может быть, и немного раньше, Шарль задумывает новую книгу, которая должна была ударить по «древним» не слабее, чем «Параллели», — «Знаменитые люди Франции». Его цель — показать, что и в современной ему Франции могут жить люди, не уступающие своим гением героям Античности, — полководцы, законодатели, мыслители, деятели искусства.

Конечно же Шарль понимал, что написать такую книгу непросто. И дело не только в том, чтобы найти подходящих людей, но еще и в том, чтобы собрать о них материал. И не столько письменный, сколько устный: ведь многие из знаменитых людей Франции — его современники! Так начались его беседы в кулуарах Академии, переписка с друзьями и знакомыми, разговоры с соратниками и даже с противниками, ибо Шарль считал, что знаменитыми людьми Франции являются и Жан Расин, и принц Конде, и Пьер Корнель, и Жан де Лафонтен, и многие другие. Он был искренен в своих оценках современников, и спор о «древних» и «новых» не мешал ему в этом.

Шарль не знал, что одновременно с ним такую же книгу задумал Мишель Бегон, бывший интендант юстиции, полиции и финансов на Французских островах в Америке; страстный коллекционер, он собрал 300 портретов знаменитых людей, которые были выгравированы художниками Любэном, Эделинком, Симоно и Шюпеном.

Мишель Бегон лелеял надежду опубликовать все эти гравюры, сопроводив их подробными аннотациями. Однако работа интенданта в Морском управлении в Рошфоре отнимала у него много времени, и он пожаловался своему другу, главному королевскому управляющему в Каенне Вилермону, что его работа остановилась из-за отсутствия времени.

И тогда Вилермон сообщил Мишелю Бегону, что знает человека,

который сможет написать толково и даже с изяществом аннотации к гравюрам. Это председатель Академии Франции Шарль Перро.

Так началось сотрудничество Шарля Перро с Мишелем Бегоном, которое продолжалось вплоть до 1700 года.

*

Сегодня трудно определить, к какому источнику восходит сюжет сказки Шарля Перро «Смешные желания», ибо он не оставил нам ее историю. Профессор Марк Сориано пришел к выводу, что скорее всего Перро заимствовал ее из современного ему устного народного творчества. Кроме того, он мог читать сказку «Три желания» или сказку «Рыбак и его жена», где происходят те же события, что и в его сказке «Смешные желания». Обе эти сказки не раз появлялись в печати под разными названиями. Например, в 24-й басне Мари де Франс, или в сказке «Три брата из Ко, которые танцевали с феями» Филиппа Алькриппа, или в похожей истории Николя де Труа.

Больше всего сказка Перро походит на 78-ю новеллу сборника Виньоля «Сто новелл». Она включает басню «Горшок с молоком» и сказку «Три желания». Так же, как у Перро, эта новелла предваряется басней «Смерть и дровосек».

У Виньоля, пишет М. Сориано, первое желание загадывает женщина, а у Перро — мужчина, но у обоих авторов именно женщины портят все дело и расточают желания попусту. В обоих рассказах встречаются некоторые слова, которые отнюдь не являются общеупотребительными. Похоже и поведение главных героев.

И все же не Филипп Виньоля повлиял на Перро. Дело в том, что его «Сборник новелл» еще не был издан в XVII веке. Более вероятно, считает Марк Сориано, что Перро нашел тему другим путем, а именно через басни Пэдра, Фаэрна или Лафонтена.

Но так или иначе, интересен сам факт, что с начала своего сказочного творчества Шарль Перро не выдумывал сказки подобно своим современникам и современницам, а клал в их основу народное творчество.

Первым свою сказку «Смешные желания» Шарль прочитал сыну Пьеру:

Жил некогда на свете дровосек, —
Невзгодами измучен тяжко.

Бывало, все твердит бедняжка:
«Довольно! Удалюсь в страну загробных рек!»
Всю жизнь его смущало убежденье,
Что небеса со дня его рожденья
Не внемлют, бог весть отчего,
Ничтожнейшим желаниям его...

Так начиналась сказка, в которой дровосеку являлся «царь небес» Зевес, «владыка горных сфер, зиждитель мироздания», готовый исполнить три его любых первых желания. Ну а о том, как распорядился дровосек свалившимся на него счастьем, мы легко можем догадаться, ибо знаем другие сказки на ту же тему...

В окончательном варианте сказка Перро предварялась обращением к одной из его знакомых, имя который ныне сокрыто от нас:

Мадемуазель де Ла С...

Не будь вы барышней разумной,
Конечно, я бы скрыл от вас
Нелепый этот и неумный,
Совсем невежливый рассказ.
В нем действует колбаска кровяная...
«Что? Колбаса? Помилуйте, родная!
Ведь это ж пошлость! Это стыд!» —
Раздастся тотчас оклик грозный
Жеманницы, во всем серьезной,
Что об одной любви с восторгом говорит.
Но вы... Вам свойственно уменье
Живую силу слов беречь,
У вас наивность выраженья
Способна зримой сделать речь.
О чем тут спорить? Нам, поэтам.
Не важно «что», а важно «как», —
Окрасить слово новым цветом
Для нас ценнее прочих благ, —
Так вы одобрите, что накропал чужак;
Сказать по правде, он уверен в этом.

Чтобы лучше понять Перро-сказочника, мы должны понять истоки его внимания к фольклору. Отчасти мы уже говорили об этом. Оставшись вдовцом с дочерью четырех или пяти лет и тремя мальчиками, Шарль с особой силой должен был почувствовать свою отцовскую ответственность. В «Мемуарах» он писал: «Я думаю, что, проработав около двадцати лет и прожив пятьдесят, я мог заняться воспитанием своих детей».

Так же, как Перро, поступали в его время и другие. Воспитатель дофина (наследника престола) Боссюэ пишет книгу басен, и никто не заставит нас сомневаться в искренности его замысла. Привлечь и удержать внимание своего ученика — это, вероятно, его первейшая задача. Но известно, что эти басни с большим удовольствием читали взрослые.

Воспитатель маленького герцога Бургундского писатель Фенелон во время написания своих «Сказок», «Басен» и книги «Приключения Телемаха» думает о своем ученике, однако произведения его опять же интереснее взрослым.

И Лафонтен, составляя шесть первых книг «Басен», стремится угодить дофину — он ведь управляющий его делами! Но больше угождает взрослым!

Дело, возможно, в том, что дети — эти взрослые в миниатюре — еще не рассматривались в то время как особая категория читателей. Воспитатели отпрысков королевской крови смотрели на своих воспитанников снизу вверх и не видели в них обыкновенных детей.

И вот на этом фоне выделяется Шарль Перро, который свой взор обращает на народные сказки — они ведь издавна были интересны и взрослым, и детям. И сам старается писать сказки, которые были бы интересны и понятны даже маленьким. Он — один из первых писателей мира — поставил вопрос о детской литературе и решил его! Он нашел особый стиль, особую манеру разговора с маленьким читателем, избегая тонкостей рассуждений и оттенков слов, которыми ребенок никоим образом не может располагать. «Ребенку можно говорить все, что взрослому, — писал Перро, — только проще и интереснее».

У Фенелона, Боссюэ, Лафонтена, Расина мораль спрятана в тексте сказки или басни. Шарль, думая о своих детях, старается яснее донести до них главные поучения сказки и в конце каждой из них обязательно дописывает мораль.

А в 1692 году педагогический арсенал произведений Шарля Перро

дополняется новым жанром — баснями. В лавке Барбена ему попала на глаза книга басен Фаерна, писателя итальянского Возрождения, жившего в XV веке. «Элегантность и простота его стиля, — писал Шарль Перро, — так мне понравились, что я не мог удержаться, чтобы не перевести пять или шесть басен и увидеть, можно ли придать им ту же грациозность, что и на латыни».

Однако эта работа оказалась очень трудной. Во всяком случае, из-за загруженности работой над «Словарем» (которая уже шла к концу) он не имел времени для переводов. И он прерывает эту работу, чтобы вернуться к ней через несколько лет.

1693 год

Полемика между «древними» и «новыми» продолжалась.

В 1693 году Николя Буало-Депрео публикует свою «Оду на взятие Намюра» и предваряет ее особым «Рассуждением об оде», в котором пишет: «Нижеследующая ода была сочинена по случаю выхода в свет странных диалогов (имеется в виду книга Перро „Параллели между древними и новыми“. — С. Б.), где о всех величайших писателях древности говорится как о посредственностях, которых можно сопоставить с Шапленами и Котенами, и где, намереваясь воздать честь нашему веку, его в некотором роде обесславили, показав, что в наше время находятся люди, способные писать такой вздор. Особенно достается в них Пиндару. Так как красоты этого поэта чрезвычайно оригинальны, будучи заключены по преимуществу в его языке, автор этих диалогов, который, по-видимому, не знает греческого и читал Пиндара лишь в негодных латинских переводах, принял за галиматью все то, что слабость его познаний не позволяла ему понять...»

«Ода на взятие Намюра», написанная в подражание Пиндару, и должна была продемонстрировать величие этого древнего поэта. «Я насколько смог придал в ней пышность своему слогу, — писал Буало, — и по примеру древних дифирамбических поэтов употребил самые смелые фигуры, вплоть до того, что преобразил в звезду белое перо, которое король обыкновенно носит на шляпе и которое в самом деле являет собой как бы зловещую комету в глазах наших врагов, считающих себя погибшими как только замечают ее. Таков замысел этого сочинения. Я не ручаюсь, что оно удалось мне, и не знаю, как примет публика, привыкшая к благоразумной умеренности Малерба, эти необузданные порывы и пиндарические

излишества. Но если я потерпел неудачу, я утешусь по крайней мере словами, которыми начинается знаменитая ода Горация»:

Кто, о Юл, в стихах состязаться дерзко
С Пиндаром тщится?

Шарль в ответ публикует «Письмо к господину Депрео, касающееся Предисловия к Оде на взятие Намюра» («Письма горожанина»), в котором доказывает свою правоту и пишет: «Неужели вы не замечаете, насколько с вашей стороны нескромно предполагать, что все должны иметь перед глазами „Поэтическое искусство“?»

«Ода на взятие Намюра» Буало вызвала много откликов, причем далеко не таких лестных, как предполагал автор. В печати появились рассуждения французского поэта и драматурга Мишеля Леклерка, который на примере произведения древнегреческого ритора и философа Лонгина показывал, как далеки от современников его рассуждения.

Буало задел за живое рассуждения Леклерка. И хотя их автор уже умер, Буало пишет «Критические размышления о некоторых местах из сочинений ритора Лонгина».

Он думает написать несколько страниц, но перо его бежит по бумаге и не может остановиться. Буало пользуется случаем ответить и на высказывания Перро против Гомера и Пиндара, а также на только что вышедшие из печати рассуждения господина Леклерка, направленные против Лонгина, и на некоторые критические замечания в адрес господина Расина.

Он пишет «Рассуждение первое», затем «второе», «третье», «четвертое», «пятое», «шестое», «седьмое»...

В конце концов получилось 50 страниц! И большинство из них наполнены злобными выпадами против всей семьи Перро:

«...Господин Перро сам так настоятельно просил меня указать ему на его ошибки, что было бы совестно не удовлетворить его желание. Я надеюсь указать ему не на одну в этих заметках. Это наименьшее, что я должен сделать для него в память об услугах, которые, по его словам, оказал мне его брат, врач, излечив меня от двух тяжелых болезней. Однако брат г-на Перро никогда не был моим врачом. Правда, когда еще юношей я заболел лихорадкой, не внушавшей, впрочем, серьезных опасений, одна из моих родственниц, у которой я тогда жил и которую он пользовал, привела его ко мне; два или три раза лечивший меня врач приглашал его на

консилиум. Позднее, три года спустя, та же самая родственница привела его ко мне во второй раз, чтобы посоветоваться с ним по поводу затрудненности дыхания, которую я испытывал тогда и испытываю до сих пор; он пощупал пульс и нашел у меня лихорадку, которой вовсе не было. Тем не менее он посоветовал отворить кровь на ноге — довольно странное средство от астмы, которая мне угрожала. Я был, однако, столь глуп, что в тот же вечер выполнил его предписание. Затрудненность дыхания от этого не уменьшилась, а на следующий день нога у меня так распухла, что я слег на целых три недели. Вот и все его лечение, за которое я молю Бога простить его на том свете.

Я никогда больше не слышал о нем после этого полезного визита, и только когда появились мои „Сатиры“, до меня со всех сторон стали доходить слухи, что он почему-то — я так и не узнал почему — ополчился на меня и обвиняет меня не просто в том, что я выступал против некоторых авторов, а в том, что я высказывал в своих сочинениях опасные, крамольные мысли. Я отнюдь не испугался этих наветов, поскольку в своих сатирах нападал лишь на плохие книги и поскольку сатиры эти полны восхвалений короля, которые и служат их лучшим украшением. Тем не менее я передал господину врачу, чтобы он умерил свой пыл, но это еще больше озлобило его. Тогда я пожаловался его брату, академику, но тот не удостоил меня ответом. Признаюсь, это и побудило меня в моем „Поэтическом искусстве“ превратить врача в архитектора — довольно слабая месть за все поклепы, которые возводил на меня этот врач. Однако я не стану отрицать, что он имел большие заслуги и был человеком весьма сведущим, особенно в физике. Но не все члены Академии наук считают его перевод Витрувия превосходным и не все согласны с тем, что рассказывает о нем его брат. Я могу даже назвать одного из самых знаменитых членов Академии архитектуры, который вызывался доказать ему с документами в руках, что фасад Лувра исполнен по чертежу прославленного г-на Ле Во и что ни это произведение зодчества, ни обсерватория, ни Триумфальная арка не принадлежат профессору медицинского факультета. Я предоставляю им самим разрешить этот спор и заявляю, что я лицо незаинтересованное и скорее даже расположен в пользу врача. Но что, во всяком случае, верно, так это то, что этот врач относился к древним так же, как его брат, и что он не уступал ему в ненависти к великим людям Античности. Уверяют, что это он сочинил пресловутую „Защиту оперы Альцеста“, где, желая поднять на смех Еврипида, сделал странные ляпсусы, которые г-н Расин так хорошо разобрал в своем предисловии к своей „Ифигении“. Его и третьего брата, тоже заклятого врага Платона, Еврипида и всех других хороших авторов я и

имел в виду, когда сказал, что эта семья, к которой, впрочем, принадлежит много достойных людей, в том числе, полагаю, и таких, которые не отвергают Гомера и Вергилия, отличается причудливым складом ума.

Надеюсь, меня извинят, если я также воспользуюсь случаем вывести из заблуждения публику, опровергнув еще одну выдумку г-на Перро, утверждающего в адресованном мне „Письме горожанина“, будто он когда-то оказал одному из моих братьев большую услугу, испросив у г-на Кольбера назначение его на должность смотрителя королевского столового серебра. В доказательство он ссылается на то, что, получив эту должность, мой брат каждый год приезжал к нему с визитом, который считал не просто дружеским, а обязательным для себя как знак признательности. Легко доказать лживость этой похвальбы, поскольку мой брат умер в том же году, когда получил эту должность, которую, как всем известно, занимал всего четыре месяца, и, принимая во внимание, что он не извлек из нее никакой прибыли, другой мой брат, для которого мы выхлопотали ту же должность, был даже освобожден от уплаты налога, составлявшего довольно значительную сумму. Мне неловко рассказывать публике такие подробности, но мои друзья убедили меня, что, поскольку упреки г-на Перро затрагивают честь нашей семьи, я обязан показать их лживость».

Но более всего Перро достается за его отношение к древним.

«В самом деле, только признание потомства есть истинное доказательство достоинства произведений изящной словесности, — рассуждает Буало. — Каким бы шумным успехом ни пользовался писатель при жизни, какими бы похвалами его не осыпали, из этого еще нельзя безошибочно заключить, что его сочинения превосходны. Быть может, им придали цену в глазах современников ложный блеск, новизна стиля, модный образ мыслей, и, быть может, в следующем веке у людей раскроются глаза, и к тому, чем прежде восхищались, будут относиться с пренебрежением...

Но когда писателями восхищались на протяжении многих и многих веков, а отвергали их лишь некоторые люди, отличающиеся странным вкусом — ведь извращенные вкусы всегда встречаются, — тогда сомневаться в достоинстве этих писателей не только дерзость, но и безумие. Ведь если вы не видите красот в их сочинениях, из этого не следует, что их там нет, а следует только то, что вы слепы и лишены вкуса...»

«Древние» и «новые» ведут спор о путях развития культуры. Ведут его люди обеспеченные, которых не волнуют такие проблемы, как нехватка хлеба насущного.

А между тем Францию в 1693 году потряс жестокий голод, который продолжился и в следующем году. Вообще в XVII веке 11 раз Францию потрясал страшный голод, охватывающий всю страну, а сколько было еще локальных голодовок! Современный французский писатель Фернан Бродель в книге «Структуры повседневности» приводит страшные картины голода 1693–1694 годов. Самые удачливые и запасливые питались капустными кочерыжками с отрубями, вымоченными в тресковом рассоле. Семьи крестьян и бедняков-горожан умирали тысячами, ибо съели даже траву. «Дороговизна зерна по всему королевству, — пишет Ф. Бродель, — была столь велика, что люди там умирали с голоду; в 1694 году около Мелана урожай собрали до того, как созрели хлеба, ибо множество людей жило, питаясь травой, как животные».

*

В 1693 году Буало публикует свои главные полемические статьи и десятую сатиру «Против женщин», уже хорошо известную публике. В ответ Шарль Перро завершает работу над своей сатирой «Апология женщин» и публикует ее. В этой сатире он оскорбительно отзываясь о Буало:

Один в своей норе весь век бирюк сей жил.
Ему и слабый пол, любезный нам, не мил.
Смотри, как грозен он, как он неловок, дик,
Как нрав его суров, как груб его язык.

«Апологии женщин» Перро предпослал предисловие, где подверг резкой критике десятую сатиру как самое «слабое и безнравственное» сочинение Буало. «Он вообразил, что тот не ошибается, кто следует примеру древних, и поскольку Гораций и Ювенал позволили себе выступить против женщин в манере непристойной и грубой, оскорбляющей наши нравственные чувства, то и он решил, что вправе сделать то же самое, забывая, что современные нравы отличны от нравов той эпохи, когда жили эти два поэта».

Слепое подражание древним, говорит Перро, и привело к художественной слабости сатиры. Стих Буало «сух», изобилует перестановками слов, переносами, неудачными цезурами. «И все это только

для того, чтобы больше походить на стих сатир Горация. Он не задумывается над тем, что у каждого языка есть свое неповторимое своеобразие, особый дух и часто то, что выглядит изящно на латыни, на французском звучит варварски». Многие стихи десятой сатиры, утверждает Перро, неточный и плохой перевод из Ювенала: «Не сделал ли автор этот перевод специально, чтобы показать, насколько новые ниже древних?»

И тут мы вынуждены вывести на страницы книги еще одного персонажа, который сыграл определенную роль в жизни нашего героя. Это богослов-янсенист Антуан Арно, который пользовался большим авторитетом и у «древних», и у «новых». Он был выслан из Франции и жил в это время в Брюсселе. Семья Перро много сделала для того, чтобы Арно вернулся на родину. В целом вопрос был уже решен, оставалось уладить некоторые формальности. И вот Перро, надеясь на поддержку Арно, направил ему свою «Апологию женщин», чтобы получить его одобрение. Ссора с Буало дошла до высшей точки, и друзья Перро посоветовали ему обратиться к Арно.

*

Тем временем подрастал младший сын Перро, Пьер. Ему уже 15 лет. Он прекрасно учится, у него хорошая речь, та же любовь к диспутам, что и у отца, и то же умение так логически построить выступление, что противник не находит контраргументов.

Шарль обратил внимание и на то, какой хороший слог в сочинениях сына. Как-то он предложил Пьеру что-нибудь написать: просто так, для развития стиля. И сын принес ему... сказку! Шарлю очень понравилась лаконичность изложения, и он подарил сыну тетрадку в черном коленкоровом переплете и посоветовал, раз он так любит сказки, записывать сюда самые интересные из тех, что у него сохранились в памяти. Эта тетрадка сыграет особую роль в истории французской, а пожалуй, и всей мировой литературы.

Между тем Николя Буало обрушивается на сказки Шарля Перро. Несмотря на то, что опубликована лишь «Гризельда», а «Ослиная Шкура» ходит по рукам, Буало достаивает эпиграммами обе сказки. «Гризельду» он высмеивает за ее неправдоподобность (известно, как он ненавидит женщин!), а «Ослиную Шкуру» — за ее «образцовую скучность». Кроме того, он хорошо усвоил теорию племянницы Шарля Перро Леритье де Виллодон о научном происхождении сказок и вслед за ней утверждает, что

народные сказки есть не что иное, как пересказанные трубадурами главы из рыцарских романов XI и XII веков, забывая о том, что сами трубадуры были выходцами из простого народа, и даже в этом смысле сказки — это творения народа.

Но Шарль Перро не принимает этой гипотезы. Чтобы убедить любимую племянницу и ответить на аргументы «древних», он вынужден поближе заняться этим вопросом. И оказывается, что гипотеза трубадуров не решает всех трудностей вопроса о происхождении сказок. В частности, она не объясняет, почему некоторые рассказы, которые были якобы написаны в XI–XII веках, обнаруживаются почти такими же в произведениях, появившихся десятью веками раньше. Перро неоднократно возвращается к этой проблеме в книге «Параллели между древними и новыми» и выдвигает идею о том, что даже гомеровские поэмы вполне могли бы быть «ученым переложением сказок старины». В конце концов он узнал о происхождении сказок достаточно, чтобы без колебаний указать их подлинный источник. «Это бесчисленное количество отцов, матерей, бабушек, гувернанток, которые пересказывали древние сказки, может быть, в течение тысяч лет, обогащая их и добавляя к ним новые обстоятельства».

1694 год

Право, стоит поставить рядом два портрета Шарля Перро — уже известный нам портрет 1665 года и портрет, написанный художником Тортебатом в 1694 году (гравюру с него сделал Эделин).

Какая огромная разница! Разительная перемена произошла с ним.

И дело не только в возрасте! С портрета 1665 года смотрит на нас человек очень спокойный, уверенный в себе, сильный, волевой, решительный.

Теперь же перед нами вельможа, знающий себе цену, испытавший большую власть. Не столько степенность, сколько жеманность чувствуется в этом человеке. И величие! Его знает вся Франция! Он председатель Академии!

Легкая улыбка тронула его губы: он в целом доволен прожитой жизнью. Правая его рука лежит на поставленном стоймя томике — не его ли произведения?

Под глазами, которые смотрят на нас с теплотой, — мешки. Что это: болезнь сердца? Почек?

Волосы уже не свои, большой пышный парик обрамляет его голову.

Богатый камзол. Кружевной воротник и кружевные манжеты.

Вот таким вступил в 1694 год Шарль Перро.

Это был необычный год в жизни нашего героя. Случилось сразу несколько важнейших событий. Можно даже сказать, что это был решающий год в его биографии.

Во-первых, в этом году наконец-то, после стольких лет работы, был составлен «Всеобщий словарь французского языка». Огромная гора исписанной бумаги возвышалась на рабочем столе Шарля в Академии наук, и две такие же — дома: второй и третий экземпляры, ибо потерять труд сорока лет было бы непростительно!

Перро было официально поручено составить «Письмо к королю» в связи с завершением работы над «Словарем». Одновременно он консультировал канцлера Академии аббата Ранье, который готовил предисловие к «Словарю».

Над «Письмом к королю» Шарль работал около двух недель. Он прекрасно понимал, какая ответственность свалилась на него. Возможно, это был последний шанс завоевать сердце возлюбленного монарха. Поэтому Шарль оттачивал каждую фразу, продумывал каждое слово, каждый знак препинания.

Сорок экземпляров «Письма» — первый, пробный тираж — были отпечатаны в типографии и розданы академикам для обсуждения. Только после этого Шарль стал готовить заседание Академии, посвященное составлению «Словаря».

*

Шарль Перро председательствовал на этом достопамятном заседании. И хотя все знали о причине, по которой сегодня собрались академики, все же, когда он объявил, что «Всеобщий словарь французского языка» закончен, — раздались шумные аплодисменты.

А потом, после нескольких восторженных выступлений, Шарль попросил тишины и стал читать «Письмо королю».

Вот его полный текст, исполненный ничем не прикрытой лести и обожания:

«Ваше Величество!

Академия Франции не может отказать себе в удовольствии и славе опубликовать Словарь. В этом труде преданно собраны все термины и фразы, которыми Красноречие и Поэзия создают хвалу; но мы сознаемся,

Ваше Величество, что желание работать для Вас позволило нам еще сильнее почувствовать и слабость, и могущество нашего языка. Когда наши усилия плюс наш долг потребовали бы от нас описать Ваши подвиги, то смелые и отважные слова нам показались бы слабыми, и когда пришлось бы говорить о глубокомыслии и непостижимой тайне Ваших намерений, то мы бы увидели, что слова прозорливости, предосторожности и даже благоразумия отвечали бы не полностью нашим намерениям.

Мы утешаем себя тем, Ваше Величество, что по подобному поводу другие языки не имеют никакого преимущества перед нашим. Язык греков и римлян находился в таком же бессилии.

Какими словами выразить величавый вид на Вашем челе, который унаследован всей Вашей личностью? Эту решительность души, силу духа, которую ничто не может поколебать, Вашу нежность к народу, целомудрие, такое редкое на троне, — все это особенно трогает сердца людей искусства и все это возвеличивает Вас, Государь, перед теми, кто Вас слушает.

Но как найти слова, чтобы поведать о прелестях Вашего царствования? Если подниматься от века к веку, мы не найдем другого такого зрелища, на которое было бы обращено внимание всего Мира: вся Европейская армия и вся Европа слишком слабы против Вас.

Именно на таких устоях вырастает надежда бессмертия; и на какое жалование мы можем рассчитывать, кроме Вашей славы, которая ярко очерчена ею самою, чтобы жить вечно в памяти людей. Ваше Августейшее имя поможет жить и нашим трудам, ибо если их запретят со временем, то одновременно запретят и язык, который служил для Вашего прославления, и мы не сомневаемся в том, что уважение к языку, на котором Вы диктуете резолюции Вашему Совету, отдаете приказы Вашей армии — это триумф Вашего века. Превосходство Вашей силы зависит и от яркости передачи языка, который господствует в самой прекрасной части мира.

Между тем как мы украшаем этот язык, Ваша армия побеждает, она переправилась в отдаленные земли, и мы ей в этом поспособствуем нашей работой, а Вы — в Ваших завоеваниях, и если язык пойдет дальше, чем Ваши завоевания, и если он установится сегодня в большинстве европейских государств и сузит, так сказать, язык стран, где он известен, и послужит более чем большинству народа, и если наконец он займет первое место среди живых языков, то его ждет более высокая судьба в своей естественной простоте в ряду, который Вы занимаете между королями и их героями.

Если когда-нибудь придется рассчитывать на то, что живой язык можно будет зафиксировать и он не будет зависеть от причуды и тирании

обычая, то нам придется считать, что наш язык достиг в наши дни этой славной вершины неизменности, поскольку книги и другие памятники, рассказывающие о Вашем Величестве, всегда будут рассматриваться как повествующие о событиях в прекрасном веке Франции и доставят наслаждение всем народам и станут школой для всех королей.

Государь,
Вашего Величества
весьма смиренные, весьма покорные и весьма преданные подданные и слуги

Академики Академии Франции».

В этом виде «Письмо к королю» и было приложено к «Всеобщему словарю французского языка» и попало к монарху. Людовик остался очень доволен и милостиво разрешил печатание «Словаря». В 1694 году этот труд наконец увидел свет.

А по рукам стали ходить издевательские «ремарки» (замечания) Жана Расина к «Письму к королю». Полные остроумия, но вместе с тем до чрезвычайности злобные, они имели целью принизить успех Шарля Перро, очернить всю проделанную под его руководством работу. Эти «ремарки» Жана Расина отражали те конфликты, которые возникали в литературном мире Франции в последнем десятилетии XVII века.

*

В том же 1694 году Антуан Арно прислал из Брюсселя свое мнение относительно спора между Буало и Перро, который так волновал парижан, а особенно парижанок. Речь шла о «Десятой сатире» Буало — «Против женщин» и «Апологии женщин» Шарля Перро. Однако ответ Арно оказался не совсем таким, какого ожидал Шарль.

Дело в том, что Шарль, семью которого связывали с Антуаном Арно долгие годы дружбы, не знал, что в последнее время Расин сделал многое для Арно и, главное, выпросил у короля разрешение на возвращение патриарха янсенистов из Бельгии. Считавший себя обязанным Расину, Арно согласился на его просьбу открыто не поддерживать Перро. Более того, он отправил свое письмо не прямо Шарлю, а своему корреспонденту в Париже, а тот, вместо того чтобы отдать письмо Перро, передал его не кому иному, как Буало!

Буало поступил в высшей степени непорядочно. Хотя письмо было написано вовсе не ему, он приказал переписать его во множестве

экземпляров и распространить в списках. Но — главное — он несколько подправил текст письма. В результате подлога мнение Арно — в принципе, вполне благоприятное по отношению к Перро — видоизменилось, и, естественно, не в его пользу.

24 июня 1694 года Буало пишет в Брюссель Антуану Арно: «Я не знаю, как выразить вам свою признательность за то, что вы любезно разрешили мне познакомиться с письмом, которое вы написали г-ну Перро по поводу моей последней сатиры. Я никогда не читал ничего, что доставляло бы мне такое удовольствие».

И он добивается своего: Перро соглашается примириться с ним и обращается к посредничеству Жана Расина и аббата Тальмана.

Профессор Марк Сориано так объясняет его решение:

«Перро вынужден идти на уступки, ибо в его руках копия письма Арно, подправленная Буало. Приговор Арно тяжел для Перро не только из-за его содержания, не только из-за того, что он сделан другом, но и из-за того, что он сделан сторонником янсенистского вероисповедания.

Если бы Арно вернулся в Париж, Перро бы лично переговорил с ним и узнал, что его мнение благоприятно для него. Но Арно болен и, хотя получил уже разрешение вернуться в Париж, остается в Брюсселе».

В те же дни Буало пишет Арно:

«Я сомневаюсь, что мне когда-нибудь придется взять в руки перо, чтобы писать против Перро-академика, потому что в этом больше нет никакой надобности. И в самом деле, по поводу его писаний против „древних“ я, по мнению многих моих друзей, и так извел слишком много бумаги в своих „Размышлениях о Лонгине“, стремясь опровергнуть произведения столь невежественные и опровержения недостойные. Что же касается его критики моей нравственности и моих сочинений, то, уверяют они, один слух о том, что вы встали на мою защиту, достаточен, чтобы сделать меня неуязвимым, несмотря на его поношения. Я признаю, что они правы. И все же истина состоит в том, что для полноты моей славы необходимо, чтобы ваше письмо было опубликовано. Чего бы я не сделал, чтобы получить ваше согласие! Нужно ли мне отказаться от всего, что я писал против Перро? Нужно ли мне стать на колени? Нужно ли мне прочитать целиком „Святого Павла“? Только скажите, и ничто не будет трудным для меня».

4 августа примирение состоялось. Буало и Перро встретились и протянули друг другу руки.

6 августа Арно составил мнение, благоприятное для Перро.

А 8 августа в Брюсселе Антуан Арно умер.

История показала правоту Перро в этом его споре с Буало. В «Апологии женщин» он утверждал, что в некоторых случаях французские женщины становятся выше мужчин.

И действительно, в век Шарля Перро женщины стали активно влиять на внешнюю и внутреннюю политику государства. Достаточно вспомнить поведение герцогини Орлеанской в годы Фронды, достаточно вспомнить Марию Манчини, госпожу де Монтеспан, госпожу де Ментенон, приближенных ко двору и фактически руководивших его политикой. Достаточно вспомнить Марионну де Лорм, Нинон де Ланкло, госпожу де Шуази, девицу де Скюдери, маркизу де Рамбулье... «Они некоторым образом создали влияние женщин на новейшее общество», — писал Александр Дюма в романе-хронике «Людовик XIV и его век».

*

К изданию первого сборника сказок Шарль относился очень серьезно. Не просто ради того чтобы потешить публику, решил он на это. В предисловии к сборнику Перро должен был нанести новый удар по «древним», показать, что народные сказки живее античных мифов, современнее и нужнее людям.

«Прием, который публика оказывала сочинениям, составившим это собрание, по мере того как она получала их по отдельности, — писал он, — служит некоторым ручательством, что они не произведут на нее невыгодного впечатления, когда появятся все вместе. Правда, некоторые лица, притязающие на глубокомыслие и достаточно проницательные, чтобы увидеть в них только сказки, написанные ради забавы и посвященные предметам не слишком значительным, отнеслись к ним с презрением; но к нашему удовлетворению оказалось, что люди, наделенные хорошим вкусом, судят о них иначе.

Они-то с удовольствием отметили, что эти безделки вовсе не безделки, а заключают в себе полезную мораль и что игривый склад повествования был выбран только затем, чтобы они действовали на ум читателя с большей приятностью, вместе и поучая и развлекая. Этого должно было бы быть довольно для меня, чтобы не опасаться упрека, будто я искал легкомысленной забавы. Но коль скоро я имею дело с людьми, которые примут не всякий довод и которых сможет убедить только пример и авторитет древних, то я успокою их и на этот счет. Милетские предания, столь знаменитые у греков и восхищавшие собой Афины и Рим, были

такого же свойства, что и рассказы, вошедшие в этот сборник. История о Эфесской Матроне такова же в своем существе, как и история о Гризельде; и та и другая — это новеллы, то есть рассказы о событиях, которые могли бы случиться, и они не содержат в себе решительно ничего, противоречащего правдоподобию. История про Психею, написанная Лукианом и Апулеем, — чистейший вымысел, нянюшкина сказка — вроде истории про Ослиную Шкуру. Недаром, как мы видим, и у Апулея старуха рассказывает ее похищенной разбойниками молодой девушке, подобно тому как „Ослиную Шкуру“ каждый день рассказывают детям их воспитательницы и бабушки. История земледельца, получившего от Юпитера в дар способность вызывать по своему усмотрению дождь и солнечную погоду и воспользовавшегося ею так, что ему привелось собрать лишь солому и ни единого зерна, ибо он ни разу не пожелал ни ветра, ни холода, ни снега и ничего на них похожего, что, однако, необходимо для произрастания злаков, — эта история, говорю я, того же рода, что сказка про смешные желания, хотя первая серьезна, а вторая забавна; смысл же обеих в том, что люди не знают, чего им надо, и для них большее счастье — идти по пути, указанному Провидением, нежели получать всякие блага по своему желанию.

Имея столь прекрасные образцы в премудром и ученом мире древности, я и не опасюсь, что кто-либо вправе обратить ко мне какой бы то ни было упрек. Как я готов утверждать, истории мои даже более заслуживают того, чтобы их пересказывали, чем большая часть древних преданий, если посмотреть на них со стороны морали — вещи главной во всякого рода историях, ради которой они и должны бы сочиняться. Вся мораль, которую можно вывести из истории о Матроне Эфесской, состоит в том, что часто женщины, кажущиеся самыми добродетельными, менее всего ими являются и что тем самым почти нет среди них таких, которые и на самом деле были бы добродетельны.

Кому же не ясно, что эта мораль весьма дурна (то есть то, что среди женщин нет порядочных, а только притворяющиеся!) и что она только развращает женщин, подавая дурной пример и внушая, будто они, изменяя своему долгу, только идут общим для всех путем? Не такова мораль „Гризельды“, побуждающая жен все терпеть от своих мужей и показывающая, что не отыщется среди них ни одного столь грубого и сумасбродного, которого не в силах было бы победить терпение порядочной женщины.

Что до истории о Психее, истории, которая сама по себе весьма привлекательна и придумана весьма искусно, то скрытую в ней мораль,

если бы только она мне была ясна, я сравнил бы с моралью „Ослиной Шкуры“, но я до сих пор так и не мог разгадать ее. Да, мне известно, что Психея означает душу, но я не знаю, как понимать Амура, влюбленного в Психею, то есть в душу, и мне еще менее понятно, когда к тому же прибавляют, что счастье Психеи должно было длиться, пока она не узнает того, кого любит, а это был Амур, и что, напротив, она сделается очень несчастной, как только его узнает; для меня это неразрешимая загадка. Можно лишь сказать, что это предание, как и большая часть других, унаследованных нами от древних, сочинено было только ради развлечения и с полным пренебрежением к добрым нравам.

Иначе обстоит дело со сказками, которые наши предки придумывали для своих детей. Рассказывая их, они обходились без той грации и того изящества, которые греки и римляне придавали своим историям, но они постоянно проявляли великую заботу о том, чтобы вложить в свои сказки мораль похвальную и поучительную. Добродетель в них всегда вознаграждается, а порок наказывается. Все они проникнуты стремлением показать, сколь велики блага, которые приобретаешь, будучи честным, терпеливым, разумным, трудолюбивым, послушным, и какой вред приносит отсутствие этих качеств...

Как бы незначительны и как бы причудливы ни были приключения во всех этих историях, нет сомнения, они вызывают в детях желание походить на тех, кого они видят в них счастливыми, и страх перед теми несчастьями, коим за свою злобу подвергаются злодеи. Не достойны ли похвалы родители, которые своим детям, еще не способным воспринимать истины существенные и ничем не приукрашенные, уже внушают к ним любовь и дают, так сказать, отвесть их, облекая в форму рассказов занимательных и приспособленных к их слабому младенческому разумению?.. Все эти бросаемые в почву семена, которые сперва порождают лишь порывы радости или приступы печали, но впоследствии непременно вызывают к жизни и добрые наклонности...

Я бы мог придать моим сказкам большую приятность, если бы позволил себе иные вольности, которыми их обычно оживляют; но желание понравиться читателям никогда не соблазняло меня настолько, чтобы я решился нарушить закон, который сам себе поставил, — не писать ничего, что оскорбляло бы целомудрие или благопристойность».

Как много работает этот неутомимый человек! Ему уже 66 лет, а он не знает усталости. Он готовит к изданию «Всеобщий словарь французского языка», редактируя каждую из его статей. Публикует сказки «Ослиная Шкура» и «Смешные желания». С интересом читает только что вышедшую книгу «Басен» Лафонтена и тепло отзывается о ней. Вторым изданием публикует сказку «Гризельда», полемизирует устно и на страницах печати с «древними», прочитывает работу племянницы Леритье де Виллодон «Триумф мадам Дезульер», редактирует ее и помогает напечатать в издательстве Мазуэля, усиленно работает над 4-м томом «Параллелей между древними и новыми» — в него войдет пятый диалог — об астрономии, географии, навигации, философии, музыке и медицине, для чего ему приходится выискивать и читать гору литературы. Мало? Ему кажется мало, и он вспоминает о начатых переводах басен писателя итальянского Возрождения Фаэрна.

Он, может быть, и не вспомнил бы о них, если бы не посетил однажды воспитательный дом, где его друг аббат Данжо собрал детей бедных дворян. Шарль был поражен тем, что образование там было похоже на игру как со стороны преподавателей, так и со стороны учеников. И тогда он решает закончить перевод и подарить его детям, так как в баснях обнаруживается множество вещей, которые могут послужить их образованию.

В посвящении аббату Данжо «Басен» Фаэрна, которые выйдут в 1697 году, Шарль Перро напишет:

«Среди движимых мною чувств удивления и восхищения, вызванных посещением воспитательного дома, я признаюсь вам, что не мог удержаться от того, чтобы не позавидовать вам в таком большом счастье или, по меньшей мере, пылко пожелать принять хоть какое-то участие в этой похвальной затее».

И затем добавит:

«Мораль этих басен могла бы содействовать воспитанию в них (учениках дома Данжо. — С. Б.) духа осторожности, который вы им прививаете».

Профессор Марк Сориано, анализируя это посвящение, замечает:

«Понятие осторожности — относительно новое слово в педагогическом словаре академика; несомненно, в нем есть общий смысл благодетели, которая позволяет познать и осуществить то, что соответствует образу жизни».

В том же 1694 году Шарль Перро купил у своего шурина аббата Гужо замок Розье. Этот замок, в котором Шарль нередко гостил с сыновьями, находился возле города Труа, на берегу Сены. Красивый, поистине волшебный, он, казалось, был рожден сказкой. В нем было все, что мог придумать сказочник: высокие стены, толстые круглые башни, острые шпили над крышами. Был и ров, заполненный водой. Река огибала замок, одновременно охраняя его.

Приобретение в собственность настоящего старинного замка было исполнением давней, еще детской мечты Шарля Перро. Правда, жить в таком замке было не слишком удобно.

Толстые каменные стены скапливали в себе такой леденящий холод, что согреться зимой в этих каменных «мешках» было невозможно, если только не зажечь камин. И то тепло было только возле него, и только если камин все время горел.

Но стоит ли говорить, в каком восторге были от этой покупки дети, и особенно младший, Пьер?!

Тогда же Шарль купил для Пьера усадьбу: замок — замком, а сын должен иметь свою собственность!

А 19 ноября произошло событие, о котором, может быть, и знал Шарль, но не придавал ему никакого значения. Оно случилось далеко от Парижа. Докладчик в Государственном совете, писатель и шансонье Филипп Эмануэль сопровождал кузину своей жены мадам де Лавуа к ее новым землям. И с дороги регулярно писал своей супруге обстоятельные письма. Одно из них — придет время — навсегда вплетется в текст чудесной сказки отца и сына Перро «Кот в сапогах».

1695 год

В 1695 году из печати выходит первое издание стихотворных сказок Шарля Перро с его предисловием — сборник «Сказки матушки Гусыни».

Сборник вызвал большой интерес. Достаточно сказать, что всего за год он выдержал четыре издания!

Вдохновленный успехом, Шарль перечитывает тетрадь Пьера и подумывает об издании его прозаических сказок.

В литературе до сих пор бытует мнение, что Пьер Перро вообще не писал никаких сказок. Их автором якобы был отец, академик Шарль Перро,

которому, как считают скептики, попросту показалось неудобным под своим именем издавать прозаические сказки, почему он и решил издать их под именем Пьера.

Мнение это, однако, едва ли состоятельно. Во-первых, непонятно, почему Шарлю удобно было издавать под своим именем стихотворные сказки, но показалось неудобным издавать весь сборник, в который вошли и стихотворные, и прозаические произведения.

Во-вторых, как отметил профессор Марк Сориано, в вышедших в 1695 году «Избранных произведениях» мадемуазель Леритье де Виллодон, племянницы Шарля Перро, содержится множество ссылок на тетрадь сказок Пьера Перро.

Так что тетрадь эта — вовсе не мистификация. Она была. Записывались в нее народные сказки. Другое дело, что в таком виде их издавать было нельзя. И отец решает доработать сказки сына. И при этом издать их под его именем. Может быть, это поможет Пьеру в его дальнейшей жизни? И даже — кто знает — поспособствует его возможному успеху при дворе?

*

Мы не знаем, сколько всего сказок было в тетрадке Пьера. Шарль отобрал всего восемь. Почему именно их? Потому что он решил издать тематический сборник. Каждая сказка, которую он отобрал, несла в себе мораль. А чтобы усилить ее воздействие на читателя, Шарль решил каждую прозаическую сказку сопровождать стихотворной моралью.

Но главная задача, которая стояла перед Перро, — это сделать из черновой записи народной сказки подлинный литературный шедевр.

Работу он начал со сказки «Спящая красавица».

Почему именно с этой сказки? Кто знает? Быть может, он вспоминал о своей любимой Мари — такой веселой, живой, красивой — и так рано умершей...

Шарль тщательно работал над сказкой. Он ее сделал изящной, внес в нее тонкий аромат дворцового этикета. Но что-то мучило его. Какое-то воспоминание, которое нужно было обязательно вставить в сказку. А если не вставить, то хотя бы упомянуть о нем...

И, наконец, он вспомнил.

Воспоминание было связано с замком, который зарос густым лесом. Он когда-то видел такой замок!

Это было в те времена, когда Шарль работал в Интендантстве королевских построек. По его делам он оказался на реке Луаре. Его удивили белые башни, которые возвышались над дремучим лесом, и он спросил у местных рыбаков: кто живет в этом замке?

— Привидения, — ответили ему.

Шарль запомнил название замка — Юссэ.

И ему стало легче писать сказку: если писатель хорошо представляет место действия и героев — изложение становится правдивее.

...Напомню читателю, что замок Юссэ на реке Луаре стоит и сегодня. Его отремонтировали, и любители сказок Шарля и Пьера Перро приезжают сюда, чтобы увидеть место, где жила принцесса, и подняться в ту башню, где сидела старушка, нарушившая запрет. Она вязала, а принцесса попросила у нее спицу, укололась и заснула на сто лет.

Во дворе замка и в его фойе посетители могут купить сказки Перро и сувениры: вязальную спицу из замка Юссэ, вылепленные из глины фигуры героев, любимые духи принцессы и т. д.

Один раз в неделю во дворе замка показывается представление по мотивам сказки Перро «Спящая красавица».

*

Весь 1695 год Шарль работает с тетрадкой Пьера. Это была кропотливая работа. Шарль не ограничивался одной лишь литературной правкой. Он поднимал книги великих сказочников прошлого, прежде всего Джанфранчески Страпаролы и Джамбаттисты Базиле.

Как уже говорилось, Перро старался находить в своей памяти аналоги речкам, лесам, замкам и героям, живущим в его сказках. Так, в сказке «Красная Шапочка» (и во всех других, где действие происходит в сельской местности) оживает его родное село Вири. Шарлю казалось, что Красная Шапочка со своей мамой живут в селе Вири, а бабушка — в селе Савиньи: к ней нужно было идти не только лесом, но и через речку Орш. А в образе самой Красной Шапочки оживала в памяти Шарля его маленькая Франсуаза, такая же чистая и невинная, как и героиня сказки.

Текст самой сказки «Красная Шапочка», как отмечает профессор Марк Сориано, «взят целиком из устной литературы. До 1695 года он никогда не был записан».

И запись эту сделал Пьер Перро. Умом ребенка или юноши он сохранил сказку такой чистой и наивной, что править текст отцу

показалось бессмысленным. Как писал другой современный французский исследователь Валькенер, «наивность детских фраз юного Пьера показалась отцу подходящей для этого вида сочинений».

Но нужно помнить, что Шарль Перро сам записывал народные сказки и хорошо помнил те, которые ему рассказывали в детстве. Поэтому, имея перед собой текст сына, он пользовался и собственным «багажом».

Одной из загадок сказки является образ Волка. Дело в том, что во времена Перро волки не были воображаемой опасностью. Каждый год они загрызали большое число и взрослых, и детей, особенно в отдаленных районах. Однако в сказке Перро Волк совсем не похож на настоящих волков. Ни мама, ни бабушка не предупреждают девочку о том, что в лесу водятся волки, и Красная Шапочка, встретив Волка, вроде бы даже и не узнает его. Иначе не было бы и сказки.

Девочка как будто вообще не знает, чем отличается Волк от ее бабушки. И когда Красная Шапочка раздевается и идет к кровати, она очень удивлена внешним обликом бабушки.

Шарль Перро тонко чувствует эту игру сказки и сохраняет ее. Но сохраняет не все. Профессор Марк Сориано отмечает, что в одной из народных версий сказки Красная Шапочка после каждой снятой вещицы спрашивает Волка, куда ее положить. И не слышит угрозу в словах Волка: «В огонь, дитя мое! Это тебе больше не понадобится!»

Может быть, следовало оставить в сказке эти фразы?

Но тогда Шарлю Перро можно было бы оставить и такой вариант: в народных сказках, узнав, где живет бабушка и куда отправляется девочка, Волк спрашивает ее:

— По какой ты пойдешь дороге? По иголочной или по булавочной?

Девочка идет по одной дороге, Волк — по другой.

Французский исследователь Деляру уточняет, что есть несколько вариантов названий дорог, но сам выбор их настолько характерен, что народные сказочники всегда оставляли его. Эти бессмысленные названия, удивляющие взрослых, интригующие исследователей, восхищают детей, которые находят их существование совершенно естественным в стране чудес. Они напоминают им игру, которая заключается в том, чтобы спросить: что кому больше нравится — веревочка или кнопочка? Если кнопка — ребенку нажимают на носик, если веревочка — его слегка треплют за ушко. Выбор, предлагаемый Волком, — тоже игра: в обоих случаях речь идет о колющихся предметах.

Марк Сориано пишет: «Эта замечательная деталь не сохранилась, и вот почему: эти удивительные дороги позабавили бы детей, но показались

бы непонятными для других читателей. Поэтому автор с сожалением — что несомненно — убирает их».

Вот и ответ: Шарль Перро, имея перед собой краткий, ясный по-детски вариант Пьера, не хочет его перегружать и тем самым сохраняет тот шедевр, который мы и сегодня перечитываем с восхищением.

«Эта сказка, — пишет М. Сориано, — несомненно, лишь переложение, но это одна из парадоксальных удач в нашей литературе. Строгая и непринужденная одновременно, близкая к устной версии, восстановившая ее новыми техническими средствами, детская, но иногда граничащая с неприличием, эта сказка вызывает сильное волнение и пронизывается время от времени ярким бурлеском.

Да, можно сожалеть о булавочной и иголочной дорогах. Но если рассмотреть вопрос поближе, понимаешь в конце концов, что автор был прав, убрав их из текста. Так как сохранив эти таинственные названия, он, может быть даже в силу этой таинственности, разрушил бы волшебное равновесие этой классической сказки, этого светлого произведения, ставшего в конечном итоге непостижимым».

Поль Деляру считает, что при доработке сказки Пьера отец сделал удивительную находку. А именно — он нашел... Красную Шапочку. «Речь идет об аксессуаре, свойственном версии Перро, аксессуаре, который появляется еще раз только в версиях, написанных под его непосредственным влиянием. Деталь эта художественно очень продумана. Внешность девочки не описывается, но само выражение „Красная Шапочка“, выбранный цвет создают впечатление чего-то целого, дают ощущение реальности. В ходе рассказа автор пользуется этим термином очень часто, если не постоянно, подобно тому как Вагнер использует лейтмотив для введения Зигфрида или Изольды. Но литературное выражение отличается от музыкального, и была опасность монотонности. Опасность эта была реальной, так как выражение „Красная Шапочка“ встречается одиннадцать раз плюс еще название, значит, двенадцать раз на трех-четырёх страницах. Но у читателя, однако, никогда не было ощущения нудной повторяемости».

Но самым дерзким вторжением в текст народной сказки, которое позволил себе Шарль, было ее сокращение. В народной сказке, записанной Пьером, конец счастливый: злому Волку все же приходит конец. Его убивает охотник. Шарль решил отказаться от идиллии. Ведь в каждой из отобранных сказок главной для него была мораль. Девочка, которая идет одна в лес и разговаривает с волками, должна понести наказание!

И сказка, как и другие сказки сборника, кончается стихотворной

моралью:

Детишкам маленьким не без причин
(А уж особенно девицам,
Красавицам и баловницам),
В пути встречая всяческих мужчин,
Нельзя речей коварных слушать —
Иначе волк их может скушать.
Сказал я: волк! Волков не счесть,
Но между ними есть иные
Плуты, настолько продувные.
Что, сладко источая лесть,
Девичью охраняют честь,
Сопутствуют до дома их прогулкам,
Проводят их бай-бай по темным закоулкам...
Но волк, увы, чем кажется стройней,
Тем он всегда лукавей и страшней!

...Отец работал с тетрадкой сына. И можно предполагать, что Пьеру было не безразлично, что собирается сделать он с его тетрадкой. И, развивая это предположение, можно думать, что отец и сын вели разговоры о фольклоре, о сказках. Тем более что Шарлю всегда, с самого детства, нравилось сотрудничество с близкими, родными людьми.

*

Обращает на себя внимание одна особенность отобранных Шарлем сказок. Лейтмотивом каждой из них проходит... гнусность родителей.

Давайте вспомним:

В «Спящей красавице» отец и мать оставляют заснувшую дочь одну во дворце на целых сто лет!

В «Красной Шапочке» мать не предупреждает дочку о том, что в лесу бродят волки, и отправляет ее одну в опасный путь.

В «Синей Бороде» родители за мешок золота продают людоеду свою любимую дочь.

В сказке «Господин Кот, или Кот в сапогах» отец так несправедливо делит наследство, что младшему достается только кот.

В сказке «Волшебницы» мать ненавидит младшую дочь и превращает ее в рабыню, так же как и мачеха в сказке «Золушка».

В сказке «Мальчик с пальчик» родители вообще решают отделаться от детей, и отец уводит их в дремучий лес и оставляет там одних.

В сказке «Ослиная Шкура» отец после смерти королевы решает жениться на собственной дочери. «Юная принцесса, добродетельная и стыдливая, чуть не упала в обморок от этого ужасного предложения. Она бросилась к ногам короля и со всею силою убеждения, на какую была способна, заклинала отца не принуждать ее к такому преступлению». Но отец был непреклонен.

Через всю жизнь Шарль пронес ужас перед родительской несправедливостью по отношению к нему. Он был лишен родительской ласки, и потому в его сердце постоянно жила неуверенность.

Оттого мир сказок Перро наполнен глубокой тревогой. Ни один из героев не защищен, каждый чувствует близкую или дальнюю опасность и не находит защитников. И если в конце концов сказки заканчиваются хорошо, то это просто дань законам литературного жанра.

*

Когда Шарль Перро начинал работать над сказкой «Синяя Борода», помимо записи сына жила еще и устная сказка и Шарль ее хорошо помнил с детства. А потом случилась удивительная вещь. Литературная сказка победила и вытеснила народную. Профессор Марк Сориано с сожалением говорит, что восстановить устную версию такой, какой услышали ее сын и отец Перро между 1694 и 1695 годами, уже невозможно.

Сказка «Синяя Борода» из сборника «Сказки матушки Гусыни» имела оглушительный успех. Сопровождаемая гравюрами Эпиналя, книжка продавалась вразнос, и ее читали во всех уголках Франции.

И если сегодня мы возьмем книгу «Французские народные сказки» и прочитаем сказку «Синяя Борода», то почти не отличим ее от сказки Перро. И это ли не настоящее чудо литературы?

Между прочим, за образом кровожадного людоеда и женоненавистника из этой сказки скрывается вполне реальное лицо — маршал Жиль де Ре, казненный в 1440 году в городе Нанте. Шарль Перро наверняка знал это имя.

Аббат Эжен Буассар в прошлом веке написал прекрасную книгу «Жиль де Ре, французский маршал, прозванный Синей Бородой», в которой

рассказал историю жизни этого несчастного человека, оклеветанного королевскими судейскими.

Очень много Шарль работал над языком сказок. Он писал, перечеркивал, записывал новые варианты и опять черкал. Не оттого ли сказки Перро поражают чистотой стиля?

Профессор Марк Сориано нашел манускрипт, написанный рукой Шарля Перро в 1695 году, и сравнил его с текстом книги 1697 года. Интересно проследить правку сказки.

Иногда автор развивает деталь, которая была недостаточно ясной и которая из-за этого могла помешать драматизму событий.

Например:

1695 год «...видны были тела многих мертвых женщин, привязанных вдоль стен. Она подумала...»

1697 год «...видны были бесчисленные тела мертвых женщин, привязанных вдоль стен. (Это были женщины, на которых Синяя Борода женился и которых по очереди убил.) Она подумала...»

Иногда, напротив, он уплотняет текст и устраняет лишние детали, которые в устной версии могут пройти незамеченными, но в письменном тексте неизбежно приводят к «затянутости»:

1695 год «Вошли два кавалера, которые, держа шпагу в руке, подбежали прямо к Синей Бороде, крича изо всех сил: „Остановись, несчастный, остановись!“ Синяя Борода, который узнал...»

1697 год «Вошли два кавалера, которые со шпагами в руках подбежали прямо к Синей Бороде. Он узнал...»

*

Одновременно со сказками Шарль работает над книгой «Знаменитые люди Франции», которую готовит в сотрудничестве с Мишелем Бетоном.

Они уже определили будущих героев книги. Первые имена назвал Шарль — они давно уже отложились в его голове: философы Рене Декарт, Пьер Гассенди, Блез Паскаль; комедиограф и актер Жан Батист Мольер; архитектор Франсуа Мансар; композитор Жан Батист Люлли; живописец Николя Пуссен; кардинал Арман Жан дю Плесси Ришелье, глава королевского совета, фактический правитель Франции; принц Конде.

В ответном письме Мишель Бегон добавил еще несколько фигур, причем приложил к письму уже собранные им материалы: генеральный

контролер финансов Жан Батист Кольбер; драматург Пьер Корнель; адвокат, советник парижского парламента Жерар Биньон; поэт и драматург Жан Демаре де Сен-Сорлен.

Так они и переписывались все время. Прежде чем включить в список известного человека, Перро консультировался с Мишелем Бегоном.

А вскоре Шарль получил из Рошфора несколько гравюр для книги, исполненных Любэном. Он был в восхищении. В таком сопровождении книга будет солидной!

Бегон подключил к работе еще трех граверов: Эделинка, Симоно и Шюпена.

Переписку между соавторами вел Вилермон. Он собирал и передавал Мишелю Бегону вопросы, которые вызывали затруднения у Перро; передавал ответы Бегона, вел переговоры с иезуитами, которые, узнав о намерении Перро и Бегона, потребовали убрать из книги имена Арно и Паскаля. А еще успокаивал вспыльчивого книгопродавца Дезайе, который хотел взять продажу этой книги только в свои руки.

Шарль работает с энтузиазмом. Методы его работы и отдыха такие же, как у Кольбера: чувствуя, что голова устает при работе над книгой сказок, Перро переключается на «Знаменитых людей», а затем плавно переходит к «Параллелям между древними и новыми». Его не тяготит, что он одновременно работает над несколькими книгами. Наоборот, это помогает ему.

*

Над сказкой «Золушка» Шарлю Перро также пришлось немало поработать. Он знал и любил похожую сказку из книги Базиле «Пентамерон». Он всегда восхищался ею и потому, когда прочитал вариант, записанный Пьером, сразу решил использовать французскую версию «Золушки», в которой отразились народные традиции Франции.

В целом, как считает Марк Сориано, сказка, записанная Пьером, не испытала существенных исправлений, и Шарль лишь слегка переделал ее. Но это «слегка» означало искусство большого мастера.

Автор заботливо сохранил сюжетную линию, сохранил и туфельки, и бал, и сам ритм рассказа. Но при ближайшем рассмотрении, оказывается, что простота и безыскусность рассказа достигаются очень искусно. Перед нами либо необычайный «художественный инстинкт» автора, либо очень большой опыт писательского мастерства, а наиболее вероятно — и то и

другое.

Самый захватывающий момент сказки, без сомнения, касается бала. По всем народным версиям, героиня три раза едет на бал к принцу. Автор сохраняет традиционный ритм, но в то же время стремится избежать монотонности повторения одной и той же сцены. И достигает этого исключительно умело. Он убирает третий бал, что заставляет Золушку терять туфельку на втором. Но сцена первого бала представлена два раза. Первый раз — глазами Золушки, второй — злых сестер.

В действительности же рассказано только об одном бале, но с ловким зеркальным эффектом: рассказ дан в три или четыре приема, так что читателю представляется, что и другие балы описаны очень подробно.

Шарль Перро критически относится к фольклору. Он смело убирает из народной сказки те эпизоды, которые ее не украшают. Так, например, он исключил сцену, в которой героиня бросает соль в огонь, когда вычесывает из головы вшей (эта деталь народной сказки должна была ему быть известна). Оказались исключены некоторые волшебные вещи, например, два плода, которые в различных версиях содержат чудесные платья для феи, или три «странных жителя» — метла, тряпка и совок. Зато автор добавил в сказку волшебство: мыши у него чудесным образом превращаются в лошадей, крыса — в кучера, ящерицы — в лакеев и т. д.

Перро вводит в сказку легкий юмор. Очаровательная фея действует по определенным правилам, которые так просты, ясны и очевидны, что Золушка их легко угадывает и подыгрывает крестной матери:

«Так как она задумалась, из чего бы сделать кучера, Золушка сказала: „Пойду посмотрю, нет ли в ловушке крысы?“ — Ты права, походи посмотри, — сказала крестная мать».

Современные французские фольклористы Бальзак и Лётрэ пришли к выводу, что хрустальная туфелька Золушки, которая слетает с ее ножки еще в первом издании «Сказок», является результатом случайной ошибки автора или опечатки. Хрустальная туфелька, упав с ножки на каменную лестницу, неминуемо бы разбилась. Следовательно, считают названные авторы, Золушка носила не хрустальные туфельки, а туфельки, окаймленные беличьим мехом. «Во Франции, как и в других королевствах, — писал Бальзак, — королевские указы предписывали ношение мехов только благородному сословию. В особенности это касалось некоторых редких мехов, например беличьего. При этом различали мех крупный и мелкий. Названия этих мехов давно уже вышли из употребления, и в бесконечном числе изданий сказок Перро знаменитая туфелька Золушки — несомненно, из мелкого беличьего меха — представлена хрустальной».

Но с этим мнением можно поспорить.

Марк Сориано пишет: «В волшебном мире вполне могут существовать хрустальные туфельки. В оригинальном издании была именно хрустальная туфелька, и с трудом можно допустить, что ошибка повторилась три раза в тексте и один раз в названии... В самом деле, эта хрустальная туфелька, идея которой, видимо, принадлежит именно Шарлю Перро, — очень тонкое, изящное изобретение. Она позволяет во всей сказке ощущать атмосферу легкой иронии».

Марк Сориано очень тонко сумел найти те места в сказке, где ощущается присутствие обоих авторов — и сына, и отца.

«Тон сказки „Золушка“ особенный, — пишет он. — Большей частью он единый, плотный, быстрый, прямой. Можно представить себе, что это рассказ одаренного ребенка, который идет прямо за фактами и находит самые характерные черты, которые берут его за душу. Например: „Она спала на чердаке, на старом соломенном тюфяке, в то время как сестры спали в красивых комнатах“.

Иногда же тон изменяется: можно сказать, что это другой голос, голос взрослого человека, у которого большой опыт и который не пренебрегает, например, тем, чтобы пустить особую стрелу против женщин: „Все дамы очень внимательно рассматривали прическу и платье Золушки, чтобы на завтра сделать себе такие же“. Это голос уже того, кто написал эти нравоучительные истории».

*

Почти весь 1695 год Шарль Перро работал над сказками сына. Поздней зимой он снова пригласил Пьера в свой кабинет. Шарль снял со стола увесистый том, упакованный в тяжелый сафьяновый переплет красного цвета. Пьер перевернул тяжелую обложку и прочитал на титульном листе выведенный золотой краской заголовок:

«Сказки матушки Гусыни, или Истории и сказки былых времен с поучениями».

Заголовок был написан рукой Шарля и обведен красивыми цветными виньетками. Внутри тома были нарисованы такие же красивые виньетки, собственноручно раскрашенные им. К каждой сказке он нарисовал фронтиспис и соответствующий подзаголовок золотой краской.

Сегодня мы знаем, что заголовок тома, придуманный Шарлем, — в самом деле находка. Тем более что сборник сам по себе не содержит

истории королевы с гусиной лапкой — «матушки Гусыни» из французских сказок. Речь идет, стало быть, о заглавии с двойным содержанием, как бывают ящики стола с секретом. «Гусыня» — это простонародный жаргон, который, по мнению Буало, калечит маленьких мальчиков в первые детские годы. Применяв простонародный заголовок, Перро наносил новый удар Буало и Расину. Без сомнения, в книжке сына он заметил не только гусыню, но и другие простонародные словечки. Но разве рассказчик не имеет права применять простонародные выражения?

Пьер бережно перевернул титульный лист и снова увидел золотую краску: виньетка из роз, нарисованная рукой отца, окружала первую заглавную букву страницы, а дальше витиеватым ровным почерком шло посвящение юной принцессе Орлеанской — любимой племяннице Людовика XIV:

«Ваше королевское высочество!

Никто не сочтет странным, что ребенку приятно было сочинять сказки, составившие это собрание, но удивление вызовет то, что он возымел дерзость преподнести их вам. Однако, ваше королевское высочество, какова бы ни была несоразмерность между простотой этих рассказов и просвещенностью вашего ума, если со вниманием рассмотреть эти сказки, то станет видно, что я не столь достоин порицания, как это может показаться поначалу. Все они полны смысла весьма разумного и раскрывающегося в степени большей или меньшей, смотря по тому, насколько в него вникают читающие. К тому же, поскольку ничто так не отличает истинную широту ума, как его способность подыматься до предметов наиболее великих и в то же время снисходить до самых малых, никого не поразит, что та же принцесса, которой и по характеру своему, и по воспитанию столь близко и привычно все самое возвышенное, соблаговолит развлечься подобными безделками. Правда, что сказки эти дают понятие о том, что творится в семьях наискромнейших, где похвальное нетерпение, с которым родители спешат просветить своих детей, заставляет их придумывать истории вовсе не разумные, дабы приноровиться к этим самым детям, у коих разума еще нет; но кому же лучше подобает знать, как живут народы, как не тем особам, которым небо предназначило ими руководить! Стремление узнать это приводило доблестных мужей, притом и мужей, принадлежавших к вашему роду, в бедные хижины и лачуги, дабы вблизи и собственными глазами увидеть то примечательное, что делается там, ибо такое знание казалось им необходимым для полноты их просвещения. Итак, все милостивейшая государыня,

Не правда ль, в этом есть известная приятность —
В бесспорность превращать невероятность?
Навряд ли фея в оны времена
Могла бы юное так одарить создание,
Чтоб тьму даров затмить, которая дана
Самой природой вам, всем смертным в назиданье.

Остаюсь с глубочайшим почтением Вашего королевского высочества
смирнейшим и покорнейшим слугой Перро д'Арманкур»

— Перро д'Арманкур? — с удивлением спросил Пьер.

— Да, сынок, твои сказки мы подарим племяннице короля, и она поможет тебе получить дворянский титул. Принцесса только-только начинает собирать свое окружение, и ты должен попасть в него. Если я не напрасно провел во дворце двадцать лет — так и будет!

Пьер был молод, изящен, недурен собой, глаза его — как у отца с поволокой — уже привлекали взоры девушек, костюм ему справили у лучшего портного Парижа, и он нашел в себе силы предстать перед молоденькой принцессой, вручить ей дорогой фолиант и сказать несколько возвышенных слов.

Отец оказался прав. Пьер был включен в окружение принцессы.

Таким удачным был этот год для отца и сына Перро.

И не только для них. В феврале 1695 года журнал «Галантный Меркурий» публикует поэму Леритье де Виллодон «История маркизы Банневиль», и племянница Шарля Перро получает премию Тулузских лантернистов — писательского общества, созданного для прославления короля.

Поэма «История маркизы Банневиль» была уже отчасти знакома читателям.

Она вышла в 1694 году в Париже у издателя Мануэля под названием «Триумф мадам Дезульер», но эта публикация вызвала у Леритье настоящий шок. Ее друг Ленобль на самом деле оказался интриганом, лишенным совести. Он опубликовал поэму о мадам Дезульер, но добавил туда такое большое число комментариев и грубостей, что значительно исказил ее смысл.

Уязвленная мадемуазель Леритье распространила опровержение. Она пишет мадемуазель Скюдери, Шарлю Перро и академику Шарпантье. И наконец в 1695 году публикует подлинный текст поэмы уже под названием

«История маркизы Банневиль». Поэма вышла в свет в ее «Избранных произведениях», которые, как отмечает Марк Сориано, тем для нас особенно интересны, что содержат множество ссылок на тетрадь сказок Пьера Перро де Арманкура.

1696 год

Современник Перро Жан Лабрюйер в книге «Характеры» так передавал мысли престарелого вельможи, отставленного от дел (каким, собственно говоря, и был Перро):

«...Две трети жизни я уже прожил, зачем же так беспокоиться о том, как пройдет остаток моих дней? Самая блестящая карьера не стоит ни тех мучений, на которые я себя обрекаю, ни тех низостей, на которых себя ловлю, ни тех унижений и обид, которые претерпеваю.

...Самое лучшее в жизни — это покой, уединение и место, где ты сам себе хозяин».

Но в лексиконе Шарля Перро слово «покой» отсутствовало. Всю жизнь он прожил в суете, в делах, в постоянной борьбе за свои идеи. И в свои 68 лет он продолжал жить в том же темпе.

Не стоит забывать и того, что у него трое сыновей, которые только-только входят в жизнь и которым надо дать «возможность для разбега». Все они получили отличное образование, и теперь каждого нужно удачно пристроить. И если с Пьером это вроде получалось, то старшие братья еще находились на перепутье. Трудность заключалась в том, что фамилия Перро была широко известна, но вместе с его славой на сыновей падала и тень от его бесконечных споров с сильными мира сего.

Казалось, после смерти Антуана Арно дискуссия «древних» и «новых» стихает. Но это была лишь передышка. «По истине, — писал аббат Дю Бо, — рана закрывается, но оставляет большой и видимый шрам».

В 1696 году в свет вышла книга «Знаменитые люди Франции», которую Шарль писал вместе с Мишелем Бегоном в течение четырех лет. Правда, на обложке значилось имя лишь одного автора — Шарля Перро. Мишель Бегон отказался от соавторства. Это была первая из двух книг. Второй том выйдет через два года.

В том же году в журнале «Галантный Меркурий» без подписи автора печатается прозаическая сказка «Спящая красавица». Редакция ошибочно приписывала ее авторство маркизе де Банневиль, автору сказки «Маленький маркиз», и лишь в сентябре, после необходимых разъяснений,

ошибка была устранена.

Это заставило Шарля Перро несколько отложить издание книги сказок своего сына. Тем более что Шарль продолжал дорабатывать ее. Если в фолианте, который Пьер подарил принцессе, было всего пять сказок, то к изданию Шарль готовил книгу, в которую входило уже восемь сказок: он решил включить в нее давно им обработанные сказки «Золушка», «Рике с хохолком» и «Мальчик с пальчик».

28 октября король наконец даровал Пьеру де Арманкуру привилегию на издание книги «Сказки матушки Гусыни...».

И опальный вельможа понял, что попал «в десятку». Это не только означало, что Пьер стал автором книги сказок, но и то, что он вошел в свиту принцессы. Перед ним открывалось блестящее будущее.

Сколько радости было в доме Перро!

Ах, если бы мы могли знать наше будущее! Если бы все, кто сидел за праздничным столом, могли предвидеть, что последует за этой радостью. Год 1696-й был последним счастливым годом в жизни Шарля Перро...

1697 год

Зима в этом году выдалась морозной и снежной. Эта суровая пора года всегда тяжелее всего отзывалась на бедноте. В кварталах, где жили несчастные, жилища были открыты всем ветрам, ибо дырявые крыши и щели в стенах пропускали не только дождевые струи и снег, но и морозный воздух. Жители лачуг как могли затыкали дыры, но бедноты было так много, что ни тряпок, ни дощечек, а тем более досок на всех не хватало.

Обогревались замерзающие голодные люди жаровнями, но они давали слишком мало тепла.

Но бродяги и этих обитателей лачуг считали счастливыми. В Париже было огромное количество бездомных — это были в основном пришельцы из деревень, где уже не было спасения от голода. За последние гроши они покупали у тряпичников рваные поношенные рубахи и плащи, залатанные словно шахматная доска.

Каждое утро специальные команды собирали по улицам трупы замерзших мужчин, женщин и детей. Покойников, зашитых в дерюгу, как попало зарывали в Кламаре в общем рву, который засыпали негашеной известью. Прохожие сторонились зловещей картины — влекомой вручную телеги, которая вывозила мертвецов. За телегой, доверху заполненной трупами, шел забрызганный грязью священник.

И в эти самые дни при дворе готовились к свадьбе дочери герцога Савойского с герцогом Бургундским, сыном его высочества дофина.

Молоденькая, улыбчивая, обаятельная принцесса с первого взгляда покорила сердце Людовика XIV, и король желал как можно скорее сделать ее своей внучкой.

Шарль внимательно следил за событиями при дворе. Ему стало известно, что король хотел, чтобы бракосочетание было отпраздновано в тот самый день, когда невесте исполнится 12 лет, а это должно было случиться 7 января, в субботу. За несколько дней перед тем король сказал, и притом так, чтобы все его услышали:

— Я желаю, чтобы торжество бракосочетания было блистательно и чтобы при этом двор явился во всем своем великолепии.

И сам король, с давнего времени носивший платье весьма не щегольское и темного цвета, захотел для этого дня нарядиться в платье цвета яркого и великолепно украшенное. Само собой разумеется, что этого было довольно, чтобы заставить всех, кроме людей духовных и приказных, стараться превзойти друг друга в великолепии. И потому шитье золотом и серебром сделалось вещью обыкновенной; все стали нашивать на свои парадные платья жемчуг и бриллианты. Роскошь дошла до такой степени, что король даже раскаивался, что подал повод к подобным безрассудствам.

— Я не понимаю, — говорил он, — откуда берутся такие глупые мужья, которые разоряются на платьях своих жен.

*

А Шарль готовился к изданию книги сказок.

Мадемуазель Леритье де Виллодон вместе с издателем Мишелем Визе — конечно, после соглашения с Шарлем Перро — пишет анонс для журнала «Галантный Меркурий» о скором выходе в свет удивительного сборника сказок, написанного Перро де Арманкурот. Впрочем, название сборника в анонсе еще не было обозначено.

11 января это произведение — уже под названием «Сказки матушки Гусыни» — было зарегистрировано в книге сообществ печатников и издателей Парижа.

И вот наконец парижский издатель Клод Барбен выпускает сборник сказок, написанных Перро. Издан он очень скромно, в мягкой голубой обложке — так выходили тогда книжки, которые продавались вразнос.

Но даже в этом непритязательном виде сборник произвел настоящий

фурор. Впервые люди держали в руках книгу с теми самыми сказками, которые любили с детства и которые знали до этого только в устной традиции. Книгой зачитывались взрослые, читали сказки детям, и те просили снова и снова повторить их. В этой тоненькой книжечке таилась какая-то тайна, не позволявшая надолго закрыть ее. И прелесть, и тайну этих сказок люди не могут разгадать до сих пор.

Каждый день в лавке Клода Барбена продавалось по 20–30, а иногда и по 50 книжек! И в течение года Клод Барбен еще три раза повторял тираж. Это было неслыханно!

Книга Перро де Арманкура не только ввела народную сказку в салоны герцогов, графов, маркизов — она обозначила начало эпохи сказок. Вслед за ней в 1697 году появляется целая галерея сказочных сборников: выходят книги графини де Мюра, Брюжьера де Баранта, Дюфрени, мадам Катрин де Онуа, мадемуазель де Лафорс. Однако ни одна из них не вызвала таких споров, ни одну из них не искали с таким ажиотажем как «Сказки матушки Гусыни» Перро де Арманкура.

В предисловии автор (мы теперь знаем, что это был Шарль Перро) рассказывал о сказках так, как до него еще не рассказывал никто. Он прямо и открыто противопоставлял свежий материал народного фольклора устаревшим произведениям Античности. Литераторы и ученые, которые следили за спором «древних» и «новых», сразу поняли, что эта книжка — еще один «снаряд» в арсенале последних.

Белое и черное, аристократия и чернь — эти два совершенно непохожих и непримиримых мира исповедовали совершенно разную культуру. Классицизм с его жеманством, искусственностью, в большинстве случаев оторванностью от жизни был антиподом народного фольклора. Обратив внимание на народные сказки, Шарль Перро открыто выступил на стороне народа, за которым он видел будущее. И он — как мы понимаем теперь — оказался провидцем.

*

Но что же Пьер Перро? Пока что речь шла все время о его отце. А между тем и сыну пришло время выйти на первый план. Тем более что он этого достоин.

Пьеру 19 лет. Он молод, красив, имеет изящные манеры и блестящее будущее. Он входит в блистательное окружение принцессы Орлеанской, любимой племянницы короля. Казалось бы, отличное начало!

Но затем след Пьера теряется. Его не видно ни возле отца, ни при дворе. И свои «Мемуары» отец пишет, не называя имен сыновей.

Что же случилось с Пьером?

Об этом стало известно лишь в 1960 году, когда в распоряжение исследователей попали различные неизвестные ранее документы, касающиеся Шарля Перро, — несколько нотариальных актов за его подписью. Все они в основном касались финансовых сделок по недвижимости.

«Но три документа представляли особый интерес, — пишет профессор Марк Сориано, — ибо содержали в себе некую тайну, касающуюся младшего сына Перро Пьера. Они датированы 1697 и 1698 годами и представляли собой сделки с некоей Мари Фурье, вдовой столяра Колля. Речь в них идет о сумме в 2 тысячи ливров, на которые она могла рассчитывать со стороны Пьера Перро, младшего сына Шарля Перро, чтобы покрыть расходы на лекарства, лечение, похороны и поминание ее сына Гийома Колля».

Что же произошло на самом деле?

Как оказалось, младший сын академика Перро заколол шпагой одного из своих соседей, одноклассника, единственного сына матери-вдовы.

Случилось это в конце марта или в самом начале апреля 1697 года. Юный Гийом Колль, сын Мари Фурье, вдовы столяра Колля, которая, как и семья Перро, живет на площади Фурси, тяжело ранен Пьером Перро и, несмотря на тщательный уход, умирает.

Шарль Перро берет дело в свои руки. Он не отрицает ответственности своего сына и предлагает 2 тысячи ливров компенсации, что является значительной суммой. Вдова соглашается, и договор, подписанный в апреле 1697 года обеими сторонами, утверждает это соглашение.

Казалось бы, дело удалось замять? Как бы не так. По совету одного из своих родственников (фамилия одного из прокуроров, участвующих в деле, — Фурье) вдова передумывает и отказывается принять вышеупомянутые 2 тысячи ливров.

26 сентября имущество Шарля Перро описано господами Лестром, Армевилем и Нурисоном по приказу лейтенанта от 9 сентября.

3 октября Перро подает устное ходатайство, требуя возвращения своего имущества, а 18 ноября относит 2 тысячи ливров нотариусу Фишеру. Но Мари Фурье, вдова Колля, по-прежнему отказывается их принять и продолжает преследование академика.

...Весь 1697 год, а затем и три последующих проходят в бесконечных тяжбах. И вдруг уголовное дело прекращается... в связи со смертью

главного обвиняемого. Избравший к тому времени военную карьеру Пьер Перро погибает безвестным в возрасте 21 года.

Марк Сориано тщательно рылся в архивах, изучал документы, связанные с убийством Гийома Колля, но главного из них — протокола участкового комиссара с места события — так и не нашел. А ведь любое следствие начинается с рапорта комиссара о жалобе истца.

«Отсутствие протокола участкового комиссара в архивном деле, несомненно, может быть объяснено случайностью, — пишет парижский профессор. — Но точно так же нельзя исключать гипотезу непосредственного вмешательства Шарля Перро. Сын и брат адвоката, сам адвокат, введенный в круг высших должностных лиц юстиции и управления, не мог ли он повлиять на исчезновение из архивов такого документа, который делает неприятным воспоминание о его сыне и который мог бы стать ключом к загадке?»

Не лишне отметить, что Шарль Перро, долгие годы живший на площади Фурси, никогда не пользовался услугами ни столяра Мартена Колля, ни его вдовы. Следовательно, стычка между Пьером и Гийомом Коллем носила сугубо личный характер.

Чем она была вызвана, мы не знаем. Но эта стычка не только оборвала карьеру Пьера Перро, но и нанесла сокрушительный удар по его отцу.

Главное же — с этого времени заканчиваются его сказки.

Между 1691 и 1693 годами Шарль написал их три — в стихах. В 1695 году написаны уже восемь сказок в прозе, еще три созданы между 1695-м и октябрём 1696 года — в то время, когда начинает печататься основной сборник.

Начиная с 1697 года сказок больше нет...

*

В 1697 году вышел в свет 4-й том книги «Параллели между древними и новыми в отношении искусств и наук». В нем был помещен пятый диалог — об астрономии, географии, навигации, философии, музыке и медицине.

Довольно равнодушно взял в руки этот том Шарль Перро, хотя, можно сказать, этот диалог ставил точку в старом споре. Ибо приведенные Шарлем Перро факты окончательно показывали несостоятельность тезиса Буало о том, что античный мир воплощал высшую гармонию природы и культуры и служил идеальным зеркалом современной цивилизации.

Рассматривая достижения современной ему науки, Шарль Перро

показывал, какая пропасть отделяет эти два мира.

Вот что, например, он писал о римском писателе и ученом-энциклопедисте Марке Теренции Варроне, которого столь восхваляли «древние»:

«Скажите, пожалуйста, что собой представляли познания этого римлянина по сравнению с познаниями наших ученых? Подумайте о том, что он вряд ли проникал мыслью сквозь тьму грядущего тысячелетия, что ему не была известна и сотая часть земного шара и что нет почти ни одного искусства и ни одной науки, границы которых не были в его время в десять раз более узкими, чем теперь. Правда, Варрон знал все, что можно было знать, как о том согласно свидетельствуют древние, но разве сравнимо то, что можно было знать в его время, с тем, что известно в наши дни, когда за семнадцать с лишним веков, прошедших с тех пор, накопилось столько предметов изучения, разъяснено столько темных и прежде неведомых явлений, сделано столько новых открытий во всех частях света, а равно в науках и искусствах? Подумайте хорошенько об этом и судите сами, как велика ваша пристрастность в отношении к древним».

Страницей ниже Перро писал:

«...Я признаю великую заслугу древних, которые были изобретателями искусств. Как таковые, они достойны всяческих похвал и бесконечного уважения. Изобретатели, как сказал Платон, или мог бы сказать, потому что это в его стиле, занимают среднее место между богами и людьми и часто даже причислялись к богам за то, что изобретали чрезвычайно полезные вещи... А если бы мы захотели поближе рассмотреть эти первые (вещи)... то увидели бы, что те, кто их создал, в сущности, не были их изобретателями, а научились архитектуре у различных животных, например, у бобров, чьи постройки в тысячу раз прочнее и искуснее, чем первые жилища людей, и что ореховая скорлупа, плывущая по воде, быть может, послужила образцом для первой лодки. Точно так же обстоит дело и с ткачеством, в котором люди были учениками паука, и с охотой, всем хитростям которой научили их волки и лисы, причем прошло очень много времени, прежде чем люди стали так же умело, как они, гнать зверя. Из этого видно, что честь первого изобретения не так велика, как обычно думают...»

«„Спор о древних и новых“, — пишет В. Я. Бахмутский в предисловии к русскому переводу книги „Спор о древних и новых“, — это рубеж, отделяющий семнадцатый век от восемнадцатого, и одновременно мост, их связующий... История развития европейской культуры нам обычно представляется не непрерывной, а прерывистой: Ренессанс, Классицизм,

Просвещение, Романтизм и т. д. Это и неудивительно. Прежде чем появится тот или иной яркий культурный феномен, должно возникнуть „силовое поле“ новой культуры, но процесс его формирования обычно ускользает от нашего взора. „Спор древних и новых“ в этом отношении представляет особый интерес. В нем можно увидеть то, что уловить обычно бывает труднее всего, — как формируется „силовое поле“ новой культуры, культуры XVIII столетия».

1698 год

Два длинных года — 1697-й и 1698-й — Перро проводил большей частью в суде. Вдова Колля наложила секвестр на предварительный акт на движимое имущество и дома Шарля Перро. Секвестр этот мог быть снят только после судебного рассмотрения преступления его младшего сына.

Кабар де Виллерон в письме к Мишелю Бегону признавал, что Шарль Перро стоит перед серьезной юридической проблемой. Из-за этого он вынужден был даже задержать завершение 2-го тома «Замечательных людей Франции».

Рукопись, почти готовая к изданию, лежала на столе академика, а рядом с ней — большая стопка прекрасных гравюр из коллекции Мишеля Бегона. С каким увлечением он работал над этой книгой!.. Но вот на время все замерло.

По-настоящему его интересовало только то, что касалось дела его сына Пьера. Так, он посетил своего друга канцлера Академии Бюшера, чтобы обсудить с ним с глазу на глаз вопрос об освобождении его сына от наказания.

Бывший министр юстиции тепло принял старого друга и внимательно выслушал подробности дела, в котором обещал помочь. Однако только в ноябре Бюшер добился освобождения Пьера. А 9 ноября вдова Колля наконец согласилась на компромисс и подписала составленный Шарлем Перро еще 4 апреля прошлого года документ, от которого все время отказывалась.

*

Между тем «Сказки матушки Гусыни» были переизданы в Голландии. Готовилось их издание в Германии. Благодаря этой книге мода на сказки во

Франции выросла до невероятных размеров. В 1698 году выходят сразу несколько сборников: «Новые сказки во вкусе феи» графини Мари Катрин де Онуа, «Новые сказки фей» графини де Мюра, «Тирания разрушения фей» графини де Оне, «Феи, сказки сказок» мадемуазель де ла Форс, «Мои сказки» аббата де Прешак. Как пишет русский исследователь творчества Шарля Перро Николай Андреев, сборник Перро «послужил как бы сигналом к выступлению целой группы „сказочников“. Правда, у всех этих „сказочников“ линия несколько другая, чем у Перро».

У графини де Онуа, сказки которой — в частности, такие как «Красавица золотые кудри», «Лесная лань», «Голубая птица» — приобрели особенную популярность, четко проявляется тяготение к салонному стилю и превращению довольно примитивных в основе своей сказок в сложные литературные повести; таков же характер рассказов графини де Мюра и мадемуазель де ла Форс. От подлинных сказок у двух последних авторов нередко остаются лишь отдельные мотивы, своеобразно использованные и переплетенные; в значительной степени они опираются на литературные источники.

Графиня де Оне, со своей стороны, стремится придать своим сказкам своеобразный педагогический характер: фантастику сказок она растолковывает рационалистически, объясняя все «чудеса» могуществом человеческого разума, проникающего в самые глубокие тайны природы.

Наконец аббат де Прешак вносит в свое изложение некоторые ноты сатиры и скептицизма по отношению к самому сказочному материалу.

На фоне всех этих салонных сказок народные сказки отца и сына Перро выделялись своей простотой, чистотой и законченностью. Правда, их оценят не скоро: в течение всего XVIII века графиня де Онуа будет считаться лучшей сказочницей Франции, и лишь затем сказки Шарля и Пьера Перро потеснят, а затем и затмят ее славу.

1699 год

После освобождения от обвинения Пьер Перро, поступивший на военную службу, уехал в армию. Отец остался с двумя старшими сыновьями.

Но удар, нанесенный ему младшим и любимым сыном, оказался смертельным. Сильный, энергичный человек становится малоподвижным. Одно лишь он продолжает — писать! Писатель до мозга костей, он не мог оставить перо.

«До последнего дыхания, — отмечает Марк Сориано, — он продолжал рифмовать стихи и поэмы, надеясь — кто знает? — вновь завоевать пост, с которого когда-то был несправедливо удален».

В этом году произошло значительное литературное событие. Франсуа де Салиньяк де Ла Мот Фенелон издает повесть «Приключения Аристоноя» и философско-утопический роман «Приключения Телемака».

Роман вызвал огромный интерес. Герой его знакомится с разными типами государственного устройства. Сам автор отстаивает принципы просвещенной монархии, что сделало книгу чрезвычайно популярной в эпоху Просвещения: ее изучали философы, монархи других стран. В романе Фенелона содержалась критика деспотизма и связанных с ним захватнических войн, религиозной нетерпимости, были выведены образы дурных правителей, временщиков, фавориток. Красочность картин и изысканность языка романа особенно привлекали читателя.

Николя Буало был в восторге от романа. Его особенно привлекло в нем то, что сюжет романа был заимствован из античной мифологии и древней истории. Он писал Броссету: «...эта книга в высшей степени прелестна. Это подражание „Одиссее“, которое я одобряю... Жадность, с которой читают роман, показывает, что если Гомера переводят хорошим слогом, то он производит тот эффект, который должен произвести и который всегда производил».

Перро также с интересом прочитал «Приключения Телемака». Между прочим, он заметил в нем то, на что Буало, очевидно, не обратил внимания: в споре между «древними» и «новыми» Фенелон старался сохранить нейтралитет. Перро подчеркнул некоторые фразы в книге и показал их Фонтенелю. Тот рассмеялся от души: «Надо же так уметь сидеть на двух стульях».

Весь Париж зачитывался «Приключениями Телемака», а двор был возмущен книгой. Еще бы! Людовик увидел в ней критику своей собственной политики. Скоро Шарль узнал, что Фенелон был выслан в свою епархию в Камбре.

...А весной умер Жан Расин.

Ничто не предвещало такого исхода. Расин был весел, бодр, много писал и постоянно общался с королем. Должность историографа короля, дружеские связи со знатью, огромные авторские успехи доставили ему большой вес при дворе.

Случалось иногда, что король, находясь у госпожи Ментенон без министра, в дурное время года, скучая от того, что нельзя было прогуляться, или оттого, что не было важных занятий, приглашал Расина

побеседовать с ним и своею фавориткой в маленьком домашнем кругу. К несчастью, Расин был, как и все поэты, весьма рассеян.

Однажды, когда он сидел с королем и госпожой де Ментенон у камина, разговор зашел о парижских театрах, и после оперы перешли на комедию. Король, с давнего уже времени не посещавший спектаклей, расспрашивал о пьесах, которые тогда играли, об актерах, которые их представляли, и спросил у Расина, отчего комедия так упала с той степени совершенства, на которой она была прежде. Расин представлял многие весьма основательные тому причины и между прочими — недостаток авторов.

— По этой причине, — говорил он, — за недостатком хороших пьес, должны играть старинные, и в особенности пьесы Скаррона, которые никуда не годятся и только лишь удаляют публику от театра.

При этих словах госпожа де Ментенон покраснела. Но не оттого, что задела литературную славу ее бывшего мужа, а оттого, что в первый раз в течение пятнадцати лет это имя было произнесено перед вторым ее супругом. Выходка эта была так груба, что даже сам король смеялся. Он ничего не отвечал, и так как госпожа де Ментенон со своей стороны тоже молчала, то за этим справедливым замечанием поэта последовало такое ледяное молчание, что несчастный Расин понял, в какую бездну он готов был низринуться. Поэтому он смеялся более, чем они оба, не смел ни поднять глаз, ни открыть более рта. Это молчание продолжалось несколько минут — так велико было смущение. Наконец король первым прервал молчание, отпустив Расина под предлогом, что ему надобно заняться делами. Расин ушел совершенно потерянным, добрался кое-как до комнаты Кавоа, своего друга, и рассказал ему, какую он сделал глупость. Поправить уже ничего было нельзя. С этого времени ни король, ни госпожа де Ментенон не только не приглашали к себе Расина, но и не говорили с ним, и не смотрели на него более. Великий поэт впал в такую глубокую печаль, что пришел в совершенное изнеможение и с этого времени думал уже только о спасении своей души.

Он умер 22 апреля 1699 года, завещав, чтобы его похоронили в Порт-Ройаль де Шам, ибо желал и по смерти своей быть в сообществе со знаменитыми отшельниками, с которыми он до последней минуты, несмотря на мирскую жизнь свою, поддерживал отношения.

*

И в этом же году погиб Пьер Перро. Погиб в бою, проявив отчаянную

храбрость. Как рассказали потом его товарищи, Пьер словно искал смерти. Он рвался в самую гущу боя...

В журнале «Галантный Меркурий» был помещен короткий некролог, в котором сообщалось, что автор книги «Сказки матушки Гусыни» умер.

До 1724 года книга сказок выходила под авторством Пьера де Арманкура. А затем это имя исчезло с обложки, и его заменило имя отца.

В чем же причина смены автора?

Очевидно, в авторитете старшего Перро, академика Франции. Сын ушел из жизни рано, и следов его почти не осталось. Отец же создал немало талантливых произведений, его имя было широко известно, а это было немаловажно для книгопродавцев.

Но пришла пора восстановить справедливость и поставить на титуле книги два имени — отца и сына.

...Гибель Пьера совсем подорвала здоровье отца. Если бы не друзья и старшие сыновья, он бы вскоре зачах. Аббат Данжо, Бернар Фонтенель, Мишель Бегон, друзья-академики старались хоть как-то отвлечь Перро, заставить его взяться за работу. И когда Шарлю удалось все-таки издать свою книгу переводов басен Фаэрна, аббат Данжо был рад не столько тому, что эта книга была посвящена ему лично, сколько тому, что его старый друг увидел напечатанным свой труд. И он вытащил Перро в свой детский дом, и автор прочитал новые басни детям.

Отвлекала дядю и «маленькая Лери» — Леритье де Виллодон. Она подарила Шарлю новый сборник своих сказок — «Смешанные произведения», где сказки были написаны и в стихах, и в прозе.

Лери заставила дядю с племянниками съездить в замок Розье. Это уже было теплой осенью. Шарль Перро бродил по знакомым местам. Бродил один там, где когда-то они гуляли с Пьером... И грусть снова захлестнула его...

1700 год

Огонь пылал в камине, озаряя переплеты двух больших окон, шкаф из черного дерева, стены, покрытые кордуанскими кожаными золототисненными обоями, высокие кресла, квадратный стол у стены с темно-зеленой бархатной скатертью, с открытым романом Сервантеса «Дон Кихот» и граненым кувшином. На стене висел портрет Людовика XIV работы Ле Брена.

Над камином в мраморных изваяниях порхающие птицы клевали

виноград и крылатые обнаженные младенцы — не то христианские ангелы, не то языческие амуры — плясали, играя орудиями Страстей Господних — гвоздями, копьем, тростью, губкой и терниями. Они казались живыми в розовом отблеске пламени.

Вьюга выла в трубе камина, но в комнате было тепло и уютно. Шарль сидел у камина в глубоком кресле и читал письмо Николя Буало. Оно его опечалило. Законодатель литературных традиций так и не понял, что его время ушло. Жизнь идет вперед, и античная культура устаревает с каждым новым оборотом Земли вокруг Солнца, а вместе с ней устаревают и те произведения, которые на нее опираются.

Впрочем, Шарль не был слишком огорчен. Раньше это письмо вызвало бы в его душе бурю эмоций, он схватил бы перо и стал взволнованно искать слова ответа; а сейчас душа и сердце его были пусты и он не собирался чинить перья. Он медленно сложил листки вместе и решил прочитать письмо сначала:

«Сударь!

Так как публика знает о наших былых ссорах, следует ее оповестить и о нашем примирении; пусть ей будет известно, что эта распря на Парнасе похожа на столь мудро запрещенные предусмотрительностью короля дуэли, когда противники ожесточенно дрались, иногда нанося друг другу тяжелые увечья, а потом обнимались и становились искренними друзьями. Наша грамматическая дуэль окончилась еще благороднее, и я могу сказать, — если мне будет разрешено процитировать Гомера, — что мы поступили подобно героям „Илиады“, Аяксу и Гектору, которые после жаркой схватки, в присутствии греков и троянцев, превозносили один другого и обменивались дарами. Действительно, сударь, наш спор еще не пришел к концу, когда вы оказали мне честь, прислав свои сочинения, а я позаботился поднести вам свои. Мы тем более напоминаем героев поэмы, столь мало для вас привлекательной, что, обменявшись любезностями, остаемся верными нашим убеждениям и вкусам, а именно: вы продолжаете не слишком высоко ставить Гомера и Вергилия, а я по-прежнему их страстный поклонник. Вот об этом и нужно поставить публику в известность; имея в виду эту цель, я вскоре после нашего примирения сочинил эпиграмму, которая быстро распространилась и, надо думать, дошла и до вас. Вот она:»

Тишиною непривычной
Удивлен поэтов клир:
Депрео архиантичный
И Перро непиндаричный

Заклучили долгий мир.
Пусть они в пылу сраженья
Дали волю злым словам —
На взаимном уваженье
Кончить спор легко врагам.
Лишь одно неясно нам:
Как поладит бедный зритель
И Прадон, его мучитель?

Перро дочитал до этого места и усмехнулся: Буало никак не может простить Прадону той роли, которую он сыграл в провале «Федры» Расина. И еще того, что Прадон тоже выступил против десятой сатиры Буало в 1694 году.

Перро вновь обратился к письму:

«...Сударь, по этим стихам, где искренне выражены мои чувства, вы можете судить о различии, которое я делаю между вами и сочинителем трагедий, чье имя послужило мне для заострения конца эпиграммы. Нет человека, менее похожего на вас, чем он.

Но теперь, когда между нами восстановлены дружеские отношения и нет ни тени враждебности и горечи, позвольте мне, как вашему другу, спросить у вас: какие причины побуждали вас в течение столь долгого времени гневаться и нападать на самых прославленных авторов древности?.. Действительно, что именно вы стараетесь установить в ваших многочисленных поэмах, диалогах и рассуждениях о древних и современных писателях? Не знаю, правильно ли я понял вашу мысль, но мне кажется, что она сводится к следующему. Вы стремитесь доказать, что наш век, или, точнее говоря, век Людовика Великого, по достижениям в области всех искусств и по расцвету изящной словесности не только может сравниться со всеми самыми блестящими веками древности, даже с веком Августа, но и превосходит их. Вам это может показаться странным, но я должен сказать, что полностью с вами согласен и что, если бы мои недуги и многочисленные занятия не отнимали всего моего времени, я охотно взялся бы за перо, чтобы подтвердить это положение. Правда, я употребил бы иные доказательства, чем вы, потому что у каждого свой способ доказывать, и, кроме того, внес бы ряд оговорок, не сделанных вами.

Из всего вышеизложенного вам должно быть ясно, сударь, что, в сущности, мы придерживаемся одинаковых взглядов на то уважение, которое должно быть оказано нашей стране и нашему веку, только

рассуждаем на этот счет неодинаково. И, нападая на „Параллели“, я нападаю не на содержащиеся в них мысли, а на высокомерную и презрительную манеру, с которой ваши аббат и шевалье говорят о писателях, достойных, с моей точки зрения, даже когда мы их укоряем, высочайшего и почтительного уважения и восторга. Таким образом, чтобы упрочить наше согласие и в корне уничтожить повод для возможных распрей, нам обоим следует теперь окончательно излечиться: вам — от чрезмерного желания унижать славных писателей древности, мне — от излишней склонности бранить дурных или даже посредственных писателей нашего времени. И к этому мы должны приложить все наши усилия.

...Вот, сударь, о чем мне хотелось поставить в известность публику. А для того чтобы она была досконально обо всем осведомлена, я имею честь писать вам это письмо, которое не премину напечатать в новом издании моих сочинений, как в большом, так и в малом.

...Остаюсь, сударь, вашим и т. д.

Николя Буало, 1700 год».

...Перро свернул письмо Буало, перевязал его розовой ленточкой и положил в шкатулку, где лежали важные бумаги.

Подошел к окну. Метель замела площадь Фурси. На мрачном небе не мерцали звезды. Тяжелые тучи нависли над Парижем. Давно здесь не было такой зимы. Посреди площади у пылающих костров грелись, весело переговариваясь, конюхи, дворники и два носильщика портшеза: видно, принесли в один из домов какого-то вельможу.

Группа молодежи пробежала по площади, бросаясь снежками. Перро подумал о сыновьях: Шарлю-Самюэлю уже двадцать пять, Шарлю — двадцать четыре. Молоды они еще обзаводиться семьями, а он так бы хотел побаловаться с внуками... И вздохнул: наверное, не удастся. Сильно сдало здоровье. А оно нужно ему еще для одного дела. Он так мало говорил с сыновьями о родословной семьи, о своем отце, братьях, о деде-торговце.

Сколько лет уже украшает Лувр колоннада, созданная талантом его брата Клода, а завистники не признают его авторства и приписывают его Ле Во!

Потому он и собрал все рисунки колоннады Лувра, сделанные рукой Клода, чтобы и его сыновья Шарль-Самюэль и Шарль, и все его племянники знали, что колоннаду Лувра построил Клод Перро!

Шарль подошел к одной из полок и снял с нее пачку плотных листов. Медленно перелистал альбом рисунков «машин», изобретенных Клодом. Альбом он уже подготовил к изданию.

Но всего этого мало. Шарль решил писать «Мемуары», да вот только никак не может настроиться...

Академик позвонил в колокольчик. Вошел слуга.

— Передай камердинеру, Жан, чтобы он подготовил к утру мой костюм. Я завтра иду в Академию.

— Слушаюсь, — ответил слуга и с поклоном вышел. А Перро крикнул ему вдогонку насчет парика...

Завтра он читает в Академии свою новую поэму. Он должен быть в форме. Пусть все видят, что Перро не сдался!

1701–1702 годы

В этом году началась война за Испанское наследство, которая продолжится долгих 13 лет.

Заклячая Рисвикский мир в 1697 году, Людовик XIV был уверен, что вскоре вознаградит себя крупными приобретениями за счет испанской короны. Последний представитель испанской ветви Габсбургов Карл II умер в 1700 году, не оставив мужского потомства. Кроме Бурбонов на его наследство могли претендовать лишь австрийские Габсбурги. Но в результате интриг французской дипломатии Карл II перед смертью завещал все свои владения французскому претенденту — но не сыну Людовика XIV, а его второму внуку Филиппу Анжуйскому, и с тем условием, чтобы испанская и французская короны никогда не соединялись в одних руках.

Однако Людовик XIV не намеревался соблюдать на деле эту оговорку. Как только его внук под именем Филиппа V был провозглашен в Мадриде испанским королем, Людовик XIV стал от его имени управлять Испанией и испанскими колониями. Ему приписывали слова: «Нет больше Пиренеев!»

Англия и Голландия стали требовать от Людовика предоставления им торговых привилегий в испанских колониях и во французских владениях в Индии, но Людовик отверг эти требования. Тогда эти две страны поддержали претензии императора Леопольда I Габсбурга на испанский престол. Так началась война за испанское наследство, которая велась Францией против коалиции почти всех западноевропейских держав. Эта война принесла Франции тяжкие поражения и неисчислимые народные бедствия...

Шарль Перро спешит воспеть мудрость своего короля. Он пишет «Оду королю Филиппу Испанскому» и передает ее в Версаль, зная, что это произведение обязательно попадет в руки Людовика XIV. Тогда же им была

написана сказка «Сахарный тростник», связь которой с современными ему событиями была очевидной: сахар, этот прекрасный пищевой продукт, поступал во Францию из испанских колоний.

И король вновь заметил своего верного слугу. В 1701 году Шарль Перро возвращается на пост председателя Академии Франции. Он сразу же обращает внимание академиков на «Всеобщий словарь французского языка», который нуждается в доработке. По его мнению, необходимо разработать основные правила грамматики.

В этом году выходят из печати «Сочинения» Николя Буало, и в одном из томов, как и обещал автор, помещено «Письмо к господину Шарлю Перро, члену Французской академии».

Перро удовлетворен.

*

Однажды вечером, запершись в кабинете, Шарль приступил к работе над последней в своей жизни книгой. Он взял давно приготовленный белый плотный лист бумаги и вывел в верхней части слова:

«Воспоминания о моей жизни»

И ниже:

«Книга первая...»

Он начинает писать «Мемуары». Это нужно не только его сыновьям. Он пишет «Мемуары» и для своих врагов, которые вылили на него столько ушатов грязи. Он хочет оправдаться.

Старый академик и на краю могилы все еще защищается. Он больше двадцати лет занимал ответственный пост, на котором нажил много недругов. Он взялся за «Мемуары» за несколько месяцев до смерти и боялся, что не успеет их закончить.

Перро стремится обелить и своего брата Клода, и самого себя. Как считает профессор Марк Сориано, в его «Мемуарах» очень много заведомо неточного и тенденциозного.

«Эти знаменитые „Мемуары“, — пишет он, — являются увлекательными и захватывающими как из-за того, что в них говорится, так и из-за того, что они прячут; как из-за точных сведений, которые они содержат, так и из-за тех, которые искажены».

Основываясь на собственных сочинениях Перро, в том числе и написанных им в пору его молодости, а также на произведениях других авторов, сегодня можно вычленил в «Мемуарах» академика то, что он

скрыл или изобразил в явно приукрашенном свете. Но в целом степень его тенденциозности и искажения фактов не слишком велика и обычна для такого рода литературы.

Шарль Перро назвал свои «Мемуары» — «Воспоминания о моей жизни» и разделил их на четыре книги, каждая — не больше двадцати страниц.

В первой книге он рассказал о своей юности, о первых литературных произведениях, написанных вместе с братьями, раскрыл причину написания Блезом Паскалем знаменитых «Провинциальных писем», говорил о своей работе с Кольбером, особенно выделяя работу в Малой академии.

Вторую книгу Перро посвятил деятельности Клода по созданию галереи Лувра.

Третья книга повествует о деятельности Перро-академика.

В четвертой книге говорится о том, как его брат Пьер был отстранен от должности, о женитьбе самого Шарля и о последних его литературных произведениях.

И удивительное дело: ни слова о сказках! Будто и не было их в его творчестве! Слово и не имела головокружительный успех книга «Сказки матушки Гусыни...»!

Почему Шарль ни слова не сказал о своем вкладе в книгу, на обложке которой стояло имя его сына? Почему сказкам он не захотел уделить столько же внимания, сколько уделил брату Клоду, когда отстаивал его авторство колоннады Лувра?

Может быть, потому, что никто не оспаривал авторство Пьера? Или он не хотел трогать кровоточащую рану?

Или еще проще: потому, что и сам не разглядел высшего своего достижения?

Как говорил профессор Марк Сориано, «мы пришли к Перро через сказку». И жив он в веках благодаря этой маленькой книжке. Так почему же хотя бы одним абзацем он не подчеркнул открытия им нового литературного жанра?

Это еще одна нерешенная загадка в жизни Шарля Перро. Сколько же их еще осталось нерешенными?

Шарль Перро не готовил к публикации свои «Мемуары», и вместе с другими рукописями по его завещанию они оказались в библиотеке собора Парижской Богоматери. И только через двести лет, в 1909 году, Пауль Бонефон издал их.

1703 год — последний

Каждый умирает в одиночку.

Сколько бы ни было вокруг умирающих людей — он один на один встречается со смертью.

Могучий организм великого сказочника не выдержал крушения последней надежды и... сломался. Всю зиму и первые весенние месяцы болезни донимали академика. Казалось, они мстили ему за то, что он так долго их прогонял от себя.

В январе он последний раз посетил Академию и затем больше не выходил из дома. А когда в Париже стали цвести деревья, заголубело небо, подули теплые ветры, он умер. Это случилось 16 мая.

В письме к Броссету Буало сообщал:

«Что касается Перро, то я ничего не писал вам о его смерти, так как, говоря откровенно, она тронула меня лишь в той мере, в какой нас трогает смерть любого порядочного человека. Он не слишком хорошо принял письмо, которое я опубликовал в последнем издании своих сочинений, и я сомневаюсь, что он был им доволен. Тем не менее я присутствовал на службе, заказанной в его честь Академией, и сын господина Перро меня заверил, что, умирая, он поручил ему засвидетельствовать мне глубокое почтение и заверить, что остается моим покорным слугой».

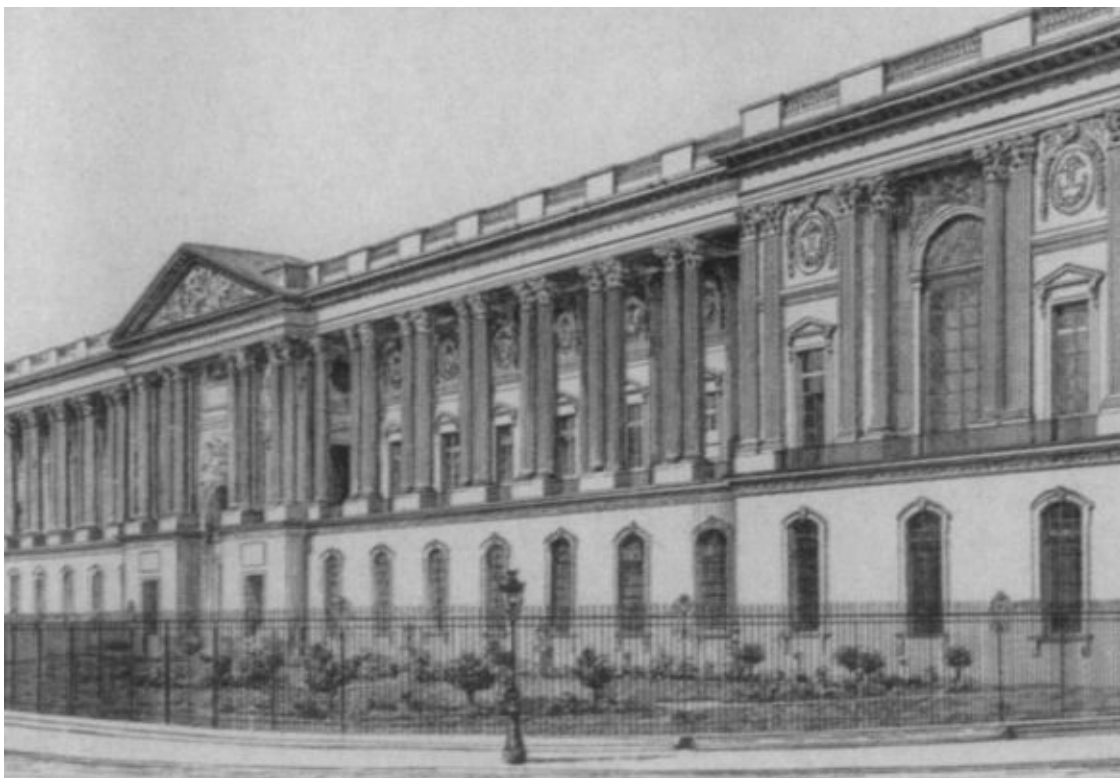
На белом свете остались жить два его сына. Они поставили красивый памятник отцу и приходили в положенные дни возложить цветы на его могилу.

А тот, кто остался лежать в земле, так и не понял, что с ним произошло. Он так и не осознал, что странное стечение исторических совпадений и личных несчастий произвело на свет — не в нем, а через него — странный, хрупкий, головокружительный шедевр, который оставил его имя в веках.

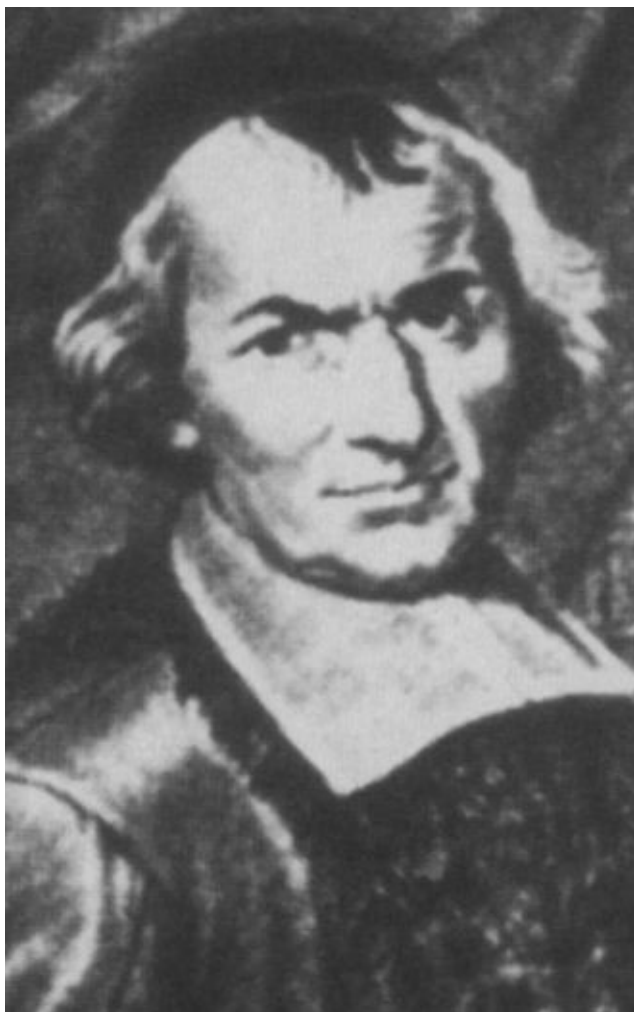
ИЛЛЮСТРАЦИИ

Клод Перро.

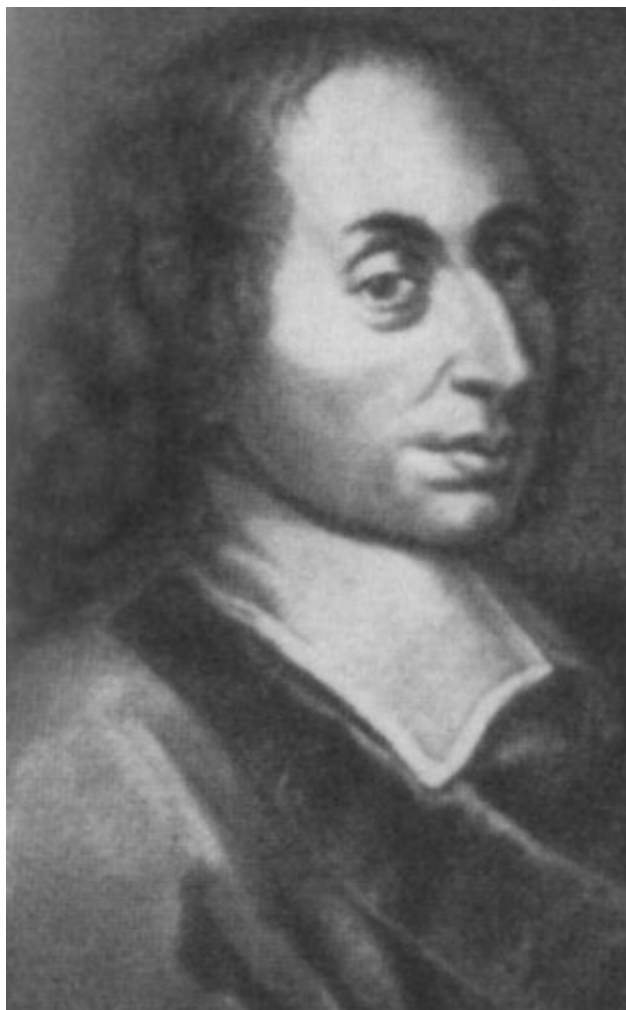
Колоннада Лувра. Фото начала XX в.

Антуан Арно.

Дом семьи Перро в поместье Пье-де-Фер. Ныне город Вири-Шатильон.

Блез Паскаль.

Людовик XIV. 1694.

Кардинал Мазарини.

Николя Фуке.

Генрих де ля Тур д'Овернь, виконт де Тюрени.

Маркиз де Лувуа, военный министр Людовика XIV.

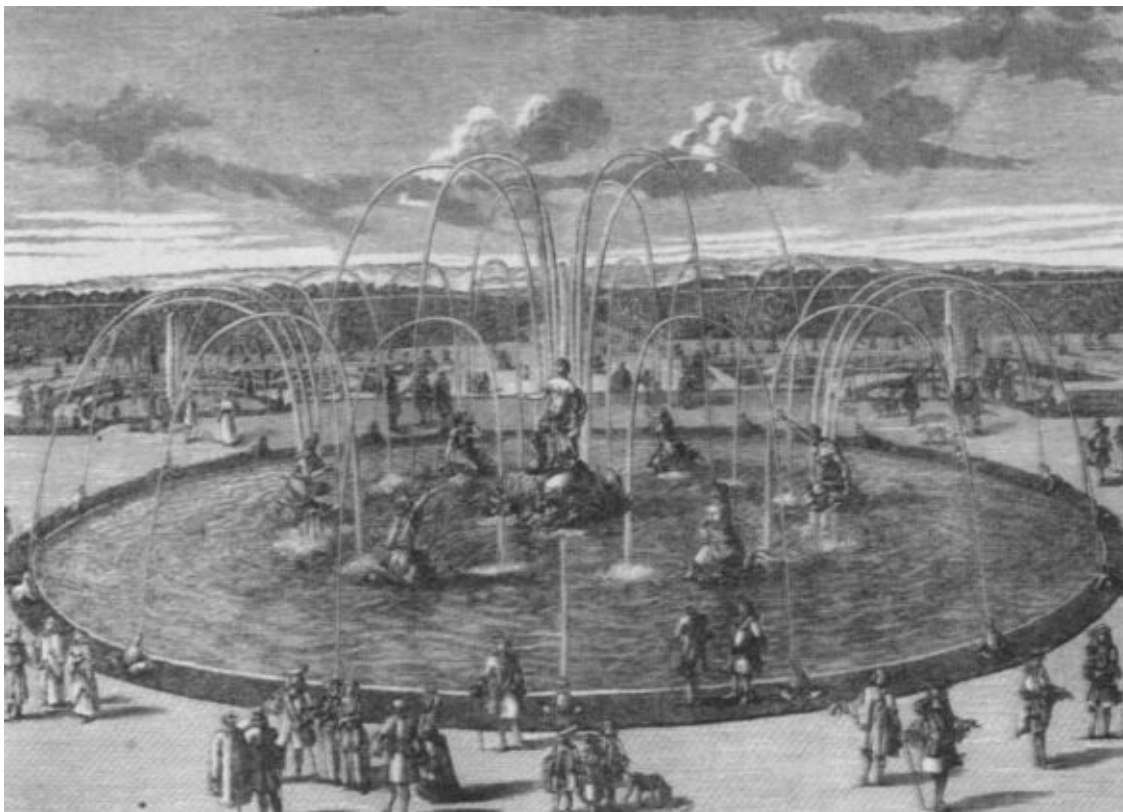
Шарль Ле Брен.

Королевский замок в Версале во времена Людовика XIV.

Луи Ле Во.

Версальский парк. Фонтаны и бассейн Латоны.

Госпожа де Ментенон.

Госпожа де Монтеспан.

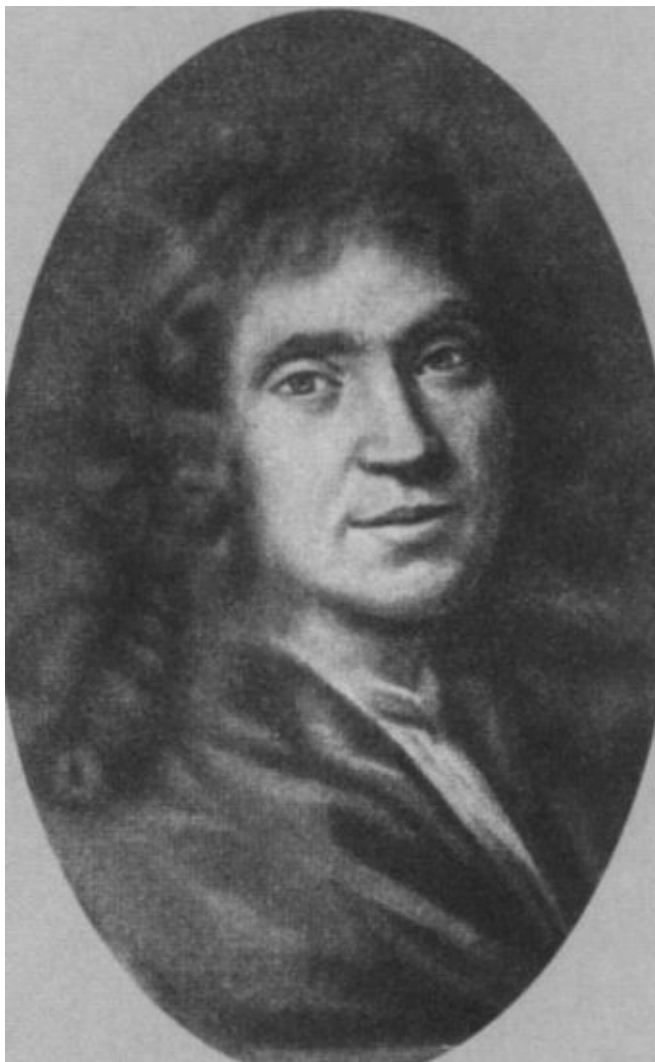
Жан-Батист Кольбер.

Николя Буало.

Пьер Корнель.

Мольер.

Жан Расин.

Шарль Перро, академик Франции. 1697.

Франсуа де Ларошфуко.

Жан де Лафонтен.

Мадам де Севинье.

Фонтенель.

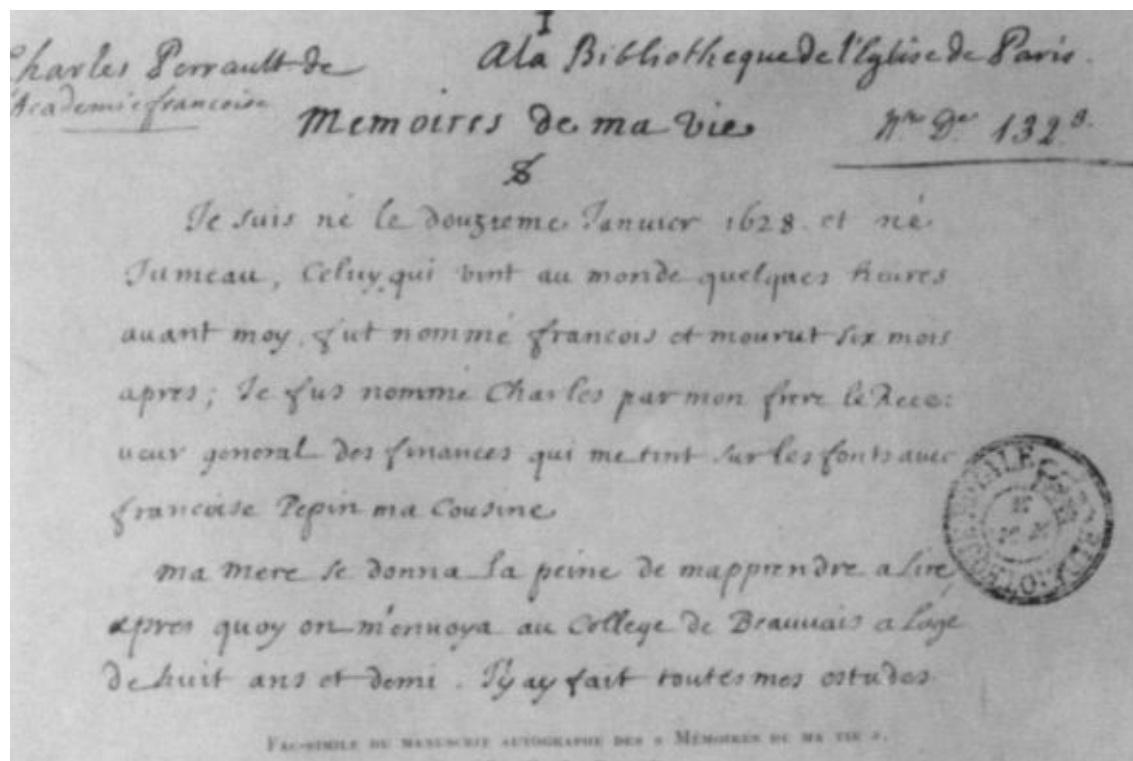
Девочка, пускающая пузыри. П. Миньяр.

Детство. Ж. Ро. 1710.

Фронтиспис «Сказок матушки Гусыни». Автограф Шарля Перро. 1695.

«Мемуары моей жизни». Автограф Шарля Перро.

Гравюры Гюстава Доре к сказкам Шарля Перро «Кот в сапогах»

и «Спящая красавица».

Гравюры Гюстава Доре к сказкам Шарля Перро «Красная Шапочка»

и «Мальчик-с-пальчик».

Фронтиспис «Мемуаров» Шарля Перро. Рисунок Ш. Ле Брена.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШАРЛЯ ПЕРРО

1628, 12 января — родился Шарль Перро.

1634–1644 — Ш. Перро проходит курс обучения в коллеже Бовэ, где учились и его старшие братья.

1641 — опубликована первая сказка Ш. Перро — «Любовь линейки и компаса».

1644 — Ш. Перро бросает учебу в коллеже Бовэ.

1648–1653 — Фронда во Франции. Последняя попытка феодальной знати остановить развитие абсолютизма.

1652 — умер Пьер Перро, отец Шарля.

1650-е — Ш. Перро работает адвокатом.

1654–1662 — Шарль большей частью живет и работает вместе с братом Пьером в селе Вири. Пьер покупает должность главного сборщика финансов Парижа, Шарль становится его приказчиком.

1657 — умерла Пакетт Леклерк, мать Шарля Перро.

1662 — умер Николя Перро, доктор Сорбонны, брат Шарля.

1662–1682 — Ш. Перро работает первым приказчиком министра финансов Франции Ж. Б. Кольбера, руководит вопросами строительства, культуры, фактически возглавляет Малую академию.

1663 — Ш. Перро в числе других членов Малой академии представлен королю.

1664–1665 — конкурс проектов фасада Лувра. Ш. Перро помогает брату Клоду выиграть конкурс.

1666 — Кольбер создает Академию наук. В числе ее первых членов — Клод Перро.

1669 — в Бордо умер старший брат Ш. Перро — Жан.

1671 — Ш. Перро принят в Академию Франции. Ему поручено возглавить работу над «Всеобщим словарем французского языка».

1672 — Ш. Перро женится на Мари Пишон.

1673 — у Ш. Перро родилась дочь Франсуаза.

1674 — выходит книга Н. Буало «Поэтическое искусство», ставшая эстетическим манифестом классицизма.

1675 — выходит «Сборник избранных произведений» Шарля Перро.

В том же году у Ш. Перро родился сын Шарль-Самюэль.

1676 — у Ш. Перро родился сын Шарль.

1678 — у Ш. Перро родился сын Пьер.

Умерла жена Ш. Перро Мари Пишон. Ш. Перро — председатель Академии Франции.

1682 — Ш. Перро вынужден уйти в отставку.

1682–1688 — Ш. Перро разрабатывает методы воспитания своих детей.

1683 — умер Ж. Б. Кольбер.

1684 — исключен из числа академиков Антуан Фуретье, который на материалах, подготовленных академиками, составил собственный «Словарь французского языка» и добился привилегии на его издание.

1685 — начинается увлечение Ш. Перро сказками.

1686 — в возрасте 13 лет умерла дочь Ш. Перро Франсуаза.

1687, 22 января — торжественное заседание Академии Франции по поводу выздоровления короля. Аббат Лаву прочел поэму Ш. Перро «Век Людовика Великого». Начало борьбы между «древними» и «новыми».

1688 — умер Клод Перро, брат Шарля. Ш. Перро публикует 1-й том книги «Параллели между древними и новыми».

1690 — выходит 2-й том книги «Параллели между древними и новыми».

1691 — опубликована сказка Ш. Перро «Гризельда».

1692 — выходит из печати 3-й том книги Ш. Перро «Параллели между древними и новыми».

Начинается сотрудничество Ш. Перро и М. Бегона по созданию книги «Знаменитые люди Франции».

1694 — Ш. Перро начинает переводить басни Фаерна для воспитанников детского дома аббата Данжо.

Ш. Перро публикует стихотворные сказки «Ослиная Шкура» и «Смешные желания».

Академия Франции поручает Ш. Перро написать «Письмо королю» по поводу окончания работы над «Всеобщим словарем французского языка».

Сын Ш. Перро Пьер по совету отца начинает записывать народные сказки.

1695 — выходит сборник стихотворных сказок Ш. Перро.

1696 — выходит том книги Ш. Перро «Знаменитые люди Франции».

28 октября — король дает Пьеру де Арманкуру-Перро исключительные права на издание книги «Сказки матушки Гусыни, или Истории и сказки былых времен с поучениями».

1697 — Пьер Перро убивает своего молодого соседа Гийома Колля. Начинается судебный процесс.

Выходит 4-й том книги Ш. Перро «Параллели между древними и новыми».

1698 — Ш. Перро покупает своему сыну Пьеру чин лейтенанта королевского полка дофина, и тот отправляется в действующую армию.

1699 — умер Жан Расин.

Погиб Пьер Перро, сын Шарля.

1702 — Ш. Перро за несколько месяцев до смерти пишет «Мемуары».

1703, 16 мая — умер Шарль Перро.

1724 — в издании книги «Сказки матушки Гусыни» авторство впервые приписано одному Шарлю Перро.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Perrault Charles. Contes / Textes établis et présentes par Marc Soriano. Paris, 1991.

Mémoires de la vie Charles Perrault voyage a Bordeaux (1669) / Publies par Paul Bonnefon. Paris, 1909.

Soriano M. La brosse a reluire sous Louis XIV («L'Épître au Roi» de Perrault annotée par Racine et Boileau). Paris, 1989.

Soriano M. Les Contes de Perrault. Culture savante et traditions populaires. Paris, 1968.

Soriano M. Le dossier Charles Perrault. Paris, 1973.

Soriano M. Charles Perrault. Dissertation. Paris, 1987.

Barchilon /., Flinders P. Charles Perrault. Boston, 1981.

Андреев Н. Сказки Перро // Перро III. Сказки матушки Гусыни, или Истории и сказки былых времен с поучениями. М., 1986.

Бойко С. П. Волшебная страна Пьера и Шарля Перро. М., 2002.

Борисов Ю. В. Дипломатия Людовика XIV. М., 1991.

Гульянц Е. Сказка о Золушке, балете и музыке. М., 1972.

Дюма А. Людовик XIV и его век. Т. 1–2. Ставрополь, 1992.

Жермена В., Клод В. Формирование французской нации (X в. — начало XIX в.). М., 1957.

История Франции. Т. 1. М., 1972.

История французской литературы. Т. 1. М., 1946.

Копосов Н. Е. Абсолютная монархия во Франции в XVI–XVIII вв. Л., 1984.

Копосов Н. Е. Высшая бюрократия во Франции XVII в. Л., 1990.

Кожокин Е. М. Государство и народ: От Фронды до Великой французской революции. М., 1989.

Коцюбинский С. Д. Начало разложения классицизма и подготовка просвещения // История французской литературы. Т. I. М., 1946.

Лопырева Е. Французская народная сказка // Французские народные сказки. М.; Л., 1959.

Люблинская А. Д. Французские крестьяне в XVI–XVIII вв. Л., 1978.

Малов В. Н. Жан Батист Кольбер: Абсолютистская бюрократия и французское общество. М., 1991.

Поршнев Б. Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой

(1623–1645). М.; Л., 1948.

Рогинская А. Е. Очерки по истории Франции (XVII–XIX вв.). М., 1958.

Спор о древних и новых. М., 1985.

Нелепин А. Сказки Франции // Французские сказки. М., 1988.

Пащук Я. И. Эстетические взгляды Ш. Перро и его сказки. Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Львов, 1971.

Пащук Я. И. Проблема труда в творчестве Ш. Перро // Тезисы докладов XXI научной сессии Черновицкого университета. Секция романо-германской филологии. Черновцы, 1965. С. 102–107.

Пащук Я. И. Актуальность и значение творчества Ш. Перро // Черновицкий университет. Черновцы. 1987. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 30 110 от 1.07.87 г.

Пащук Я. И. Стихотворные сказки Ш. Перро // Материалы XIX научной сессии Черновицкого университета. Черновцы, 1963. С. 45–47.

Французская литературная сказка XVII–XVIII вв. М., 1990.

Шаров А. Прекрасный и трагический мир Перро // *Шаров А.* Волшебники приходят к людям. М., 1985.

---

notes

Примечания

Перевод Я. И. Пашука.

Свои «Мемуары» Шарль Перро писал для собственных детей.

То есть «Галантный Меркурий» — журнал, в котором печатался Перро.